

ИЗ ГЛУБИНЫ СТОЛЕТИЙ

2-е издание

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2004

УДК 947.0
ББК 63.3(2Рос=Тат)+63.3(0)3/4
И 32

Составление, подбор иллюстраций, вступительные статьи, обработка текста и комментарий **Б.Л.Хамидуллина**

Рецензент: кандидат исторических наук **И.К.Загидуллин**

Научный редактор: государственный советник Президента Республики Татарстан по политическим вопросам, директор Института истории АНТ, кандидат философских наук **Р.С.Хакимов**

И 32 Из глубины столетий/Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л.Хамидуллина.— Казань: Татар. кн. изд-во, 2004.— 271с., с илл.

В этой книге собраны древние и средневековые произведения и документы, отражающие отдельные моменты этнополитической истории тюрко-татар за период с рубежа н.э. до середины XVI в. Источники представлены в научно-популярной форме и по возможности снабжены комментариями, что делает сборник доступным для самого широкого круга читателей.

Издание посвящено 1000-летию города Казани.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тагиров И.Р.</i> Предисловие	4
От составителя	8
Страбон об азиатских скифах	9
Сыма Цянь о хуннах	13
«Цзинь-шу» о «северных варварах Сюнну»	22
Иордан о скифах, гуннах и булгарах	25
Аттила в «Песне о Нибелунгах»	38
Тюркские рунические письмены	55
Ибн Фадлан о народах Восточной Европы	69
Константин Порфирородный о «северных скифах»	88
Ал-Гарнати о гузах, печенегах, хазарах и булгарах	98
Ипатьевская летопись о событиях 1185 г.	101
Рашид-ад-дин о древних татарах	106
Рашид-ад-дин. Назидательные речи Чингис-хана	113
Джувейни о монгольском войске	120
Никоновская летопись о событиях в Восточной Европе в начале XIII в.	122
Ибн ал-Асир о походах монголо-татар	129
Суздальская летопись о нашествии «татар»	133
«Краткие сведения о черных татарах» Пен Да-я и Сюй Тина	137
Известия Юлиана о венграх, булгарах и татарах	148
Письмо Иоганки, содержащее сведения о татарах (1320 г.)	157
Посольство Ашелина к татарам	160
Плано Карпини. «История монгалов»	169
Ал-Омари о кипчаках и татарах, о Золотой Орде и Булгаре	181
Ибн Баттута о Золотой Орде	186
Ермолинская летопись о «Куликовской битве»	201
Низам-ад-дин Шами о войне Тимура и Тохтамыша	203
Клавихо о Тимуре, Тохтамыше и Идегее	207
Иоганн Шильбергер о Татарию	209
«Казанский летописец» о Золотой Орде, Большой Орде и «царстве Казанском»	214
Софийская II летопись о событиях 1480 г.	229
С.Герберштейн о татарах Восточной Европы в XVI в.	235
А.М.Курбский о завоевании Казани в 1552 г.	253
Львовская летопись о борьбе народов Поволжья за независимость в 1553–1555 гг.	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научная общественность с большим интересом встретила первое издание данного сборника документов. Многие документы и материалы из него уже широко используются в научных и научно-популярных изданиях. В то же время появилась потребность в новых источниках, позволяющих более широко представить историю татарского народа.

Составитель сборника Булат Хамидуллин, откликнувшись на эти пожелания, а также изучив замечания и предложения читателей, представил второе издание этого несомненно ценного научного сборника.

Научные споры о происхождении и истории татарского народа продолжаются. Об этом свидетельствуют выход ряда академических изданий об этногенезе и становлении татар как этноса, в том числе и книга «Татары», удостоенная Государственной премии Республики Татарстан в области науки. Увидел свет первый том многотомной истории татарского народа. Все это создало необходимость новой систематизации источников по древней и средневековой истории татар. Большое значение для обогащения источниковой базы изучения истории татар имеет систематическая публикация новых документов и материалов в журнале «Гасырлар авазы – Эхо веков».

Совокупность представленных источников и научных трудов по этой проблеме, нашедших отражение в данном сборнике документов, показывает, что постепенно преодолевается односторонность в трактовке этногенеза татар. Становится еще более очевидным, что татары, как и многие другие народы, сформированы из разных этнических элементов. Более основательной становится доказательная база о естественном происхождении этнонима *татары*. Он никем не навязан народу и представляет собой название одного из самых древних элементов, из которых сложились современные татары. В источниках, отражающих черты характера, образа мышления, быта и обычаев древних татар, сравнительно легко обнаруживаются черты современного татарина.

Очень важно, что в настоящее время известны источники, характеризующие взаимоотношения татар и монголов. В настоящем издании они представлены достаточно широко. Древние татары и монголы происходят из одного корня. В древности их близость была достаточно очевидной. Совсем не случайна некоторая антропологическая схожесть татар и монголов. Персидский историк Хондемир считал, что Тюрк являлся родоначальником двух домов: татар и монголов. Тюркский историк

Абюль-кази-хан также считал, что татары и монголы происходят от одного корня. Однако писал, что они говорят на разных языках, и указывал, что татары говорят на тюркском языке. На мнения этих и некоторых других авторов ссылался знаток китайского, монгольского и других восточных языков И. Бичурин. Разумеется, к сообщениям этих авторов нужно относиться критически. Вряд ли можно полагать, что в них содержится вся истина. Их главная ценность заключается в утверждении достоверности общности происхождения татар и монголов.

Возможно, что на каком-то далеком историческом отрезке произошло резкое отдаление этих племен друг от друга. Об этом можно судить по источникам, свидетельствующим об их весьма враждебных отношениях и господстве татар в течение долгого времени над монголами. И только возвышение Чингисхана изменило ситуацию, сделав теперь уже татар подвластными монголам.

В то же время нет источников, свидетельствующих о том, что татары и монголы когда-то говорили на близких языках. Данных же о том, что в более позднее время они говорили на разных языках, вполне достаточно. Арабский филолог XI века Махмуд Кашгарский причисляет татар к одному из 20 тюркских племен и утверждает, что они, так же как и печенеги, башкиры, половцы и киргизы, говорили по-тюркски¹. Арабский историк Ибн-Асир, живший в 1160—1223 гг., также относил татар к тюркским племенам².

Рашид-ад-дин, живший в 1247—1318 гг., резко отличал тюркский язык от монгольского языка. В перечне 28 «настоящих» монгольских родов, которых он называет, не упоминается ни один татарский род. Он относит татар к тюркам и называет их «самыми известными тюркскими племенами» в период образования державы Чингисхана.

Со временем и особенно по мере продвижения этих этносов на запад татары, сливаясь с другими родственными им тюркскими, а частично и с угро-финскими и славянскими этносами, отделились от монголов как в антропологическом отношении, так и в бытовом укладе. В то же время у татар продолжали сохраняться каноны общественной и государственной жизни, выработанные в период совместного развития с монголами.

Тех монголов, которые вместе с татарами завоевали страну кипчаков и создали Золотую Орду, не миновал процесс тюркизации. Арабский писатель XIV века Эль-Омари отметил факт быстрой утраты монголами своего монгольского облика: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары (монголы), то кипчак сделался их подданными. Потом они (монголы) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (монголов), все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с

¹ Divan – at turk. t. I, Istanbul, p. 27—28.

² Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – 1884. – С. 4.

ними) рода, оттого что монголы поселились на земле кичаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)»³.

Особую научную ценность сборника представляют источники, характеризующие роль и взаимоотношения различных тюркских элементов в формировании татарского народа. Известно, что в этом контексте всегда на первое место выступали различные точки зрения о роли болгарского компонента в этногенезе татар. Булгары сыграли ведущую роль в формировании его культурных традиций, образа жизни и быта. Ислам, ставший в Волжской Булгарии государственной религией, наложил отпечаток на все стороны жизни. На его основе сформировалась мощная духовная и материальная культура, появились новые виды хозяйствования, которые не были развиты у древних татар. Ремесло, торговля, земледелие волжских булгар, которые высоко оценивались их соседями, прочно вошли в быт татар. Культура градостроительства волжских булгар, поражавшая современников, была тиражирована в Золотой Орде. Золотая Орда стала страной с многочисленными благоустроенными городами. В этом государстве культура градостроительства обогатилась опытом градостроительства других народов, в частности славян. Известно, что к строительству городов в Золотой Орде привлекались и славянские мастера.

До сих пор малоисследованной оставалась роль кипчакско-половецкого компонента в этногенезе татар. Она, несомненно, была более значительна, чем представлялось до сих пор. Причем многие традиции и обычаи, заимствованные кипчаками у славян, с которыми они тесно взаимодействовали в течение многих веков, оказали существенную роль как в этногенезе, так и в образе жизни татар. Особо следует отметить влияние кипчакского языка на формирование татарского языка. Являясь в немалой мере языком общения Запада с тюрками, о чем дает ясное представление «Кодикус куманикус», понятный каждому современному татарину, вытеснил многие архаизмы болгарского языка. На периферии Волжской Булгарии, находившейся в отдалении от основных общественно-политических процессов, сохранились лишь его диалекты, которые дают некоторым историкам определенное основание претендовать на болгарское наследие.

Очень важно, что в книге приведены источники, характеризующие болгарско-хазарские взаимоотношения и роль хазарского фактора в становлении татарского этноса.

Читатель обратит внимание на источники по истории Казанского ханства. В последние годы по ней выявлено немало интересных материалов, проливающих свет как на время возникновения Казани, так и на причины ее возвышения. Особый интерес представляют данные, выявленные в связи с подготовкой к тысячелетнему юбилею Казани.

³ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – 1884. – С. 307.

Материалы книги дают возможность более объективной оценки причин поражения Казани в столкновении с Москвой. Они также проливают свет на идеологизированные и политизированные утверждения о добровольном вхождении народов края в состав Русского государства, более четко освещают участие нетатарских народов края в отстаивании независимости ханства. Интересны также новые свидетельства о складывании в новых условиях русско-татарских взаимоотношений и особенно в народных низах.

Несомненно, новое издание сборника документов и материалов по истории татарского народа найдет своих читателей и станет стимулом для еще более плодотворной научно-исследовательской деятельности.

ИНДУС ТАГИРОВ, академик АНТ,
заслуженный деятель науки РФ и РТ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Если человек не знает своего происхождения, то он подобен обезьяне, заблудившейся в лесу; если не знает своего рода, то подобен дракону, сделанному из бирюзы; если не читает письмен, повествующих вообще о предках, то он подобен потерянному, заблудившемуся ребенку».

Агван Лубсан Джамцо. «Пир молодежи». XVII в.

Современные татары (волго-уральские, сибирские, крымские, литовские, добруджские и т.д.) исторически сложились как многокорневой и многокомпонентный суперэтнос. Своей родиной мы можем назвать необъятные просторы Евразии, включающие и Сибирь, и степи Центральной и Средней Азии, и Волго-Уральский регион, и Причерноморье...

В исторической науке издавна ведутся и, видимо, никогда не прекратятся споры вокруг проблем предыстории, этногенеза, этно-культурного, политического и социально-экономического развития современных татар. Эти споры служат отличным стимулом для активизации исторических исследований, для публикации все новых и новых трудов (монографий, научно-исследовательских статей, учебников, сборников лекций и т.д.) по истории тюрко-татар. Но мы прекрасно знаем, что при любых спорах и разногласиях на историческую тему на первое место выступают реальные исторические факты, зафиксированные в источниках, среди которых ведущую роль занимают письменные источники...

Сборник «Из глубины столетий» включает в себя частично или полностью цитируемые древние и средневековые источники по древней истории тюрков, по предыстории, этногенезу и ранней этнополитической истории современных татар (до середины XVI в.). На наш взгляд, знакомство широкой аудитории читателей «напрямую» с этими источниками дает ей возможность самой разобраться в сложных вопросах нашей многогранной истории. Безусловно, для этого читателю необходимо знать как минимум и обобщающие исследования по истории татар...

СТРАБОН ОБ АЗИАТСКИХ СКИФАХ

XIX в. оставил нам в наследство концепцию, согласно которой только оседлые народы создали прогрессивную цивилизацию, а в евразийских степях будто бы царили либо застой, либо варварство и дикость. Самым слабым звеном этой концепции было не то, что она неправильна, а то, что она предлагалась как достижение науки, не подлежащее критике.

Чтобы изменить это мнение, нужен был наглядный аргумент, сильный и бесспорный. Таким аргументом оказались предметы искусства из алтайских и монгольских курганов⁷. Все попытки усмотреть в них вариации китайского, иранского или эллинского искусства оказались тщетными. Культура кочевников и полукочевников I тысячелетия до н.э. была самобытна и она, без сомнения, принадлежала, в частности, предкам современных тюркских народов.

Археологические памятники, подкрепленные свидетельствами письменных источников, в настоящее время позволяют говорить о существовании в древности и средневековье относительно высокоразвитой, огромной по территории и существовавшей многие столетия цивилизации, условно названной А.Н.Гумилевым «Великая Степь». Она включала в свой состав не только монгольские, угорские, финские, отчасти иранские, славянские и другие племена и народы, но прежде всего тюрков (скифы и хунну O сарматы гунны O тюрки Тюркского каганата O хазары, болгары, протовенгры, печенеги, огузы, кипчаки, кимаки, татары, уйгуры и др. O «татары» Джучиева улуса Монгольской империи и др. и т.д.), которые очень часто выступали государствообразующим, этно-политическим и культурно-идеологическим «фундаментом» Великой Степи. Наследие Великой Степи в настоящее время по праву принадлежит всем современным тюркским народам, включая татар.

Принимая во внимание все вышесказанное, освещение истории тюрко-татар сквозь призму источников мы решили начать со скифо-хуннской эпохи...

Знаменитый греческий географ Страбон родился около 64–63 г. до н.э. и умер приблизительно в 23–24 г. н.э. Он был современником образования Римской империи и конца эпохи эллинизма: на глазах Страбона в 30 г. до н.э. пало последнее эллинистическое царство египетских Птолемеев.

Страбон происходил из Амасии в Понте, крупного эллинистического центра с большим количеством греческого населения. Члены его семьи занимали высшие дол-

⁷ См.: Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М., 1953; Его же. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М. – Л., 1962.

жности у понтийских царей. Прадед Страбона был полководцем Митридата Евпатора, царя Понта (132–63 гг. до н.э.), а другой его родственник был верховным жрецом, занимая второе по значению место после царя. Семья будущего географа благодаря своей проримской ориентации смогла сохранить положение в обществе и благосостояние. В силу этого Страбон смог получить хорошее по тем временам философское образование и посвятить себя научным занятиям. В зрелом возрасте Страбон очень много и долго путешествовал.

Сведения Страбона об азиатских скифах мы цитируем по изданию: Страбон. География: в 17 книгах/Перевод, статья и комментарии Г.А.Стратановского. Под общей редакцией проф. С.Л.Утченко; редактор перевода проф. О.О.Крюгер.– Л.: Наука, 1964. (Серия «Классики науки»).

« ...Книга XI

Глава I

1. К Европе примыкает Азия, соприкасаясь с ней вдоль реки Танаис⁸. Поэтому далее следует приступить к описанию этой части света, разделив ее ради ясности известными естественными границами...

5. Те, кто переходит в географическом описании от Европы к Азии, при разделении на 2 части встречаются сначала с северными областями. Поэтому приходится начинать с них. Из самых северных стран первыми я буду описывать области на Танаисе, который принят мною за границу Европы и Азии...

Глава II

1. При таком географическом положении первую часть – от северных стран и океана – населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны – сарматы (также скифы⁹), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием...

Глава VI

1. Вторая часть Азии начинается у Каспийского моря, у которого кончается первая часть. Это море называется также Гирканским. Об этом море и о живущих около него народностях я должен сказать сначала...

2. Если войти в Каспийское море, то справа живут скифы или сарматы, пограничные с европейскими странами, между Танаисом и этим морем, большей частью кочевники (о них я уже упоминал). Слева живут восточные скифы, также номады, область

⁸ Современный Дон.

⁹ Очень интересная информация, если учесть, что в науке до сих пор идут споры: считать или нет сарматов частью скифской полиэтнической общности.

которых простирается до Восточного моря и Индии. Старинные греческие историки называли все северные народности общим именем скифов или кельтоскифов. Однако еще более древние историки установили различие между ними, называя племена, жившие над Евксинским Понтом¹⁰, Истром¹¹ и Адриатическим морем, гиперборейцами, савроматами и аримаспами. Что касается племен, обитавших за Каспийским морем, то одних они называли саками, других – массагетами, не будучи в состоянии сообщить о них ничего определенного, хотя эти историки и описывали войну Кира¹² с массагетами¹³. Однако в результате своих исследований историки не сообщили об этом племени ничего точного и правдоподобного...

Глава VIII

...2... Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя. Все они в общей массе кочевники. Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану¹⁴, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Иаксарты¹⁵ рядом с областью саков и согдианов, занятой саками. Из даев одни называются апарнами, другие – ксанфиями и третьи – писсурами. Апарны находятся ближе всего к Гиркании¹⁶ и к пограничному с ней морю; остальные простираются даже до области, лежащей против Арии¹⁷.

3. Между апарнами, Гирканией и Парфией¹⁸ вплоть до области ариев лежит обширная и безводная пустыня; проходя через нее длинными переходами, апарны делали набеги на Гирканию, Несею¹⁹ и парфянские равнины. Эти племена, которые подвергались набегам, согласились платить апарнам дань; дань состояла в дозволении им в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Таков образ жизни и прочих кочевников: они постоянно нападают на своих соседей и затем снова примираются с ними.

4. Саки совершали набеги подобно киммерийцам и трерам²⁰: одни набеги более дальние, другие же – на близкое расстояние. Так они захватили Бактриану и завладели лучшей землей в Армении, которой они оставили название от своего имени –

¹⁰ Черное море.

¹¹ Дунай.

¹² Правитель Персии, VI в. до н.э.

¹³ Эта война описана, в частности, Геродотом.

¹⁴ Область в Азии.

¹⁵ Современная Сырдарья.

¹⁶ Область в Азии.

¹⁷ Область в Азии.

¹⁸ Область в Азии.

¹⁹ Область в Гиркании.

²⁰ Треры – одно из фракийских племен.

Сакашена; они дошли вплоть до страны каппадокийцев, в частности до тех, кто живет на Евксинском море и теперь называется понтиками. Персидские полководцы, находившиеся тогда в той стране, напали на них ночью во время всенародного праздника после дележа добычи и совершенно уничтожили это племя...

5. Таков рассказ одних писателей о саках. По словам других, Кир пошел походом на саков, но, побежденный в сражении, бежал. Потом, расположившись на стоянку в том месте, где он оставил багаж со множеством всевозможных припасов и особенно вина, Кир дал войску немного отдохнуть и затем, оставив палатки, полные припасов, под вечер выступил, делая вид, что бежит. Пройдя вперед, сколько ему казалось нужным, Кир остановился. Саки между тем подошли и, захватив лагерь, покинутый людьми, полный съестного, наелись до отвала. Тогда Кир возвратился и застал саков обезумевшими от пьянства; одни из них были перебиты спящими мертвецким сном, другие же пали от мечей неприятелей в то время, когда плясали без оружия в вакхическом исступлении, и почти все погибли. Кир же, считавший свою удачу ниспосланной божеством, посвятил этот день отеческой богине, назвав ее Сакеями. И всюду, где есть святилище этой богини, там по обычаю справляется праздник Сакеев – нечто вроде вакхического праздника, на котором одетые в скифскую одежду мужчины пьют и непристойно заигрывают друг с другом и с пирующими вместе с ними женщинами.

6. Массагеты доказали в войне против Кира свое мужество, которое многие часто восхваляют; от них и нам следует заимствовать сведения об этом. О массагетах передают рассказы в таком роде: одни из них обитают в горах, другие – на равнинах, третьи – на болотах, которые образуют реки, четвертые на островах в болотах. Более того, по их словам, страна наводняется рекой Араксом²¹, которая, разветвляясь на множество рукавов, впадает на севере всеми остальными своими устьями в другое море²² и только одним устьем – в Гирканский залив²³. Богом они почитают одно только солнце и ему приносят в жертву коней. Каждый мужчина у них женится только на одной женщине, но они пользуются и женами других людей, что даже вовсе не скрывают; тот, кто хочет сойтись с чужой женой, вешает свой колчан на повозке и откровенно сходится с ней. Лучшим родом смерти считается тот, когда людей преклонного возраста разрубает на куски и, смешав вместе с бараниной, поедают. Людей, умирающих от болезней, они выбрасывают как нечестивцев и достойных съедения зверями. Они прекрасные наездники и пешие воины; вооружены луками, мечами, панцирями и бронзовыми боевыми топорами; в сражениях они носят золотые пояса и головные повязки. Уздечки и перевязи у лошадей у них из золота. Серебра в их стране нет, железа мало, зато медь и золото встречаются в изобилии.

7. Массагеты, живущие на островах, питаются ввиду отсутствия зерна для посева кореньями и дикорастущими плодами; одеждой им служит древесное лыко (ибо у

²¹ Современная Амударья.

²² Северный Ледовитый океан. Чтобы понять это сообщение, необходимо знать карту мира, составленную Страбонам.

²³ Каспийское море.

них вовсе нет скота); для питья они употребляют выжатый сок плодовых деревьев. Болотные жители питаются рыбой и одеваются в шкуры тюленей, заходящих сюда с моря. Жители гор также питаются дикорастущими плодами; у них есть лишь немного овец, поэтому они не режут их, сохраняя на шерсть и молоко. Одежде они придают пеструю расцветку, применяя не теряющие свежести краски. Обитатели равнин не занимаются земледелием (хотя земля у них есть), но живут на манер кочевников и скифов, питаясь бараниной и рыбой. У всех такого рода племен находим и некий общий образ жизни, о чем я нередко упоминаю²⁴: их погребальные обряды, обычаи и весь быт схожи; это люди самобытные, дикие и воинственные, однако при деловом общении честные и не обманщики...».

СЫМА ЦЯНЬ О ХУННАХ

Хунны (сюнну) – тюркоязычный кочевой народ, во многом схожий со скифо-сарматским кругом племен²⁵, сложившийся в Центральной Азии в начале I тысячелетия до н.э. из монголоидных аборигенов (племен хяньюнь и хуньюй, впервые упомянутых в китайской истории в XVIII в. до н.э.) и европеоидных выходцев из Северного Китая (племена ди). В конце III в. до н.э. хунны (основную территорию их расселения в то время составляли Центральная Монголия и степное Забайкалье), объединенные полководцем Модэ, разбили дун-ху, юечжей, покорили гянь-гуней (кыргызов), усуней, а затем вторглись в Китай, заставив императора Лю Бана выплачивать дань. В I в. до н.э. среди хуннов возникли распри, вследствие чего все покоренные племена отпали от них и шаньюй (глава племенного союза хуннов) Хухань стал номинальным вассалом Китая (51 г. до н.э.). Ослабление Китая в начале I в. н.э. позволило хуннам вернуть независимость, но уже в 48 г. 8 хуннских родов снова попали под власть Китая; они положили начало южным хуннам. Северные хунны были разбиты в 87 – 93 гг. коалицией китайцев, сяньби и динлинов²⁶, но и после 93 г. часть их еще кочевала в степях Монголии. Другая часть северных хуннов отступила на запад, где, смешавшись с аборигенами, положила начало новому народу, известному в Европе под именем гуннов (уннов, «царских скифов»). Еще одна часть северных хуннов осела в Семиречье и Тарбагатае под названием Юебань. Их держава была разрушена телесскими племенами в конце V в. Остатки среднеазиатских хуннов – племена чуюе, чуми, чумугунь и чубань – в VI в. подчинились тюркам

²⁴ См., например: Кн. VII, гл. III, § 7, 8.

²⁵ Например, относительно недавно в лесостепных районах Юго-Западной Маньчжурии, в долинах рек Ляохэ и Ляохаэ обнаружены несколько особых погребальных памятников скифской культуры VIII – IV вв. до н.э. – эти памятники обладают как раз теми признаками, которые в III – I вв. до н.э. проявляются в памятниках рядового населения хунну: тело расположено лицом вверх, оно находится в деревянном гробу, закопанном неглубоко от поверхности земли, а сверху – невысокая каменная кладка и т.д.

²⁶ Некоторые источники указывают, что динлины являлись предками кипчаков.

Западно-Тюркского каганата. Самостоятельную историческую судьбу имело племя ша-то, которое, по мнению автора «Полного описания монголо-татар» (1221 г.), являлось родоначальницей татарских племен. Южные хунны, пополнившись в начале III в. своими северными соплеменниками, в 304 г. восстали против китайской власти и основали империю Лю-хань, в 318 г. распавшуюся на царства Старшее Чжао и Младшее Чжао. Младшее Чжао покорило в 329 г. Старшее Чжао и весь Северный Китай, но в 350 г. полководец Жань Минь – усynoвленный хуннским царем китаец – захватил власть и приказал перебить всех хуннов в царстве Младшее Чжао. Уцелели только хунны, обитавшие в Ордосе и предгорьях Наньшаня. Ордосский хунн Хэлян Бобо основал царство Ся (401–431), наньшаньский вождь Мэн Сунь – княжество Бэй Лян (397–439). Оба эти государства были уничтожены народом табгач. Остатки хуннов отступили в Турфан, где в 460 г. их и перебили жуужане...

Многочисленные сведения о хуннах содержатся в китайских письменных источниках. Одним из первых об этом народе нам сообщает «отец китайской истории» Сыма Цянь. Сыма Цянь (ок. 145 или 135–86 гг. до н.э.) – древнекитайский историк, автор первой сводной истории Китая «Ши цзи» («Исторические записки»). Он родился близ Лунмыня в семье главного историографа Ханьского двора Сыма Тяня. В юности Сыма Цянь много путешествовал по стране, помогал отцу собирать материал по истории различных частей империи. После смерти отца Сыма Цянь наследует должность главного историографа (в 108 г. до н.э.). Последнее десятилетие II в. до н.э. проходит у Сыма Цяня в напряженном труде по систематизации исторических материалов, в т.ч. оставленных ему отцом, и в написании глав задуманной истории Китая. Обвиненный в заступничестве перед императором за оклеветанного полководца Ли Лина, Сыма Цянь в 98 г. до н.э. был приговорен к позорному наказанию – кастрации. Но несчастье не сломило его, он находит в себе силы продолжить работу над историей Китая. Вскоре император вновь призывает Сыма Цяня на службу и назначает начальником императорской канцелярии, что дает ему средства к жизни и возможность завершить свой большой труд «Ши цзи».

Состоящие из 130 глав, «Ши цзи» охватывают события огромного периода, с легендарных времен до начала I в. до н.э. и являются, по сути, первой всеобщей историей Китая. В них нашел отражение оригинальный исторический метод Сыма Цяня – он впервые в китайской исторической литературе применил комплексный принцип, сочетающий хронологическое описание событий («Анналы»), тематическое освещение разных сторон жизни общества («Трактаты») и жанр биографии. Сыма Цянь умело использовал многочисленные источники (летописи, архивы, рукописи, книги, надписи, личные записи и т.д.), искусно сопоставляя различные данные, и придерживался историографического принципа «излагать достоверное и опускать сомнительное»²⁷...

²⁷ См. советские издания на русском языке: Сыма Цянь. Избранное [Главы из книги «Исторические записки»]/Пер. с китайского В.Панасюка; общая редакция, предисл., коммент. А.И.Думана.– М.: Гослитиздат, 1956; Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»)/Пер. с китайского и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина; Под общей редакцией Р.В.Вяткина.– Серия «Памятники письменности Востока».– Т. 1–7.– М.: Наука; Изд. фирма «Вост.лит.», 1972–1996 (издание еще не завершено).

Предлагаемые далее выдержки из труда Сыма Цяня взяты из кн.: Бичурин Н.Я. (Иакинф)²⁸. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т.1. – С.39–40, 46–56.

«Ши цзи»

Глава 110

«...Предок хуннов был потомок Дома Хя-хэу-шы, по имени Шунь-вэй²⁹. Еще до времен государей Тхан и Юй³⁰ находились поколения Шань-жун, Хяньюнь и Хуньюй³¹. Обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия; но у каждого есть отдельный участок земли. Письма нет, а законы словесно объявляются. Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков; а несколько подростки стреляет лисиц и зайцев, и употребляют их в пищу. Могущие владеть луком все поступают в латную конницу³². Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотой, и тем пропитываются; а в крайности каждый занимается воинскими упражнением, чтобы производить набеги. Таковы суть врожденные их свойства. Длинное их оружие есть лук со стрелами, короткое оружие – сабля и копье. При удаче идут вперед; при неудаче отступают, и бегство не поставляют в стыд себе. Где видят корысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают. Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием. Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают; устаревших и слабых мало почитают. По смерти отца женятся на мачехе; по смерти братьев женятся на невестках. Обыкновенно называют друг друга именами; прозваний и проименований не имеют...

²⁸ Бичурин Никита Яковлевич (1777–1853) – уроженец Казанской губернии, китаевед, член-корреспондент Петербургской академии наук с 1828 г. 14 лет возглавлял духовную миссию в Пекине. Переводчик в Министерстве иностранных дел России. Основные работы – по истории и этнографии тюркских и монгольских народов (по китайским источникам), по истории, культуре и философии Китая.

²⁹ Хя-хэу-шы – историческое прозвание царей первой китайской династии Хя. Цзе-кхой, последний государь этой династии, умер в ссылке в 1764 г. до н.э. Его сын Шунь-вэй в том же году со всем своим семейством и подданными ушел в северные степи и принял кочевой образ жизни. Средневековая китайская историография называет Шунь-вэя предком правящих тюрко-монгольских родов Великой Степи.

³⁰ Первый – государь Яо, вступил на престол империи в 2357 г. до н.э., второй – государь Шунь, вступил на престол империи в 2255 г. до н.э.

³¹ Последние являлись непосредственными предками хуннов.

³² Подчеркнуто мною. – Б.Х. Наличие тяжеловооруженной конницы свидетельствует о достаточно высоком уровне развития кочевого общества.

...Дом Дун-ху был в силе. Дом Юечжы в цветущем состоянии. У хуннов Шаньюй³³ назывался Тумань. Тумань не мог устоять против Дома Цинь и переселился на север. По прошествии 10 лет Мын Тьхянь умер; удельные князья восстали против Дома Цинь. Срединное царство³⁴ пришло в смятение, и гарнизоны из преступников, поставленные Домом Цинь по границе, все разошлись. После сего хунны почувствовали льготу; мало-помалу опять перешли на южную сторону Желтой реки³⁵ и вступили в прежние межи с Срединным царством. Шаньюй имел наследника, по имени Модэ³⁶; после от любимой Яньчжы родился ему меньшей сын; Шаньюй хотел устранить старшего, а на престол возвести младшего: почему отправил Модэ в Юечжы заложником. Как скоро Модэ прибыл в Юечжы, Тумань тотчас произвел нападение на Юечжы. Юечжы хотел убить Модэ, но Модэ украл армагака у него и ускакал домой. Тумань счел его удалцом, и отделил ему в управление 10 000 конницы³⁷. Модэ сделал свистунку³⁸ и начал упражнять своих людей в конном стрелянии из лука с таким приказом: всем, кто на охоте пустит стрелу не туда, куда свистунка полетит, тому отрубят голову. Модэ сам пустил свистунку в своего армагака. Некоторые из приближенных не смели стрелять, и Модэ немедленно нестрелявшим в армагака отрубил головы. Спустя несколько времени Модэ опять сам пустил свистунку в любимую жену свою, некоторые из приближенных ужаснулись, и не смели стрелять. Модэ и сим отрубил головы. Еще по прошествии некоторого времени Модэ выехал на охоту и пустил свистунку в Шаньюева армагака. Приближенные все туда же пустили стрелы. Из сего Модэ увидел, что он может употреблять своих приближенных. Следуя за отцом своим Шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в Туманя; приближенные также пустили стрелы в Шаньюя Туманя. Таким образом Модэ, убив Туманя, предал смерти мачеху с младшим братом и старейшин, не хотевших повиноваться ему, и объявил себя Шаньюем³⁹.

I. Шаньюй Модэ. В то время, как Модэ вступил на престол, Дом Дун-ху был в силе и цветущем состоянии. Получив известие, что Модэ убил отца и вступил на престол, Дун-ху отправил к нему посланца сказать, что он желает получить тысячелийного коня⁴⁰, оставшегося после Туманя. Модэ потребовал совета у своих вельмож. Вельможки сказали ему: тысячелийный конь есть сокровище у хуннов. Не должно отдавать. К чему, сказал им Модэ, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной лошади для них? И так отдали тысячелийного коня. По прошествии некоторого времени Дун-ху, полагая, что Модэ боится его, еще отправил посланца сказать, что он желает получить от

³³ «Величайший», т.е. государь, правитель.

³⁴ Китай.

³⁵ Хуанхэ.

³⁶ В тексте – Мао-дунь.

³⁷ Т.е. улус, способный выставить такое количество войск.

³⁸ Стрелу, издающую в полете свист. Вспомните знаменитое произведение Нурихана Фаттаха «Сызгара торган уklar».

³⁹ Историк Суй-гуан писал, что это случилось в I-е лето Эр-ши, т.е. в 209 г. до н.э.

⁴⁰ Коня, способного пробегать 1000 ли в день. Ли равен 576 метрам.

Модэ одну из его Яньчжы. Модэ опять спросил совета у своих приближенных. Приближенные с негодованием сказали ему: Дун-ху есть бессовестный человек; требует Яньчжы. Объявить ему войну. Модэ сказал на это: к чему, живучи с людьми в соседстве, жалеть одной женщины для них? И так взял свою любимую Яньчжы и отправил к Дун-ху. Владетель в Дун-ху еще более возгордился. В хуннских владениях от Дун-ху на запад есть полоса земли на 1000 ли необитаемая⁴¹. На ней только по границе с обеих сторон были Караульные посты. Дун-ху отправил посланца сказать Модэ, что лежащая за цепью обоюдных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам, не удобна для них, а он желает иметь ее. Модэ спросил совета у своих чинов, и они сказали: это неудобная земля; можно отдать и не отдавать. Модэ в чрезвычайном гневе сказал: земля есть основание государства; как можно отдавать ее? Всем, советовавшим отдать землю, отрубил головы. Модэ сел верхом на лошадь и отдал приказ – отрубить голову каждому, кто отстанет. После сего он пошел на восток и неожиданно напал на Дун-ху. Дун-ху прежде пренебрегал Модэ и потому не имел предосторожности. Модэ, прибыв с своими войсками, одержал совершенную победу, уничтожил Дом Дун-ху, овладел подданными его, скотом и имуществом. По возвращении он ударил на западе на Юечжы и прогнал его, на юге покорил Ордосских владетелей Лэуфань и Байян, и произвел поиски на Янь и Дай; обратно взял все земли, отнятые у хуннов полководцем Мын Тьхянь, и вступил с Домом Хань в границы в Ордосе, при Чао-на и Лу-ши; после сего снова произвел поиски на Янь и Дай. – В сие время войска Дома Хань были в борьбе с Хян-юй; Срединное царство изнемогло под тяжестью войны; и это обстоятельство дало Модэ возможность усилиться. Он имел под собою более 300 000 войска. От Шунь-вэй до Туманя – в продолжение с лишком 1000 лет – Дом Хуннов то возвышался, то упал, то делился, то рассеивался; и посему порядок прежнего преемственного наследования у них невозможно определить. При Модэ Дом Хуннов чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена на севере, на юге он сделался равным Срединному Двору⁴²; почему названия наследственных государственных чинов можно еще описать. Установлены были: 1) Восточный и Западный Чжуки-князь; 2) Восточный и Западный Лули-князь; 3) Восточный и Западный великий предводитель; 4) Восточный и Западный великий Дуюй; 5) Восточный и Западный великий Данху; 6) Восточный и Западный Гуду-хэу. У хуннов мудрый называется Чжуки; почему наследник престола всегда бывает Восточным Чжуки-князем⁴³. От Восточного и Западного Чжуки-князей до Данху, высшие имеют по 10 000, а низшие по несколько тысяч конницы. Всего 24 старейшины, которые носят общее название темников. Вельможи вообще суть наследственные санов-

⁴¹ Песчаная степь в Монголии на юго-запад от Калгана.

⁴² Т.е. стал равным правителям Китая.

⁴³ Нередко слова *Восточный* и *Западный* обозначают не только стороны света, но и содержат смысл *Старший* и *Младший*.

ники. Хуянь, Лань и впоследствии Сюйбу суть 3 знаменитые Дома⁴⁴. Князья и предводители Восточной стороны занимают Восточную сторону против Шан-гу и далее на восток до Су-мо и Чао-сянь; князья и предводители Западной стороны занимают Западную сторону против Шан-гюнь и далее на запад до Юечжэ, Ди и Кянов. Шаньюева орда находилась прямо против Дай и Юнь-чжун. Каждый имел отдельную полосу земли, и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Восточный и Западный Чжуки-князья, Восточный и Западный Лули-князья считались самыми сильными владетелями. Восточный и Западный Гуду-хэу были их помощниками в управлении. Каждый из 24 старейшин – для исправления дел, поставляет у себя тысячников, сотников, десятников. Низшие князья поставляют у себя Дуюй, Данху и Цзюйкюев. В первой луне нового года старейшины не в большом числе съезжаются в храм при Шаньюевой орде. В пятой луне все собираются в Лун-чен, где приносят жертву своим предкам, небу, земле и духам. Осенью, как лошади разжиреют, все съезжаются обходить лес, причем производят поверку людей и скота. Законы их: извлекшему острое оружие и фут⁴⁵ – смерть; за похищение конфискуется семейство, за легкие преступления надрезывается лицо, а за важные – смерть. Суд более 10 дней не продолжается. В целом государстве узников бывает несколько десятков человек. Шаньюй утром выходит из лагеря поклоняться восходящему солнцу, ввечеру поклоняться луне. Он сидит на левой стороне лицом к северу. Дни уважаются первые в месяце под названиями Сюй и Сы, в первый раз в месяце встретившиеся под семью буквами. Покойников⁴⁶ хоронят в гроб; употребляют наружный и внутренний гроб; облачение из золотой и серебряной парчи и меховое; но обсаженных деревьями кладбищ и траурного одяния не имеют. Из приближенных вельмож и наложниц соумирающих бывает от 100 до нескольких сот человек. Предпринимают дела, смотря по положению звезд и луны. К полнолунию идут на войну; при ущербе луны отступают. Кто на сражении отрубит голову неприятелю, тот получает в награду кубок вина, и ему же предоставляется все полученное в добычу. Пленные, и мужчины и женщины, поступают в неволю; и посему на сражении каждый воодушевляется корыстью. Искусно заманивают неприятеля, чтоб обхватить его: почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц; а когда бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеиваются. Кто убитого привезет с сражения, тот получает все имущество его. Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динли⁴⁷, Гэгунь и Цайли; посему-то старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шаньюю и признавали его мудрым. В сие время, [в 201 г. до н.э.], Дом Хань только что утвердил спокойствие в Среднем государстве, и перевел

⁴⁴ Хуянь и Сюйбу всегда были в брачном родстве с правителями хуннов. Сюйбу занимали должность государственного судьи.

⁴⁵ Военное железное оружие, имеющее вид палки.

⁴⁶ Ниже описано погребение шаньюя; ср. с описанием похорон Аттилы у Иордана и хазарского кагана у Ибн Фадлана.

⁴⁷ Динлины в то время занимали территорию от Енисея до Байкала.

князя Хань Синь в Дай с пребыванием в Ма-и. Хунны в больших силах осадили Ма-и, и князь Хань Синь покорился им. Хунны, получив Хань Синь, потянулись с войском на юг; перешед через хребет Гэучжу, они осадили Тхай-юань, и подошли к Цзинь-ян. Гао-ди⁴⁸ сам повел войско против них [в 200 г. до н.э.]. Зимой случились сильные морозы и снега. Около трети из ратников отморозили пальцы у рук. Почему Модэ притворился побежденным, и, отступая, заманивал гнавшееся за ним китайское войско. Модэ скрыл отборные войска, а выставил одни слабые: почему все китайское войско, состоявшее из 320 000 наиболее пехоты, устремилось за ним. Гао-ди прежде других прибыл в Пьхин-чен; а пехота еще не вся пришла. Модэ с 400 000 отборной конницы окружил Гао-ди в Бай-дын. В продолжение 7 дней китайское войско не могло доставить осажденным съестных припасов. Конница у хуннов на западной стороне имела белых, на восточной серых, на северной вороных, на южной рыжих лошадей. Гао-ди отправил лазутчиков подкупить Яньчжы. Яньчжы сказала Модэ: 2 государя не должны стеснять друг друга. Ныне ты, приобрев земли Дома Хань, не можешь жить на них; сверх сего государь Дома Хань есть человек умный. Обдумай это, Шаньюй. Модэ назначил время, в которое Ван Хуан и Чжао Ли, предводители князя Хань Синь, должны были прийти к нему, и не пришли: почему начал подозревать, что они вступили в договор с Домом Хань; сверх сего принял в соображение слова своей Яньчжы. И так он открыл в одном углу проход; Гао-ди отдал своим войскам приказ – с натянутыми в стороны луками идти прямо чрез открытый угол, и сим образом соединился с главными силами. Модэ пошел в обратный путь. Гао-ди также прекратил войну и отправил Лю Гин заключить договор, основанный на мире и родстве⁴⁹.

Впоследствии князь Хань Синь, занявший место полководца у хуннов, Чжао Ли и Ван Хуан несколько раз нарушали договор, опустошали области Дай и Юнь-чжун. Спустя несколько времени Чень Хи⁵⁰, подняв бунт и соединившись с Хань Синь, умышлял произвести нападение на Дай. Китайский Двор выставил войско под предводительством полководца Фань Кхуай, который обратно взял Дай, Яй-мынь и Юнь-чжун; но не выступал за границу. В сие время военачальники Дома Хань один за другим передавались хуннам; почему Модэ часто приходил грабить страну Дай, и это беспокоило Дом Хань.

Гао-ди отправил [в 198 г. до н.э.] Лю Гин препроводить княжну своего Дома с названием царевны в Яньчжы Шаньюю с ежегодным определенным количеством шелковых тканей, хлопчатки, вина, риса и разных съестных вещей, и постановил в договоре считаться братьями⁵¹, на основании мира и родства. Это несколько приобстоянило Модэ. Впоследствии Лу Гуань, владетель княжества Янь, взбунтовался и с

⁴⁸ Он же Гао-цзу – основатель династии Хань.

⁴⁹ Договор, основанный на мире и родстве, по-китайски *Хо-цинъ*, состоял в том, что китайский Двор, выдавая царевну за иностранного владетеля, обязывался ежегодно посылать ему условленное в договоре количество даров, т.е. фактически дань.

⁵⁰ Надзиратель войск в Чжао и Дай.

⁵¹ Т.е. равными друг другу.

несколькими тысячами своих сообщников, поддавшись хуннам, начал беспокоить земли от Шангу на восток [в 195 г. до н.э.]. Наконец, Гао-цзу преставился. В царствование императрицы Хяо-хой Люй Тхай-хэу⁵². Дом Хань только что утвердился: почему хунны гордились, и Модэ послал к императрице Гао-хэу письмо [в 192 г. до н.э.], написанное в дерзких выражениях⁵³.

Гао-хэу думала объявить ему войну, но полководцы сказали ей, что покойный Гао-дид был умный государь и воин, но и он стеснен был под городом Пьхин-чен. И так Гао-хэу удержалась, и подтвердила мир и родство с хуннами. Хяо Вынь-ди, по вступлении на престол [в 179 г. до н.э.] хуннский западный Чжуки-князь перевел свои кочевья в Ордос, и начал разорять границу в области Шан-гюнь; инородцы убивали и в плен уводили жителей. Почему Хяо-Вын-ди указал министру Гуань Ин с 85 000 конницы и колесниц идти в Гао-ну против западного Чжуки-князя, но западный Чжуки-князь ушел за границу. Вынь-ди предпринял путешествие в Тхай-юань; но в это самое время Цзи-бэй Ван взбунтовался. Вынь-ди возвратился и отозвал войска, посланные на хуннов. В следующий год, [в 176 г. до н.э.], Шаньюй прислал китайскому Двору письмо следующего содержания: «поставленный небом хуннский Великий Шаньюй почтительно вопрошает Хуан-ди⁵⁴ о здравии. В прошлое время Хуан-ди писал о мире и родстве. Дело сие, к взаимному удовольствию, конечно согласно с содержанием письма. Китайские пограничные чиновники оскорбляли западного Чжуки-князя, и он без представления ко мне по совету Илу-хэу Наньчжи и прочих вступил в ссору с китайскими чиновниками, нарушил договор, заключенный между двумя государями, разорвал братское родство между ними, и поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственной державою. Получено от Хуан-ди 2 письма с выговорами, но посланный с ответным письмом еще не прибыл, а китайский вестник не возвратился, и это было причиною взаимных неудовольствий между двумя соседственными державами. Как нарушение договора последовало от низших чиновников, то западного Чжуки-князя в наказание отправили на запад на Юечжы. По милости Неба, ратники были здоровы, кони в силе; они поразили Юечжы. Предав острию меча или покорив всех, утвердили Аэулань, Усунь, Хусе и 26 окрестных владений⁵⁵. Жители сих владений поступили в ряды Хуннских войск, и составили один дом. По утверждении спокойствия в северной стране желаю, прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей; забыть прошедшее и возобновить прежний договор, чтобы доставить покой пограничным жителям, как было вначале. Пусть малолетние растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Но как еще не получено мнение Хуан-ди, то отправляя Лан-чжун Сидуцяня с письмом, осмеливаюсь с ним представить 1 верблюда, 2-х

⁵² Вдовствующая супруга основателя династии Хань.

⁵³ Содержание этого письма передано в «Истории старшей династии Хань».

⁵⁴ Т.е. китайского императора.

⁵⁵ Речь идет о завоевании земель вплоть до Каспийского моря в 177 г. до н.э.

верховых лошадей и 2 четверни. Если не угодно Хуан-ди, чтобы хунны приближались к границам, то надобно предписать чиновникам и народу селиться подалее от границы». Посланный по прибытии тотчас был обратно отправлен и в 6-й луне приехал в Чайвань⁵⁶. По получении сего письма при китайском Дворе держали совет: что выгоднее, война или мир и родство? Государственные чины были того мнения, что с торжествующим неприятелем, недавно победившим Юечжы, трудно воевать; сверх того, земли хуннов, состоящие из озер и солончаков, неудобны для оседлой жизни, почему считали выгоднее держаться мира и родства. Хяо Вынь-ди согласился на их мнение, и в 6-е лето, переднего счисления⁵⁷, отправил к хуннам письмо следующего содержания: «Хуан-ди почтительно вопрошает хуннуского Великого Шаньюя о здравии. В письме, доставленном мне Лан-чжун Сидуцянем, сказано: Западный Чжуки-князь без дозволения, а по совету Илу-хэу Наньчжы нарушил договор, заключенный между двумя государями, прервал братское согласие между ними, и поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственной державою. Но как нарушение договора последовало от низших чиновников, то Западный Чжуки-князь в наказание послан был на Запад на Юечжы, и он покорил сие владение. Теперь желательно, прекратив войну, дать отдых воинам и откормить лошадей; забыть прошедшее, и подтвердить прежний договор, чтоб доставить пограничным жителям спокойствие; пусть малолетние растут, а старики спокойно доживают свой век, и из рода в род наслаждаются миром. Я очень одобряю это: ибо так мыслили древние святые государи. Дом Хань договорился с Домом хуннов быть братьями, и потому посылает Шаньюю чрезвычайное количество даров. Нарушение договора и разрыв братского согласия всегда происходили со стороны хуннов. Впрочем, как дело Западного Чжуки-князя уже покрыто прощением, то прошу Шаньюя не простирать гнева далее; и если Шаньюю жлеает поступать согласно с содержанием письма, то пусть объявит своим чиновникам не нарушать договора, а действовать согласно с письмом Шаньюя. Посланный сказывал, что Шаньюю лично предводительствовал в Западной войне и переносил великие трудности. Почему посылаю надеваемый⁵⁸ вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан, золотой венчик для волос, пояс, золотом оправленный, и носороговую пряжку к поясу, золотом оправленную, 10 кусков вышитых шелковых тканей, 30 кусков камки и 40 кусков шелковых тканей, темно-малинового и зеленого цвета. Отправляю сновника для личного представления». Вскоре после этого Модэ умер, [в 174 г. до н.э.]. Сын его Гиюй был поставлен под наименованием Лаошан Шаньюя...».

⁵⁶ Название пограничного места.

⁵⁷ Т.е. в 174 г. до н.э.

⁵⁸ Т.е. лично им носимый.

«ЦЗИНЬ-ШУ» О «СЕВЕРНЫХ ВАРВАРАХ СЮННУ»

Предлагаемый текст – это отрывок из 97-й главы китайской династийной истории Цзинь-шу (265–400 гг. н.э.). Сведения о хуннах, заключенные здесь, хотя и невелики, но представляют несомненный интерес. Особо важно то обстоятельство, что текст Цзинь-шу почти не повторяет сведений предшествующих историков и дает свои оригинальные данные, например, о расселении хуннских племен в Китае, племенном составе «южных» хуннов и т.п. Текст впервые был введен в научный оборот в 1939 г. Вильямом Говерном. Первый перевод на русский язык был осуществлен в 1940 г. А.Н.Бернштамом при содействии Б.И.Панкратова (см.: Советское востоковедение.– 1940.– # 3/4.– С.225 – 227). Мы пользуемся изданием: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1951.– С.219 – 222.

«...Северные варвары Сюнну

Сюнну все вместе называются северными варварами. Сюннская земля на юге соединяется с уделами Янь и Чжао, на севере достигает Шамо, на востоке примыкает к северным И, на западе доходит до 6 Жунских племен. Из рода в род Сюнну сами управлялись старшинами и чиновниками и не приносили даров Китаю⁵⁹. Самые северные народы при династии Ся назывались «Сюньюй», при династии Инь назывались «Гуй-фын»⁶⁰, при династии Чжоу назывались Сяньюнь, при династии Хань назывались Сюнну. Они то усиливались, то слабели, то возвышались, то приходили в упадок. Их обычаи были хорошими...

В конце династии старшей Хань Сюнну сильно взбунтовались. 5 шаньюев боролись за престол и Хуханье шаньюй потерял свое государство. Возглавив кочевья, он вошел вассалом в Китай. Хань хвалили его стремление, выделили северную часть Бинчжоу для того, чтобы успокоить его. Затем сюннских 5 000 с лишним кочевий вошли в Бинчжоу жить во всех округах северной страны и с китайцами смешанно находились.

Хуханье растрогался от Ханьской милости и пришел поклониться к императорскому двору. Хань посему оставил его, пожаловал ему дворец, также, далее, собственное наименование, согласившись именовать его шаньюем. В год выдавал: шелковые нити, тафту, деньги, хлеб имел он так же, как и удельные князья, и потомство наследовало в поколениях бесперывно.

Его кочевья последовали за ним. Во всех уездах и округах управляли ими одинаково с местными жителями, и они не вносили даней. В последующее время их население постепенно размножилось и заполнило весь север, т.к. трудно было запретить.

В конце младшей династии Хань в Китае начались беспорядки. Все чиновники испуганно говорили: «Варваров много. Боимся, что непременно они будут делать

⁵⁹ Т.е. не подчинялись Китаю.

⁶⁰ Букв. «Чертova страна».

набег. Следует раньше всего создать против них оборону, для того, чтобы успокоить их».

Вэйский Уди учредил впервые разделение массы сюннов, сделав 5 отделов. В каждом отделе поставил из их среды тех, которые были благородными, и сделал их предводителями. Выбрал китайцев, сделал их начальниками для наблюдения за сюннами.

В конце Вэйской династии снова переменял предводителей (шуай), сделав их дуюями. Из восточного отдела дуюй управлял примерно 10 000 с лишним семейств с местопребыванием в Тайюань, древний округ Цзыши; западного отдела дуюй управлял примерно 6 000 с лишним семейств, с местопребыванием в округе Пэй; южного отдела дуюй управлял примерно 3 000 с лишним семейств, с местопребыванием в округе Пузцы; северного отдела дуюй управлял примерно 4 000 с лишним семейств, с местопребыванием в округе Синьсин; среднего отдела дуюй управлял примерно 6 000 с лишним семейств, с местопребыванием в округе Тайлин.

По вступлении на престол Уди⁶¹ на границе за Великой китайской стеной роды Дашуй, Сайни, Хэнаньские и другие 20 000 с лишком семейств приняли китайское подданство. Император, приняв их, отправил на местожительство в Хэси под древний город Иян, и затем снова они смешались с цзиньскими людьми. Затем в Пиньян, Сихэ, Тайюань, Синьсин, Шандин, Лопин, во всех округах не было округа, в котором не было бы гуннов.

В 272 г. шаньюй Мэн взбунтовался в военных поселениях города Кунсе. Уди отправил Лоухоу и Хэчжена с императорскими полномочиями наказать их. Чжэн, как обычно, сообразил, что Мэнские гунны были дерзки и злы и то, что их нельзя усмирить малым количеством солдат, и тайно побудил восточной части управителя по имени Ликэ убить Мэна. После этого гунны, испугавшись, покорились. В течение долгих лет гунны не осмеливались опять бунтовать. После этого, из-за небольшой причины разгневались и избили китайского посланника. Постепенно гунны на границе начали производить бедствия.

Шиюйши⁶² области Сихэ по имени Гоцинь представил императору доклад: «Жунские варвары сильны и издавна причиняют бедствия Китаю. В начале династии Вэй людей мало было в северо-западных округах, все было местопребыванием жунов. Теперь, несмотря на то, что они покорились, если 100 лет пройдет, военные беспорядки снова возникнут. Варварская конница от Пиньяна, Шандаи не пройдет и 3-х дней как достигнет Мэнцзинья⁶³. Северные земли Сихэ, Тайюань, Пини, Аньдин, Шанцзюнь — все являются варварским домом. Следовало бы внушить им страха подобно успокоению У». Советник отважно докладывает: «Северные земли, Сихэ, Аньдин, опять Шанцзюнь, Пини в Пиньяне самые северные округа одиноки, надо взять смертников и сослать их в Саньхэ, Саньвэй, для присмотра за границей в количестве 40 000 семейств, и сосланные не дадут дикарям причинять беспокойство Китаю. Постепен-

⁶¹ В 265 г.

⁶² Цензор.

⁶³ Переправа в провинции Хэнань.

но ссыльные в Пиняне расширят земледелие в Вэйцзюнье, Цзинчжао и Шандине, быстро смешаются с варварами. Варвары будут втянуты в защиту. Последующие и прошлые князья так управляли отдаленными местностями, долгие годы непрерывно». Император не принял его предложений. В 5-й год Тайкан⁶⁴ опять появился гунский Хутайахоу, предводительствуя своими аймаками 29 300 человек, принял подданство. В 7-й год⁶⁵ затем сюннский Худудабо, а также Вэйсоху, каждый предводительствуя своими аймаками большими и малыми, в общем 10 000 душ, продвинулся в Юнчжоу. Губернатор, князь района Фуфын, быстро покорил их.

В следующей год сюннские предводители, Дадоу, Дэи, Юйцзюй и др., снова, предводительствуя своими аймаками, большими и малыми в количестве 11 500 душ, 22 000 коров, 115 000 баранов, колесницами и кибитками и другим скарбом неисчислимым – пришли покориться, вместе с приношением дани из вещей их страны. Император ласково принял их.

Северных варваров аймаки разделились на части. Из них вошедших в пределы Китая имеются следующие: Тугэ род, Сяньчжи род, Коутоу род, Утань род, Чидэ род, Ханьчжи род, Хэйлан род, Чиша род, Юйбин род, Вэйсо род, Тутун род, Бомерод, Цянцхой род, Хэлай род, Чжунци род, Далоу род, Юнцхой род, Чжэньшу род, Лицзе род, всего 19 родов. Все имели стойбища и не смешивались. Род Тугэ был самым храбрым и благородным, и поэтому из него могли быть шаньюи. Начальники всех родов их государства назывались: Восточный Сяньван, Западный Сяньван, Восточный Иливан, Западный Иливан, Восточный Юйлу князь, Западный Юйлу князь, Западный Цзяньшан князь, Восточный Цзяньшан князь, Восточный Шофан князь, Западный Шофан князь, Восточный Дулу князь, Западный Дулу князь, Восточный Сяньлу князь, Западный Сяньлу князь, Восточный Аньло князь, Западный Аньло князь, всего 16⁶⁶. Все ставились из шаньюевых родственников – детей и младших братьев. Их Восточный Сяньван самый благородный /знатный и старший сын получал это место. У них 4 знатных фамилии⁶⁷: род Хуянь, Бу, Лань и Цяо, но род Хуянь самый знатный. Также имеются: восточный Жичжу и западный Жичжу и наследственно несли должность род Бу, также восточный Цзюйцой и западный Цзюйцой из рода Лань, также восточный Данху и западный Данху из рода Цяо, также восточный Духоу и западный Духоу, а также Чэян, Цзюйцой. Остальные посты по-разному назывались, подобно китайскому чиновничеству. В их государстве люди имели еще род Цзиму и род Лэ; все были смелые и храбрые и любили бунтовать.

Во время Уди имелись верховный надзиратель (Циду) рода Цзиму по имени Цяньсефау и Гунцяньчиша дуой. При Хуйди⁶⁸ в 291 г. сюннский Хаосань разбил Шандин и

⁶⁴ 391 г.

⁶⁵ 393 г.

⁶⁶ Деление на «западное» и «восточное», «правую» и «левую» части характерно и для позднейших тюрков.

⁶⁷ Это наблюдается и в позднейших тюркских и тюрко-монгольских государствах, например в Волжской Булгарии, в Монгольской империи, в Золотой Орде и в Казанском ханстве (см., например, сообщение Ибн Фадлана, ал-Омари и С.Герберштейна).

⁶⁸ 290–307 гг.

убил Чжанши, вошли и защищали Шанцзюн. В следующий год младший брат Хао Сань по имени Дуюань также управлял Пини. Северной земли Цянские варвары разбили и рассеяли 2 округа. С этого времени и далее северные варвары постепенно распространяли беспорядки в Китае...».

ИОРДАН О СКИФАХ, ГУННАХ И БУЛГАРАХ

Древнейшие упоминания племен с именем «гунн» в пределах Восточной Европы крайне немногочисленны. Наибольшее значение имеют упоминания Птолемея. Видимо, появление здесь этнонима «гунн» в первых веках нашей эры было связано с первым движением гуннов из глубин Восточной Азии в Восточную Европу.

Первое упоминание племенного названия «гунн» зарегистрировано Дионисием Периегетом, жившим около 160 г. н.э. С тех пор до так называемого «гуннского периода» в истории Европы этнополитоним «гунны» не исчезает и отмечается рядом других позднейших авторов. Клавдий Птолемей в 175 – 182 гг. отмечает «гуннов» и помещает их между бастарнами и роксоланами у берегов Борисфена (Днепра).

Любопытное свидетельство о происхождении европейских гуннов приводит Зосим в «Новой истории», написанной в конце V в. Отмечая нападение некоего «варварского» племени на готов, он указывает: «Их называли унами; остается неизвестным, следует ли их называть царскими скифами или признать за тех курносых и бессильных людей, которые, по словам Иродота⁶⁹, жили по Истру, или они перешли в Европу из Азии. Я нашел и такое известие, что киммерийский Боспор⁷⁰, занесенный илом из Танаиса⁷¹, дал им возможность перейти сухим путем из Азии в Европу».

У латинских писателей сведения о гуннах мы находим уже в последней четверти IV в. Так, Авзоний упоминает о «свирепых хуннах», а Аврелий Виктор помещает их вместе с аланами во Фракии и Дакии. Аммиан Марцеллин в конце IV в. коротко сообщает, что «род гуннов, о которых мало знают древние памятники⁷², живет за Мэотийскими болотами⁷³ у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости».

Те же сведения о гуннах сообщают Амвросий (IV в.), Пруденций (IV – начало V вв.), Евсевий и Иероним (IV–V вв.). Клавдий Клавдиан (IV–V вв.) подтверждает сообщения Филосоторгия, Зосима и др., указывая: «Этот народ живет на крайнем востоке Скифии за ледяным Танаисом».

⁶⁹ Геродот.

⁷⁰ Керченский пролив.

⁷¹ Танаис – совр. Дон.

⁷² Речь идет о европейских источниках; в азиатских (в частности, в китайских) источниках о «гуннах /хуннах/ /сюннах» упоминается за много столетий до н.э. См., например, работы К.Иностранцева («Хунну и Гунны...», 1926), А.Н.Бернштама («Очерк истории гуннов», 1951), Л.Н.Гумилева («Хунну: Срединная Азия в древние времена», 1960; «Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами», 1974), Н.Н.Крадина («Империя хунну», 1996), О. Maenchen-Helben («The World of the Hunns», 1973).

⁷³ Меотида – совр. Азовское море.

Судя по первым известиям о гуннах, до массового нашествия из Азии, т.е. до 371 г., можно предполагать, что образование союза кочевников, известного под названием гунны, в дальнейшем – авары, объединение их в степях Восточной Европы было процессом автохтонным, в котором возникновение местного нового (после «Скифии» и «Сарматии») объединения кочевых племен сочеталось с нашествием гуннов с далекого востока, причем нашествие с востока не положило начало «гуннскому периоду» в истории Европы, а лишь ускорило процесс образования нового тюркского племенного союза Восточной Европы, и восточные гунны дали имя этому новому племенному объединению. Это, к примеру, подтверждает и цитируемый здесь Иордан, указывая, что какая-то часть западных гуннов возникла непосредственно на восточноевропейской почве.

Работа историка VI в. Иордана «Getica» – одно из крупнейших произведений эпохи раннего европейского средневековья. Автор посвятил ее истории готв (гетов), показав их судьбы начиная с того времени, когда они покинули Скандинавию и высадились близ устьев Вислы; затем он описал их продвижение к Черному морю, а потом на запад, вплоть до пределов Италии и Испании. История готв, образовавшихся в V в. государства вестготов (везеготов) и остготов (остроготов), доведена автором до середины VI века – свой труд Иордан закончил в 551 г.

Значение труда Иордана как важного исторического источника определяется тем, что автор, развивая основную тему, дополнил ее множеством сообщений из истории всей эпохи в целом (в частности, он уделил большое внимание истории гуннов). Таким образом, он сумел представить грандиозную картину «переселения народов» в IV–VI вв.

Далее предлагаются отрывки из работы Иордана. Текст взят из издания: Иордан. О происхождении и деяниях гетов/Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. (Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»). – М.: Изд-во вост. лит., 1960.

«... Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Мурсианское озеро⁷⁴; она тянется до рек Тирь, Данастра⁷⁵ и Вагосолы, а также великого того Данапра⁷⁶ и до горы Тавра – не той, что в Азии, а собственной, т.е. скифской, – по всей прилегающей к Мэотиде⁷⁷ местности и за Мэотиду, через Босфорские проливы⁷⁸ до Кавказских гор и реки Аракса; затем Скифия, загнувшись в левую сторону, за Каспийское море (а это последнее возникает на крайних границах Азии, от северо-восточного океана, в виде гриба, сначала тонкого, потом – широчайшей круглой формы), склоняется к области гуннов и отступает до албанов и серов⁷⁹.

Эта, повторяю, страна, а именно Скифия, вытягиваясь в длину и разветвляясь в

⁷⁴ ?

⁷⁵ Днестр.

⁷⁶ Днепр.

⁷⁷ Азовское море.

⁷⁸ Керченский пролив.

⁷⁹ Албаны – жители Кавказской Албании; серы – китайцы.

ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада – германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга – Персией, Албанией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра, который называется также Данубием от устья своего до истока.

С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья⁸⁰, она охвачена неизвестными городами; это – Борисфенида, Ольвия, Каллиполида, Херсона, Феодосия, Кареон, Мирмикий и Трапезунта, основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю.

Посередине Скифии есть место, которое разделяет Азию и Европу одну от другой; это – Рифейские горы⁸¹, которые изливают широчайший Танаис⁸², впадающий в Мэотиду. Окружность этого озера равна 144 000 шагов, причем оно нигде не опускается глубже, чем на 8 локтей.

В Скифии первым с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе по его области протекает Тизия; с юга же эту область отсекает сам великий Данубий, а с востока Флотавзий; стремительный и полный водоворотов, он, ярьась, катится в воды Истра. Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы⁸³. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами...

На побережье океана, там, где через три гирла⁸⁴ поглощаются воды реки Вистулы, живут видварии, собравшиеся из различных племен; за ними берег океана держат эсты, вполне мирный народ. К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты.

Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья, совершившиеся по грехам нашим.

А там и гунны, как плодovitейшая поросль из всех самых сильных племен, закишли надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альяцигирами, другие – савирами, но места их поселений разделены: альяцигиры – около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю.

Хунугуры же известны тем, что от них идет торговля шкурками грызунов; их устрашила отвага столь многочисленных мужей⁸⁵.

⁸⁰ Побережье Черного моря.

⁸¹ Уральские горы.

⁸² Дон.

⁸³ Речь идет о Карпатах и Трансильванских Альпах.

⁸⁴ Т.е. три притока.

⁸⁵ Так в тексте.

Спустя немного времени, как передает Орозий, взъярилось на готов племя гуннов⁸⁶, самое страшное из всех своей дикостью. Из древних преданий мы узнаем, как они произошли.

Король готов Филимер, сын великого Гадариха, после выхода с острова Скандзы, пятым по порядку держал власть над гетами и... вступил в скифские земли⁸⁷. Он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке называл галиуруннами. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобию человеческой речи.

Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к границам готов. Этот свирепый род, как сообщает историк Приск, расселившись на дальнем берегу Мэотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами.

Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды⁸⁸, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро, которое до тех пор считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез. Я полагаю, что сделали это, из-за ненависти к скифам, те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение.

Вовсе не зная, что, кроме Мэотиды, существует еще другой мир, и приведенные в восхищение скифской землей, они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, никогда ранее неведомый, показан им божественным соизволением. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию⁸⁹ и убеждают все племя отправиться туда по пути, который они узнали, следуя указанию оленя.

Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они перешли громадное озеро, то – подобные некоему урагану племен – захватили там алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, сидевших на побережье этой самой Скифии. Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них общей человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми стычками. Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас

⁸⁶ Появление гуннов на Северном Кавказе и близ Дона историки относят примерно к 360–370 гг.

⁸⁷ Речь идет о событиях второй половины II в.

⁸⁸ Речь идет о ее восточной части.

⁸⁹ Здесь речь идет об узкогеографической Причерноморской/Крымской Скифии; выше Иордан отмечал, что Скифия – это территория «от Германии до китайцев».

своим страшным видом; они обращали аланов в бегство, потому что образ гуннов пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юности лишены красоты, т.к. лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами.

Ростом они велики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости.

Когда геты увидели этот воинствующий род – преследователя множества племен, они испугались и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага...

В двенадцатый год правления Валии⁹⁰, гунны были изгнаны римлянами и готами из Паннонии после почти 50-летнего обладания ею...

Что же дальше? По смерти Валии... ему наследовал Теодорид, гораздо более благополучный и счастливый. Он был человеком, исполненным высшей осторожности и умевшим использовать как душевные, так и телесные свои способности.

Во время консульства Феодосия и Феста⁹¹ римляне, нарушив мир, пошли против Теодорида войной в Галлию, присоединив к себе гуннские вспомогательные войска.. Римское войско двинуло против готов свои силы вместе с гуннскими вспомогательными отрядами под предводительством Литория. Долго стояли вытянутые ряды воинов обеих сторон; и те, и другие были сильны, и ни те, ни другие не оказались слабее противника; тогда, протянув друг другу десницу, они вернулись к прежнему соглашению, и после того, как был заключен союз и установлен обоюдный крепкий мир, войска разошлись.

В этом мирном договоре участвовал Аттила, повелитель всех гуннов и правитель – единственный в мире – племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров. Историк Приск, отправленный к нему с посольством от Феодосия Младшего, рассказывает, между прочим, следующее: переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрикку, мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигойя, храбрый из готов; оттуда же неподалеку достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение, говорю я, было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить – и то при старании – стык между ними. Видны были и триклинии, протянувшиеся на

⁹⁰ Король везеготов Валий правил в 415–419 гг.

⁹¹ Т.е. в 439 г.

значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего в своей власти весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам.

Этот самый Аттила был рожден от Мундзука, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледю.

Чтобы перед походом, который он готовил, быть равным противнику, он ищет приращения сил своих путем братоубийства и, таким образом, влечет через истребление своих к всеобщему междоусобию. Но, по решению весов справедливости, он, взрастивший могущество свое гнусным средством, нашел постыдный конец своей жестокости.

После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира – римлян и везегов. Говорили, что войско его достигало 500 000.

Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и малярскими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом кожи, он являл все признаки своего происхождения. Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах.

Поняв, что помыслы Аттилы обращены на разорение мира, Гизерих, король вандалов... всяческими дарами толкает его на войну с везеготами, опасаясь, как бы Теодорид⁹², король везегов, не отомстил за оскорбление своей дочери; ее отдали в замужество Гунериху, сыну Гизериха, и вначале она была довольна таким браком,

⁹² Теодорид (Теодорих) (ок.454–526) – король остготов с 493 г.

но впоследствии, т.к. он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была отослана обратно в Галлию к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда для мужа; лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее взывала к отцу о мщении.

Тогда Атилл, порождая войны, давно зачатые подкупом Гизериха, отправил послов в Италию к императору Валентиниану, сея таким образом раздор между готами и римлянами, чтобы хоть из внутренней вражды вызвать то, чего не мог он добиться сражением; при этом он уверял, что ничем не нарушает дружбы своей с империей, а вступает в борьбу лишь с Теодоридом, королем везеготов. Желая, чтобы обращение его было принято с благосклонностью, он наполнил остальную часть послания обычными льстивыми речами и приветствиями, стремясь ложью возбудить доверие. Равным образом он направил письмо и к королю везеготов Теодориду, увещевая его отойти от союза с римлянами и вспомнить борьбу, которая незадолго до того велась против него. Под крайней дикостью таился человек хитроумный, который, раньше чем затеять войну, боролся искусным притворством.

Тогда император Валентиниан направил к везеготам и к их королю Теодориду посольство с такими речами: «Благоразумно будет с вашей стороны, храбрейшие из племен, согласиться соединить наши усилия против тирана, посягающего на весь мир. Он жаждет порабощения вселенной, он не ищет причин для войны, но – что бы ни совершил – это и считает законным... Вы, могучие вооружением, подумайте о страданиях своих, объедините все войска свои! Окажите помощь и империи, членом которой вы являетесь. А насколько вождь, насколько ценен для нас этот союз, спросите о том мнение врага!».

Вот этими и подобными им речами послы Валентиниана сильно растрогали короля Теодорида, и он ответил им: «Ваше желание, о римляне, сбылось: вы сделали Атиллу и нашим врагом! Мы двинемся на него, где бы ни вызвал он нас на бой; и хотя он и возгордился победами над различными племенами, готы тоже знают, как бороться с гордецами...». Криками одобряют комиты⁹³ ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл; все жаждут гуннов-врагов.

И вот выводит Теодорид, король везеготов, бесчисленное множество войска... Войско счастливо, подкрепление обеспечено, содружество приятно: все это налицо, когда имеешь расположение тех, кого радует совместный выход навстречу опасностям. Со стороны римлян великую предусмотрительность проявил патриций Аэций, на котором лежала забота о Гесперийской стороне империи⁹⁴; отовсюду собрал он воинов, чтобы не оказаться неравным против свирепой и бесчисленной толпы. У него были такие вспомогательные отряды: франки, сарматы, арморицианы, литицианы, бургундионы, саксоны, рипариолы, брионы – бывшие римские воины, а тогда нахо-

⁹³ Комиции – в Древнем Риме народное собрание, избиравшее должностных лиц, принимавшее законы, решавшее вопросы войны и мира.

⁹⁴ Подразумевается Западная Римская империя.

дившиеся уже в числе вспомогательных войск, и многие другие как из Кельтики, так и из Германии.

Итак, сошлись на Каталаунских полях, которые иначе называются Мавриакскими⁹⁵... Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем. Какую можно сыскать причину, достойную того, чтобы привести в движение такие толпы? Какая же ненависть воодушевила всех вооружиться друг против друга? Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов и по воле надменного короля в одно мгновение уничтожается то, что природа производила в течение стольких веков!

Но раньше, чем сообщить о самом ходе битвы, необходимо показать, что происходило вначале, перед сражением. Битва была настолько же славна, насколько была она многообразна и запутанна. Сангибан, король аланов, в страхе перед будущими событиями обещает сдаться Аттиле и передать в подчинение ему галльский город Аврелиан⁹⁶, где он тогда стоял. Как только узнали об этом Теодорид и Аэций, тотчас же укрепляют они город, раньше чем подошел Аттила, большими земляными насыпями, стерегут подозрительного Сангибана и располагают его со всем его племенем в середине между своими вспомогательными войсками.

Аттила, король гуннов, встревоженный этим событием и не доверяя своим войскам, устранился вступить в сражение. Между тем, обдумав, что бегство гораздо печальнее самой гибели, он приказал через гадалек спросить о будущем. Они, глядя на по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда. Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Аттила, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной гибели стремиться убить Аэция, который как раз стоял на пути его – Аттилы – движения. Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его.

Сошлись стороны, как мы уже сказали, на Каталаунских полях. Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, выростало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими союзниками, левую же – римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся ничьей вершину.

Правое крыло держал Теодорид с везеготами, левое – Аэций с римлянами; в се-

⁹⁵ Знаменитая равнина в Шампани к западу от города Труа и левого берега верхней Сены, где в июне 451 г. произошла грандиозная битва племен, возглавляемых, с одной стороны, Атилой, с другой – Аэцием; хотя западные историки и пишут, что здесь потерпели поражение гунны, весь ход дальнейших событий опровергает это мнение.

⁹⁶ Орлеан.

редине поставили Сангибана, о котором мы говорили выше и который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, был окружен толпой верных людей. Ибо легко принимается необходимость сражаться, когда бегству поставлено препятствие.

По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильнейшей части своего племени, оказывался избавленным от наступающей опасности. Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинившиеся его власти. Среди них преобладало войско остроготовов, под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера, более благородных по происхождению, чем сам король, которому они служили, потому что их озаряло могущество рода Амалов. Был там и Ардарих, славнейший тот король бесчисленного полчища гепидов, который, по крайней преданности своей Аттиле, участвовал во всех его замыслах. Аттила же, взвешивая все с присущей ему проницательностью, любил его и Валамера, короля остроготовов, больше, чем других царьков...

Итак, происходила борьба за выгодную, как мы сказали, позицию того места. Аттила направляет своих, чтобы занять вершину горы, но его предупреждают Торисмунд и Аэций, которые, взобравшись на верхушку холма, оказались выше и с легкостью низвергли подошедших гуннов благодаря преимущественному положению на горе.

Тогда Аттила, увидев, что войско его по причине только что случившегося пришло в смятение, решил вовремя укрепить его следующими речами: «После побед над таким множеством племен, после того как весь мир – если вы устоите! – покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело. Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрецу слаще стремления платить врагу своей же рукой? Насыщать дух мщением – это великий дар природы! Итак, быстрые и легкие, нападём на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноязычные племена... Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь, гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие!.. Я не сомневаюсь в исходе – вот поле, которое сулила нам все наши удачи! И я первый пущу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!».

И зажженные этими словами, все устремились в бой.

Хотя событие развивалось ужасное, тем не менее присутствие короля подбодрило унывающих. Сходятся в рукопашную; битва – лютая, переменная, зверская, упорная. О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каковых нет ничего, что можно было бы наблюдать в жизни, если только не быть самому свидетелем этого самого чуда. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бы-

вало обычно, но взволновавшийся от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они – раненые – пролили.

Там король Теодорид, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же... Это и было тем, о чем вначале сообщили Аттиле гадали в их предсказаниях, хотя он и помышлял это об Аэции.

Тут везеготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградами лагеря, которые он держал окруженными телегами, как валом; хотя и хрупка была эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могло противостоять никакое каменное укрепление.

Торисмуд, сын короля Теодорида, который вместе с Аэцием захватил раньше холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов. Он храбро отбивался, но, раненный в голову, был сброшен с коня; когда свои благодаря догадке освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться. Аэций, равным образом оторванный от своих в ночной сумятице, блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами; наконец, он пришел к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной щитов. На следующий день на рассвете римляне увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в нее: уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственный король, хотя и окруженный. Сошлись тогда готы и римляне и рассуждали, что сделать с Аттилой, которого они одолели. Решили изнурять его осадой, т.к. он не имел запаса хлеба, а подвоз задерживался его же стрелками, сидевшими внутри оград лагерей и беспрестанно стрелявшими. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания; он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов...

В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 000 человек, не считая 15 000 гепидов и франков; эти раньше, чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке – франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов.

Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость, как обыкновенно думают обо всем неожиданном. Но

когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу...

Аттила, воспользовавшись уходом везеготов⁹⁷ и заметив распад между врагами на два лагеря, — чего он всегда желал, — успокоенный двинул скорее войско, чтобы потеснить римлян. Первым его нападением была осада Аквилей, главного города провинции Венетий⁹⁸; город этот расположен на остром мысу или языкообразном выступе Адриатического залива; с востока стену его лижет водами своими река Натисса, текущая с горы Пикцис. После долгой и усиленной осады Аттила почти ничего не смог там сделать; внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его собственное войско уже роптало и стремилось уйти. Однажды Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же еще задержаться; вдруг он обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на верхушках домов, тащат птенцов из города и, противно своим привычкам, уносят их куда-то за поля. А так как был он очень проницателен и пытлив, то и представил своим следующее соображение: «Посмотрите, — сказал он, — на этих птиц; предвдя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, т.к. опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной; в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки». Что же дальше? Этим снова воспламенил он души своих на завоевание Аквилей. Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия, они немедля врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов. Еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским городам. Опустошая они также Медиолан, главный город Лигурии, некогда столицу⁹⁹; равным образом разметывают Тицин, истребляя с яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию. Но когда возникло у Аттилы намерение идти на Рим, то приближенные его, как передает историк Приск, отвлекли его от этого, однако не потому, что заботились о городе, коего были врагами, но потому, что имели перед глазами пример Алариха, некогда короля везеготов, и боялись за судьбу своего короля, ибо тот после взятия Рима¹⁰⁰ жил недолго и вскоре удалился от дел человеческих. И вот, пока дух Аттилы колебался относительно этого опасного дела — идти или не идти — и, размышляя сам с собой, медлил, подоспело к нему посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев на Амбурейское поле в провинции Венетии, там, где река Минций пересекается толпами путников. Аттила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Дунай, обещая соблюдать мир. Он объявил перед всеми и, приказывая, угрожал,

⁹⁷ Что было вызвано смертью Теодориды и предполагаемых в связи с этим последствий.

⁹⁸ Была расположена в северо-восточной Италии.

⁹⁹ Милан. С конца III в. до начала V в. Милан был столицей Западной Римской империи.

¹⁰⁰ В 410 г.

что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию, сестру императора Валентиниана, дочь Пладиции Августы, с причитающейся ей частью царских сокровищ. Рассказывали, что эта Гонория по воле ее брата содержалась заточенная в состоянии девственности ради чести дворца; она тайно послала евнуха к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата – вовсе недостойное деяние: купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства.

Аттила вернулся на свои становища и, как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами. Поступая таким образом, он, лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую – направлял оружие, а излишек своего негодования излил, обратив свое лицо против везеготов. Но исхода тут он добился не того, какой имел с римлянами. Идя обратно по иным, чем раньше, дорогам, Аттила решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером¹⁰¹, чтобы, изменив после их поражения самый вид войны, угрожать еще ужаснее. Итак, выступив из Дакии и Паннонии, провинций, где жили тогда гунны и разные подчиненные им племена, Аттила двинул войско на аланов. Но Торисмуд, король везеготов, предвосхитил злой умысел Аттилы с не меньшим, чем у него, хитроумием: он с крайней быстротой первый явился к аланам и, уже подготовленный, встретил движение войск подходившего Аттилы. Завязалась битва почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях; Торисмуд лишил Аттилу всякой надежды на победу, изгнал его из своих краев без триумфа и заставил бежать к своим местам. Так достославный Аттила, одержавший так много побед, когда хотел унижить славу своего погубителя и стереть то, что испытал когда-то от везеготов, претерпел теперь вдвойне и бесславно отступил...

...И не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна.

Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги – после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, – девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю¹⁰².

¹⁰¹ Река Дура во Франции.

¹⁰² Аттила умер в 453 г.

На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от излияния крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей¹⁰³.

В связи с этим произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока¹⁰⁴, обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало – как раз в ту самую ночь – сломанный лук Аттилы, именно потому, что племя это много употребляет такое оружие. Историк Приск говорит, что может подтвердить это явление божества истинным свидетельством. Настолько страшен был Атила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим.

Не преминем сказать – хоть немного из многого – о том, чем племя почтило его останки. Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это предвещало поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: «Великий король гуннов Атила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, – дабы не было отдано и остальное на разграбление, – умилованный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?».

После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане «страву» (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные чувства, выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием.

Ночью, тайно, труп передают земле, накрепко заключив его в три гроба – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо – потому что он покорила племена, золото и серебро – потому что он принял орнат¹⁰⁵ обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры¹⁰⁶, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украше-

¹⁰³ Такой обычай существовал у тюрков издавна, и эта традиция долго сохранялась. Например, византийские послы наблюдали подобную картину в 576 г. при похоронах Дизабула, главы Западного Тюркского каганата; см. также «Полное описание монголо-татар» и другие источники.

¹⁰⁴ Речь идет о Восточной Римской империи.

¹⁰⁵ Убор императора.

¹⁰⁶ Серебряные или золотые крупные нагрудные бляхи, служившие почетными знаками воинов.

ния, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно таким образом вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного¹⁰⁷.

После того как все было закончено, между наследниками Атиллы возгорелся спор за власть...».

АТТИЛА В «ПЕСНЕ О НИБЕЛУНГАХ»

«Песнь о Нибелунгах» – героическая поэма, состоящая из 39 авертур, написанная на верхненемецком языке средних веков, или так называемом средневерхненемецком, относится к эпохе расцвета средневековой европейской культуры – началу XIII в. Она была опубликована в 1757 г. и с тех пор является объектом многостороннего внимательного изучения исследователей. Основа ее – героические сказания и песни южногерманских племен о событиях IV – VI вв., так называемой «эпохи переселения народов», когда эти племена расселились в провинциях распавшейся Римской империи, создавая «варварские» королевства и одновременно то ведя войну с пришельцами-гуннами, обрушившимися на Центральную Европу, то вступая с ними в союз. Поэма, по мнению ученых, несомненно принадлежит одному автору, анонимному, как это почти всегда бывает с героическими поэмами средневековья, – может быть, профессиональному поэту-сказителю – «шпильману», может быть, духовному лицу. Существует в основном 2 противоречивых мнения о том, как создавалась поэма. Прежде господствовала теория о том, что «Песнь о Нибелунгах» есть синтез разрозненных песен, которым искусственно было придано некое единство. В настоящее время преобладающим является мнение о том, что в основе поэмы лежит некая песнь, являющаяся центральной, – она как бы разрослась, вбирая в себя другие песни и сказания данного цикла. Его высказал и убедительно защитил в 20-х годах нашего столетия немецкий исследователь А.Хойслер. Его теория распространяется вообще на большинство героических поэм средневековой Европы; в частности же относительно «Песни о Нибелунгах» Хойслер показал, что первая ее часть (подвиги и смерть Зигфрида) и вторая (месть Кримхильды) имеют 2 различных «ядра»: в первом случае это песня о сватовстве, во втором – песня о гибели Бургундского королевства, разгромленного гуннами.

Неизвестный автор поэмы трактовал обе эти части как единый сюжет, хотя на его работе отразились различия в сказаниях, которыми он пользовался, в их более древних и более новых версиях, отчего в поэме можно обнаружить различные непоследовательности и даже противоречия. Однако значение их второстепенное и для непосредственного читательского восприятия несущественное.

¹⁰⁷ Об аналогичном сообщает Ибн Фадлан, описывая погребение «царя хазар».

На русском языке существует несколько переводов «Песни...». Первый – перевод М.И.Кудряшова 1889 года. К настоящему времени одним из наиболее точных и высокохудожественных считается перевод Ю.Корнеева (первое издание осуществлено в Москве в 1972 г.). Здесь мы используем перевод Ю.Корнеева из книги: Западноевропейский эпос/ Составитель Л.А.Плотникова, примечания Н.Я.Рыковой.– Л.: Лениздат, 1977.– С.240 – 495.

«...Авентюра ХХ

О том, как король Этцель¹⁰⁸ послал в Бургундию за Кримхильдой

По смерти Хельхи¹⁰⁹ Этцель стал спрашивать друзей,
Кого б ему вторично избрать женой своей.
«Коль в брак вступить вы склонны, – ответили друзья, –
Пошлите сватов, государь, в бургундские края.

Живет вдова на Рейне, прекрасна и знатна.
Супругу вашу Хельху заменит вам она.
Достойней, чем Кримхильда, для вас подруги нет –
На ней сам Зигфрид¹¹⁰ был женат, тому 13 лет».

«Мне, – рек державный Этцель, – Кримхильда не чета.
Язычник я доселе, она же чтит Христа,
И если б согласилась вдова мою статью,
Я б это, без сомнения, за чудо мог считать».

Вельможи возразили: «Попробовать не грех.
Славнее и богаче вы государей всех.
Достоинства такие прельстить вдову должны,
А вам вовеки не найти прекраснее жены».

«Кому из вас, – промолвил им Этцель в свой черед, –
Знакомы край прирейнский и тамошний народ?» –
«Кримхильду в колыбели когда-то я качал, –
Так Рюдегер Бехларенский владыке отвечал.»

¹⁰⁸ Аттила.

¹⁰⁹ Речь идет о Керке – первой жене Аттилы.

¹¹⁰ Зигфрид – главный герой 1-й части саги о Нибелунгах. Сын короля Зигмунда из рода Вольсунгов, Зигфрид вырастает в безвестности, убивает дракона, обручается с Брунгильдой (королевой Исландии), но забывает ее и женится на сестре бургундского короля Гудруне (=Кримхильде); для своего зятя Гунтера завоевывает руку Брунгильды, но она подбивает Гагена убить его. Происхождение образа Зигфрида, который, несомненно, имеет историческую почву, неизвестно; многие черты Зигфрида напоминают франкского короля Зигеберта I (ум. в 575 г.).

И братьев королевы я знал в былые дни.
 Зовутся Гунтер, Гернот и Гизельхер они.
 Разумные в совете, отважные в бою,
 Они ревниво берегут честь предков и свою».

Спросил маркграфа Этцель: «Мой друг, скажи мне честно,
 Насколько между нами супружество уместно
 И вправду ли Кримхильда так хороша собой,
 Что лучшие мои друзья одобрят выбор мой».

«Мой государь, красива жена у вас была,
 Но прелестью Кримхильда и Хельху превзошла.
 Прекрасней королевы не видел мир вовек.
 Тот, кто супругом станет ей, – счастливый человек».

Воскликнул Этцель: «Сватай Кримхильду за меня
 И знай, что если только я доживу до дня,
 Когда на ложе с нею взойти удастся мне,
 За труд ты будешь, Рюдегер, вознагражден вполне».

Коль ехать ты согласен, дадут тебе и свите
 Коней, оружие, платье – все, что ни захотите.
 Ни в чем нужды не будешь знать, мой друг, в пути.
 Лишь постарайся в жены мне Кримхильду привезти».

Но Рюдегер учтиво сказал ему в ответ:
 «Нет, ваше достоянье мне расточать не след.
 Меня казной так щедро вы оделили встарь,
 Что ваш посол вас не введет в расходы, государь».

Державный Этцель молвил: «В дорогу поспеши,
 А я здесь буду небо молить от всей души
 О полном и скорейшем успехе сватовства.
 Дай Бог, чтоб не отринула моей любви вдова».

Маркграф ответил: «Скоро я двинусь за рубеж,
 Но платьем и оружием позапасусь допрежь.
 Чтob мы себя на Рейне сумели показать.
 Туда с собою пятсот мужей я собираюсь взять».

Хочу я, чтоб бургунды при нашем появленьи
О том, кому мы служим, сказали в изумленьи:
«Неслыханно, наверно, их государь силен,
Коль может столько витязей послать в посольство он».

А вы не позволяйте советчикам дурным
Твердить, что был Кримхильдой сын Зигмунда любим.
В стране гостил он вашей, и вы его знавали.
Воитель столь же доблестный на свете был едва ли».

«Ну, что ж! – воскликнул Этцель. – Коль был женат на ней
Славнейший и знатнейший из всех богатырей,
Искать руки Кримхильды отнюдь не стыдно мне
И для меня ее краса желаннее вдвойне».

Тут Рюдегер закончил: «Коль вы на брак согласны,
Дам знать я Готелинде, жене моей прекрасной,
Что вы к Кримхильде сватом отправили меня.
На сборы ж надо будет мне 24 дня».

Гонца в родной Бехларен послал к жене маркграф,
И к радости и к скорби ей повод вестью дав:
Да, мужу лестно сватом у государя быть,
Но можно ль Хельху милую когда-нибудь забыть?

Когда была ей новость гонцом сообщена,
Спросила со слезами сама себя она,
Какую королеву теперь пошлет ей бог,
И Хельху вспомнила добром, и подавила вздох.

С усердьем долг исполнить всегда готов и рад,
Из Венгрии¹¹¹ уехал через неделю сват.
Он по пути был Вену намерен посетить,
Чтоб там для спутников своих одежду захватить.

А Готелинда с дочкой в Бехларене родном
Свиданья ожидали с супругом и отцом.
Снедало нетерпенье их девушек и дам –
Хотелось всем скорее предстать приезжим удалцам.

¹¹¹ Там находилась столица Гуннской империи.

Маркграф одежду в Вене взял для своих людей.
Немалый груз был взвален на вьючных лошадей,
Но так обоз надежно оберегала стража,
Что на него никто в пути не покусился даже.

Когда маркграф в Бехларен привел бойцов своих,
Нашел он помещение для каждого из них
И к каждому отнесся с радушием большим.
Как Готелинда счастлива была свиданью с ним!

Была их дочка рада еще сильнее, чем мать:
Отца давно хотелось ей снова повидать;
К тому ж взглянуть на гуннов она была не прочь.
С улыбкою промолвила им маркграфиня-дочь:

«Привет тебе, отец мой, и вам, его бойцы!».
Учтиво поклонились в ответ ей удалыцы.
А знатной Готелинде хотелось одного –
Скорее все повыспросить у мужа своего.

Когда лежал в постели с ней за полночь супруг,
Она ему шепнула: «Не скажешь ли, мой друг,
Зачем владыкой гуннов ты послан в край чужой».
Ответил Рюдегер: «Скажу с охотою большой.

К бургундам государем как сват я отряжен.
Взамен прекрасной Хельхи подругу ищет он,
И этою подругой Кримхильда стать должна.
Власть над землею гуннской разделит с ним она».

Жена ему: «Удачи моли себе у Бога.
Слышали о Кримхильде хорошего мы много.
Она, как Хельха, будет нам доброй госпожою,
И государыне такой я рада всей душою».

«Любезная супруга, – маркграф в ответ сказал, –
Тех витязей, которых с собой на Рейн я взял,
Одеждою пристойной снабдить не премини,
Чтоб в путь с душой спокойно отправились они».

Сказала маркграфиня: «Любого из бойцов,
Коль он принять подарок из рук моих готов,
Всем, что в дороге нужно, снабжу охотно я».
Маркграф в ответ: «Приятна мне такая речь твоя».

Шелк и меха достала она из кладовых.
Плащи нашили дамы для витязей лихих
И в новое одели их с головы до ног.
Супруге ткани выбирать сам Рюдегер помог.

С рассветом дня седьмого своих людей посол
Через страну баварцев в Бургундию повел.
И хоть добра немало отряд с собою вез,
Разграбить не смогли в пути разбойники обоз.

На Рейн посол приехал через 12 дней.
Дошло о том известье до братьев-королей,
И в зал дворцовый Гунтер вассалов пригласил.
Когда же собрались они, король у них спросил,

Кто знает, что за люди к его двору явились.
Меж тем, на гуннов глядя, прохожие дивились
Обилию поклажи и платьям дорогим.
Как видно, гости знатные пожаловали к ним.

Был размещен на отдых уже весь люд приезжий,
А во дворце и в Вормсе шли разговоры те же –
Кто эти иноземцы и прибыли отколь.
«Как звать их?» – кликнув Хагена, спросил его король.

Сказал владетель Тронье: «Ответить бы не прочь я,
Да нужно мне сначала увидеть их воочью.
Вот если я ответа вам и тогда не дам,
То, значит, из далеких стран они явились к нам».

Пришельцы отдохнули с дороги сколько надо,
Затем переменяли обычные наряды
На пышную одежду искусного покроя
И вслед за сватом во дворец поехали толпою.

Отважный Хаген молвил, когда взглянул в окно:
 «Хоть я в гостях и не был у Этцеля давно,
 Но вам могу ручаться, что скачет там стремглав
 Не кто иной, как Рюдегер, бехларенский маркграф».

Рек Гунтер: «Не поверю я, Хаген, никогда,
 Чтоб он из края гуннов приехал к нам сюда».
 Король еще не кончил, как Хаген увидел,
 Что Рюдегера правильно в прибывшем угадал.

Он выбежал с друзьями во двор встречать гостей,
 А там уже слезало 500 бойцов с коней,
 Все в панцирях блестящих и платье дорогом.
 Оказан гуннским воинам был ласковый прием.

«Привет, – воскликнул Хаген, – вам гости дорогие,
 Бехларенский правитель и витязи лихие!
 Мы рады видеть в Вормсе столь доблестных бойцов».
 Порадовала речь его приезжих удалцов.

Бургунды обступили гостей со всех сторон,
 И молвил Ортвин Мецский, послу отдав поклон:
 «Ничей приезд доньне – и в этом нет сомненья –
 Нас так еще не радовал, как ваше посещение».

За честь сказал «спасибо» от всей души посол
 И со своей дружиной в дворцовый зал пошел.
 В то время находился с друзьями Гунтер там.
 Король, любезно с места встав, направился к гостям.

К ним подошел и Гернот, за старшим братом вслед.
 Послу с большим радушьем ответил на привет
 И обласкав героев, что вместе с ним вошли,
 Маркграфа взяли за руки учтиво короли.

Бехларенца бок о бок с собою усадил
 В знак уваженья Гунтер, и кравчий нацедил
 Приезжим вдоволь меду и лучшего вина,
 Какое может произвести прирейнская страна.

Встречать гостей явился млад Гизельхер поспешно,
С ним Гере, Данкварт, Фолькер, и все они сердечно
Поздравили с приездом достойного посла.
Равно, как прочим, встреча с ним приятна им была.

Шепнул владетель Тронье бургундскому владыке:
«Мы оказать всем гуннам должны почет великий.
Муж милой Готелинды – наш старый, верный друг.
Примите же поласковой его бойцов и слуг».

Державный Гунтер молвил: «Желаньем я стораю
Узнать, что происходит в далеком гуннском крае.
Надеюсь, Этцель с Хельхой здоровы, как и встарь?».
Маркграф ему: «Отвечу вам охотно, государь».

Встал Рюдегер и встали все, кто вошел с ним в зал.
«Коль вы узнать хотите, – он королю сказал, –
Что за события ныне у нас в стране случились,
Дозвольте передать ту весть, с какой мы к вам явились».

«Маркграф, – воскликнул Гунтер, – ждать не намерен я,
Пока ко мне сойдутся держать совет друзья,
И выслушать согласен сейчас же вашу весть.
Вас самолично принимать считаю я за честь».

Сказал посол достойный: «Король великий мой
Вас повелел уверить, что предан всей душой
И вам, властитель рейнский, и вашим ближним он,
Всем вормсцам от него привез я дружеский поклон.

Вам сообщает также о горе он своем.
Его супруга Хельха уснула вечным сном.
Она осиротила, так рано умерев,
И всех нас, подданных ее, и многих знатных дев,

Которые взрастали с младенчества при ней.
Никто о них не сможет заботиться нежней.
Безмерно печалью страна и двор объаты,
А Этцелю не позабыть вовек такой утраты».

Державный Гунтер молвил: «Пусть Бог воздаст ему
За дружеские чувства к народу моему.
Все рады здесь привету, который нам он шлет,
И услужить ему всегда готовы в свой черед».

Сказал отважный Гернот, Бургундии король:
«Весть о кончине Хельхи нам причиняет боль:
Мы все за добродетель ее глубоко чтим».
И это вормсцы многие немедля подтвердили.

Тут Рюдегер почтенный заговорил опять:
«Мне, государь, дозвоьте еще кой-что сказать.
Поведать вам по правде велел мой господин,
Как ныне, Хельху схоронив, тоскует он один.

А он слышал, что Зигфрид погиб во цвете лет
И у Кримхильды милой супруга больше нет.
Поэтому он просит руки вдовы прекрасной,
Чтоб с нею разделить престол, коль вы на то согласны».

Сказал любезно Гунтер – всегда он был учтив:
«Я не могу ответить, Кримхильду не спросив,
По нраву ли придется ей ваше предложенье.
Дня через 3 я сообщу вам о ее решенье».

Бургунды так убрали покои для гостей,
Что Рюдегер подумал: «Я здесь среди друзей».
Пеклись о нем все вормсцы, а Хаген – тот вдвойне:
С маркграфом он дружил, гостя у Этцеля в стране.

Велел посланцу гуннов ответа ждать 3 дня,
Король распорядился, чтоб вся его родня
И все его вассалы пришли держать совет,
Должна супругой Этцеля Кримхильда стать иль нет.

Отдать ее за гунна все согласились разом,
И только Хаген молвил: «Утратили вы разум!
Нам этот брак, напротив, расстроить надлежит,
Что там ответить Этцелю Кримхильда ни решит».

«Ну нет! – воскликнул Гунтер.– Она – сестра моя,
И сестриному счастью мешать не вправе я.
Коль Этцелю готова женой Кримхильда стать,
О лучшей доле для нее не можем мы мечтать».

«Отвергли б, – бросил Хаген, – вы это сватовство,
Коль Этцеля бы знали, как знаю я его.
Ведь если в самом деле он трон разделит с нею,
Недешево расплатитесь вы за свою затею».

Король ему ответил: «Вовек тому не быть.
К тому же и не смог бы наш зять нас погубить:
Мы никогда не будем застигнуты врасплох».
Но Хаген вновь и вновь твердил: «Король, расчет ваш плох».

Спросили Гизельхера и Гернота потом,
Быть или не быть Кримхильде за гуннским королем,
И оба брата дали согласие на брак.
Не удавалось убедить лишь Хагена никак.

Тут Гизельхер Бургундский стал вразумлять вассала:
«Кримхильде причинили вы, Хаген, зла немало,
И если счастье снова познать ей суждено,
То вам замужеству ее препятствовать грешно».

Млад Гизельхер добавил: «На вас одном вина
За то, что к вам враждою сестра моя полна:
Вред столь безмерный вами Кримхильде нанесен,
Что в горе и несчастиях ей равных нет средь жен».

Рек Хаген: «Я б не спорил, не знай я наперед,
Что, коль женою Этцелью Кримхильду назовет,
Она, наш давний недруг, возьмет-таки свое:
Немало будет витязей на службе у нее».

На эти речи Гернот ответил: «Не беда!
Нам ни сестра, ни Этцель не причинят вреда:
Покуда оба живы, мы к гуннам ни ногой.
Нет, честь не позволяет нам расстроить брак такой».

Твердил упрямо Хаген: «С ума сошли вы, что ли?
Ведь коль заменит Хельху Кримхильда на престоле,
Она уже не преминет беду на нас навлечь.
Нет, о ее замужестве идти не может речь».

Млад Гизельхер, сын Уты, вспылил и молвил так:
«Не каждый здесь меж нами, как вы, Кримхильде враг.
Я, что б вы ни сказали, ее удаче рад.
Вреда и зла родной сестре желать не может брат».

Умолк сердито Хаген и помрачнел лицом,
А Гунтер, смелый Гернот и Гизельхер втроем
Решили, что не станут мешать сестре своей,
Коль с Этцелем в супружество вступить угодно ей.

Промолвил славный Гере: «Вдове внушу легко я,
Что отвергать нет смысла ей сватовство такое.
Богат владыка гуннов, могуч и знаменит.
Врад с ним за все страдания ее вознаградит».

Немедля к королеве отправился вассал
И, встреченный радушно, Кримхильде так сказал:
«Готовьте мне награду за радостную весть.
Все ваши беды кончились – вас ждет большая честь».

Велел вам брат ваш Гунтер поведать, госпожа,
Что прибыло посольство к нам из-за рубежа:
Сильнейший и славнейший меж всеми королями
В законное супружество вступить желает с вами».

«Ни вам, ни государю, – она в ответ гонцу, –
Над женщиной несчастной смеяться не к лицу.
Кому еще на свете могу я быть нужна?
Какую радость мужу даст подобная жена?».

Затем, узнав, что Гере ее не убедить,
К вдове решили Гернот и Гизельхер сходить
И долго ей внушали, как братья и друзья,
Что Этцеля она должна избрать себе в мужья.

На все лады старались, но так и не смогли
Склонить к второму браку Кримхильду короли.
Тогда они взмолились: «Пусть будет так, сестрица,
Но хоть посланцу Этцеля дозвольте к вам явиться».

Она в ответ: «Согласна на это я вполне.
Был Рюдегер достойный всегда любезен мне.
Вот если бы приехал сюда гонец иной,
Вовеки б не добился он свидания со мной».

Добавила Кримхильда: «Скажите, чтоб посол
Со мною завтра утром поговорить пришел.
Я сообщу маркграфу сама свое решенье». —
И королева впала вновь в печаль и сокрушенье.

Но Рюдегер почтенный как раз и вел к тому,
Чтоб повидаться с нею дозволили ему.
Маркграф умом был светел и жизнью умудрен,
И в том, что убедит вдову, не сомневался он.

Когда завтра в храме обедня отошла,
Народ взглянуть сбежался на гуннского посла,
Который вел к Кримхильде богатырей своих
В доспехах раззолоченных и платьях дорогих.

Всю ночь прогоревала, глаз не сомкнув, она,
А утром рано встала и села у окна.
Обычный вдовый траур был, как всегда, на ней,
Зато уж женщины ее оделись попышней.

Вошел лишь сам-двенадцать в покои к ней маркграф,
И встретила Кримхильда, поспешно с места встав,
Его у самой двери с радушием большим,
Чтоб показать, как глубоко вошедший ею чтим.

На стулья указала вдова своим гостям.
Вокруг нее сидело немало милых дам,
Зато вельмож бургундских там было не видать,
Коль Эккеварта смелого и Гере не считать.

Там не цвели улыбки, не раздавался смех –
Сочувствие к Кримхильде переполняло всех.
У ней промокло платье от горьких слез насквозь,
Что зоркому бехларенцу заметить удалось.

Посол возвысил голос, такую речь держа:
«Дозвольте мне с друзьями подняться, госпожа,
И, перед вами стоя, вам сообщить ту весть,
Из-за которой мы, гонцы, и очутились здесь».

Она в ответ: «Вас видеть я рада всей душой
И вам внимать готова с охотой большой:
Всегда приятно слушать подобного посла».
Но догадались многие, что весть ей не мила.

Бехларенский правитель сказал вдове тогда:
«Со свитой достойной прислал меня сюда
Мой повелитель Этцель, чтоб вам поведал я,
Что просит он, Кримхильда, вас избрать его в мужа».

Он вам любовь и дружбу решил предложить,
Чтоб в мире и согласье до смерти с вами жить,
Как жил с покойной Хельхой, владычицей моей,
Которую оплакивал немало долгих дней».

Ответила Кримхильда: «Маркграф, не стал бы тот,
Кто знает, как жестоко печаль вдову гнетет,
Просить, чтоб согласилась она на брак с другим.
Ведь мною лучший из мужей когда-то был любим».

Посол не отступил: «Когда душа болит,
Ничто ее быстрее и лучше не целит,
Чем преданная дружба и верная любовь.
Найдите мужа по сердцу, и оживете вновь».

Король мой – обладатель 12 корон.
Вас, став супругом вашим, венчает ими он,
И всем распоряжаться вы будете вольны
В тех трех десятках государств, что им покорены.

Коль сесть вам доведется на Этцелев престол,
У вас, как и у Хельхи, – так продолжал посол, –
На службе будет много прославленных бойцов
И много девушек и дам из княжеских родов.

Вас Этцель заверяет, коль вы на брак согласны,
Что даст страну править вам столь же полновластно,
Как управляла Хельха, пока была в живых.
Хозяйкою вы будете у нас в делах любых»¹¹².

Сказала королева: «Могу ли я опять,
Изведав столько горя, в супружество вступать?
Так много слез пролито по смерти мужа мной,
Что больше никому по гроб не стану я женой».

Но гунны возразили: «Не говорите так.
Почет, богатство, счастье – все принесет вам брак.
Желанья ваши будет предупреждать супруг,
А у него достаточно и ленников¹¹³ и слуг.

Из дев, служивших Хельхе, и тех, что служат вам,
Себе такую свиту составите вы там,
Что будут к вам съезжаться бойцы из разных стран.
Не отвергайте наш совет: от всей души он дан».

Она в ответ учтиво: «Беседу мы прервем,
Но коль вы утром снова ко мне придете в дом,
Вам сообщить смогу я решение свое».
И гуннские воители покинули ее.

Когда ушли на отдых все спутники посла,
Кримхильда Гизельхера и Уту призвала
И твердо объявила, что замуж не пойдет
И что в тоске по Зигфриду весь век свой проведет.

¹¹² Такая практика существовала у тюркских народов практически всегда; вспомните, например, положение «царицы» Сююмбике в Казанском ханстве.

¹¹³ Лен (бенефиций) – в период раннего средневековья в Западной Европе земельное владение, которое жаловал правитель в пожизненное пользование вассалу на условии несения военной или административной службы.

Но Гизельхер промолвил: «Сказали гунны мне,—
И этому я верю, сестра моя, вполне,—
Что ты печаль забудешь, став королевой их.
Как ни суди об Этцеле, завидный он жених.

От Роны¹¹⁴ вплоть до Рейна он всех людей славней.
От Эльбы и до моря нет короля сильней.
Ты радоваться будешь, что обвенчалась с ним,—
Положит этот брак конец страданиям твоим».

«Что говоришь ты, брат мой? — воскликнула вдова.—
Осталось мне лишь плакать, пока я жива.
Украстить двор супруга собой не может та,
Кем навсегда утрачена была красота».

Тут ласково сказала ей королева-мать:
«Должна совету братьев, дитя мое, ты внять.
Себе ж на благо, дочка, друзей своих послушай,
А то уж слишком долго скорбь тебе терзает душу».

Подумала Кримхильда, что будет вновь она
Казною и одеждой всех одарять вольна,
О чем напрасно Бога молила много раз,
С тех пор как Зигфрид, муж ее, безвременно угас.

Но тут же спохватилась: «Коль христианка я,
Язычника неуместно мне избирать в мужа,
Не то моим уделом до смерти будет стыд.
Нет, гунн своим могуществом меня не соблазнит».

На том и порешила почтенной Уты дочь,
Однако размышляла еще весь день и ночь
И плакала в постели до самого утра,
Пока идти к заутрене ей не пришла пора.

Три короля бургундов туда явились тоже
И речь вели с Кримхильдой, идя из церкви Божьей,
О том, что руку гунна ей отвергать не след,
Но не обрадовал вдову их дружеский совет.

¹¹⁴ Река во Франции и Швейцарии.

Посланцев пригласили в покои к ней затем,
А так как ожиданье наскучило им всем,
То, чтоб скорей услышать в ответ иль «нет», иль «да»
И распротиться с вормсцами на долгие года,

Решил покончить с делом немедленно маркграф,
Хозяевам радушным и их сестре сказав,
Что медлить он не может – не близок путь домой.
Был встречен у порога сват Кримхильдою самой.

Учтиво и любезно он стал просить ее
Ему поведать тотчас решение свое –
Ведь он еще не знает, что Этцелю сказать,
Но от Кримхильды услышал бехаренец опять,

Что в брак вступать вторично у ней охоты нет.
«Вы, госпожа, неправы, – промолвил он в ответ. –
Зачем вам бесполезно свою красу губить,
Когда могли бы счастливы вы с новым мужем быть?»

Но просьбы были тщетны, покамест наконец
Кримхильду не уверил вполголоса гонец,
Что облегчит ей бремя ее невзгод былых,
И сразу легче сделалось вдове от слов таких.

Он ей сказал: «Не плачьте, владычица моя.
Когда бы вашим другом у гуннов был лишь я,
То и тогда б любого, кто оскорбил бы вас,
От рук моих дружинников никто уже не спас».

Она, услышав это, утешилась вполне
И молвила маркграфу: «Тогда клянитесь мне,
Что за меня отмстите любым моим врагам».
И ей ответил Рюдегер: «Такой обет я дам».

С вассалами своими он перед нею встал,
Ей крепко стиснул руку и громко клятву дал
Во всем служить Кримхильде и обнажить свой меч,
Коль это будет надобно, чтоб честь ее сберечь.

Верна осталась мужу и в этот миг вдова.
 «Пускай, – она решила, – меня чернит молва.
 Что в том, коль я меж гуннов друзей себе сыщу
 И недругу с их помощью за Зигфрида отмщу?»

Их королю подвластно немало храбрецов,
 Я ж привязать сумею к себе его бойцов:
 Быть щедрою нетрудно, когда твой муж богат;
 А в Вормсе Хаген скаредный прибрал к рукам мой клад».

«На брак, – она сказала, – могла б я согласиться,
 Но ваш король – язычник, не хочет он креститься.
 К лицу ли христианке идти с ним под венец?» –
 «Отбросьте в том сомненья, – ответил ей гонец, –

У Этцеля на службе довольно христиан.
 К тому ж другая вера – в супруге не изъян:
 Кто вам мешает мужа к крещению склонить?
 Ничто вам не препятствует с ним жизнь соединить».

Вновь молвили ей братья: «Согласье дай, сестра.
 Забыть печаль и горе тебе давно пора».
 Они втроем Кримхильду упрашивали так,
 Что с Этцелем вдова вступить пообещала в брак.

Пожав маркграфу руку, она произнесла:
 «В край гуннов я готова сопровождать посла.
 Но прежде чем уехать, с собой я позову
 Тех, кто решил не покидать несчастную вдову».

Бехларенец на это промолвил в свой черед:
 «Пусть их при вас лишь двое, зато со мной – 500.
 Надежной стражей будет в пути такая рать,
 И незачем в Бургундии вам свиту набирать.

С отъездом поспешите – нам медлить здесь не след,
 И верьте: я с дружиной исполню свой обет
 Во всем беспрекословно повиноваться вам,
 Иль пусть уделом будут мне бесчестие и срам.

Послушайтесь совета – его дает вам друг:
За сбурей и конями скорее шлите слуг,
А сами собирайте в дорогу дев своих.
Немало к нам бойцов в пути примкнет, увидев их»...

Посол перед отъездом гонцов послал вперед –
Пусть Этцелю доложат, что Рюдегер везет
Прекрасную Кримхильду к владыке своему.
Сумел жену в Бургундии маркграф добыть ему...».

ТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕНА: памятники в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука

К 552–555 гг. все племена и народности, населявшие Великую степь Евразийско-го материка, объединило государство, названное историками «Первым Тюркским каганатом». Во главе этого объединения стала этническая группа «тюрк»¹¹⁵ (по-китайски «тугю» или «туцзюэ»), до этого находившаяся в подданстве каганата центральноазиатских жуань-жуаней¹¹⁶. Его первый правитель Бумын/Тумын принял титул «ил-хан», или «кахан», что означает «великий хан». В начале VII в. каганат из-за внутренних противоречий и давления со стороны Китайской империи династии Суй распался на две части: на Западный Тюркский каганат и на Восточный Тюркский каганат. К концу 60-х годов VII в. Западно-Тюркский каганат оказался в подчинении китайских правителей и, хотя к началу VIII в. он освободился от протектората Китая, вторжения на его земли северных племен привели к падению государства в 740 г. (на его территории возникли Хазария, Великая Булгария и др. государственные объединения). Восточно-Тюркскому каганату еще больше приходилось защищаться от Китая по причине территориальной близости. На первых порах он смог отстоять свою самостоятельность, но вскоре попал в зависимость от этой империи. К концу VII в. тюрки подняли крупное антикитайское восстание, и каганат возобновил свою мощь. В конце VII – начале VIII вв. границы государства значительно расширились. Однако снова обострились отношения с Китаем, на этот раз уже с правителями династии Тан. В жестоких боях, проходивших в 30-х годах VIII в., каганату снова удалось отстоять свою независимость. Большой полководческий талант в этих

¹¹⁵ Древние тюркоязычные племена и народности скифского и гунно-сарматского времени (I тыс. до н.э. – V в. н.э.) тюрками себя не называли и едва ли знали это имя, т.к. этническая группа «тюрк бодун», давшая позднее суперэтноним всем тюркам (слово «тюрк», как название группы народов и языков, появляется в арабской географической литературе в IX в.), появилась на исторической арене, судя по письменным источникам, позже.

¹¹⁶ По мнению С.Г.Кляшторного, жуань-жуани – предки аваров и древних татар.

войнах проявили Бильге-каган (правил в 716 – 734 гг.), и особенно его брат Кюль-Тегин – выдающийся тюркский военачальник раннего средневековья. Падение Восточно-Тюркского каганата произошло в 745 г. при правлении кагана Озмьш-Тегина в результате крупного сражения с войсками Уйгурского каганата¹¹⁷...

Над могилами древнетюркских правителей водружались обелиски с подробным некрологом умершего кагана (хана), около обелиска ставились в ряд балбалы, т.е. каменные фигуры людей, в исторической литературе прозванные «каменными бабами». По информации, содержащейся в текстах этих обелисков, ученые смогли в общих чертах представить для себя этнополитическую, социально-экономическую и культурно-бытовую жизнь древних тюрков.

Надписи на обелисках представляют собою образцы рунической письменности. Эта письменность возникла в глубокой древности в Средней Азии¹¹⁸. Концепция, выдвинутая И.А.Кызласовым¹¹⁹, признает две различные группы древнетюркских рунических письменностей, каждая из которых состоит из нескольких родственных алфавитов. К первой ученый относит енисейское, орхонское¹²⁰ и таласское письмо. Ко второй – донское, кубанское, ачикташское (II таласское), исфаринское и южноенисейское (II енисейское). Каждая из этих двух групп сложилась в разных условиях. Каждый алфавит (и уж, конечно, группа алфавитов) является прежде всего не этническим, а культурно-политическим, государственным признаком. Так, орхонским алфавитом пользовались во II Восточнотюркском и Уйгурском каганатах, енисейским – население полиэтнического древнехакасского государства, возникшим под сильным влиянием последнего, таласским – население Семиречья, входившее, возможно, в карлукское и караханидское объединения, донским и кубанским – жители Хазарского каганата, кубанским – население болгарских государственных образований (включая Волжскую Булгарию)¹²¹

¹¹⁷ Об этом сражении написано на надмогильной плите уйгурского правителя Моюн-Чура. По сведениям этого памятника, на поле битвы на стороне Тюркского каганата сражались 30 000 татар.

¹¹⁸ В современной палеографии к руническим письменностям относят также германские руны, венгерское секельское письмо и т.д., хотя эти письменности справедливее было бы называть «руноподобными».

¹¹⁹ См., например: Кызласов И.А. Древнетюркская руническая письменность Евразии: Опыт палеографического анализа. – М.: АН СССР, 1990.

¹²⁰ Возникновение наиболее ранних орхонских памятников относится к первой трети VIII в. (см.: Кызласов А.Р. О датировке памятников енисейской письменности//Советская археология. – 1965. – № 3. – С.43). С.Г.Кляшторный относит возникновение каменных стел с надписями к периоду Первого Тюркского каганата (см.: Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура Центральной Азии//Тюркологический сборник 1972 г. – М., 1973. – С.263).

¹²¹ См., например: Беговатов Е.А. Руническая надпись на пряслице с болгарского селища//Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988; Каховский В.Ф. О рунической письменности древних чувашей//100 лет новой чувашской письменности. – Чебоксары, 1973; Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра//Советская тюркология. – 1985. – № 4. – С.75–80; Старостин П.Н. Сабая с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии//Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988; Хаков В.Х. Камень с рунической надписью из деревни Сарабикулово Лениногорского района Татарии//Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988; Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М. – Л., 1960.

и т.п. Этот вывод не означает отрицания и забвения того, что создателем, основным носителем и распространителем каждого алфавита был конкретный этнический коллектив.

Первая группа древнетюркского рунического письма распространилась лишь в пределах Азии (от Лены до Семиречья), и поэтому ее можно называть азиатской. Вторая группа – евразийская, т.к. представлена на территории от Енисея до Дона. Их единство заключается в принадлежности к одной языковой семье – тюркской. Памятники обеих письменных групп представляют собой не безотрывное скорописное письмо, а рунические знаки-резы. Палеографическое сходство их состоит в написании строк справа налево. Одинаковый или сходный облик ряда азиатских и евразийских рунических знаков объясняется, по всей видимости, восхождением их к единой предтече – буквенным письменам Средней Азии.

Памятники орхоно-енисейской письменности дали науке богатейший материал, послужив основой для изучения истории этнической и политической консолидации, экономики, этнографии и лингвистики тюркоязычных народов Южной Сибири и Средней Азии. Образцы каменных надписей привлекли пристальное внимание целого ряда выдающихся представителей исторической науки у нас в стране и за рубежом, т.к. ни одна серьезная работа по истории и культуре народов этого региона не может обойтись без привлечения уникальных письмен с берегов Енисея и Орхона¹²².

Исследователь И.В.Стеблева обнаруживает в древнетюркских памятниках следующую систему подачи информации: 1) описание разных исторических моментов из жизни тюрков; 2) создание идеализированного образа каганов (их божественное происхождение, военная деятельность, забота о благе народа); 3) описание битв и проч. По мнению Стеблевой, этот схематизм лишает надписи характера реальности, т.к. для их создателей наиболее важны были те ситуации, которые соответствуют этикетным требованиям, – у авторов обнаруживается стремление не к отражению подлинной истории, а к соблюдению литературного канона эпохи. Внимательное изучение стиля надписей позволило ученым говорить не столько о литературно-письменной, сколько о фольклорной традиции, в первую очередь традиции устного героического эпоса, обусловившей характер повествования¹²³. Панегирическое изображение в памятниках каганов и вождей, помимо стремления социальной верхушки умеренно поднять их над простыми смертными, было призвано также содействовать утверждению идей государственности...

Источники цитируются по изданию: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

¹²² См., например, работы В.В.Радлова, П.М.Мелиоранского, В.В.Бартольда, С.Е.Малова, А.Н.Бернштама, С.В.Киселева, Л.А.Евтюхова, А.Н.Кононова, Н.А.Баскакова, Е.И.Убрятова, А.М.Щербака, И.В.Стеблевой, Л.В.Кызласова, С.Г.Кляшторного, С.И.Вайнштейна и многих других исследователей.

¹²³ В свою очередь многие исследователи находят сходство средневекового и современного эпоса тюркских народов с орхоно-енисейскими текстами.

«Памятник в честь Кюль-Тегина»¹²⁴

(большая надпись)

Когда было сотворено/возникло вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены/возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган¹²⁵ и Истеми-каган¹²⁶. Сев на царство, они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа.

Четыре угла¹²⁷ все были им врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени они заставили преклонить колени. Вперед¹²⁸ вплоть до Кадырканской черни, назад¹²⁹ вплоть до Темиркапыга¹³⁰ они расселили свой народ. Между этими двумя границами они так обитали/восседали, устраивая «голубых» тюрков, которые были тогда без господина и без родовых предстателей. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их «приказные» были мудры, были мужественны, и их правители и народ были прямы¹³¹. Поэтому они столь долго держали в своей власти племенной союз и, держа его в своей власти, творили суд. Затем они скончались. В качестве плачущих и стонущих пришли спереди, из страны солнечного восхода, народ степи Бёклийской¹³², а также табгач¹³³, тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-курыканы¹³⁴, отуз-татары¹³⁵, кытай и татабыйцы, столько народов придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они. После них стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, т.к. младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели на царство, надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели на царство трусливые каганы, и их «приказные» были также неразумны, были трусливы.

Вследствие «непрямоты»¹³⁶ правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих, а также вследствие того, что табгач ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, — тюркский народ привел в расстрой-

¹²⁴ Кюль-Тегин (685 – 731 гг.) – младший сын Ильтериша-кагана, знаменитый полководец.

¹²⁵ Основатель Тюркского каганата. Умер в 552 г.

¹²⁶ Преемник Бумын-кагана. Умер в 553 г.

¹²⁷ Т.е. народы, жившие вокруг по всем четырем сторонам света.

¹²⁸ Т.е. на восток.

¹²⁹ Т.е. на запад.

¹³⁰ До «Железных ворот» на территории современного Узбекистана.

¹³¹ Т.е. верны кагану.

¹³² Бёкли – государство Когурё на севере Кореи.

¹³³ Табгач – древнетюркское наименование Китая и китайцев.

¹³⁴ Предки якутов.

¹³⁵ «Тридцать татар». Это первое упоминание этнонима (политонима?) «татары» в источниках.

¹³⁶ Т.е. неверности кагану.

ство свой до того времени существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним до того времени кагана; народу табгач стали тюрки рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили с себя свои тюркские имена¹³⁷ и, приняв титулы правителей народа табгач, подчинились кагану народа табгач.

50 лет отдавали они ему свои труды и силы. Вперед, в страну солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад они ходили войною вплоть до Темир-капыга и отдали кагану народа табгач свой племенной союз и власть над собою. Но затем вся масса тюркского народа сказала так: «Я была народом, составлявшим племенной союз, где теперь мой племенной союз? Для кого я добываю другие племенные союзы?» – так они говорили. «Я была народом, имевшим своего собственного кагана, где мой каган? Какому кагану отдаю я мои труды и силы?» – так они говорили и, так говоря, стали врагом кагана народа табгач.

Став врагом и не будучи в состоянии что-либо сделать для себя и создать, тюркский народ опять подчинился государству Табгач. При этих обстоятельствах, не думая отдавать государству Табгач свои труды и силы, тюркский народ говорил: лучше погубим сами себя и искореним. И они начали идти к гибели. Но вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков¹³⁸ так сказали: «да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет», – так говорили. Небо, руководя со своих небесных высот отцом моим Ильтеришем-каганом¹³⁹ и матерью моей, Ильбильгя-катун, возвысило их над народом. Мой отец-каган выступил сначала с 17 мужами.

Услышав весть о том, что он бродит вне¹⁴⁰, жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились и, собравшись, составили отряд в 700 мужей. Т.к. Небо даровало им силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам. Вперед, назад двигаясь с войском, он собирал и поднимал, так что всех их стало уже 700 мужей. Когда их стало 700 мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой «эль»¹⁴¹ и своего кагана, народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами у табгачей, упразднивший свои тюркские установления, этот народ он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков, тогда же он дал устройство народам телис и тардуш и назначил тогда ябгу и шад¹⁴². Справа¹⁴³ народ табгач был ему врагом, слева¹⁴⁴ народ токуз-огузов под начальством Баз-кагана был ему врагом, киргизы, курыканы, «тридцать татар», кытай и татабы все были

¹³⁷ Т.е. звания и титулы.

¹³⁸ Т.е. Родина.

¹³⁹ Ильтериш-каган – имя, которое принял Кутлуг, возглавивший восстание против китайцев и основавший второй Восточнотюркский каганат; умер в 691 г.

¹⁴⁰ Т.е. за пределами тогдашнего местожительства тюрков.

¹⁴¹ Свое независимое государственное устройство.

¹⁴² Ябгу – титул верховных правителей у западных тюрков. Шад – один из высших военных и административных титулов в Тюркском каганате.

¹⁴³ На юге.

¹⁴⁴ На севере.

ему врагами; мой отец-каган столько...¹⁴⁵ 47 раз он ходил с войском в поход и дал 20 сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы и отнял каганов у имевших своих каганов, врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить головы. Мой отец-каган...¹⁴⁶ власть свою приобретя, улетел¹⁴⁷. В честь моего отца-кагана во главе вереницы могильных камней поставили «балбалом» изображение Баз-кагана, а на то царство сел мой дядя-каган. Мой дядя-каган, сев на царство, опять устроил и поднял тюркский народ, неимуущих он сделал богатыми, немногочисленных он сделал многочисленными.

Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам был шадом над народом тардуш. С моим дядею-каганом мы ходили войною вперед вплоть до Шантунгской равнины¹⁴⁸, орошаемой Яшиль-угюзом¹⁴⁹, назад мы ходили войною вплоть до Темир-капыга, перейдя через Кёгменскую чернь¹⁵⁰, мы ходили войною вплоть до страны киргизов.

Всего мы ходили в поход 25 раз, дали 13 сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших во главе у себя своих каганов, имевших колени заставили преклонить колени, имевших головы заставили склонить головы. Тюркешский каган был наш же тюрк, из нашего же народа. Т.к. он не понимал своего блага и провинился перед нами, то сам каган умер, его «приказные» и правители были также убиты, народ «десяти стрел» подвергся притеснению. Говоря: пусть не будут без хозяина Земля и Вода, принадлежавшие нашим предкам, мы, устроив немногочисленный (или азский) народ...¹⁵¹ был Барс-бег; мы в то время даровали ему титул кагана и дали ему в супружество мою младшую сестру – княжну. Но сам он провинился, а потому каган умер, а народ его стал рабынями и рабами. Говоря: «пусть не останется без хозяина страна Кёгменская», – мы завели порядок в немногочисленном народе киргизов. Мы пришли, сразились и снова дали...¹⁵² Вперед за Кадырканской чернью мы поселили таким образом народ и завели в нем порядок; назад вплоть до Кенгу Тармана¹⁵³ мы поселили таким образом тюркский народ и завели в нем порядок. В то время наши рабы стали рабовладельцами, а наши рабыни рабовладелицами; младшие братья не знали своих старших братьев, а сыновья не знали своих отцов¹⁵⁴.

Таков был приобретенный нами племенной союз и такова проявлявшаяся нами власть! О вы, тюркские (и?) огузские беги и народ, слушайте! Когда Небо сверху не

¹⁴⁵ Пропуск в тексте (речь идет о тексте, опубликованном С.Е.Маловым; оригинал труден для чтения или есть лакуны).

¹⁴⁶ Пропуск в тексте.

¹⁴⁷ Умер.

¹⁴⁸ Расположена в Восточном Китае.

¹⁴⁹ «Зеленая река».

¹⁵⁰ Местность в Западных Саянах.

¹⁵¹ Пропуск в тексте.

¹⁵² Пропуск в тексте. Возможно: «... дали страну для управления киргизу».

¹⁵³ Название местности в Средней Азии по среднему течению Сырдарьи.

¹⁵⁴ Речь идет о высоком благосостоянии населения, об обширности и дальности друг от друга кочевий.

давило тебя, и Земля внизу не разверзалась под тобой, о тюркский народ, кто мог погубить твое государство? Тюркский народ, покайся! Ты сам провинился и сделал низость по отношению к твоему кагану, возвысившему тебя ради твоей же преданности, и по отношению к твоему племенному союзу, хорошему по своим качествам и делам. Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя? Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя? Ты сам, о народ священной Отюкэнской черни, ушел. То ходил ты вперед, то ты ходил назад, и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала там, как вода, твои кости лежали, как горы; твое крепкое мужское потомство стало рабами, твое чистое женское потомство стало рабынями. Вследствие твоего непонимания своего блага и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел.

В честь моего дяди-кагана я поставил во главе вереницы могильных камней «балболом» киргизского кагана. Тогда Небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун. Небо, дарующее государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа.

Я отнюдь не сел на царство над народом богатым, я сел на царство над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи – одежды, над народом жалким и низким. Мы переговорили о делах с моим младшим братом Кюль-Тегин, и, чтобы не пропало имя и слава народа, добытого нашим отцом и дядею, я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел без дела днем. С моим братом Кюль-Тегин и с двумя шадями я приобрел¹⁵⁵ до полного изнеможения. Столь много приобретаю, я не делаю огнем и водой присоединившиеся к нам народы, я...¹⁵⁶ по всем странам бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг, пришел к нам обратно. Чтобы поднять свой народ, я предпринял с большими войсками 12 походов: налево против народа огузов, вперед против народа кытай и татабы, направо против табгачей...¹⁵⁷ сразился. После того, – да будет ко мне Небо благосклонно, – т.к. на моей стороне было счастье и удача, то я поднял к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малочисленный народ. Там, где верные племенные союзы и верные каганы, я творил добро. Живущие по четырем углам народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными себе, все они мне подчинились. Мой младший брат, Кюль-Тегин, много потрудясь и приобретя для нас столь большую власть, скончался. По смерти моего отца-кагана мой младший брат Кюль-Тегин остался семи (?) лет от роду; в 10 лет на радость ее величества моей матери-катуны, подобной Умай¹⁵⁸, мой младший брат получил геройское имя Кюль-Тегин. 16-ти лет от роду он уже вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана: мы пошли войною на 6 чубов и согдийцев и разбили их. Затем

¹⁵⁵ Т.е. предпринимал завоевания.

¹⁵⁶ Пропуск в тексте.

¹⁵⁷ Пропуск в тексте.

¹⁵⁸ Умай – женское божество тюрков, богиня-мать.

пришло пятитыменное¹⁵⁹ войско табгачского Онг-Тутука¹⁶⁰; мы сразились, Кюль-Тегин в пешем строю бросился в атаку, схватил Онг-Тутука с вожжами вооруженной рукою и с оружием представил его кагану. То войско мы там уничтожили. Когда ему был 21 год, мы сразились с Чача-Сенгуном¹⁶¹. В самом начале сражения Кюль-Тегин бросился в атаку, сев на белого коня, принадлежащего Тадыкын-Чуре; этот конь там пал. Во второй раз он сел верхом на белого коня, принадлежащего Ышбара-Ямтару; этот конь там пал; в третий раз он сел на оседланного гнедого коня Йегин-Силиг-бега и произвел атаку; этот конь там пал. В его вооружение и в его плащ более чем 100 стрелами попали; но в начальника его авангарда даже и 1 стрела не попала.

Его атаки, о тюркские начальники, вы вполне знаете! То войско мы там уничтожили. После этого великий Иркин племени Йэр Байырку стал нам врагом; мы их, рассеяв, разбили при озере Тюрги-Яргун. Великий Иркин бежал с немногими только мужами. Когда Кюль-Тегину было 26(?) лет, мы предприняли поход на киргизов. Проложив дорогу через снег глубиною с копьё и поднявшись на Кёгмэнскую чернь, мы разбили киргизский народ, когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-Тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелою, двух мужей заколол копьем одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли. В том же году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую чернь¹⁶² и переправясь через реку Иртыш. Тюргешский народ мы победили во время сна и обратили в бегство...¹⁶³ Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и вину. Мы сразились; Кюль-Тегин, сев на серого коня Башгу, произвел атаку. Серый конь Башгу...¹⁶⁴

...двух из них он сам попустил взять. Затем снова войдя в ряды врагов, он схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, Тутука азов. Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили. Но масса тюргешского народа вся откочевала в глубь страны. Тот народ при Табаре (?) мы поселили. Вернувшись с целью устроить согдийский народ, мы, переправясь через реку Йенчу, прошли с войском вплоть до Темир-кашга. После этого масса тюргешского народа пошла на ставших ей врагами кенгересов. Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было; плохие люди...¹⁶⁵ мужественные люди на нас напали. В такое время мы, раскаявшись, отослали Кюль-Тегина в сопровождении немногих мужей. Как мы после узнали, он дал

¹⁵⁹ 50-тысячное.

¹⁶⁰ Онг-тутук – китайский военный чин и титул; здесь имеется в виду принц Ли Дан, главнокомандующий китайской армией во время войны тюрков против Китая в 701 – 702 гг., будущий китайский император.

¹⁶¹ Чача-Сенгун – имя и титул военачальника, главнокомандующего китайской армии в войне против тюрков в 706 г.

¹⁶² Горная местность на территории Алтая.

¹⁶³ Пропуск в тексте.

¹⁶⁴ Пропуск в тексте.

¹⁶⁵ Пропуск в тексте.

большое сражение. Сев на белого коня героя Шалчы, он произвел атаку. Убил многих из народной массы тюргешей и покориł оставшихся. Снова двинувшись...¹⁶⁶

...он сразился с Кушу-тутуком, его мужей он всех перебил, его дома и имущество без остатка все доставил себе. Когда Кюль-Тегину было 27 лет, народ карлуков вследствие свободы и независимости стал нам врагом. Мы сразились при священной вершине Тамаг.

В этом сражении Кюль-Тегин был 30-ти лет; сев верхом на своего белого коня героя Шалчы, он бросился в атаку, двух мужей он заколоł копьём одного за другим; мы убили многих карлуков и оставшихся покориłи. Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-кёле; Кюль-Тегину шел тогда 31-й (или был 31) год. На своего белого коня героя Шалчы сев, он бросился в атаку, схватил Эльтебера¹⁶⁷ азов; народ азов тогда погиб. Когда племенной союз моего дяди-кагана стал мятежным и в народе стали появляться зависть и вражда, мы сразились с народом изгилей. Кюль-Тегин, сев на своего белого коня героя Шалчы, бросился в атаку, тот конь там пал. Народ изгилей погиб. Народ токуз-огузов был мой собственный народ; т.к. небо и земля пришли в смятение, он стал нам врагом. В один год мы сражались 5 раз. Самый первый раз мы сразились при городе Тогу.

Кюль-Тегин, сев на белого коня Азмана, бросился в атаку, 6 мужей он заколоł, в свалке он порубил мечом седьмого. Во второй раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке. Кюль-Тегин, сев на своего бурого азского коня и бросившись в атаку, заколоł одного мужа; 9 человек он убил при преследовании; народ эдизов тогда погиб. В третий раз при Бол...¹⁶⁸ мы сразились с огузами. Кюль-Тегин, сев на белого коня Азмана, произвел атаку и переколоł нескольких врагов; их войско мы перекололи, их племенной союз покориłи. В четвертый раз мы сразились при вершине горы Чуш. Тюркский народ дал ослабеть своим ногам и был готов оробеть. После того как Кюль-Тегин отогнал их, мы убили, преследуя (или окружив), на похоронах Тонга-Тегина, героев из племени Тонгра, 10 человек. В 5-й раз мы сразились с огузами при Эзгенти Кадазе. Кюль-Тегин, на бурого азского коня сев, произвел атаку, двух мужей он заколоł, но на город не пошел. То войско тогда погибло. Перезимовав в укреплении Магы (или Амгы), весной мы вышли с войском против огузов. Потом мы отпустили Кюль-Тегина, чтобы он начальствовал /распоряжался дома. Враждебные нам огузы напали на орду. Кюль-Тегин, сев на белого Огсиза, заколоł 9 мужей и не отдал орды! Моя мать-катун и вы, идущие за нею по знатности мои сводные матери, мои тетки (или вообще старшие родственницы), мои невестки (или вообще младшие родственницы), мои княжны, сколько вас ни было, все вы были в опасности или, оставшись в живых, попасть в рабство, или, будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге!

Если бы не было Кюль-Тегина, все бы вы погибли. Мой младший брат, Кюль-Тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещей разум мой

¹⁶⁶ Пропуск в тексте.

¹⁶⁷ Военачальника.

¹⁶⁸ Пропуск в тексте.

словно отупел, а сам я заскорбел. Время распределяет Небо, но так или иначе сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть.

Так с грустью думал я, в то время как из глаз моих лились слезы, и сильные вопли исходили из глубины сердца, я снова и снова скорбел. Я предавался печали, думая: «вот скоро испортятся очи и брови обоих шадов и идущих за ними моих младших родичей, моих огланов, моих правителей, моего народа!». В качестве плачущих и стонущих пришли кытай и татабычи во главе с Удар-Сенгун¹⁶⁹: от кагана табгачей пришли Исыи и Ликенг и принесли 10 000 даров и бесчисленное количество золота и серебра; от тибетского кагана пришел бёлён; сзади от народов, живущих в странах солнечного заката: согд, берчекер и бухарские народы, – пришли Нек-Сенгун¹⁷⁰ и Огул-Тархан¹⁷¹.

От народа «десяти стрел» и от сына моего, кагана тюркешского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; от киргизского хана пришел Чур-Тардуш-Ынанчу. В качестве соорудителя здания и камня с надписью, украшенного резьбой, пришли чиновники кагана табгачей и Чанг-Сенгун¹⁷².

Кюль-Тегин улетел в год овцы, в 17-й день; в 9-й месяц, в 27-й день мы устроили похороны. Надгробное здание резные (фигуры?) и камень с надписью в честь его – мы все это оставили в год Обезьяны, в 7-й месяц, в 27-й день. Кюль-Тегин умирал сорока семи лет. Камень...¹⁷³ столь много резчиков привели тойгуны и эльтеберы»¹⁷⁴.

«Памятник в честь Тоньюкука»¹⁷⁵

Я сам, мудрый Тоньюкук¹⁷⁶, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач. Т.к. и весь тюркский народ был в подчинении у государства Табгач¹⁷⁷.

Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач,

¹⁶⁹ Удар-Сенгун – имя и титул военачальника.

¹⁷⁰ Имя и титул военачальника.

¹⁷¹ Имя и титул крупного военачальника.

¹⁷² Имя и титул военачальника.

¹⁷³ Пропуск в тексте.

¹⁷⁴ «Малая надпись в честь Кюль-Тегина» и «Большая надпись в честь Кюль-Тегина» совсем недавно в переводе Анатолия Преловского были опубликованы на страницах журнала «Эхо веков – Гасырлар авазы» (1996. – № 1/2. – С.241 – 244; № 3/4. – С.213 – 225).

¹⁷⁵ Памятник в честь Тоньюкука находится в урочище Баин-Цокто, на правом берегу реки Толь, в 66 км к юго-востоку от города Улан-Батора (Монголия). Надпись входит в комплекс погребальных сооружений Тоньюкука, высечена на двух врытых в землю прямоугольных каменных столбах, расположенных друг против друга параллельно восточной стене посвященного ему храма, в нескольких метрах от него. Погребальные сооружения в честь Тоньюкука выглядят скромнее, чем построенные в память предшественников правящего рода. Памятник Тоньюкуку найден Е.Н.Клеменцем в 1897 г. Первый перевод и публикацию надписи осуществил В.В.Радлов в 1899 г. Одна из последних публикаций: Эхо веков – Гасырлар авазы. – 1997. – № 1/2. – С.194 – 202.

¹⁷⁶ Тоньюкук – советник, первое доверенное лицо и полководец последовательно трех тюркских каганов: Ильтериш-кагана (ум. в 691 г.), Капаган-кагана (годы правления – 691 – 716 гг.) и Бильге-кагана (годы правления – 716 – 734 гг.).

¹⁷⁷ Речь идет о Китае.

сделался народом, имеющим своего хана; оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказало: я дало тебе хана, ты, оставив своего хана, подчинился другим. Из-за этого подчинения небо, – можно думать, – тебя поразило¹⁷⁸. Тюркский народ ослабел, обессилел, сошел на нет. В стране народа тюрков-сиров¹⁷⁹ не осталось государственного организма. Оставшиеся независимыми среди деревьев и камней соединились, и их составилось 700 человек. Две части из них были всадниками, а одна часть из них была пехотой. Тот, кто 700 людей заставил последовать, старший из них, был «шад». Он сказал: «Приставайте ко мне». Я был к нему приставшим – мудрый Тоньюкук. Не каганом ли мне его пожелать, говорил я в сердце своем. Я думал: если будущий хан вообще знает, что у него есть и тощие быки, и жирные быки, но он не может / не способен / не знает назвать в отдельности, который жирный бык и который тощий бык. Говоря, в сердце своем, я так думал. Затем: т.к. Небо даровало мне знание, то, несмотря на малые способности хана, сам я захотел его в качестве хана.

А хан: «С мудрым Тоньюкуком, в качестве бойла бага таркана¹⁸⁰, я, Ильтерес, да буду каганом!». Он много поразило на юге табгачей, на востоке – киданей, на севере – огузов. Его товарищем по знанию и его товарищем по славе был я сам. Мы избрали местожительство Куз Чугая и Кара-кумы, мы жили там, питаюсь оленями и питаюсь зайцами. Горло народа было сыто. Враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были для них падалью. Так проживая, от гузов пришел лазутчик.

Слова лазутчика таковы: «Над народом токуз-огузов воссел каган, говорит соглядатай, – он послал к табгачам Куны-Сенгуна, к киданям послал Тонгра Сема. Слово так послал: тюркский народ в небольшом только количестве чочует, но каган его – герой, а советник у него – мудрый. Пока существуют эти два человека, то вас, табгачей, они убьют, – говорю я; на востоке киданей они убьют, – говорю я, – нас, огузов, тоже убьют, говорю я. Табгачи – нападайте с юга, кидане – нападайте с востока, я нападу с севера. Да не распоряжается в земле тюрков-сиров какой-то властитель. Да уничтожим мы, насколько возможно, этого властителя, – говорю я». Услышав эти слова, ночью не приходил мой сон, а днем я не имел покоя. После этого я обратился с просьбой к кагану. Я так просил: табгачи, огузы, кидани, эти втроем, если соединятся (или если будут воевать против нас), то мы, пожалуй, останемся как бы предоставленные самим себе. Тонкое сложить в кучу – легкое дело; слабое разорвать – легкое дело, но если тонкое делается толстым, то то, что может собрать толстое, это будет герой. Если слабое делается крепким, то то, что может разорвать крепкое, это будет герой. Мы должны прийти на востоке к киданям, на юге к табгачам, на западе к западным¹⁸¹ и на севере к огузам, с двумя-тремя тысячами нашего войска. Может ли это быть? Так я просил хана.

¹⁷⁸ Умертвило.

¹⁷⁹ Возможных предков кипчаков.

¹⁸⁰ «Бойла бага таркан» – титул Тоньюкука.

¹⁸¹ Тюркам?

Мой каган соизволил выслушать от меня самого, мудрого Тоньюкука, изложенную просьбу. Он сказал: «Ты по своей воле заставь следовать войско». Пройдя реку Кёк Онг, провел к лесу Отюкэн¹⁸². По реке Тогле¹⁸³ пришли огузы с рогатым, вьючным скотом, войска их было 6(3?) 000, нас было 2000. Мы сразились. Небо оказало нам милость, и мы рассеяли их: они упали в реку. На пути преследования многие еще, возможно, умерли. После этого огузы все вместе пришли¹⁸⁴.

Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкэн и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли к нам южные народы, западные, северные и восточные народы.

Нас было 2000; мы были двумя отрядами войск. Тюркский народ и тюркский каган для дальнейшего обитания завоевывая не дошел до городов Шантунга¹⁸⁵ и до морской реки. Своего кагана я упросил и двинул войска.

Я довел войска до городов Шантунга и до морской реки. Они разрушили 23 города и остались на жительство в земле Усынбундату¹⁸⁶. Каган народа табгач был нашим врагом. Каган народа «десяти стрел»¹⁸⁷ был нашим врагом.

Но больше был нашим врагом киргизский сильный каган¹⁸⁸. Эти 3 кагана, рассудив, сказали: да пойдем мы походом на Алтунскую чернь¹⁸⁹. Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не пойдем против него, как бы то ни было, он нас победит: каган тюркского народа – герой, а советник его – мудрый, как бы то ни было, он, возможно, окажется победителем нас. Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали они. Тюркешский каган сказал так: «Мой народ там будет», – сказал он, а тюркский народ находится в смятении, огузы же его, сказал он, находятся в рассеянии. Услышав это его слово, ночью совсем сон мой не приходил, а днем я не находил покоя. Тогда я задумал...¹⁹⁰ будем воевать...¹⁹¹ сказал я. Когда я услышал, что дорога на Кёмэн¹⁹² только одна и она завалена снегом, я сказал: не годится, если идти этим путем...¹⁹³ Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов.

– «Моя родная земля – Аз, ее зна...¹⁹⁴ Там есть одна остановка, если отправить по реке Аны, то до ночлега там останется ход одной лошади», – сказал он. Я

¹⁸² Отюкэн – горная лесистая местность, часть горной цепи Хангай в Северной Монголии, где находилась ставка тюркских каганов.

¹⁸³ Тогла – река Тола в Северной Монголии, правый приток Орхона.

¹⁸⁴ Т.е. подчинились.

¹⁸⁵ Шаньдун, полуостров и провинция в Восточном Китае.

¹⁸⁶ Местность на границе с Китаем.

¹⁸⁷ Десять родов западных тюрков-огузов.

¹⁸⁸ Енисейские киргизы образовали государство Хягас (VII – XII вв.).

¹⁸⁹ Алтунская тайга – горная местность на территории Алтая.

¹⁹⁰ Пропуск в тексте.

¹⁹¹ Пропуск в тексте.

¹⁹² Кёмэн – гряда гор и местность в Западных Саянах.

¹⁹³ Пропуск в тексте.

¹⁹⁴ Пропуск в тексте.

сказал: если ехать той дорогой, то это возможно. Я задумался, и моего кагана я просил. Я приказал двинуться войску; я сказал: садись на коней! Переправясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться тыловым лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взшел с другими вверх горы, ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами¹⁹⁵. Передние люди протоптали снег, и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились, и в 10 ночей мы прошли до склона горы, обойдя завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: «Попытайся быстро отправиться! Да отправимся мы по реке Ань!»». Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать свое войско, мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. И ночью, и днем мы быстро скакали. На киргизов мы напали во время их сна.

...¹⁹⁶проложили путь копыями. Хан их и войско их собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Киргизский народ вошел в подчинение кагану и повиновался ему. Мы вернулись, мы пришли обратно, обойдя Кёгмэнскую чернь.

Мы вернулись от киргизов. От тюргешского кагана пришел лазутчик. Слово его таково: «Отправимся походом, говорит он, с востока на кагана. Если мы не пойдём походом, то он нас победит: каган его – герой, а советник его – мудрый, как бы то ни было, – он нас, возможно погубит», – говорит он. Тюргешский каган отправился в поход, говорил он, народ «десяти стрел» без остатка отправился в поход, говорит, среди них есть и войско табгачей, говорит лазутчик. Услышав эти слова, мой каган сказал: «Я отправляюсь домой! Моя жена умерла, я хочу совершить над ней погребальные церемонии, – сказал он, – ты же иди с войском, сказал каган, и оставайся в Алтунской черни», – сказал. Начальниками войска пусть идут Инэль-каган¹⁹⁷ и тардушский шад, сказал. А мне, мудрому Тоньюкуку, он сказал: «веди это войско, – сказал. Назначай наказания по своей воле, что я еще тебе скажу!» – сказал. «Если кто придет, то увеличится у нас число храбрых мужей, если же никто не придет, то собирай различные вести», – сказал. Мы находились в Алтунской черни.

Пришли 3 лазутчика, слова их одинаковы: «Их каган с войском выступил в поход, войско народа «десяти стрел» без остатка выступило в поход», – говорит лазутчик. «Да соберемся мы в степи Ярышской¹⁹⁸», – сказал. Услышав эти слова, я послал эти слова кагану. Что делать?! С обратным словом пришел посланный: «Сиди, – было сказано, – не торопись ехать, хорошенько держи караул; не позволяй себя раздавить», – сказал он. Так приказал сказать мне Бёгю-каган¹⁹⁹. А апа-таркану²⁰⁰ он послал известие: «Мудрый Тоньюкук – он хитрый и сам он – понимающий! Если он скажет: «Идем с войском!»...²⁰¹ не соглашайся». Услышав эти слова, я двинул в

¹⁹⁵ На лыжах?

¹⁹⁶ Пропуск в тексте.

¹⁹⁷ Второй сын Капаган-кагана, умер в 716 г.

¹⁹⁸ В северной части Семиречья.

¹⁹⁹ Старший сын Капаган-кагана, умер в 716 г.

²⁰⁰ Главнокомандующему.

²⁰¹ Пропуск в тексте.

поход войска. Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иртыш и, не делая остановки на ночь, рано утром достигли Болчу.

Привели лазутчика, слово его таково: «В степи Ярышской собралось 10 тюменов войска», – он говорит. Услышав эти слова, беги все сказали: «Вернемся! Стыд чистых хорощ!».

А я так говорю, я – мудрый Тоньюкук: «Мы пришли, пройдя через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш мы пришли, переправясь. Было сказано: враг, который приходит – герой, но они о нас не проведали. Небо, богиня Умай²⁰², священная Родина – вот они, надо думать, даровали нам победу. Зачем нам бежать, говоря: их много. К чему нам бояться, говоря: нас мало. Зачем нам быть побежденными?! Нападем!» – сказал я. Мы напали и прогнали врага. На второй день враги пришли; они пришли, пламеня, как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами их 2 крыла наполовину были многочисленнее. По милости Неба, мы не боялись, говоря, что их много. Мы сразились. Тардушский шад принял участие в сражении. Мы прогнали врагов, их кагана схватили, а их ябгу и шادا там умертвили. Около 50 человек мы пленили. В ту же ночь мы отправили послов к каждому народу. Услышав эти слова, начальники и народ «десяти стрел» все пришли и подчинились. Когда я устраивал и собирал приходящих начальников и народ, то небольшое число народа убежало. Я повел в поход войско народа «десяти стрел».

Мы еще воевали и гнали их. Переправляясь через реку Жемчужную²⁰³, гору Бянглияк²⁰⁴ – местожительства сына Тинэси²⁰⁵ ...²⁰⁶.

Мы преследовали врагов до Темир-капыг²⁰⁷. Мы заставили их оттуда возвратиться. Инэль-кагану арабов и тохаров...²⁰⁸.

Тогда пришел весь согдийский народ во главе с Суком...²⁰⁹. В те дни тюркский народ достиг Железных ворот и достиг горы – местопребывания сына Тинэси, где не было предводителя. Т.к. я, мудрый Тоньюкук, дошел с войском до этой земли, то народ принес желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и другие сокровища в большом количестве. Эльтериш-каган, ради своего сообщества со знанием и геройством, на табгачей ходил сражаться 17 раз, против киданей сражался он 7 раз, против огузов сражался 5 раз. Тогда советником я же был и предводителем был войск. Эльтериш-кагану...²¹⁰ тюркскому Бётю-кагану, тюркскому Бильгя-кагану²¹¹...²¹².

²⁰² Умай – женское божество тюрков, богиня-мать, олицетворение плодородящего начала.

²⁰³ Через Сырдарью.

²⁰⁴ Возможное место резиденции правителя Согда – государства в Средней Азии.

²⁰⁵ Кит. «тяньцзы», букв. «сын Неба» – титул китайского императора; сын «сына Неба» – здесь правитель Согда.

²⁰⁶ Пропуск в тексте.

²⁰⁷ «Железные ворота» – проход Бузгала в горах Байсунтау на территории современного Узбекистана.

²⁰⁸ Пропуск в тексте.

²⁰⁹ Пропуск в тексте.

²¹⁰ Пропуск в тексте.

²¹¹ Бильге-каган – букв. «мудрый каган» – имя, которое принял старший сын Ильтериш-кагана Могилян (брат Кюль-Тегина) при воцарении, правил в 716 – 734 гг.

²¹² Пропуск в тексте.

Капаган-каган...²¹³ я, не спав ночами, не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу свои работу и силу и я же сам направлял длинные военные набеги.

Я возвысил стражу Аркуй, повинующихся врагов я приводил, мы предпринимали походы с моим каганом. Пусть будет милостиво Небо: на этот свой тюркский народ я не направлял хорошо вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу. Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать и, следуя за ним, я сам если бы не старался приобрести, то ни государство, ни народ не были бы существующими. Ради кагана приобретений и, следуя за ним, ради моих собственных приобретений государство стало настоящим государством, а народ же стал настоящим народом. Сам я состарился и возвысился. Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана, оказался бы какой-либо бездельник, то что за горе имел бы этот народ!

Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать это для народа тюркского Бильгя-кагана. Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать или если его не было бы и если бы я сам, мудрый Тоньюкук, не старался приобретать или если бы не существовал, в земле Капагана-кагана и народа тюрков-сиров не было бы никакой государственной организации, ни народа, ни людей, ни правителя.

Ради стараний Эльтериш-кагана и мудрого Тоньюкука вот существует Капаган-каган и народ тюрков-сиров.

Тюркский Бильгя-каган возвышает народ тюрков-сиров и народ огузов».

ИБН ФАДЛАН О НАРОДАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Араб Ибн Фадлан в 922 г. с посольством багдадского халифа побывал на Волге, в Волжско-Камской Булгарии, и подробно описал это путешествие. Книга его, известная по позднейшим копиям, принадлежит к одним из самых драгоценных источников по истории тюрков Восточной Европы.

...Весной 921 г. в Багдад прибыл посол болгарского правителя Алмуша, которого Ибн Фадлан называет «царем сакалибов», подразумевая под этим словом народы, живущие далеко на севере от арабов (ср. с арабским словом «франки» – жители Западной Европы). Алмуш, уже являвшийся к этому времени мусульманином, просил «о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть». Он просил также покровительства халифа ал-Муктадира в борьбе с врагами и «о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников».

В Багдаде были люди, уже побывавшие у болгар (например, тюрк Тегин/Текин), они-то и способствовали тому, чтобы заинтересовать правителей халифата делами далекой северной страны. Решено было послать в Булгарию послов, чтобы **официально** ввести там ислам (уже в первой половине VIII в. многие тюрки Восточной Европы стали мусульманами) и объявить на словах свое покровительство.

²¹³ Пропуск в тексте.

21 июня 921 г. из Багдада выехало посольство во главе с Сусаном ар-Расси. В состав посольства вошли Текин и Барыс, уже знакомые с Булгарией, посол болгар Абдаллах ибн Башту, возвращавшийся на родину, свита, охрана и слуги. Секретарем посольства был Ахмед ибн Фадлан ибн ал-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад.

Посольство через Среднюю Азию (любой другой путь был опасен из-за враждебно настроенных хазар) прибыло к булгарам 12 мая 922 г. Три дня правитель булгар собирал подвластных ему правителей, и 16 мая состоялась торжественная церемония и пиршество. Летом 922 г. на берегах реки Джавшыр, несколько севернее Трех Озер состоялось окончательное всенародное принятие ислама (часть племен воспротивилась этому). Уехали послы халифа из Булгарии осенью 922 г.

Книга Ибн Фадлана очень популярна. Долгое время она была известна лишь по извлечениям, помещенным в географическом словаре известного арабского энциклопедиста XIII в. Йакута ал-Хамави в переводе выдающегося востоковеда XIX в. академика Х.М.Френа. В 1924 г. в городе Мешхеде (Иран) А.-Заки Валиди обнаружил рукопись «Рисала» Ибн Фадлана. В настоящее время она переведена на многие языки мира. Хотелось бы отдельно отметить некоторые издания: A.Zeki Validi Togan. *Ibn Fadlan's Reisebericht. Deutsche Morgenlanische Gesellschaft.*— Leipzig, 1939; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу/Перевод и комментарий А.П.Ковалевского, под редакцией акад. И.Ю.Крачковского.— М.— Л., 1939; Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама/Пересказ древнего текста Султана Шамси.— М., 1992. Мы пользуемся следующим изданием: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии.— Харьков: Изд-во ХГУ, 1956.

«Это – Книга Ахмеда ибн-Фадлана ибн-ал-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, клиента²¹⁴ повелителя правоверных, а также клиента Мухаммеда ибн-Сулеймана, Хашимида, посла ал-Муктадира к царю «славян»²¹⁵, в которой он сообщает о том, что он сам наблюдал в стране тюрок, хазар, русов, «славян», башкир и других народов по части различий их вероучений, сведений об их царях, их положения во многих их делах.

Сказал Ахмед ибн-Фадлан: Когда прибыло письмо Алмуша сына Шилки йылтывара, царя «славян», к повелителю правоверных ал-Муктадиру, в котором он просит его о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру, чтобы он установил на ней от имени халифа хутбу в его собственной стране и во всех областях его государства, и просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников,— было дано согласие на то, о чем он просил. Посредником в этом деле был Назир ал-Харамид²¹⁶. А я был уполномочен для прочтения царю

²¹⁴ Название «клиент» в Аравии в то время было почетным титулом.

²¹⁵ А.П.Ковалевский перевел этноним «сакалиба» как «славяне», что, на наш взгляд, неверно. Вспомним сообщение Геродота о том, что скифы именовали себя «сколотами». Вполне возможно, что оба эти слова восходят к одному этнониму, на наш взгляд, древнетюркскому.

²¹⁶ Начальник внутренних покоев халифа.

письма²¹⁷ и вручения того, что отправлялось к нему в качестве подарков и для надзора над факихами и муаллимами. И ему были пожалованы деньги, доставлявшиеся ему для упомянутой нами постройке и для уплаты жалованья факихам и муаллимам, со взысканием с поместья, называемого Арсахушмисан, в земле Хорезма, из числа поместий Ибн-ал-Фурата. Послом к ал-Муктадиру от владельца «славян» был муж по имени Абдуллах сын Башту Хазарин, а послом со стороны государя – Сусан ар-Расси, клиент Назира ал-Харами, и сопровождали его Текин Тюрок и Барыс «Славянин», и я вместе с ними, как я уже сообщил. Итак, мне были вручены подарки для царя, для его жены, для его сыновей, для его братьев, для его предводителей, и лекарства, о которых он писал Назиру, прося их.

Итак, мы отправились из Города Мира в четверг, по прошествии 11 ночей месяца сафара 309 года...

...Когда мы пересекли гору, мы выехали к кочевому племени тюрок, известных под названием гуззов.

И вот они кочевники, – дома у них из шерсти, они то останавливаются табором, то отъезжают. Ты видишь их дома то в одном месте, то те же самые в другом месте, в соответствии с образом жизни кочевников и с их передвижением. И вот они в жалком состоянии. К тому же они, как блуждающие ослы, – не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но называют своих старейшин «господами». Когда кто-нибудь из них просит в чем-либо совета у своего главаря, он говорит ему: «Господи! что я сделаю в таком-то и таком-то деле?».

«Дела их решаются советом между ними»²¹⁸. Однако, когда они сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись. Я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед пророк Аллаха», стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают мимо них, но не выражая этим никакого убеждения. А если кого-нибудь из них постигает несправедливость или случится с ним что-либо неприятное, он поднимет свою голову к небу и говорит: «Бир тенгри», а это по-тюркски «один», а «тенгри» на языке тюрок – «бог».

Они не очищаются ни от экскрементов, ни от урины, и не омываются от половой нечистоты и не совершают ничего подобного²¹⁹. Они не имеют никакого дела с водой, особенно зимой. Их женщины не закрываются ни от их мужчин, ни от посторонних, и женщина не закрывает также ничего из своего тела ни от кого из людей. Право же, как-то однажды мы остановились у одного человека из их числа. Мы сели, и жена этого человека была вместе с нами. И вот, разговаривая с нами, она раскрыла свой «фардж» и почесала его, в то время как мы на нее смотрели. Мы же закрыли свои лица руками и сказали: «Господи, помилуй!». Тогда муж ее засмеялся и сказал переводчику: «Скажи им: она открывает это в вашем присутствии, и вы видите его, а она

²¹⁷ От имени халифа.

²¹⁸ Цитата из Корана.

²¹⁹ Т.е. не совершают исламских ритуальных омовений.

охраняет его так, что к нему нет доступа. Это лучше, чем если бы она его закрывала и вместе с тем предоставляла пользоваться им». Гуззы не знают блуда. Но если относительно кого-либо они откроют какое-нибудь дело, то они разрывают его на две половины, а именно: они сужают промежуток между ветвями двух деревьев, потом привязывают его к веткам и пускают оба дерева, и находящийся при выпрямлении их разрывается.

Один из них сказал: «Дай мне услышать чтение». Коран ему понравился, и он начал говорить переводчику: «Скажи ему: Не умолкай». Однажды этот человек сказал мне через переводчика: «Скажи этому арабу: есть ли у господина нашего могучего и великого жена?». Я же ужаснулся этому и провозгласил «Слава Аллаху» и «Помилуй Аллах». И он провозгласил «Слава Аллаху» и «Помилуй Аллах» так же, как это сделал я. И таково правило тюрка, – всякий раз, как он услышит мусульманина, проносящего «Слава Аллаху» и «Нет бога, кроме Аллаха», он говорит то же, что и он.

Обычаи женитьбы у них таковы: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи, – или дочь его, или его сестру, или кого-либо из тех, кем он распоряжается, – за столько-то и столько-то хорезмийских одежды, и если он заплатит это, то он везет ее к себе. Иногда калымом бьвают верблюды, или лошади, или что-либо другое. И никто не может прибыть к своей жене, пока не будет уплачен калым, на который согласился ее «опекун». А если он уплатит это ему, то идет, не стесняясь, пока не войдет в жилище, в котором она находится, и не возьмет ее в присутствии ее отца, ее матери и ее братьев, и они ему в этом не препятствуют.

А если умрет человек, имеющий жену и сыновей, то старший из его сыновей женится на его жене, если она не была его матерью.

Никто из купцов или кто-либо другой не может совершать омовения после нечистоты в их присутствии, кроме как ночью, когда они его не видят. И это потому, что они гnevаются и говорят: «Этот хочет нас околдовать, т.к. он уставился в воду», – и штрафуют его деньгами.

И не может ни один мусульманин проехать через их страну без того, чтобы не сделать кого-либо из них себе другом, у которого он останавливается. Он привозит для него из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма и орехов. Когда же он прибудет к своему другу, то тот разобьет для него юрту и доставит ему овец сколько может, так что мусульманину останется только закалывать их, т.к. тюрки их не закалывают, – право же, кто-либо из них бьет по голове овцу, пока она не умрет. И если человек из числа мусульман захочет совершить переезд, а у него станут некоторые из его верблюдов или его лошадей, или он нуждается в деньгах, то он оставляет ставших животных у своего друга-тюрка, берет его верблюдов, его лошадей и то, что ему нужно, и отправляется. Когда же он возвратится с дороги, в которую он отправился, он возместит ему его деньги и возвратит ему его верблюдов и его лошадей. И точно так же, если проедет мимо тюрка человек, которого он не знает, и потом вдруг скажет ему: «Я твой гость, и я хочу получить часть твоих верблюдов, твоих лошадей и твоих дирхемов», – он вручит ему то, что он хочет.

Если же купец умрет в дороге и караван будет возвращаться, то тюрк встретит их и скажет: «Где мой гость?». И если скажут: «Он умер», то он заставит караван разгрузиться. Потом он пойдет к самому знатному купцу, которого он среди них увидит, развяжет на его глазах его вещи, и возьмет из его дирхемов столько, сколько ему следует с того купца, без лишнего зернышка. И так же он возьмет лошадей и верблюдов и скажет: «Это твой двоюродный брат, и ты более всего обязан уплатить за него». А если он убежал, то тюрк сделает то же самое и скажет ему²²⁰: «Это такой же мусульманин, как и ты, возьми же ты с него». А если этот мусульманин не даст согласия возместить долг за его гостя на большой дороге, то тюрк спросит о его бегстве, где он находится, и если его направят к нему, то он проедет в поисках его расстояние многих дней пути, пока не прибудет к нему и не заберет у него того, что ему принадлежит, а также того, что он иной раз дарит ему.

...Поступок педерастии считается у них очень важным преступлением. Действительно, некогда остановился в родовой группе Кюзеркина, – а это наместник царя тюрк, – некий человек из жителей Хорезма и оставался у своего хозяина некоторое время для покупки овец. У тюрка был безбородый сын, и хорезмиец не переставал ухаживать за ним и склонять его к себе, пока тот не подчинился его желанию. Пришел тюрк и нашел их обоих в соединении. Тогда тюрк подал об этом жалобу Кюзеркину. Итак, он сказал ему: «Собери тюрк». И он их собрал. Когда они собрались, он сказал тюрку: «Как ты хочешь, чтобы я судил, – по справедливости или лживо?». Он сказал: «По справедливости». Он сказал: «Приведи своего сына». Он привел его. Он сказал: «Следует, чтобы он и купец оба были убиты». Тюрк этим возмутился и сказал: «Я не выдам своего сына». Он же сказал: «Тогда купец даст выкуп за себя». Он это сделал и заплатил тюрку овцами за то, что он сделал с его сыном, заплатил Кюзеркину 400 овец за то, что он снял с него наказание, и уехал из страны тюрк.

Первый из их царей²²¹ и главарей, кого мы встретили, был йынал Маленький²²². Он прежде принял было ислам. Но ему было сказано: «Если ты принял ислам, ты уже не главенствуешь над нами». Тогда он отказался от ислама. Когда же мы прибыли в то место, в котором он находился, он сказал: «Я не допущу, чтобы вы прошли, т.к. это нечто такое, о чем мы совершенно не слыхали и не думали, что оно бывает». Тогда мы подошли к нему с тем, чтобы он удовольствовался получением джурджанского хафтана стоимостью в 10 дирхемов, куска материи пай-баф, лепешек хлеба, пригоршни изюма и 100 орехов. Когда же мы вручили ему все это, он поклонился нам до земли. А это их правило, – если человек оказывает почет другому человеку, он кланяется ему в землю. Он сказал: «Если бы мои дома не были отдалены от дороги, я обязательно доставил бы вам овец и дружеские подарки». И он удалился от нас.

²²⁰ Второму купцу.

²²¹ Малик.

²²² Т.е. Младший.

Мы отправились и на следующий день нас встретил один человек из тюрок с презренной внешностью, оборванец, тощего вида, жалкий по существу. А на нас напал сильный дождь. Он же сказал: «Стойте!». И караван остановился весь в целом, а именно около 3000 лошадей и 5000 человек. Потом он сказал: «Ни один из вас не пройдет!». И мы остановились, повинувшись его приказанию. Мы сказали ему: «Мы друзья Кюзеркина». Он стал смеяться и говорит: «Кто такой Кюзеркин? Я испражняюсь на бороду Кюзеркина». Потом он сказал: «Паканд», что значит «хлеб» на языке Хорезма. Тогда я вручил ему лепешки хлеба. Он взял их и сказал: «Проезжайте, я смиловивился над вами».

Он сказал: Если заболит из их числа человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему, и никто из его домочадцев не приближается к нему. Для него разбивают палатку в стороне от домов, и он остается в ней до тех пор, пока не умрет или не выздоровеет.

Если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в дикой местности и отъезжают от него.

А если умрет человек из числа знати, то для него выкопают большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и накладывают над ним нечто вроде купола из глины. Потом возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них 100 голов, или 200 голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают все это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то они вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю». Иногда они пренебрегут убиением лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа старейшин и говорит: «Я видел такого-то, т.е. умершего, во сне, и он сказал мне: «Вот видишь, меня уже перегнали мои товарищи, и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один». При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают их и растягивают их на его могиле. И когда пройдет день или два, придет к ним этот старик и скажет: «Я видел такого-то, и он сказал: «Сообщи моим семейным и моим товарищам, что подлинно я уже догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я нашел успокоение от усталости».

Он сказал: Все тюрки выщипывают свои бороды, кроме усов. Иногда я видел среди них дряхлого старика, который выщипал себе бороду и оставил немного от нее под подбородком, причем на нем надета шуба, так что, если человек после этого увидит его, обязательно примет его за козла.

Царя тюрок гуззов называют йабгу, и это – титул повелителя²²³. И каждый, кто

²²³ «Название эмира».

царствует над этим племенем, этим титулом называется. А заместителя его называют кюзеркин. И точно так же каждый, кто замещает какого-либо их главаря, называется кюзеркин.

Потом, при нашем отъезде из области этих тюрков мы остановились у начальника их войска. Его зовут Этрэк сын Катагана. Он разбил для нас тюркские юрты и поселил нас в них. И вот у него челядь, и свита, и большие дома. Он пригнал к нам овец, и привел лошадей, чтобы мы закалывали овец и ездили бы верхом на лошадях. Он созвал своих домочадцев и сыновей своего дяди по отцу и убил для них множество овец. А мы еще раньше преподнесли ему подарок: одежды, изюм, орехи, перец и просо. Я видел его жену, которая раньше была женой его отца²²⁴. Она взяла немного мяса и молока и кое-что из того, что мы подарили ему, вышла из пределов «домов» в дикую местность, вырыла яму, погребла в ней то, что имела с собой, и произнесла какие-то слова. Я же сказал переводчику: «Что она говорит?». Он сказал: «Она говорит: «Это подарок для Катагана, отца Этрэка, который преподнесли ему арабы».

Когда же настала ночь, я и переводчик вошли к нему, в то время как он сидел в своей юрте. С нами было письмо к нему Назира ал-Харами, в котором он предлагает ему принять ислам и побуждает его к нему. При этом он послал ему в дар 50 динаров, среди которых было много динаров мусайябских, 3 мискаля мускуса, красные кожи, две мервские одежды, из которых мы скроили для него две куртки, сапоги из красной кожи, одежду из парчи и 5 шелковых одежд. Итак, мы вручили ему подарок и вручили также его жене покрывало²²⁵ и перстень. Я прочитал ему письмо, а он сказал переводчику: «Я не скажу вам ничего, пока вы не возвратитесь, и тогда напишу государю²²⁶ о том, что я решу». Он снял парчовую одежду, бывшую на нем, чтобы надеть упомянутые нами почетные подарки. И я увидел бывшую под ней куртку, — она распалась лохмотьями от грязи, т.к. правила их таковы, что никто не снимает прилегающую к телу одежду, пока она не рассыпется на куски²²⁷. И вот он выщипал всю свою бороду и свои усы и остался как евнух...

В один из дней он послал за непосредственно ему подчиненными предводителями, а они следующие: Тархан, Йынал... и Баглыз²²⁸. И был Тархан самый знатный из них и самый выдающийся из них, и был он хромой, слепой, сухорукий. Итак, он сказал им: «Подлинно, вот это послы царя арабов к моему зятю Алмушу сыну Шилки, и не подобает мне, чтобы я отпустил их иначе, как после совета с вами». Тогда Тархан сказал: «Это нечто такое, чего мы совершенно не видели и о чем не слышали, и мимо нас никогда не проходил посол какого-либо государя с тех пор, как существуем мы и отцы наши. Я думаю, что не иначе, как этот государь²²⁹ устраивает хитрость и направляет этих людей к хазарам, чтобы поднять их войной против нас. И

²²⁴ Но не его мать.

²²⁵ «Чадру».

²²⁶ Т.е. халифу.

²²⁷ Такой обычай по источникам наблюдается и у монголо-татар; см., например, записки Карпини.

²²⁸ Возможно, Йаглыз или Таглыз.

²²⁹ Т.е. халиф.

лучше всего разрезать этих послов каждого пополам, а мы заберем то, что с ними имеется. И сказал другой из них: «Нет! Но возьмем то, что с ними, и оставим их голыми, чтобы они возвратились туда, откуда прибыли». И сказал еще другой: «Нет! Но у царя хазар есть наши пленные. Так пошлем же вот этих, чтобы выкупить ими тех». И они не переставали спорить между собой об этих вещах семь дней, в то время как мы находились в смертельном положении, пока они не сошлись на том, что они отпустят нас в дорогу, и мы проследуем дальше. Мы же преподнесли Тархану мервский хафтан и два куска материи пай-баф, а его товарищам каждому по куртке, а также Йыналу. Мы вручили им также перец, просо и лепешки хлеба, и они удалились от нас.

Мы отправились в путь, пока не прибыли к реке Йаганды. Люди вытащили свои дорожные мешки, — а они сделаны из кож верблюдов, — и расстелили их. Взяли самок тюркских верблюдов, т.к. они круглы, и поместили их в их пустоту, так что мешки растянулись. Потом они наложили их одеждами и вещами, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок села группа человек в пять, шесть, четыре, — меньше или больше. Они берут в руки шесты из хаданга²³⁰ и кладут их как весла, непрерывно гребя, а вода несет их дорожные мешки и они вертятся, пока мы не переправимся. Что же касается лошадей и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь. Необходимо, прежде чем переправится какая-либо часть каравана, переправить отряд бойцов, имеющих оружие, чтобы они служили авангардом для людей. Это из боязни башкир, что они нападут врасплох на людей, когда они будут переправляться.

Итак, мы переправились через Йаганды описанным нами способом. Потом, после этого мы переправились через реку, называемую Джам²³¹, также в дорожных мешках, потом мы переправились через Джахыш, потом Узил, потом «Эрдэн», потом «Варыш», потом Анхаты, потом «Вабна», а это все большие реки.

Потом, после этого мы прибыли к печенегам. И вот они остановились у воды, похожей на настоящее море²³². Они — темные брюнеты с совершенно бритыми бородами, бедны в противоположность гуззам²³³. Ведь я видел среди гуззов таких, которые владели 10000 лошадей и 100000 голов овец...

Мы остановились у печенегов на один день.

Потом мы отправились и сделали остановку у реки Джайх²³⁴, а это самая большая река, какую мы только видели, самая огромная и с самым сильным течением... Мы переправились через нее только с трудом.

Потом мы ехали много дней и переправились через реку Джаха²³⁵, потом после

²³⁰ Вероятно, из сосны.

²³¹ Эмба.

²³² Озеро Челкар/Чорхал.

²³³ Здесь речь идет о тех печенегах, что жили оторванно от основной массы печенегов. О них подробнее сообщает Константин Порфирородный.

²³⁴ Яик/Урал.

²³⁵ Чеган.

нее через реку Ирхиз, потом через Бачар²³⁶, потом через Самур²³⁷, потом через Кинал, потом через реку Сух, потом через реку Кюнджюлю²³⁸ и попали в страну народа из числа тюрок, называемого башкиры. Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрок, самые грязные из них и более других посягающие на убийство...

...И мы уехали из страны этих людей и переправились через реку Джарамсан²³⁹, потом через реку Уран²⁴⁰, потом через реку Урам, потом через реку Байнах²⁴¹, потом через реку Ватыг²⁴², потом через реку Нийасна, потом через реку Джавшыз. Расстояние от реки до реки, о которых мы упомянули, — два дня, или три, или четыре, менее этого или более. Когда же мы были от царя «славян», к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его властью, своих братьев и своих сыновей. Они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо, просо, и поехали вместе с нами. Когда же мы были от него на расстоянии двух фарсахов²⁴³, он встретил нас сам, и когда он увидел нас, он сошел с лошади и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху, великому, могучему. В руке у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас. Он поставил для нас юрты, и мы поселились в них. Наше прибытие к нему было в воскресенье, когда прошло 12 ночей месяца мухаррама 310 года. И было расстояние от Джурджании²⁴⁴ до его страны 70 дней пути.

Итак, мы оставались воскресенье, понедельник, вторник и среду в юртах, которые были разбиты для нас, пока собрались цари его земли, предводители и жители его страны, чтобы услышать чтение письма халифа. Когда же наступил четверг и они собрались, мы развернули два знамени, которые были с нами, оседлали лошадей присланным ему в подарок седлом, одели его в савад²⁴⁵ и надели на него тюрбан. Тогда я вынул письмо халифа и сказал ему: «Не подобает, чтобы мы сидели, когда читается это письмо». И он встал на ноги, — он сам и присутствовавшие знатные лица из жителей его государства, а он человек очень толстый и пузатый. Я начал и прочитал начало письма и, когда я дошел до слов: «Мир тебе, и воистину я прославляю, обращаясь к тебе, Аллах, кроме которого нет иного бога», — я сказал ему: «Ответь пожеланием мира повелителю правоверных». И он ответил, и они ответили все вместе. Переводчик не переставал переводить наше чтение буква в букву. Когда же мы кончили его чтение, то они возгласили «Велик Аллах!» таким возгласом, от кото-

²³⁶ Моча.

²³⁷ Самара.

²³⁸ Кондурча.

²³⁹ Черемшан.

²⁴⁰ Урень.

²⁴¹ Майна.

²⁴² Удга/Утка.

²⁴³ Примерно 12–14 км.

²⁴⁴ Старый Ургенч, город в Средней Азии.

²⁴⁵ Черная одежда высших сановников повелителя правоверных.

рого затряслась земля. Потом я прочитал письмо везира Хамида ибн-ал-Аббаса, в то время как он стоял. Потом я пригласил его сесть, и во время чтения письма Назира ал-Харамии он сидел. Когда же я окончил чтение, спутники его рассыпали на него многочисленные дирхемы. Потом я вынул подарки, состоявшие из благовоний, одежды, жемчуга, для него и для его жены, и я не переставал представлять ему и ей одну вещь за другой, пока мы не покончили с этим. Потом я облек его жену в почетный халат в присутствии людей, в то время как она сидела рядом с ним, — таков их закон и обычай. Когда же я облек ее в почетный халат, женщины рассыпали на нее дирхемы, и мы удалились.

По прошествии какого-нибудь часа он прислал за нами, и мы вошли к нему, в то время как он находился в своей палатке. Цари сидели с правой его стороны, а нас он пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним, а он один сидел на троне, покрытом византийской парчой. Он велел принести стол с яствами, и он был подан ему. На нем было одно только жареное мясо. Итак, он начал, — взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом он отрезал кусок и дал его Сусану послу. Когда же он его получил, ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. И тотчас, как только он его получит, то уже принесен ему стол.

Потом он вручил мясо мне, и принесен был мне стол. Потом он отрезал кусок и вручил его царю, который был справа от него, и ему был принесен стол, потом вручил второму царю, и ему был принесен стол... потом вручил четвертому царю, и ему принесли стол, потом вручил своим сыновьям, и им принесли столы, и таким образом это продолжалось, пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесен стол, и мы ели каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу с кем-либо другим, и кроме него никто не брал с его стола ничего. Когда же он кончал с едой, то каждый из нас оставшееся на своем столе уносил в свое жилище. Когда мы поели, он велел принести напиток из меда, который они называют суджув, изготовления того же дня и той же ночи. Итак, он выпил кубок. Потом он встал во весь рост и сказал: «Это мое веселие о моем господине, повелителе правоверных, да продлит Аллах его пребывание в этом мире». И т.к. он встал, то встали и четыре царя, и его сыновья, и встали мы также, пока он делал это три раза. Потом мы удалились от него. На его минбаре²⁴⁶ еще до моего прибытия уже провозглашали от его имени хутбу: «О Аллах! Сохрани в благополучии царя йылтывара, царя болгар!». Я же сказал ему: «Воистину, царь — это Аллах, и на минбаре этим титулом не называется никто, кроме него, великого и могучего. Вот господин твой, повелитель правоверных, для собственной своей особы довольствуется тем, что на его минбарах на востоке и на западе провозглашают: «О Аллах! Сохрани в благополучии раба твоего и наместника твоего Джафара, имама ал-Муктадира-би-ллаха, повелителя правоверных!». И таким же образом делали бывшие до него предки его халифы. И сказал Пророк, да благосло-

²⁴⁶ Трибуна для проповедника в соборной мечети.

вит его Аллах и да спасет: «Не восхваляйте меня без меры, как восхвалили христиане Иисуса сына Марии,— ведь, право же, я раб Аллаха и посланник его». Он же сказал мне: «Как же подобает, чтобы провозглашали от моего имени хутбу?». Я сказал: «Посредством упоминания твоего имени и имени твоего отца». Он сказал: «Но ведь отец мой был неверным, и я не хочу упоминать его имени на минбаре; и я также был неверным,— и я не хочу, чтобы упоминалось мое имя, т.к. тот, кто дал мне имя, был неверным. Однако, как имя моего господина, повелителя правоверных?». Я сказал: «Джафар». Он сказал: «Подобает ли, чтобы я назвался его именем?». Я сказал: «Да». Он сказал: «Итак, я уже дал себе имя Джафар, а имя своему отцу Абдаллах, так что дай распоряжение об этом хатибу²⁴⁷». Я сделал это, и хатиб стал провозглашать от его имени хутбу: «О Аллах! Сохрани в благополучии раба твоего Джафара ибн-Абдаллаха, повелителя болгар, клиента повелителя правоверных».

Когда прошло три дня после прочтения письма и вручения подарков, он прислал за мной. До него дошло дело о 4000 динаров... Сообщение о них было и в письме. Итак, когда я вошел к нему, он пригласил меня сесть, и я сел, а он бросил мне письмо повелителя правоверных и сказал: «Кто привез это письмо?». Я сказал: «Я». Потом он бросил мне письмо везира и сказал: «А это тоже?». Я сказал: «Я». Он сказал: «А деньги, упомянутые в них обоих, что с ними сделано?». Я сказал: «Трудно было их собрать, время было стеснено, мы боялись упустить возможность въезда на север, так что мы оставили их, чтобы они догнали нас». Тогда он сказал: «Подлинно, приехали вы все, и то, что на вас истратил мой господин, он истратил для того, чтобы привезти мне эти деньги, чтобы я построил на них крепость, которая защитила бы меня от иудеев, поработивших меня²⁴⁸. Что же касается подарка, то мой отрок и сам мог бы прекрасно доставить его». Я сказал: «Это совершенно верно, но только, право же, мы приложили все старания».

Тогда он сказал переводчику: «Скажи ему: «Я не признаю этих людей. Подлинно, я признаю только тебя одного, и это потому, что эти люди не арабы. И если бы знал наставник²⁴⁹,— да поможет ему Аллах,— что они возвестят мне то, что ты возвестил, он не послал бы тебя, чтобы ты сохранил его поручения для меня: прочел бы его письмо ко мне и выслушал бы мой ответ. И я не потребую ни одного дирхема ни у кого, кроме как у тебя, так что отдавай деньги, и это самое лучшее для тебя». Итак, я ушел от лица его перепуганный, удрученный. У этого человека был внушительный вид и величавость, был он толстый, широкий, как будто бы он говорил из большого кувшина. Итак, я вышел от него, собрал своих спутников и сообщил им, что произошло между ним и мною. И я сказал им: «От этого я вас предостерегал».

Его муэzzин, призывая к молитве, провозглашал икаму²⁵⁰ дважды. Я сказал ему: «Право же, господин твой, повелитель правоверных, у себя провозглашает икаму один раз». Тогда он сказал муэzzину: «Прими к исполнению то, что он говорит тебе,

²⁴⁷ Проповеднику.

²⁴⁸ Речь идет о правителях Хазарии.

²⁴⁹ Халиф.

²⁵⁰ Часть азана, приглашающая мусульман к намазу в мечети.

и не противоречь ему». Итак, муэzzин держался этого много дней, пока он допрашивал меня относительно денег и препирался со мной о них, а я приводил его в отчаяние относительно этого и оправдывался в этом деле. Когда же он потерял надежду относительно этого, он дал распоряжение муэzzину, чтобы он удваивал икаму, и он сделал это. А царь хотел использовать это как средство, чтобы вступить со мной в диспут.

Итак, когда я услышал, что он удваивает икаму, я запретил ему и закричал на него. Царь узнал об этом, велел прийти мне и велел прийти моим спутникам. Когда же мы собрались, он сказал переводчику: «Скажи ему,— т.е. мне: «Что ты скажешь о двух муэzzинах, из которых один провозгласил икаму один раз, а другой дважды, а потом каждый из них молился с народом,— допустима ли эта молитва или же нет?». Я сказал: «Молитва допустима». Тогда он сказал: «С разногласием ли муджтехидов²⁵¹ по данному вопросу или с их общего согласия?». Я сказал: «С общего согласия». Он сказал: «Скажи ему: «Что ты скажешь о человеке, который вручил неким людям деньги, предназначенные для людей неимущих, осажденных, поработанных, а те обманули его?». Я сказал: «Это недопустимо и те люди скверные». Он сказал: «С разногласием или с общего согласия?». Я сказал: «С общего согласия». Тогда он сказал переводчику: «Скажи ему: «Знаешь ли ты,— если бы халиф,— да продлит Аллах его пребывание в этом мире,— послал ко мне войско, то одолел ли бы он меня?». Я сказал: «Нет». Он сказал: «А эмир Хорасана?». Я сказал: «Нет». Он сказал: «Это не вследствие ли отдаленности расстояния и многочисленности между нами племен неверных?». Я сказал: «Да».

Он сказал: «Скажи ему: «Итак, клянусь Аллахом, воистину, в моем отдаленном местопребывании, в котором ты меня видишь, подлинно я боюсь своего господина, повелителя правоверных. А именно я боюсь, что до него дойдет обо мне что-либо такое, что вызовет его отвращение, и он проклянет меня, и я погибну в моем местопребывании, в то время как он будет оставаться в своем государстве, и между мною и им будут простираться обширные страны. А вы, которые едите его хлеб, носите его одежду, во всякое время видите его, вы обманули его в отношении размера той посылки, с которой он отправил вас ко мне, к людям неимущим, вы обманули мусульман,— я не приму от вас руководства в деле своей веры, пока не придет ко мне такой человек, который будет искренен в том, что он говорит. И если придет ко мне такого рода человек, то я приму от него руководство». Так он зажал нам рот, мы не дали никакого ответа и удалились от него.

Он сказал: После этого разговора он стал оказывать мне особое предпочтение, стал приближать меня к себе, удалять моих спутников и называть меня «Абу-Бекр Правдивый»...

Он сказал: Вошел я и бывший у царя портной из жителей Багдада, случайно попавший в эту область, в мою юрту, чтобы поговорить между собой. Итак, мы погово-

²⁵¹ Ученых-богословов, имеющих право выносить самостоятельные решения по важным вопросам ислама.

рили столько, сколько нужно, чтобы прочесть менее половины седьмой части Корана. При этом мы ожидали ночного азана. Но вот и азан. Итак, мы вышли из юрты, а заря уже появилась. Тогда я сказал муэzzину: «Какой азан ты провозгласил?». Он сказал: «Азан рассвета». Я сказал: «А ночной последний?». Он сказал: «Мы читаем его молитву вместе с азаном при заходе солнца». Я сказал: «А ночью?». Он сказал: «Как видишь! Она была еще более короткой, чем эта, но только теперь она уже прибавилась в длину». Он сообщил, что уже месяц, как не спит ночью, боясь, чтобы не упустить утреннюю молитву, и это потому, что если человек ставит котелок на огонь во время молитвы захода солнца, а потом читает утреннюю молитву, то для котелка не приходит время закипеть.

Он сказал: Я видел, что день у них очень длинный, а именно, в продолжение некоторой части года он длинен, а ночь коротка, потом ночь длинна, а день короток. Итак, когда наступила вторая ночь, я сел вне юрты и наблюдал небо, и я увидел на нем только небольшое число звезд, думаю, что около 15 рассеянных звезд. И вот красная заря, которая бывает перед ночной молитвой, ни в коем случае не исчезает окончательно, и вот ночь с настолько малой темнотой, что в ней человек узнает человека на большем расстоянии, чем выстрел стрелы.

Он сказал: Я видел, что луна не достигает середины неба, но восходит на его краях на какой-нибудь час, — потом появляется заря и луна скрывается.

Царь рассказал мне, что за его страной, на расстоянии трех месяцев пути, есть народ, называемый вису. Ночь у них менее часа.

Он сказал: Я видел, что в этой стране во время восхода солнца все имеет красный цвет, как-то земля, горы и все, на что смотрит человек. И восходит солнце, по величине подобное облаку, и краснота остается такой, пока солнце не достигнет высшей точки на небе.

Жители этой страны мне сообщили, что, подлинно, «когда бывает зима, то ночь делается по длине такой же, как летний день, а день делается таким коротким, как ночь, так что, право же, если кто-либо из нас выходит к месту, называемому Атыл, — а между нами и им расстояние пути менее фарсаха²⁵², — во время появления утренней зари, то он достигает его ко времени полного наступления ночи, когда появляются все звезды настолько, что покроют все небо».

И мы²⁵³ не покинули этой страны, пока ночи не удлинились, а дни не сократились.

Я видел, что они считают очень хорошим предзнаменованием для себя завывание собак, радуются ему и говорят о годе изобилия, благословения и благополучия.

Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева, право же, иной раз накрутится десяток их и более. Они не убивают их, и они им не вредят. Право же, как-то я увидел в одном месте длинное дерево, длина которого была более 100 локтей²⁵⁴. Оно уже упало. И вот ствол его огромный чрезвычайно. Я остановился, глядя на него, и вдруг оно задвигалось. Это меня устало. Я посмотрел на него внима-

²⁵² Фарсах — мера длины, путевая мера (6–7 км).

²⁵³ Т.е. посольство.

²⁵⁴ Более 50 метров.

тельно, и вот на нем змея, близкая к нему по толщине и длине. Когда же она увидела меня, она спустилась с него и скрылась между деревьями. Я же пришел испуганный и рассказал об этом царю и тем, кто был у него на приеме. Они же не придали этому значения, а он сказал: «Не беспокойся, она не сделает тебе вреда».

Однажды мы остановились вместе с царем на одной остановке. И вошел я, мои спутники – Текин, Сусан и Барыс – и бывший с нами человек из свиты царя в пространство между деревьями. И вот он показал нам маленький стебель, зеленый, по тонкости подобный веретену, при большой длине, и на нем он показал нам зеленые отростки. На конце каждого такого разветвления был широкий лист, распростертый на земле, причем на ней же разостлано нечто вроде плотно прилегающего к ней растения. Среди листьев находились ягоды. Кто их ест, не сомневается, что это гранат имлиси²⁵⁵. Итак, мы поели их и убедились, что они доставляют большое удовольствие, так что мы не переставали их искать и есть.

Я видел у них яблоки, отличающиеся большой зеленью и еще большей кислотой, подобно винному уксусу, который едят девушки и соответственно этому их называют.

Я не видел в их стране чего-либо в большом количестве, чем деревья орешника. Право же, я видел из него такие леса, что каждый лес имел 40 фарсахов в длину, при такой же ширине.

Я видел у них деревья, не знаю, что это такое: чрезвычайно длинные, ствол их лишен листьев, макушки подобны макушкам пальм, имеющим тонкие вай, но только эти вай сходящиеся. Они берутся за известное им место ствола этого дерева, пробурывают его и подставляют под него сосуд, в который из этого отверстия течет жидкость, более приятная, чем мед²⁵⁶. Если человек много ее выпьет, она пьянит его, как опьяняет вино и даже более.

Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень у них в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя. У царя нет на это никакого права, кроме лишь того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя. Если же он предложит отряду войска совершить набег на одну из стран, и он награбит, то царь имеет долю вместе с ними. Каждому, кто у себя устраивает свадьбу или созывает званый пир, необходимо сделать отчисление царю, в зависимости от размеров пиршества, – дать «сахрадж» медового набиза²⁵⁷ и некоторое количество скверной пшеницы. Т.к. земля их черная вонючая, а у них нет поместий, в которых они складывали бы свою пищу, то, право же, они выкапывают в земле колодцы и складывают в них пищу, так что проходит для нее лишь немного дней, как она портится, воняет гнилью и ею нельзя пользоваться²⁵⁸.

У них совершенно нет ни оливкового масла, ни масла сезама, ни животного жира,

²⁵⁵ Следует понимать как хороший сорт ягод.

²⁵⁶ Речь идет о березовом соке.

²⁵⁷ Сосуд с напитком из меда.

²⁵⁸ Это сообщение Ибн Фадлана опровергается иными письменными и археологическими источниками; см.: Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). – Казань, 1997. – С.148.

и, право же, они употребляют вместо этих жиров рыбий жир, и все, что они с ним употребляют, бывает вонюче от жира, и они сами из-за этого бывают вонючи от жира.

Они делают из ячменя похлебку, которую хлебают девушки и отроки. А иногда варят ячмень с мясом, причем господа едят мясо, и кормят девушек ячменем. Но если это мясо бывает голова козла, то девушки получают возможность поесть мяса.

Все они носят шапки. Когда царь едет верхом, он едет один, без отрока, и с ним нет никого. Итак, когда он проезжает по базару, никто не остается сидящим, — каждый снимает с головы свою шапку и кладет ее себе подмышку. Когда же он проедет мимо них, то они опять надевают свои шапки себе на головы. И точно так же все, кто входит к царю, мал и велик, включительно до его сыновей и братьев, лишь только посмотрят на него, как тотчас снимают свои шапки и кладут их себе подмышку. Потом они кивают головами в сторону царя, приседают, потом остаются стоять, пока он не пригласит их сесть, причем каждый, кто сидит перед ним, право же, сидит, стоя на коленях, и не вынимает своей шапки и не показывает ее, пока не выйдет от него, надевая ее только в это время.

Все они живут в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ и более, устланная армянскими коврами. У него в середине ее трон, покрытый византийской парчой.

Одно из их правил таково, что если у сына какого-либо человека родится ребенок, то его берет к себе его дед, прежде его отца, и говорит: «Я имею большее право, чем его отец, на его воспитание, пока он не сделается взрослым мужем».

И если умирает из их числа человек, то ему наследует его брат, прежде его сыновей. Итак я наставил царя, что это не дозволено, и наставил его, каковы правильные законы наследования, пока он их не уразумел.

Я не видел нигде большего количества молний, чем в их стране. Если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, какой он есть, и также все, что в нем находится, — человека и имущество и все прочее, — пока не уничтожит его время. И они говорят: «Это дом тех, на которых лежит гнев»²⁵⁹.

И если один человек из них убьет другого человека намеренно, они казнят его в любом месте за него. Если же он убьет его нечаянно, то делают для него ящик из дерева халанджа²⁶⁰, кладут его внутрь этого ящика, заколачивают его над ним гвоздями и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они водружают для него три бревна, наподобие палок верблюжьего седла, подвешивают его между ними и говорят: «Мы помещаем его между небом и землей, чтобы постигло его действие дождя и солнца. Авось Аллах смилостивится над ним». И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры.

И если они увидят человека, обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: «Этот более всего достоин служить нашему господу». Итак, они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают его на дерево, пока он не распадется на куски...

²⁵⁹ Сравни с сообщением «Мэн-да бэй-лу» об отношении монголо-татар к грому.

²⁶⁰ Березы.

Если они едут в дороге и один из них захочет помочиться и помочится, имея при себе оружие, то его обернут, – возьмут его оружие, его одежды и все, что с ним имеется. Это их правило. А кто сложит с себя оружие, положит его в сторону и тогда помочится, то они не препятствуют ему.

Мужчины и женщины спускаются к реке и моются вместе голые, не закрываются друг от друга и не совершают прелюбодеяния никоим образом и никаким способом. А кто из них совершит прелюбодеяние, кто бы он ни был, то заколотят для него 4 сошника, привяжут к ним обе его руки и обе ноги и рассекут его топором от затылка до обоих его бедер. И таким же образом они поступают и с женщиной. Потом каждый кусок его и ее вешается на дерево. Я не переставал прилагать старания, чтобы женщины закрывались от мужчин при купании, но это мне не удалось.

И они убивают вора так же, как убивают прелюбодея.

В их лесах много меда в жилищах пчел, которые они знают и отправляются к ним для сбора этого меда. Иногда же на них нападают люди из числа врагов и убивают их.

У них много купцов, которые отправляются в землю тюрок и привозят овец, и в страну, называемую Вису, и привозят соболей и черных лисиц.

Мы видели у них домохозяев одной семьи в количестве 5000 душ женщин и мужчин, уже всех принявших ислам. Все они известны под названием Баранджар²⁶¹. Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся. Они не умеют читать молитв, так что я научил одну группу из них тому, какими словами молятся.

Право же, раз под моим руководством принял ислам человек по имени Талут, и я назвал его Абдаллахом. Он же сказал: «Я хочу, чтобы ты назвал меня твоим собственным именем Мухаммед». Я это сделал. И приняли ислам его жена, его мать и его дети, и всех их стали называть Мухаммедом. Я научил его сурам «Хвала Аллаху» и «Скажи: он Аллах един». И радость его от знания этих двух сур была больше, чем его радость в случае, если бы он сделался царем «славян».

Когда мы прибыли к царю, мы нашли его остановившимся у воды, называемой Хеллече, а это три озера, из которых два больших и одно маленькое. Однако из всех их нет ни одного, в котором дно было бы достижимо. Между этим местом и их огромной рекой, текущей в страну хазар, называемой рекой Атыл²⁶², расстояние около фарсаха. На этой реке находится место рынка, который бывает бойким во всякий благоприятный момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи...

Он сказал: И отъехал царь от воды, называемой Хеллече, к реке под названием Джавшыр и оставался около нее два месяца²⁶³. Кроме того, он захотел, чтобы произошла перекочевка племен, и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. Они же отказали ему. И они разделились на две партии. Одна партия – с разным отребьем, и над ними еще раньше провозгласил себя само-

²⁶¹ Этническая группа в составе булгар, связанная своим происхождением с беленджерами Хазарско-каганата.

²⁶² Идель, Волга.

²⁶³ А.Х.Халиков и Ф.Ш.Хузин выдвинули гипотезу, что данная перекочевка состоялась в связи с началом строительства крепости – столицы Булгарского государства в районе Малого Черемшана.

званным царем некто по имени Вырыг. И послал к ним царь болгар и сказал: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я – раб Аллаха, и это – дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом».— Другая же партия была вместе с царем из кочевого племени, которого называли царем племени эскел. Он был у него в повиновении, хотя официально еще не принял ислама.— Когда же царь послал им²⁶⁴ это послание, то они испугались его намерения, и все вместе поехали совместно с ним к реке Джавшыр.

Эта река небольшой ширины, – ширина ее 5 локтей. Вода ее доходит до пупа, а местами до ключицы, а наибольшая ее глубина в рост человека. Вокруг нее деревья, причем многие из этих деревьев – хаданги и другие²⁶⁵. Недалеко от нее обширная дикая местность, о которой рассказывают, что в ней есть животное, по величине меньшее, чем верблюд, но больше быка. Голова его – голова верблюда, а хвост его – хвост быка, тело его – тело мула, копыта его подобны копытам быка. У него посреди головы один толстый круглый рог. По мере того, как он возвышается, он становится все тоньше, пока не делается подобным наконечнику копья. Из рогов некоторые имеют в длину от 5 локтей до 3 локтей, больше или меньше этого. Оно питается листьями деревьев халандж, имеющими превосходную зелень. Когда оно увидит всадника, то направляется к нему, и если под ним рысак, то он спасается от него с трудом, а если оно догонит всадника, то оно хватает его своим рогом со спины его лошади, потом подбрасывает его в воздух и вновь подхватывает его своим рогом и не перестает делать таким образом, пока не убьет его. А лошади оно ничем не вредит, никоим образом и никоим способом. И они преследуют его в диких местах и лесах, чтобы убить его. А это делается так, что они влезают на высокие деревья, между которыми животное находится. Для этого собираются несколько стрелков с отравленными стрелами, и когда оно окажется между ними, то стреляют в него, пока не изранят его и не убьют.

Право же, я видел у царя три больших миски, похожих на йеменский оникс, о которых он мне сообщил, что они сделаны из основания рога этого животного.

Некоторые из жителей этой страны утверждают, что это носорог.

Я не видел среди них ни одного человека, который был бы румяным, но большинство из них больны. В этой стране они в большинстве случаев умирают от колик, так что они, право же, бывают даже у их грудных детей.

И если умрет мусульманин у них, и вот имеется женщина из хорезмийцев, то его обмывают омовением мусульман. Потом везут его на повозке, которая тащит его, а перед ним идут со знаменем, пока не придут с ним к месту, в котором его похоронят. Когда же он придёт туда, они возьмут его с повозки и положат его на землю. Потом очертят вокруг него линию и откладут его в сторону. Потом они выкопают внутри этой линии его могилу, сделают для него боковую пещеру и погребут его.

²⁶⁴ Первой партии.

²⁶⁵ Тополь, осина и др.

Подобно этому и жители этой страны поступают со своими мертвыми. Женщины не плачут над мертвыми, но над ними плачут их мужчины, которые приходят в день, в который он умер, останавливаются у дверей его юрты и кричат самым гнусным плачем и самым диким, каким только можно плакать. Это – люди свободные. Когда же свершится их плач, являются рабы, неся с собой сплетенные кожи, и непрерывно плачут и бьют свои бока и выступающие части своих тел этими ремнями, пока на их теле не образуются следы вроде ударов бича. И местные жители обязательно водружают у двери его юрты знамя. Они приносят его оружие и кладут его вокруг его могилы и не прерывают плача в течение двух лет. Когда же свершается два года, они снимут знамя и возьмут часть своих волос... Родственники умершего созовут званный пир, посредством которого дается знать об окончании траура, и если у него была жена, то она выйдет замуж. Это если он был из числа главарей. Что же касается простого народа, то они делают со своими умершими только кое-что из этого обряда.

На царе «славян» лежит дань, которую он платит царю хазар: от каждого дома в его государстве – шкуру соболя. Если прибудет корабль из страны хазар в страну «славян», то царь выедет верхом и пересчитает то, что в нем имеется, и возьмет из всего этого десятую часть. А если прибудут русы или какие-нибудь другие люди из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову.

Сын царя «славян» является его заложником у царя хазар. До царя хазар дошла весть о красоте дочери царя «славян», так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда он отправил экспедицию и взял ее силой, хотя он иудей, а она мусульманка. Итак, она умерла, находясь у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это известие дошло до царя «славян», он упредил это и выдал ее замуж за царя племени эскел, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой. И, право же, царя «славян» побудила написать государю и попросить его, чтобы он построил для него крепость, боязнь царя хазар.

Он сказал: Однажды я спросил его и сказал ему: «Государство твое обширно, денежные средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя, чтобы он построил крепость на доставленные от него деньги, которыми нет числа?». Он же сказал: «Я полагал, что Держава Ислама приносит счастье, и их денежные средства берутся из дозволенных религиозным законом источников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности. Право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом»...

Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право же, он не показывается иначе, как раз в каждые 4 месяца, появляясь в почетном отдалении. Его называют «большой хакан», а его заместителя называют хакан-бех. Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руково-

дит им, появляется перед народом, совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его трон с правой его стороны. Его замещает муж, называемый кундур-хакан, а этого также замещает муж, называемый джавшыгыр. Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а полномочия вершить дела, наказывать преступников и управлять государством принадлежат его заместителю хакан-беху.

Другой обычай относительно наибольшего царя тот, что, если он умрет, то строится для него большой двор, в котором имеются 20 домов, и в каждом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок²⁶⁶, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашеная известь. А под этим двором имеется река, и эта река большая, быстро текущая, и они помещают эту реку над этой могилой, и говорят: «Чтобы не добрался до нее ни шейтан, ни человек, ни черви, ни насекомые». Когда он похоронен, то рубят шею тем, кто его хоронил, чтобы не было известно, в каком из домов находится его могила²⁶⁷. Могила его называется рай, и говорят: «Он вошел в рай».

И все эти дома выстланы парчой, сотканной из золота.

Еще обычай царя хазар тот, что у него 25 жен, причем каждая из этих жен – дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берет себе волей или неволей. У него 60 девушек-наложниц для его постели, причем только такие, которые отличаются красотой. И каждая из свободных и наложниц находится в отдельном дворце, у нее есть помещение в виде купола, покрытое тиком²⁶⁸, и вокруг каждого «купола» есть утоптанное пространство. И у каждой из них есть евнух, который ее стережет. Итак, если хакан захочет использовать одну из них как наложницу, он посылает за евнухом, который ее стережет, и тот является с ней быстрее мгновения ока, чтобы положить ее в его постель, причем евнух останавливается у дверей «купола» царя. Когда же царь использовал ее как наложницу, евнух берет ее за руку и удаляется и не оставляет ее после этого ни на одно мгновение.

Когда этот большой царь выезжает верхом, то едут также все войска по случаю его выезда, причем между ним и частями кортежа милая расстояния, и ни один из его подданных не видит его иначе, как павши ниц на свое лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него.

Продолжительность правления их царя – 40 лет. Если он переживет их хотя бы на один день, то подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут: «У этого ум уже уменьшился и его суждение стало путаным, неясным».

²⁶⁶ Глазной порошок – лекарство и косметика.

²⁶⁷ Вспомните похороны гуннского вождя Атилы.

²⁶⁸ Т.е. досками из тикового дерева, произрастающего в Индии.

Если он пошлет в поход отряд войска, то он не обращается вспять никоим образом и никаким способом, а если он обратится в бегство, то предается смерти всякий, кто из него к царю возвратится. А что касается предводителей и его заместителя, то, если они обратятся в бегство, приведут их самих и приведут их жен и их детей и дарят их другим в их присутствии, в то время как они смотрят на это, и точно так же дарят их лошадей, и их домашние вещи, и их оружие, и их усадьбы, а иногда царь разрежет каждого из них на два куска и разопнет их, а иногда повесит их за шеи на деревьях. Иногда же, если окажет им милость, то сделает их конюхами.

У царя хазар есть огромный город на реке Атыл. Он состоит из двух сторон, – в одной из этих двух сторон живут мусульмане, а в другой стороне – царь и его приближенные. Над мусульманами начальствует муж из числа приближенных отроков царя, который называется хаз. Он мусульманин, и судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и временно приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому отроку-мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. У мусульман в этом городе есть соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятницы. При ней есть высокий минарет и несколько муэззинов.

И вот, когда в 310 году²⁶⁹ до царя хазар дошла весть, что мусульмане разрушили синагогу, бывшую в Усадьбе ал-Бабунадж, он приказал, чтобы минарет был разрушен, казнил муэззинов и сказал: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть».

Хазары и их царь – все иудеи, а «славяне» и все, кто соседит с ними, находятся у него в покорности, и он обращается к ним, как к находящимся в рабстве, и они повинуются ему с покорностью».

На этом заканчивается известный нам текст записок Ибн Фадлана.

КОНСТАНТИН ПОРФИРОРОДНЫЙ О «СЕВЕРНЫХ СКИФАХ»

Сложно назвать среди византийских письменных памятников раннего средневековья какой-либо другой труд, который отличался бы столь же широким авторским замыслом, таким же обилием сюжетов, разнообразием жанров, как приписываемое императору Константину VII Порфирородному (Багрянородному) (908–959) сочинение «Об управлении империей», созданное в 948–952 гг. Трудно указать и какое-либо иное произведение византийской историографии эпохи расцвета империи, которое осталось бы столь же малоизвестным своим современникам. Написанный в качестве конфиденциального справочника-руководства по управлению империей для юного наследника престола, будущего Романа II (959–963), труд Константина заведомо не предназначался даже для образованной элиты византийского общества.

²⁶⁹ Этот год по христианскому летоисчислению начался 1 мая 922 г.

Слишком много в книге, на взгляд автора, содержалось доверительных советов и рекомендаций в сфере дипломатии и руководства внутренними делами государства, слишком откровенно было высказано личное отношение к некоторым представителям императорского семейства, чтобы можно было предать содержание трактата-поучения широкой огласке.

Внимательного читателя и благодарного исследователя сочинение «Об управлении империей» нашло только в Новое время, более чем полутысячелетие спустя после того, как было написано. Вряд ли какой-либо письменный памятник Византии X в. пользовался большим вниманием в научной литературе. Для российского читателя эта книга представляет особый интерес потому, что она содержит подчас уникальную информацию по самой ранней истории Древней («Киевской») Руси и по истории тюркских народов Восточной Европы, прозванных автором «северными скифами» – речь идет о печенегах, хазарах, булгарах-болгарах, гузах, тюркоязычных предках венгров и т.д.

Сочинение византийского императора – важнейший источник для изучения предстории современного татарского народа. Он содержит разнообразный материал, освещающий этно-культурную и социально-политическую историю тех народов, которые участвовали в этногенезе этнических компонентов татар (имеется в виду – современного татарского народа, а не татар VI–XII вв., являвшихся лишь одним из элементов его формирования).

Полное русское издание сочинения Константина Порфирородного было осуществлено Г.Ласкиным в 1899 г. В 1934 г. еще один перевод был сделан В.В.Латышевым и Н.В.Малицким. В 1982 г. свет увидел новый перевод памятника, выполненный Г.Г.Литавриным. В 1989 г. под редакцией Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева был издан новый (дополненный и отредактированный) перевод источника. При этом издание 1989 г. содержит не только обстоятельный комментарий, но и оригинальный греческий текст, что существенно повышает его научную значимость.

При публикации источника мы пользуемся изданием: Константин Багрянородный. Об управлении империей/Текст, перевод, комментарий; под редакцией Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева (Серия «Древнейшие источники по истории народов СССР»).- М.: Наука, 1989.

«Глава 1

О пачинакитах²⁷⁰: насколько полезны они, находясь в мире с василевсом ромеев²⁷¹

Итак, послушай, сын, то, что, как мне кажется, ты обязан знать; обрети разумение, дабы овладеть управлением. Ведь и всем прочим я говорю, что знание есть благо для подданных, в особенности же для тебя, обязанного печься о спасении всех и править и руководить мировым кораблем...

²⁷⁰ Речь идет о печенегах.

²⁷¹ Ромей – византийцы.

Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год апокрисиария²⁷² с подобающими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров, т.е. заложников, и апокрисиария, которые прибудут в богохранимый этот град²⁷³ вместе с исполнителем сего дела и воспользуются царскими благодеяниями и милостями, во всем достойны правящего василевса.

Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты²⁷⁴.

Глава 2

*О пачинакитах и росах**

Знай, что пачинакиты стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Россию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб.

Знай, что и росы озачобены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в России не водилось. Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, т.к. пачинакиты имеют возможность – в то время когда росы удалятся от своих семей, – напав, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться.

Знай, что и у царственного сего града ромеев, если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо когда росы с ладьями приходят к речным порогам²⁷⁵ и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко – не могут же росы двум трудам противостоять – побеждают и устраивают резню.

* Когда византийцы впервые познакомились с северными «варварами» русами, они их моментально связали с библейским «Рош», которое понимали как название народа, близкого к Гогу и Магогу. Именно это отождествление и побудило византийцев называть Русь «Рос» – так родилось слово «Россия».

²⁷² Вестника, посла.

²⁷³ Константинополь.

²⁷⁴ Здесь речь идет о территории южной части Крымского полуострова. Сам термин «климаты» связан с идущими от позднеантичной традиции представлениями о горизонтальном делении поверхности Земли на некие «климатические», т.е. широтные зоны.

²⁷⁵ На Днепре.

Глава 3

*О пачинакитах и турках*²⁷⁶

Знай, что и турок род весьма страшится и боится упомянутых пачинакитов потому, что был неоднократно побеждаем ими и предан почти полному уничтожению, оттого турки всегда страшными считают пачинакитов и трепещут перед ними.

Глава 4

О пачинакитах, росах и турках

Знай, что пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев. Пачинаки-ты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю.

Глава 5

*О пачинакитах и булгарах*²⁷⁷

Знай, что и булгарам более страшным казался бы василевс ромеев и мог бы понуждать их к спокойствию, находясь в мире с пачинакитами, поскольку и с этими булгарами соседят названные пачинаки-ты, и, когда пожелают, либо ради собственной корысти, либо в угоду василевсу ромеев, могут легко выступать против Булгарии и благодаря своему подавляющему большинству и силе одолевать тех и побеждать. Поэтому и булгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с печенегами. Т.к. булгары многократно были побеждены и ограблены ими, то по опыту узнали, что хорошо и выгодно находиться всегда в мире с пачинакитами.

Глава 6

О пачинакитах и херсонитах

Знай, что и другой народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами, и исполняют поручения как их, так и василевса и в России, и в Хазарии, и в Зихии²⁷⁸, и во всех тамошних краях, получая,

²⁷⁶ «Турки» в византийских источниках – это мадьяры / венгры.

²⁷⁷ Речь здесь и далее идет о западном ответвлении булгар – так называемых дунайских болгарях.

²⁷⁸ Политическое объединение группы адыгских племен.

разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответственно важности поручения и своим трудам, как-то: влаттии, прандии, харерии²⁷⁹, пояса, перец, алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с любым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям. Ведь будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы.

Глава 7

О василиках²⁸⁰, посылаемых из Херсона в Пачинакию

Всякий раз, когда василик переправится в Херсон ради подобного поручения, он должен тотчас послать вестника в Пачинакию и потребовать от них заложников и охранников. Когда они придут, то заложников оставить под стражей в крепости Херсона, а самому с охранниками отправиться в Пачинакию и исполнить порученное. Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными и крайне жадными до редких у них вещей, бесстыдно требуют больших подарков; заложники домогаются одного для себя, а другого для своих жен, охранники – одного за свои труды, а другого за утомление их лошадей. Затем, когда василик вступит в их страну, они требуют прежде всего даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и своих родителей. Мало того, те, которые ради охраны возвращающегося к Херсону василика приходят с ним, просят у него, чтобы он вознаградил труд их самих и их лошадей.

Глава 8

О василиках, посылаемых из богохранимого града в Пачинакию с хеландиями²⁸¹ по рекам Дунай, Днепр и Днестр

Знай, что и в стороне Булгарии расположился народ пачинакитов по направлению к области Днепра, Днестра и других там имеющих рек. Когда послан отсюда василик с хеландиями, то он может, не отправляясь в Херсон, кратчайшим путем и быстрее найти здесь тех же пачинакитов, обнаружив которых, он оповещает их через своего человека, пребывая сам на хеландиях, имея с собою и охраняя на судах царские вещи. Пачинакиты сходятся к нему, и, когда они сойдутся, василик дает им своих людей в качестве заложников, но и сам получает от пачинакитов их заложников и держит их в хеландиях. А затем он договаривается с пачинакитами. И, когда пачинакиты принесут василику клятвы по своим «заканам»²⁸², он вручает им царские дары и принимает «друзей»²⁸³ из их числа, сколько хочет, а затем возвращается.

²⁷⁹ Шелковые ткани, платки, покрывала, персидские ткани.

²⁸⁰ Василики – служители императора, выполнявшие его поручения.

²⁸¹ Речь идет о тяжелом военном судне, вмещающем до 500 человек.

²⁸² Нормам права.

²⁸³ Союзников.

Так-то нужно договариваться с ними, чтобы, когда у василевса явится потребность в них, они бы исполнили службу будь то против росов либо против болгар, либо же против турок, ибо они в состоянии воевать со всеми ими и, многократно нападая на них, стали ныне им страшными. Ясно это также из следующего. Когда клирик Гавриил как-то был послан к туркам по повелению василевса и сказал им: «Василевс заявляет вам, чтобы вы отправились и прогнали пачинакитов с мест их, а вы расположились бы вместо них, т.к. прежде там располагались, – дабы находиться близ царственности моей и дабы, когда я того пожелаю, я отправлял послов и вскорости находил вас», – то все архонты²⁸⁴ турок воскликнули в один голос: «Сами мы не ввяжемся в войну с пачинакитами, т.к. не можем воевать с ними, – страна их велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей – не по нраву они нам».

Знай, что пачинакиты с наступлением весны переправляются с той стороны реки Днепра и всегда здесь проводят лето...

Глава 9

О росах...

...Знай, что узы могут воевать с пачинакитами.

Глава 10

О Хазарии, как нужно и чьими силами воевать с нею

Знай, что узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому, как и эксусиократор²⁸⁵ Алании. Знай, что девять Климатов Хазарии²⁸⁶ прилегают к Алании и может алаи, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии.

Глава 11

О крепости Херсон и крепости Боспор

Знай, что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу²⁸⁷, к Климатам и к

²⁸⁴ Архонт – правитель; знатная персона; богатый человек. Здесь речь идет о правителях.

²⁸⁵ Буквально – «обладатель власти».

²⁸⁶ Т.е. областей, подвластных кагану хазар.

²⁸⁷ Город-крепость в излучине Дона, на западном рубеже владений хазарского кагана.

Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, т.к. хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир.

Глава 12

О Черной Булгарии²⁸⁸ и о Хазарии

Знай, что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами.

Глава 13

О народах, соседствующих с турками

Знай, что к туркам прилегают следующие народы. С западной стороны от них – Франгия, с северной – пачинакиты, а с южной – ...²⁸⁹ Великая Моравия...

Знай, что пачинакиты могут также нападать на турок, сильно разорять их и вредить им, как уже было сказано выше в главе о пачинакитах...

Глава 37

О народе пачинакитов

Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих²⁹⁰, будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако 50 лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение 55 лет²⁹¹.

Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на 8 фем, имея столько же великих архонтов. А фемы таковы: название первой фемы Иртим, второй – Цур, третьей –

²⁸⁸ «Черная Булгария» известна также по «Повести временных лет». Ее локализация спорна; М.И. Артамонов и С.А. Плетнева считают, что Черная/Внутренняя Булгария располагалась в Северном Причерноморье, включая Крым. Исследователь Д. Моравчик считал возможным отождествлять Черную Булгарию с Волжской Булгарией.

²⁸⁹ Пропуск в тексте.

²⁹⁰ Междуречье Волги – Урала – Эмбы.

²⁹¹ Археологически эти места обитания печенегов определены на обширном пространстве от Дона до Прута.

Гиля, четвертой – Кулпеи, пятой – Харавои, шестой – Талмат, седьмой – Хопон, восьмой – Цопон. Во времена же, в какие пачинакиты были изгнаны из своей страны, они имели архонтами в феме Иртим Ваицу, в Цуре – Куела, в Гиле – Куркутэ, в Кулпеи – Ипаоса, в Харавои – Кайдума, в феме Талмат – Косту, в Хопоне – Гиаци, а в феме Цопон – Батана. После смерти этих власть унаследовали их двоюродные братья, ибо у них утвердились законы и древний обычай, согласно которым они не имели права передавать достоинство детям или своим братьям; довольно было для владеющих им и того, что они правили в течение жизни. После же их смерти должно было избирать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом. Восемь фем разделяются на сорок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда.

Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарцикур, фема Сирукалпеи, фема Вороталмат и фема Вулацопон, – расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов. Остальные же 4 рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гиля соседит с Турцией, фема Харавои соседит с Россией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране России местностями, с ульгинами, дервленинами, лензанинами²⁹² и прочими славянами. Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на 5 дней пути, от Алании – на 6 дней, от Мордии²⁹³ – на 10 дней, от России – на 1 день, от Турции – на 4 дня, от Булгарии – на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе.

Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): одяжание свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрешены от своих и от соплеменников²⁹⁴.

Должно знать, что по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку имеются пустые крепости: первая крепость названа пачинакитами Аспрон, т.к. ее камни кажутся совсем белыми; вторая крепость Тунгаты, третья крепость Кракнакаты, четвертая крепость Салмакаты, пятая крепость Сакакаты, шестая крепость Гиэукаты. Посреди самих строений древних крепостей обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение.

²⁹² Речь идет об уличах, древлянах, поляках и др.

²⁹³ Территория расселения мордвы.

²⁹⁴ У Ибн Фадлана есть сведения об этих печенегах. Заки Валиди и Риза Фахретдинов отмечают их уход к своим сородичам в 923 – 924 г.

Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиирти, Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар.

Глава 38

О родословной народа турок и о том, откуда они происходят

Знай, что народ турок имел древнее поселение близ Хазарии, в местности, называвшейся Леведия – по прозвищу их первого воеводы²⁹⁵. Этот воевода прозывался личным именем Леведия, а по названию достоинства его именовали воеводой, как и прочих после него. Итак, в этой местности, уже названной Леведией, течет река Хидмас, которая именуется также Хингилус²⁹⁶. В те времена они не назывались турками, а именовались по неведомой причине савартами-асфалами. Турок было 7 племен, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся вышеназванный Леведия. Они жили вместе с хазарами в течение 3 лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой. Пачинакиты же, прежде названные кангар (а название кангар давалось у них в соответствии с благородством и мужеством), двинувшись на хазар войною и будучи побеждены, были вынуждены покинуть собственную землю и населить землю турок. Когда же меж турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на 2 части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии²⁹⁷, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу²⁹⁸, в которых ныне проживает народ пачинакитов. Через недолгое время упомянутый хаган, архонт Хазарии, сообщил туркам, чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. Посему Леведия, явившись к хагану Хазарии, спросил о причине, ради которой хаган отправил посольство, требующее, чтобы Леведия пришел к нему. Хаган сказал ему: «Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, из-

²⁹⁵ Поселение мадьяр в Леведии датируют условно 700 – 750 гг. Во главе союза племен вождь Леведия стоял в 30-е годы IX в.

²⁹⁶ Точной географической идентификации нет. Учеными предложено считать Леведией территорию: 1) между Доном и Кубанью; 2) между Волгой и Доном; 3) между Доном и Северским Донцом; 4) между Доном, Днепром и Днестром и т.д.

²⁹⁷ В Закавказье.

²⁹⁸ Расположение этой области и время прихода туда мадьяр окончательно не установлены. Приблизительно речь идет о середине IX в. и о территории восточнее Днепра.

вестен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему». Отвечая хагану, тот произнес: «Твое отношение ко мне и твой выбор я высоко чту и изъявляю тебе подобающую благодарность, но поскольку я неспособен к такой власти, то не могу повиноваться. Есть, впрочем, иной, помимо меня, воевода, называемый Алмуц²⁹⁹ и имеющий сына по имени Арпад. Лучше, чтобы один из них, либо этот Алмуц, либо его сын Арпад, стал архонтом и повиновался слову вашему». Итак, довольный такой речью, упомянутый хаган дал Леведии своих людей и послал их с ним к туркам. Когда они беседовали об этом с турками, то турки предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем его отец Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то они и сделали архонтом, по обычаю «закану» хазар подняв его на щите. До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Турции из этого рода. Через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания.

Знай, что местность пачинакитов, в которой в те времена жили турки, именуется по названиям тамошних рек. А реки эти таковы: первая река под названием Варух, вторая река, именуемая Куву, третья река по имени Трулл, четвертая река, называемая Брут, пятая река, именуемая Серет³⁰⁰.

Глава 39

*О народе каваров*³⁰¹

Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и, когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их все-таки одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и турок они обучили языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой язык – язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и т.к. предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода каваров), существующий и по сей день...».

²⁹⁹ Almus – Алмуш.

³⁰⁰ Речь идет о Днепре, Буге, Днестре, Пруте и Сирете.

³⁰¹ «Кавар»: от тюркского «не подчиняющийся» или от венгерского «смешивать».

АЛ-ГАРНАТИ О ГУЗАХ, ПЕЧЕНЕГАХ, ХАЗАРАХ И БУЛГАРАХ

Абу Хамид ал-Гарнати родился в Гренаде (арабская Испания) в 1080 г. В юном возрасте ал-Гарнати, подобно многим своим соотечественникам, покинул родину, чтобы продолжить образование в центре мусульманского мира. Вначале он прибыл в Александрию, затем перебрался в Каир, в то время второй (после Багдада) культурный центр мусульманского мира. В 1122–1123 гг. он прибыл в Багдад, где прожил четыре года. Такие поездки из города в город «в поисках знаний» были распространены среди мусульманских ученых того времени, но затем Абу Хамид выходит за рамки обычных маршрутов. Он направляется на Кавказ, потом 20 лет живет в низовьях Волги, в городе Саксине. Оттуда он совершает частые поездки в Волжскую Булгарию и в Хорезм. В 1150 г. ал-Гарнати из Булгара отправился в Киев, а далее в «Ункурийю» (совр. Венгрия), где он прожил три года. Из Венгрии ал-Гарнати отправился в паломничество в Мекку, оттуда – в Багдад. Скончался он в Сирии в 1170 г.

За сорок лет странствий ал-Гарнати повидал много стран и народов: Геркулесовы столпы (Гибралтарский пролив) и страну гузов, знойную Мекку и холодный Булгар, Нил и Идель... Все это было настолько удивительно, что восхищенные слушатели упростили Абу Хамида записать свои рассказы о виденном и слышанном. В результате великий путешественник написал два сочинения, ставшие очень популярными на Арабском Востоке: «Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб» («Ясное изложение некоторых чудес Магриба») или «Нухбат ал-азхан фи аджаиб ал-Булдан» («Выборка воспоминаний о чудесах стран») и «Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб» («Подарок умам и выборки диковинок»).

Вниманию читателя предлагаются отрывки из них, опубликованные О.Г.Большаковым и А.А.Монгайтом в книге «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.)» (Москва: Наука, 1971).

Из книги «Выборка воспоминаний о чудесах стран»

«...И отправился я по морю к стране хазар³⁰². И прибыл к огромной реке, которая больше Тигра во много-много раз, она будто море, из которого вытекают большие реки³⁰³.

На ней находится город, который называют Саджсин³⁰⁴, в нем сорок племен гузов, и у каждого племени – отдельный эмир. У них большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек. А в городе купцов разных народностей и чужеземцев и арабов

³⁰² Очень интересно, что «страна хазар» упоминается в источниках даже в период Золотой Орды; это, в частности, дает повод говорить об остатках хазарского населения, не ассимилированного близкородственными тюркскими народами.

³⁰³ Речь идет об Идели.

³⁰⁴ Саксин – ср.-век. (XI–XIII вв.) город в Нижнем Поволжье.

из Магриба – тысячи, не счесть их числа. И есть в нем соборные мечети, в которых совершают пятничное моление хазары, которых тоже несколько племен³⁰⁵. А в середине города живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут булгарцы. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют «жители Сувара», она тоже многочисленна. А в день праздника выносят многочисленные мимбары³⁰⁶, и каждый эмир молится с многочисленными народностями. И у каждой народности есть кадии, и факихи, и хатибы³⁰⁷; и все толка Абу Ханифы, кроме «магрибинцев», которые толка Малика, иноземцы же толка Шафи'и³⁰⁸, и дом мой сейчас среди них, и среди них невольницы-матери³⁰⁹, и мои сыновья, и мои дочери.

А эта область очень холодная. И в этой реке есть такие виды рыб, подобных которым я вообще не видел на свете, одну рыбу может снести только сильный мужчина, и еще такой вид рыбы, что ее может снести только сильный верблюд. Но есть среди них также и маленькие. В такой рыбе нет мелких косточек и нет костей даже в голове, и зубов у нее нет. Эту рыбу пекут и кладут в нее рис, и становится она вкуснее жирной баранины и курятины...

У них имеет хождение олово, каждые восемь багдадских маннов стоят динар, разрезают его на куски и покупают на него что хотят из фруктов, хлеба и мяса.

А мясо у них дешевое... И у них столько разных сортов фруктов, что больше не бывает, и в том числе чрезвычайно сладкие дыни, и есть сорт дынь, который держится зимой.

А зима у них очень холодная. Их зимние дома – из больших бревен сосны, положенных один поверх другого, а их крыши и потолки из деревянных досок. И разводят они в домах огонь, двери же у них маленькие, завешиваемые бараньими шкурами с мехом, и внутри домов жарко, как в бане, а дров у них много.

И замерзает эта река так, что становится как земля, ходят по ней лошади и телята и всякий домашний скот. И на этом льду они сражаются. И прошел я эту реку в ширину, когда она замерзла, и была ширина ее, без рукавов, которые вытекают из этой реки, 1000 шагов и 840 с чем-то шагов моими шагами...

А между Саджсином и Булгаром по этой реке надо плыть сорок дней.

А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба. А вокруг нее без конца всяких народов, они уже за пределами семи климатов³¹⁰. Когда день длинный, то длина его 20 часов, а ночь – 4 часа.

А летом в полдень жара у них сильная, сильнее, чем во всем свете, а вечером и ночью воздух холодает, так что нужно много одежд... А холода зимой бывают очень

³⁰⁵ Буквально «народов»; см. тж. наше примечание выше.

³⁰⁶ Возвышения для произнесения проповеди.

³⁰⁷ Судьи, правоведы, проповедники.

³⁰⁸ Речь идет о направлениях суннитского ислама.

³⁰⁹ Т.е. невольницы, родившие ребенка от хозяина.

³¹⁰ Т.е. за пределами «обитаемого мира».

сильные, настолько, что раскалывается дерево от жестокости мороза. А царь в это время сильных морозов выходит в походы против неверных и уводит в плен жен их, их сыновей и дочерей и лошадей. А жители Булгара – выносливейшие из людей в отношении мороза, потому что пища их и питье по большей части из меда, мед же у них дешевый.

И есть в их земле кости племени Ад³¹¹... А под землей есть бивни слонов, белые, как снег, тяжелые, как свинец, один – сто маннов и больше и меньше, не знают, из какого зверя они выломаны. И вывозят их в Хорезм и Хорасан. Из них изготавливают гребни и шкатулки и другое, так же как изготавливают из слоновой кости, но только это – крепче слоновой кости: не ломается.

И выше этой страны обитают народы, которым нет числа, они платят джизью³¹² царю булгар. А смысл слова булгар – ученый человек. Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к ним из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился их недуг, так что стали они оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин: «Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?». Оба они сказали: «Да». Он их лечил, и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны. И пришел к ним царь хазар во главе большого войска, и сражался с ними, и сказал им: «Зачем приняли эту веру без моего приказа?». И сказал им мусульманин: «Не бойтесь, кричите: Аллах велик!». И они стали кричать: «Аллах велик! Аллах велик! Аллаху хвала! О боже, благослови Мухаммада и род Мухаммада!» – и сразились с этим царем, и обратили его войско в бегство, так что этот царь заключил с ними мир и принял их веру, и сказал: «Я видел больших мужей на серых конях, которые убивали моих воинов и обратили меня в бегство». И сказал им этот богослов: «Эти мужи – войско Аллаха, великого и славного».

А ученый у них называется балар, поэтому называли эту страну «Балар», смысл этого – «ученый человек», и арабизировали это, и стали говорить «Булгар». Это прочитал я в «Истории Булгара», переписанной булгарским кадием, который был из учеников/сторонников Абу-л-Масали Джувейни³¹³, да помилует его Аллах.

А у Булгара есть область, жители которой платят харадж³¹⁴, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису³¹⁵. И есть другая область, которую называют Ару³¹⁶, в ней охотятся на бобров, и горностаев, и превосходных белок...

И прибыл я в город страны славян, который называют «Город Куйяв»³¹⁷. А в нем

³¹¹ Легендарный народ великанов, неоднократно упоминаемый в Коране, не внявший учению пророка Мухаммеда и уничтоженный за это Аллахом.

³¹² Дань с иноверцев.

³¹³ Известный мусульманский богослов, живший в XI в.

³¹⁴ Поземельный налог, «дань».

³¹⁵ В районе верхнего Прикамья.

³¹⁶ Ары – предки современных удмуртов; сравни т.ж. татарское «ар як» – «та сторона».

³¹⁷ Киев.

тысячи «магрибинцев», по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджнак³¹⁸...»

Из книги «Подарок умам и выборки диковинок»

«...И слышал я в Булгаре, а это – город на краю стран ислама, на севере, он выше Саксина в сорока днях, что день там бывает летом 20 часов, а ночь – 4 часа, а зимой бывает ночь 20 часов, а день – 4 часа.

Усиливается там мороз до того, что когда умрет у кого-нибудь кто-то, то они не могут его похоронить шесть месяцев, потому что земля становится как железо и невозможно в ней копать могилу. И умер у меня там сын, и было это в конце зимы, и я не мог его похоронить, и он оставался у меня в доме три месяца, пока не смог похоронить его, и оставался мертвец, как камень, затвердевший от силы холода.

И выезжают купцы из Булгара в страну неверных, которых называют Вису, из нее идут превосходные шкурки бобров, а к ним привозят мечи, которые делают в Азербайджане, в виде клинков без полировки; покупают в Азербайджане четыре таких меча за динар. И закалывают их большой закалкой, так что когда подвешивают клинок за нитку и ударяют, то долго звенит. И это те мечи, которые годятся для них; и покупают за них бобров.

А жители Вису отправляются с этими мечами в страну поблизости от Мраков, возвышающуюся над Черным морем³¹⁹, и продают эти мечи у них за собольи шкурки...

И, как говорят, через Булгар шел Зу-л-Карнаин³²⁰ на Иаджудж и Маджудж³²¹, а Аллах, великий и славный, лучше знает. И это малое из большого, которое мы сократили, а Аллах лучше знает, он всемогущ, нет божества, кроме него, восхваляемого и всевышнего...»

ИПАТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ О СОБЫТИЯХ 1185 г.:

о походе Игоря Святославича Новгород-Северского на половцев

Ипатьевская летопись представляет собой замечательное историческое и литературное произведение Древней Руси. Издавалась она несколько раз (1843, 1871 гг.), но не всегда полностью и с документальной точностью. Лучшим, по мнению академика М.Н.Тихомирова, следует считать издание 1908 года (Полное собрание русских летописей. – Т.2. Ипатьевская летопись. – СПб.: Типография М.А.Александрова), осуществленное под редакцией академика А.А.Шахматова – крупного специа-

³¹⁸ Речь идет о печенегах; учитывая, что «магриб» – это запад, исследователь Хрбек писал о существовании легендарной традиции, связывающей их происхождение с западом; возможно, это легендарное отражение походов скифских тюрков и гуннов Атилы на Запад.

³¹⁹ Речь идет о Ледовитом океане.

³²⁰ Александр Македонский.

³²¹ На Гога и Марога.

листа по истории русского летописания. Более позднее издание Ипатьевской летописи под редакцией Шахматова (1923 г.) не было доведено до конца и обрывается информацией о событиях 1146 года.

Издание Ипатьевской летописи 1908 г. было организовано Императорской Археологической Комиссией. В основе этого издания лежит текст Ипатьевского списка; в вариантах даны чтения Хлебниковского и Погодинского (копия-вариант Хлебниковского) списков. В качестве вспомогательного привлечен и Ермолаевский список. Краковский список, как несомненно списанный с Погодинского, оставлен издателями и редактором без внимания, но описание его содержится в Предисловии.

В 1962 г. было опубликовано фототипическое воспроизведение издания 1908 г. под наблюдением М.Н.Тихомирова (ПСРА. – Т.2. Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во вост. литературы).

Ипатьевская летопись, по древнейшему ее списку называемая «Южнорусским летописным сводом», который был составлен не раньше первых десятилетий XIV в., соединяет в себе несколько древних летописных сводов, более или менее удачно слитых воедино. В числе источников Ипатьевской летописи находим: 1) Общерусский летописный свод, составленный в Суздальской земле в начале XIV в.; 2) Киевский летописный свод, составленный в Киевском Михайловском Выдубицком монастыре; 3) Черниговский летописный свод; 4) Галицко-Волынский свод, составленный в конце XIII или начале XIV в. на Волыни.

Южнорусский свод начала XIV в. дошел до нас в 3 редакциях: Ипатьевской, Хлебниковской и Ермолаевской. Редакция Ипатьевского списка относится к Северо-Восточной Руси. Два оставшихся списка составлены в Южной Руси. По почерку и бумаге Ипатьевский список можно датировать приблизительно около 1425 годом, Хлебниковский – XVI веком, Погодинский – началом XVII в., Краковский, написанный первоначально в 1621 г., – концом XVIII в., Ермолаевский (в основе которого лежит Хлебниковский список) – концом XVII или началом XVIII в.

В Ипатьевской летописи наиболее подробно описан поход князя Игоря на половцев в 1185 г. Несколько более кратко, но с использованием каких-то иных источников, это событие описано в Лаврентьевской летописи. Поэтическое оформление этого факта содержится в знаменитом «Слове о полку Игореве».

Предлагаемый далее текст Ипатьевской летописи взят из издания: Рассказы русских летописей XII–XIV вв./Составление, предисловие, перевод и пояснения Т.Н.Михельсон; научный редактор Д.С.Лихачев. – М., 1973.

«**В лето 1185** Игорь Святославич, внук Олегов, поехал из Новгорода-Северского месяца апреля в 23 день, в поход против половцев. Он взял с собою брата Всеволода из Трубчевска, Святослава Ольговича, сыновца своего, из Рьльска и Владимира, сына своего, из Путивля. А у Ярослава испросил в помощь Ольстина Алексича, Прохорова внука с ковуями³²². И так, собирая дружину свою, медленно шли северские кня-

³²² Ковуи – тюркский степной народ, служивший у русских князей.

зья, ибо у них кони были очень тучны. Они шли к реке Донцу в час вечерний. Игорь же взглянул на небо и увидел, что солнце стоит словно месяц. И сказал он боярам своим и дружине своей:

– Смотрите, что это за знамение?

Они же, взглянув, поникли головами и сказали:

– Княже, это знамение не к добру.

Игорь же ответил:

– Братья и дружина! Тайн божьих никто не ведает. Бог – творец и знамениям и всему миру своему. Мы же после увидим, что нам бог даст – добро или зло.

И сказав так, Игорь переправился через Донец и пришел к Осколу³²³. Там он ждал 2 дня брата своего Всеволода, ибо тот шел иным путем из Курска. Из Оскола все пошли дальше, и тут к ним приехали сторожи, которых посылали ловить языка. Они сказали:

– Мы видели, что ратные ратники ездят в поле наготове. Или поезжайте быстро вперед, или возвращайтесь домой, ибо не наше нынче время.

Игорь же сказал:

– Если мы вернемся не бившись, то позор нам будет пуще смерти, так положимся на волю божью.

Порешили на этом и поехали на всю ночь. На другой день в пятницу утром русские встретили полки половецкие. Они собрались от мала до велика и стояли на другой стороне реки Сюрлий³²⁴. Русские князья изрядили 6 полков. Игорев полк посредине, по правую руку полк брата его Всеволода, а по левую – Святослава, сыновца его. Спереди стоял сын Владимир и ковуи с Ольгином. И третий полк спереди же стоял, то были стрельцы от всех князей. И так выстроив полки свои, сказал Игорь братьям своим:

– Братья, этого мы сами искали. Сразимся же с ними.

И так пошли на них. И подошли к реке к Сюрлию. И выехали из половецких полков стрельцы и пустили по стреле на русь и ускакали. Поскакали прочь и те силы половецкие, которые далеко стояли за рекой. Святослав же Ольгович и Владимир Игоревич и Ольстин с ковуями погнались за ними. А Игорь и Всеволод шли медленно, не распуская полков своих. Половцы же пробежали вежи³²⁵, и русские, дойдя до вежей, захватили богатый полон и вернулись ночью к полкам. Когда все собрались, Игорь сказал братьям и мужам своим:

– Это бог силою своею возложил на врагов наших поражение, а на нас честь и славу. Поедем нынче же ночью дальше.

Но Святослав Ольгович ответил дядьям своим:

– Я далеко гнался за половцами, и кони мои измучены. Если нынче опять ехать, то мне придется отстать по дороге.

Тогда решили ночевать на месте.

³²³ Ныне Старый Оскол в Белгородской области.

³²⁴ Местонахождение этой реки неизвестно.

³²⁵ Вежа – шатер, кибитка, башня.

Когда стало светать, в субботу начали выступать полки половецкие, словно лес. Русские князья не знали, кому из них на какой полк ехать, ибо было бесчисленное множество врагов. И сказал Игорь:

– Мы собрали на себя всю их землю.

Решили сойти с коней и пешими пробиваться к Донцу. Игорь говорил:

– Если поедем на конях, то убежим сами, а черных людей оставим, и на нас будет грех за то, что, предав их, спаслись. Лучше или умрем, или живы будем все вместе.

Когда он так сказал, все сошли с коней и начали пробиваться. Тут ранили Игоря в левую руку, и была печаль велика в полку его. Ранили и воеводу, который шел впереди. И так бились крепко весь день до вечера, и много было раненых и мертвых в полках русских. И настала ночь субботняя, и продолжали биться.

В воскресенье на рассвете дрогнули ковуи и побежали. Игорь же был в то время на коне, ибо был ранен. Он поскакал к полку ковуев, сняв шлем, чтобы ковуи узнали в нем князя и вернулись. Но никто не вернулся. Когда Игорь приближался к полкам своим и был от них на расстоянии полета стрелы, ему наперерез поскакали половцы и схватили его. Находясь в руках врагов, Игорь увидел брата своего Всеволода, крепко бившегося с врагом, и стал просить у бога смерти, чтобы не видеть его гибели. Игорь после говорил об этом:

– Вспомнил я грехи свои перед богом, сколько убийств я сотворил в земле христианской, когда взял на щит³²⁶ город Глебов у Переяславля. Сотворив все то зло, я недостойн жить. Нынче вижу отмщение бога. Где ныне возлюбленный мой брат? Где ныне сын брата моего? Где чадо мое? Где бояре думающие? Где мужи храборствующие? Где полки мои? Где кони и оружие многоценное? Всего этого бог лишил меня и связанного предал в руки беззаконных, воздав тем по беззаконию моему и злобе моей. Нынче вижу, как другие умирают, зачем же я, виновный во всем, не принимаю смерти!

После боя половецкие полки разошлись каждый по своим вежам, уводя с собою Игоря, брата его Всеволода, сыновца его Святослава Ольговича и сына Владимира. Из всего множества русских людей, вышедших в поход с князем Игорем, мало кто спасся. Никак нельзя было бежать, потому что словно крепкими стенами были они окружены половецкими полками. Наших русских ушло от половцев всего 15 мужей, а ковуев еще меньше, другие же потонули в море³²⁷.

В это время великий князь киевский Святослав Всеволодович шел в Корачев и собирал воинов в верхних землях, желая идти на половцев к Дону на все лето. На обратном пути из Корачева у Новгород-Северского он услышал, что братья его ушли на половцев тайком от него, и не любо это было ему. Когда Святослав пришел в ладьях к Чернигову, туда прибежал Беловолод Просович и поведал Святославу о том, что случилось от половцев. Святослав же вздохнул глубоко, утер слезы свои и сказал:

– О любезные мои братья и сыновья и мужи земли Русской, мне дал бог притомить поганых, а вы, не сдержав юности своей, отворили им ворота в Русскую землю. Прежде я имел сердце против Игоря, теперь же мне стало жаль его, брата моего.

³²⁶ Т.е. завоевал.

³²⁷ О каком море идет речь – неизвестно.

После этого Святослав послал сыновей своих Олега и Владимира в Посемье. Когда там услышали о поражении Игоре, поднялось смятение в городах посемских, и была скорбь и туга лютая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и по всей волости Черниговской: князья в плену, дружина в плену или разбита. Люди метались в отчаянии, словно в пучине, города волновались. И никому не было мило свое близкое, и многие хотели умереть, жалея князей своих.

Святослав послал к Давыду Смоленскому, говоря ему:

– Хотели мы пойти на половцев и лето провесты на Дону. Ныне же половцы победили Игоря и брата его и сына. Приезжай, брат, постереги землю Русскую.

Давыд же пришел по Днепру, пришли и другие в помощь и стали у Треполя³²⁸. А Ярослав стоял в Чернигове, собрав воинов своих.

Поганые же половцы, победив Игоря с братьею, возымели гордость великую и собрали весь народ свой на Русскую землю. И был у них спор. Кончак говорил:

– Пойдем на Киевскую сторону, где были избиты братья наши и великий князь наш Боняк.

А Кза говорил:

– Пойдем на Сейм, где остались жены да дети. Нам готов там полон, уже собран. Возьмем города без страха.

И так разделились надвое. Кончак пошел к Переяславлю и обступил город и бился там весь день.

Владимир же Глебович был князем в Переяславе. Был он дерзок и крепок на рати. Выехал он из города и бросился на половцев. Но мало дружины дерзнуло с ним выехать. И крепко бился Владимир. Обступили его половцы и ранили тремя копьями. Тогда другие воины, увидев, как крепко бьется их князь, выехали из города и отняли князя своего. Этот добрый Владимир, тяжело раненный, въехал в город и утер мужественный пот свой за отчизну свою.

Владимир же послал к Святославу в Киев и к Рюрику и к Давыду Ростиславичам и сказал им:

– Половцы у меня. Помогите мне.

Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смольнянами. Смольняне же создали вече, говоря:

– Мы пошли к Киеву. Если бы встретили врага, то и бились бы. А другой рати искать не можем, мы уже изнемогли.

И возвратился Давыд со смольнянами к себе. Святослав же с Рюриком и с другими поплыл по Днепру против половцев. Услышав об этом, половцы отошли от Переяслава и взяли город Римов и ополонились полоном и пошли восвосяи.

А другие половцы, хан Кза в силе тяжкой, шли к Путивлю и повоевали волости, и села пожгли и острог у Путивля и возвратились восвосяи.

Игорь же Святославич был в тот год в плену в земле половецкой. Половцы словно стыдились его воеводства и не делали ему зла... ».

³²⁸ Этот город оборонял Киев с юга.

РАШИД-АД-ДИН О ДРЕВНИХ ТАТАРАХ

Едва ли не основной источник, освещающий историю народов Центральной Азии в предмонгольское и монгольское время, – это работа Рашид-ад-дина Фазлуллаха Хамадани «Джами ат-таварих» (труд написан в 1300 – 1311 гг.; наиболее точно его название переводится как «Собрание историй»).

До 40–60-х годов XX столетия сочинение Рашид-ад-дина в полном объеме ни разу не публиковалось. Мы знаем лишь переводы отрывков из «Джами ат-таварих» француза Катрмера (1836 г.), русского востоковеда И.Н.Березина (1858, 1861, 1868 и 1888 гг.) и француза Э.Блоше (1911 г.).

Трудная и ответственная задача полного издания «Сборника летописей» была впервые выполнена советскими востоковедами (причем к настоящему времени мы имеем несколько томов текста-оригинала и несколько томов перевода на русский язык с комментариями).

«Джами ат-таварих» состоит из двух основных частей, первая из которых повествует о татаро-монгольских племенах и основанных ими государствах, о Чингисхане, его предках и потомках, а вторая – о всемирной истории, включающей и всеобщую историю доисламского периода, и историю исламских государств, и историю немусульманских народов «всего мира» (в границах тогдашних географических представлений). Мы знаем, что Рашид-ад-дин задумал и, возможно, осуществил географическое описание мира, но это произведение либо не было написано, либо погибло при разграблении библиотеки Рашид-ад-дина после его казни в 1318 г.

Естественно, создание столь грандиозного труда было не под силу одному человеку, тем более что при написании истории Рашид-ад-дин предпочитал опираться на конкретные источники. Ему, крупному ученому и крупному феодалу-сановнику (в одно время весь административный и финансовый аппарат Хулагуидского государства находился в руках везира Рашид-ад-дина, а его сыновья и племянники являлись фактическими правителями многих провинций и городов страны), необходимы были сотрудники – знатоки истории отдельных государств и народов. И такие люди нашлись. Сам же Рашид-ад-дин взялся за первую часть работы – все, что написано об истории тюрков и монголов – плод его личных исследований, основанных на многочисленных источниках и сообщениях различных информаторов (нельзя забывать, что он являлся придворным историографом потомков Чингис-хана и получал информацию даже из уст царствующих особ, например, из уст Газан хана). Итак, «Джами ат-таварих» – это коллективная работа, основным автором и редактором которой и явился Рашид-ад-дин: общая идея, план и построение труда, довольно тщательная редакция бесспорно принадлежали ему³²⁹.

³²⁹ Читателю, я думаю, будет небезынтересно узнать, что знаменитый Марко Поло называется **некоторыми** (подчеркиваю!) учеными-востоковедами плагиатором работы Рашид-ад-дина. По их мнению, именно у него венецианец заимствовал все основные сведения о восточных странах, поскольку сам дальше Константинополя и не ездил. Так, например, заведующая китайским отделом Британской библиотеки Фрэнсис Вуд утверждает, что в «Книге Марко Поло» очень многие страницы напоминают отрывки из произведения Рашид-ад-дина. По мнению английской исследовательницы, выглядит довольно странным и то обстоятельство

В «Джами ат-таварих» Рашид-ад-дин предлагает свою этнологическую схему предмонгольской Центральной Азии, точнее, ее степной части, населенной преимущественно тюркскими племенами. Он разделяет этно-политическую историю степей Центральной Азии на 3 хронологических этапа: 1) этап господства «тюркских степных племен», временные параметры которого не определены, 2) этап подчинения тюркских племен татарам (речь идет о 6 татарских государствах, каждое из которых «имеет войско и своего государя») и превращения этнонима «татары» в общий политоним; временные границы – от «глубокой древности» до начала татаро-монгольских войн в конце XII в. 3) этап возвышения монголов и, после «истребления» татар, – превращение этнонима «монголы» в общеимперский политоним (XII – XIII вв.).

Основываясь на информации, содержащейся в «Джами ат-таварих», в современной историографии постепенно сформировалось (но еще не закрепилось окончательно) представление о «татарском периоде» в истории степей Центральной Азии. Значительный интерес в этом плане представляют работы С.Г.Кляшторного и Л.Н.Гумилева. Учитывая прудусмотренный объем данного сборника, мы не будем повторять сказанное этими историками (см.: Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха)/Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». – М.: Наука, 1993. – С.139 – 147 и др.), а предоставим слово первоисточнику.

Предлагаемый текст взят из издания: Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т.1. – Кн.1/Пер. с персидского Л.А.Хетагурова, ред. А.А.Семенова. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952

«Племя татар»

Их имя издревле было известно в мире. От них отделились многочисленные ветви. Все то племя состояло из 70 000 домов.

Места их кочевий, стоянок и юртов были точно определены в отдельности по родам и ветвям вблизи границ областей Хитая³³⁰. Их же основное обитание есть местность, называемая Буир-наур³³¹. Большую часть времени они были народом, повинующимся и платящим дань хитайским императорам; постоянно некоторая часть из них восставала и бунтовала, и хитайские государи для противодействия им снаряжали войска и снова приводили их к повиновению.

Они также враждовали и ссорились друг с другом, и долгие годы длилась война между этими племенами и происходили битвы. Говорят, что, когда племена татар, дурбан, салджиун и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям

ство, что Марко Поло, вроде бы побывавший в Китае, не заметил там ни Великой Китайской стены, ни чая, ни других серьезных достопримечательностей, хотя нередко в подробностях описывает некоторые «мелочи». Ученых удивляет также отсутствие у Марко Поло указаний на важнейшие города Ирана – Хорасан и Хузистан, в которых он обязательно должен был бы побывать на пути в Центральную Азию...

³³⁰ Вблизи Северного Китая.

³³¹ Северо-восток Монголии.

рек. По слиянию этих рек образуется река Анкара-мурэн³³². Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Границы его расселения в настоящее время соприкасаются с...³³³. Та река находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе³³⁴. Город тот принадлежит к области киргизов. Утверждают, что эта река течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду там серебро. Имена этой области: Алафхин, Адутан, Мангу и Балаурнан. Говорят, что лошади их все пегие; каждая лошадь сильная, как четырехгодовалый верблюд; все инструменты и посуда из серебра. Много птиц.

Соркуктани-беги послала с тысячью людей на корабле в ту страну трех эмиров: Тунлик из племени карчукур, Бакджу из племени кара-тут и Мункур-Хитна из племени...³³⁵ с тысячью мужей. Они доставили к берегу много серебра, но положить его на корабль не смогли. Из того войска больше 300 человек не вернулись обратно, оставшиеся погибли от гнилости воздуха и от сырых испарений. Все три эмира возвратились благополучно и жили долго.

Это племя татар прославились поножовщиной, которую оно устраивало промеж себя по причине малой стоворчивости и по невежеству, бесцеремонно пуская в ход ножи и сабли, подобно курдам, шулам и франкам. В ту эпоху у них еще не было законов, которые существуют в настоящее время среди монголов; в их природе преобладали ненависть, гнев и зависть. Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и вообще ни одна тварь не были бы в состоянии противостоять им. И тем не менее, при всей вражде и раздоре, кои царили в их среде, — они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей, выдаваясь своим величием, могуществом и полным почетом (подчеркнуто мною. — Б.Х.).

Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее время, вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы, — разные тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, — все они из-за самовосхваления называют себя тоже монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются этим именем, — а это не так, ибо в древности

³³² По-видимому, это притоки Ангары, кои вливаются в нее по выходе ее из озера Байкал.

³³³ Пропуск в тексте.

³³⁴ Енисей в своих истоках называется Улу Кем и Кемчик; на месте слияния Ангары и Енисея расположен теперь город Енисейск.

³³⁵ Пропуск в тексте.

монголы были лишь одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен. Т.к. в отношении их была проявлена божественная милость в том смысле, что Чингиз-хан и его род происходят из племени монголов и от них возникло много ветвей, особенно со времени Алан-Гоа³³⁶, около 300 лет тому назад возникла многочисленная ветвь, племена которой называются нирун и которые сделались почтенны и возвеличены, – то все стали известны как племена монгольские, хотя в то время другие племена не называли монголами.

Т.к. внешность, фигура, прозвание, язык, обычаи и манеры их были близки у других с другими и хотя в древности они имели небольшое различие в языке и в обычаях, – ныне дошло до того, что монголами называют народы Хитая и Джурджэ³³⁷, нангясов³³⁸, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами. Перед этим, тоже вследствие силы и могущества татар, был такой же случай и по этой причине еще и поныне в областях Хитая, Хинда и Синда, в Китае и Мачине³³⁹, в стране киргизов, келаров и башкир, в Дешт-и Кипчаке, в северных от него районах³⁴⁰, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко все тюркские племена называют татарами. Тех татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и своего государя, – шесть, идущих в таком порядке: татары-тутукулит, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй. Племя тутукулит – самое уважаемое из татарских племен.

Есть такой обычай, что всякий человек, который происходит из этого племени, если он будет мужчина, его называют – тутукулитай, если же он будет женского пола, то называется – тутукуличин. Происходящие из племени алчи-татар называются алчитай и алчин; из племени куин-татар, – куитай и куичин, из племени терат – терати и тераучин.

Хотя у этих племен было много сражений и стычек друг с другом и они были постоянно заняты убийствами, разорением и грабежом друг друга, однако случилось так, что между ними и монгольскими племенами тоже произошли распря и война. В этом положении татарские племена объединились вместе. Старые кровь и вражда между татарами и монголами произошли по следующей причине: во времена Кабул-хана, бывшего монгольским ханом, из рода которого происходит большинство племен кият, а монгольские племена нирун суть его двоюродные братья, а другие ветви монголов, из которых каждая еще до него были известны под своим особым именем и прозвищем, – все были его дядьями и дедами и все по родству и дружбе с ним считались его друзьями и союзниками, а в напастях и бедственных случаях они становились ему помощниками и защитниками, – в это время занемог некто по

³³⁶ Алан-Гоа – прародительница той группы монгольских племен, из которых вышел Чингис-хан.

³³⁷ Государство чжурчжэней Цзинь.

³³⁸ Найманов.

³³⁹ Т.е. в Северном Китае, Индии, Восточном, Центральном и Южном Китае.

³⁴⁰ Подчеркнуто мною. – Б.Х. Здесь речь идет о территории Волжской Булгарии.

имени Сайн-тегин, брат Кара-Лику из племени кунгират, которая была женой Кабул-хана. Для лечения попросили у татар шамана по имени Чаркил-Нудуя. Он пришел и совершил камлание, но Сайн-тегин умер. Над шаманом учинили насилие и отослали домой. После того старшие и младшие братья Сайн-тегина отправились и убили этого Чаркила шамана.

Вследствие этого между татарами и монголами возникла вражда и сыновьям Кабул-хана, вследствие их побратимства и свойства с Сайн-тегином, по необходимости и нужде пришлось помогать его племени. По этой причине между ними и татарами возникла ссора, вражда и война, и они неоднократно сражались.

С обеих сторон во всякое время, как находили удобный случай, они убивали друг друга и грабили. Долгие годы продолжались эти войны и распри. В начале событий татары, воспользовавшись удобным случаем, захватили Хамбакай-хана по той причине, которая будет объяснена в истории племенных ответвлений тайджиутов. Хамбакай-хан же был из числа государей и вождей народа тайджиут, а происхождение последнего ведется от племянников Кабул-хана³⁴¹. Вследствие того, что татары знали, что китайский император был оскорблен Кабул-ханом, потому что последний убил его послов и дружинников, – как об этом будет рассказано в том повествовании, – что император имел злой умысел против Кабул-хана и монголов, которые все были его родственниками и были с ним заодно, что ненависть к ним глубоко запала в сердце императора, татары же были ему подвластны и подчинены ему, – они отправили к нему Хамбакай-хана. Да к тому же и сами имели к Хамбакай-хану старинную вражду и неприязнь, почему и решились на такую дерзость и непреклонность. Хитайский император приказал пригвоздить Хамбакай-хана железными гвоздями к «деревянному ослу». Хамбакай-хан сказал: «Меня взяли другие, а не ты; недостойно и непохвально будет и далеко от благородства так мерзко поступить со мною. Племена монгольские, которые все являются моими родственниками, постараются отомстить за меня тебе, и твоим владениям поэтому будет причинено беспокойство».

Алтан-хан³⁴² не послушал этих слов и пригвоздил Хамбакай-хана на «деревянном осле», отчего тот умер. Одному из его нукеров, по имени Булагачи, император разрешил вернуться домой. Тот принес монголам дурную весть о происшедшем. После этого Кутула-хан отправился с монгольским войском на войну с китайским императором и разграбил его страну..

В другой раз племена татарские, найдя подходящий случай, захватили старшего сына Кабул-хана и предка племени кият-юркин, Укин-Баркака, и отправили его к Алтан-хану, чтобы он его, пригвоздив к «деревянному ослу», убил. По этим причинам у монгольских племен вражда и ненависть к китайскому императору увеличилась, и до времени Чингиз-хана они постоянно воевали друг с другом. С каждой стороны выходили на другую, убивали и грабили, пока в конце концов, как это рассказывается в повествовании о Чингиз-хане и его роде³⁴³, Чингиз-хан не сделал кор-

³⁴¹ В «Сокровенном сказании» Хамбакай-хан – Амбагай-хаган признается правителем всех монголов.

³⁴² Тюркское прозвище всех китайских императоров.

³⁴³ Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 2.

мом для своего меча все племена татар и китайских императоров, всех сделал их слабыми и своими пленниками и всех их и ту сторону привел под свою власть и повиновение, как это видим воочию на сей день. Из всех сражений, которые во всякое время каждый из монгольских государей вел с вождями и царями татарскими, – некоторые могут быть упомянуты.

Одно таково. Один из татарских государей, по имени Матар, воевал с Кадан-бахадуром, сыном Кабул-хана. В первой же атаке Кадан-бахадур ударил копьём его и по седлу его коня, так что низверг его на землю вместе с конем. И хотя Матар был ранен, но не умер от этой раны, однако продолжительное время болел. Когда выздоровел, то опять вступил в войну. Кадан-бахадур вторично так поразил его копьём в спину, что оно прошло через спинной хребет, отчего Матар тут же умер; войско его стало добычей монголов...

Другое сражение такое, бывшее во время Чингиз-хана. Хотя последний и прежде того воевал с татарами, но однажды, найдя удобный случай, одержал над ними верх, множество из них перебил и полностью их разграбил. Это событие произошло так: некоторые татарские племена, вождём и царем которых был Муджин-Султу, вступили в войну с китайским императором Алтан-ханом, не желая ему повиноваться. Китайский император снарядил войско и, поставив предводителем его великого эмира, по имени Чинсан, послал воевать с татарами; т.к. последние не имели силы сопротивляться хитаям, то устрашились и, отступив, обратились в бегство. Узнавши об этом, Чингиз-хан, используя удобный случай, выступил в поход с окружавшим его войском, ударил на них, побил множество татар и разграбил все, что они имели. Известно, что на той войне из числа захваченной добычи была серебряная колыбель, шитое золотом покрывало и разные другие блага, ибо в то время татарские племена были самые состоятельные и самые богатые из всех кочевников. После этого события сын упомянутого Муджин-Султу, по имени Алак-Удур, и его брат Кыркыр-тайши объединились с каждым племенем монгольского народа и с другими племенами, союзными монголам, и сражались вместе с Чингиз-ханом...

Когда всевышняя истина сделала Чингиз-хана могущественным и он победил имевшихся у него врагов вроде племен катакин, салджиут, тайджиут и дурбан, государя кераитов Он-хана³⁴⁴, Таян-хана, государя найман, Кушлук-хана, государя меркит, Токта-беки и других враждовавших с ним, то татары, которые постоянно ходили на помощь и поддержку тех племен, ослабели; а т.к. они были убийцами и врагами Чингиз-хана и его отцов, то он повелел произвести всеобщее избиение татар и ни одного не оставлять в живых до того предела, который определен законом; чтобы женщин и детей также перебить, а беременным рассечь утробы, дабы совершенно их уничтожить, потому что они были основой мятежа и восстаний и истребили многих близких Чингиз-хану племен и родов. Ни одному творению не было возможности оказать покровительство тому племени или скрыть кого-нибудь из них, или даже несколькими из них, кои уцелели от истребления, обнаружиться и объявиться.

³⁴⁴ Ван-хана.

Однако в начале державы Чингиз-хана и потом каждое из монгольских и немонгольских племен брали у татар себе и для своего рода девушек, а им давали своих. Чингиз-хан также взял от них девушек, ибо из числа его жен Есулун и Есукат были татарки; старший брат Чингиз-хана, Джочи-Касар, также высватал у них жену; многие эмиры тоже брали татарских девушек³⁴⁵. По этой причине они скрыто попрятали некоторых татарских детей. Чингиз-хан передал одну тысячу татар Джочи-Касару, чтобы тот всех их перебил. Тот ради своей жены и из сострадания, которое оказывал обреченным, перебил из них 500, а 500 скрыл...

В конечном счете, после гнева Чингиз-хана на племя татар и уничтожения их, все же некоторое количество их осталось по разным углам, каждый по какой-нибудь причине; детей же, которых скрывали в ордах и в домах эмиров и их жен, происходивших из татарского племени, воспитали. От некоторых беременных татарских женщин, которые избежали смерти, родились дети; поэтому племя, в настоящее время считающееся татарским, – из их рода (подчеркнуто мною. – Б.Х.). Из этого народа, как во времена Чингиз-хана, так и после него, некоторые стали великими и уважаемыми эмирами и доверенными государства в ордах³⁴⁶...

После того, вплоть до нынешнего дня, в каждой орде и в каждом улусе из них появлялись великие эмиры. Иной раз им давали девушек из рода Чингиз-хана и от них высватывали невест. В каждом улусе также существует из того племени много народа, который не стал эмирами, а присоединился к монгольскому войску; всякий из них знает, из какой ветви татар он происходит.

Из числа татарских детей, которые в эпоху Чингиз-хана стали почтенными людьми и эмирами и которых воспитали он и его жены, был некто Кутуку-нойон, называвшийся также Шики-Кутуку. Обстоятельства его жизни были таковы. В то время как монголы разорили татарский народ, Чингиз-хан еще не имел детей, а у его старшей жены, Бортэ-фуджин, было желание иметь ребенка. Как-то раз Чингиз-хан неожиданно увидел упавшего на краю дороги ребенка, поднял его и прислал к Бортэ-фуджин со словами: «Так как ты постоянно желаешь иметь ребенка, то воспитай этого вместо своего дитяти и храни его». Жена Чингиз-хана воспитала его, как родного сына, с полным почетом и честью, в своем семействе. Когда он вырос, его нарекли Шики-Кутуку, а также называли Кутуку-нойоном; сам он называл Чингиз-хана – эчигэ, что означает отец, – а Бортэ-фуджин – тэрикун-экс, что означает мать. Рассказывают, что когда Бортэ-фуджин скончалась, он бил руками по ее могиле и кричал: «О, моя добрая матушка!» и таким образом рыдал над ней. После Чингиз-хана он был в живых. Угедей-каан называл его старшим братом, и он сживал с его сыновьями выше Менгу-каана; он был при-

³⁴⁵ Потомство смешанных в этническом плане браков нередко имеет раздвоенное этническое самосознание; именно поэтому я считаю возможным употребление условных терминов: «монголо-татары» для эпохи Чингиз-хана, «татары-кипчаки» для раннего периода Золотой Орды, «булгаро-татары» для эпохи Казанского ханства и т.д.; при этом надо лишь не забывать об условности этих «этнонимов».

³⁴⁶ Это свидетельство источника позволяет усомниться в высказываниях некоторых наших уважаемых исследователей о **полном истреблении татар** в начале XIII в.; довольно нелепой выглядит и точка зрения о **полном уничтожении волжских булгар** во второй трети XIII в. – а такие высказывания тоже встречаются; история показывает, что «полных истреблений» какого-либо этноса практически не бывает.

ближенным у детей Тулуй-хана и Соркуктани-беги и скончался во время смуты Арик-Буки. Из его сыновей один находится на службе великого каана. Кутуку-нойону было 82 года; он решал тяжбы по справедливости и много оказал помощи и благодеяний преступникам; он неоднократно повторял: «Не нужно, чтобы признавались из-за страха и испуга». Он говорил виновным: «Не бойся и говори правду!»...

Были другие два мальчика, оба родные братья. У одного было имя Кули, а у другого – Кара-Мэнгэту-Ухэ; они были татары из племени тутукулийт. Две жены Чингиз-хана, которых он взял из народа татарского, Есулун и Есукат, поскольку принадлежали к той же кости, оказали милосердие тем двум мальчикам, выпросив их у Чингиз-хана. Тот подарил им этих детей. Оба мальчика стали стольниками в орде Есулун...

Из племени хойин-татар происходили: Самкар-нойон, конюший Хулагу-хана, а во время Абага-хана ставший почтенным и великим эмиром; Туган, Мулай и Куйтай, отец Бука-курчи. Из племени нераит-татар в Иране не известно, чтобы кто-либо был почитаем и знаменит, но несомненно их много среди рядовых воинов. Но т.к. они не почитаемы и не знамениты, то о них не наводилось справок. Из племени алчи-татар в этом государстве тоже никого, кто бы был почтен, известен и был бы достоин записи. Однако в улусе Джочи-хана³⁴⁷ старшая жена сына Джочи, Бату, по имени Буракчин, была из племени алчи-татар; также из этого племени была супруга Тудай-Менгу, государя того же улуса, по имени Турэ-Кутлуг; из эмиров Бату из этого племени был старший эмир по имени Ит-Кара; из эмиров Менгу-Тимура, также государя того улуса, из того же племени был старший эмир по имени Бек-Тимур...».

РАШИД-АД-ДИН. НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ЧИНГИС-ХАНА

(Текст взят из издания: Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т.1. – Кн.2/Пер. с персидского О.И.Смирновой, ред. А.А.Семенова. – М.–Л., 1952).

«...Часть третья

Повествования о Чингиз-хане относительно его похвальных свойств, душевных качеств, о его избранных отменных обычаях, о прекрасных притчах, словах и биликах³⁴⁸, которые он сказал по каждому определенному случаю и повелел принять к исполнению, рассказы, относящиеся к его времени, и события, случившиеся во время его царствования, из числа тех, что не вошли в две предшествующие части и пишутся отдельно по той причине, что стали известны порознь и не по порядку от всевозможных лиц и из разных книг.

Его назидательный рассказ

Чингиз-хан сказал: «Народ, у которого сыновья не следовали биликам отцов, а их младшие братья не обращали внимания на слова старших братьев, муж не пола-

³⁴⁷ В Золотой Орде.

³⁴⁸ Билик – послание правителя своим вассалам.

гался на свою жену, а жена не следовала повелению мужа, свекоры не одобряли невесток, а невестки не почитали свекоров, великие не защищали малых, а малые не принимали наставлений старших, великие стояли близко к сердцам своих служителей и не привлекали на свою сторону сердца бывших вне их окружения, люди, пользовавшиеся всеми благами, не обогащали население страны и не оказывали ему поддержки, пренебрегали обычаем³⁴⁹ и законом³⁵⁰, соображениями разума и обстоятельностью, и по этой причине становились противниками управителем государства: у такого народа воры, лжецы, враги и всякие мошенники затмевали солнце на его собственном стойбище, иначе говоря, его грабили, кони и табуны его не обретали покоя, а лошади, на которых, идя в походы, выезжали передовые отряды, до того изнурились, что, естественно, эти лошади падали, подыхая, сгнивали и превращались в ничто». Вот такие неупорядоченные и безрассудные народы, как только взошло счастье Чингиз-хана, подчинились ему, и его чрезвычайно строгая яса³⁵¹ водворила у них порядок: тех, кто были мудрыми и храбрыми, он сделал эмирами войска, а тех, кого он нашел проворным и ловким, поручив им стан, сделал заведующими табунами, невежд же, дав им плети, послал пасти скот. По этой причине дело его изо дня в день растет, словно молодой месяц, и с неба силою всевышнего господя нисходит к нему божья помощь, а на земле с его помощью появляется благоденствие. Его летовки стали местом веселия и забав, а зимние стойбища бывали соответствующими и подходящими своему назначению.

Т.к. по милости великого господя я воспользовался этими вышесказанными положениями и привел от себя эти билики, то по причине этого наше спокойное, веселое и привольное житье продолжается до настоящего времени. В будущем, вплоть до 500, 1000 и 10 000 лет, если потомки, которые появятся на свет и воссядут на ханство, будут так же хранить обычай и закон Чингиз-хана, которые в народе ко всему применимы, и не изменять их, то с неба снизойдет помощь их державе и они будут всегда пребывать в радости и веселии. Господь вселенной взыщет их своими милостями, а жители мира будут на них молиться, они будут долговечными и будут наслаждаться благами жизни.

На все это указывает рабское изречение: «Чье управление прекрасно, господство того продолжительно».

Еще он сказал: «Если великие люди государства, бахадуры и эмиры, которые будут при многих детях государей, что появятся на свет после сего, не будут крепко держаться закона, то дело государства потрясется и прервется, будет страстно искать Чингиз-хана, но не найдут его!».

Еще он сказал: «Только те эмиры туманов³⁵², тысяч и сотен, которые в начале и

³⁴⁹ Иусун.

³⁵⁰ Яаса – яса.

³⁵¹ Яса – тюрк.форма монгольского джасак, букв.– закон. Свод постановлений, обнародованных Чингис-ханом при избрании его Великим ханом на курултае в 1206 г., основной памятник права тюрк-монгольского средневековья. Текст ясы до настоящего времени не сохранился – известны только фрагменты ее в передаче персидских, арабских и армянских авторов.

³⁵² Туман, тумен – 10-тысячное войско либо в целом совокупность населения, способного выставить такое войско. Традиция десятичного членения войска (и выставляющего его населения) существует у степного населения как минимум со времен гуннов.

конец года приходят и внимают биликам Чингиз-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упавшему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, и тот и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников!».

Еще он сказал: «Каждый, кто в состоянии содержать в порядке свой дом, в состоянии содержать в порядке и целое владение; каждый, кто может так, как это положено, выстроить в бою 10 человек, достоин того, чтобы ему дали тысячу или туман: он сможет выстроить их к бою».

Еще он сказал: «Каждый, кто может очистить от зла свое внутреннее, может очистить от воров целое владение».

Еще он сказал: «Каждого эмира десятка, который не в состоянии построить в бою своего десятка, мы обвиним вместе с женой и детьми, а из его десятка выберем кого-нибудь в качестве эмира, и таким же образом мы поступим с эмирами сотен и тысяч и эмиром-темником!».

Еще он сказал: «Можно в любом месте повторить любое слово, в оценке которого согласны 3 мудреца, в противном случае на него полагаться нельзя. Сравнивай и свое слово и слово любого со словами мудрых; если оно будет им соответствовать, то может быть сказано, в противном случае его не надо произносить!».

Еще он сказал: «Каждому, кто пойдет к старшему, не должно ничего говорить до тех пор, пока этот старший не задаст вопроса. И тогда пусть он согласно этому вопросу даст должный ответ, потому что, если он произнесет свое слово прежде вопроса, то хорошо, если его услышат, в противном случае он будет ковать холодное железо».

Еще он сказал: «Добрый можно назвать только такого коня, который хорошо идет и откормленным и в полтеле, и одинаково идет, будучи истощенным. Коня же, который хорошо идет только в одном из этих трех состояний, добрым назвать нельзя!».

Еще он сказал: «Старшие эмиры, кои суть начальники, и все воины должны, когда они выступают в поход, каждый установить свое имя и военный клич, подобно тому как они назначают свои имена, когда выезжают на охоту, всегда молясь всевышнему господу, привязавшись к нему всем сердцем, да просят устройства 8 сторон, дабы силою извечного господя охватить все 4 стороны света сразу».

Еще он сказал: «Среди мирного населения будьте смирны, как малый теленок, а во время войны кидайтесь в бой, как голодный ястреб, бросающийся на дичину».

Еще он сказал: «Слово, которое сказали, подумав: хорошее ли оно? – раз сказано всерьез или в шутку, все равно его нельзя вернуть».

Еще он сказал: «Мужчина – не солнце, чтобы одновременно показываться людям всюду. Жена, когда ее муж уезжает на охоту или на войну, должна содержать дом в порядке и прибранным с тем, чтобы, когда посол либо гость останутся в доме, он увидел бы все в порядке, а она сделала хорошее кушанье и приготовила все, что нужно гостю. Такая жена естественно создает хорошую репутацию мужу, подымает его имя, и муж ее на общественных собраниях возвысится, словно гора. Хо-

рошие качества мужа узнаются по хорошим качествам жены. Если жена дурна и неразумна, беспутна и непорядлива, то и муж по ней познается!». Известна следующая поговорка:

В доме все походит на хозяина.

Еще он сказал: «В пору смут должно так ездить, как, говорят, ездил Даракай-Ухэ из племени катакин: он ехал в смуту; с ним было 2 нукера. Они издали заметили двух всадников. Нукеры сказали: «Нас трое, нападём на них, их только двое!». Тот ответил: «Так же как мы их увидели, так же и они должны были нас увидеть, нападать на них не следует!». И, ударив коня плетью, ускакал. Затем выяснилось, что одним из тех двух всадников был Тимур-Уха из племени татар и что он посадил заранее в ущелье в засаду около 500 человек из своих нукеров, а сам показался с тем, чтобы, когда эти 3 всадника нападут на него, он, обратившись в бегство, кинется в то место засады и схватит их там с помощью сидящих в засаде нукеров. Но Даракай-Уха догадался об этом и ускакал. В тех окрестностях он имел 20 других нукеров, он соединился с ними и всех благополучно вывел. Смысл этого рассказа таков: в делах необходимы осторожность и осмотрительность».

Еще он сказал: «Мы отправляемся на охоту и убиваем много изюбрей, мы выступаем в походы и уничтожаем много врагов. Поскольку всевышний господь указывает нам путь, это нам легко удаётся, люди же забывают это и видят здесь другое».

Еще он сказал: «Нет бахадура, подобного Есунбаю, и нет человека, подобного ему по дарованиям! Но т.к. он не страдает от тягот похода и не ведаёт голода и жажды, то считает всех прочих людей, нукеров и ратников, находящихся с ним, подобными себе в способности переносить тяготы походов, они же не в силах их переносить. По этой причине он не годен быть начальником. Должен же быть таковым лишь тот человек, который сам знает, что такое голод и жажда, и судит по этому о состоянии других, тот, который в пути идет с расчетом и не допускает, чтобы его войско голодало и испытывало жажду, а скот отошал». На это же указывает арабское выражение – ходите ходьбою самих из вас.

Еще он сказал: «Так же, как и наши купцы приходят с тканями золотом одеждami и добрыми вещами и твердо уверены в получении барыша с этих материй и тканей, то и эмиры войска должны хорошенько обучить сыновей метанию стрел, верховой езде и единоборству и упражнять их в этих делах. И такими сделать их отважными и неустрашимыми, чтобы они были подобны настойчивым купцам по тем искусствам изворотливости и предприимчивости, которые они знают».

Еще он сказал: «После нас члены нашего уруга³⁵⁵ оденутся в затканые золотом одежды и будут вкушать вкусные и жирные яства, будут садиться на красивых коней и обнимать прекраснеликих жен, но они не скажут: «Все это собрали наши отцы и старшие братья», а забудут и нас и этот великий день!».

Еще он сказал: «Когда человек, пьющий вино и водку, напьется, он становится

³⁵⁵ Мужское потомство какого-либо человека.

слеп,— ничего не в состоянии видеть; он становится глух — не слышит, когда его зовут; он становится нем,— когда с ним говорят,— не в состоянии ответить. Когда он напьется, то похож на человека при смерти: если он захочет сесть прямо, то не будет в состоянии этого сделать, точно так, как оцепенел бы и обалдел человек, которого хватили по голове. В вине и водке нет ни пользы, ни разума, ни доблестей, и нет также доброго поведения и доброго нрава: в хмелю люди совершают дурные дела, убивают и ссорятся. Вино удерживает человека от того, что он знает, и от искусств, которыми он обладает, оно становится завесой или преградой на его пути и для его дела. И он бывает таким, что теряет определенный путь и, как помешанный, внеся пищу и скатерть в огонь, потом погружает их в воду. Государь, который страстен к вину и водке, не в состоянии вершить великих дел и издавать билики и устанавливать важные обычаи; эмир, пристрастный к вину и водке, не в состоянии держать в порядке ни дела тысячи, ни сотни, ни десятка своего войска и не в состоянии завершить их благополучно. Телохранителю, который пристрастен к вину, строжайше воздвзает, его постигнет великая кара.

Люди карачу, иначе говоря, простонародье³⁵⁴, пристрастные к хмельным напиткам, пропивают полностью коня, стадо и все, что у них есть, и становятся нищими; служилых людей, пристрастных к винопитию, судьба непрерывно мучает и тревожит. Эти хмельные напитки не смотрят на лицо и на сердце: они одинаково дурманят и добрых и злых и не спрашивают: плох человек или хорош. Они дурманят руки, так что те лишаются способности схватить и искусности в своих действиях; они дурманят ноги, и те перестают двигаться и ходить; они дурманят сердце, и оно не в состоянии здраво мыслить; они выводят из строя все чувства и орудия мышления.

Если уж нет средства против питья, то человеку нужно напиться 3 раза в месяц. Как только он перейдет за 3 раза,— совершит наказуемый проступок. Если же в течение месяца он напьется только дважды,— это лучше, а если 1 раз,— еще похвальнее, если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого?! Но где же найти такого человека, который совсем бы не пил, а если уж таковой найдется, то он должен быть ценим!».

Еще он сказал. В то время когда Чингиз-хан предпринял поход на владения Хитая³⁵⁵ и выступил на войну против Алтан-хана³⁵⁶, он один, согласно своему обыкновению, поднялся на вершину холма, развязал пояс и набросил его на шею, развязал завязки кафтана, встал на колени и сказал: «О, господь извечный, ты знаешь и ведешь, что ветром, раздувшим смуту, был Алтан-хан и начало распри положил он. Он безвинно умертвил Укин-Баркака³⁵⁷ и Хамбакай-каана³⁵⁸, которых племена татар, зах-

³⁵⁴ Интересно, что в эпоху постзолотоордынских ханств наиболее авторитетных членов правительства (дивана) называли термином «карачи».

³⁵⁵ Северные области Китая.

³⁵⁶ Тюркское прозвище всех китайских императоров.

³⁵⁷ Сына Хабул-кагана, который являлся прадедом Чингиз-хана.

³⁵⁸ Правитель монголов. Казнен чжурчжэнями, владевшими в то время Северным Китаем. Об этом смотри выше.

ватив, отправили к нему, а те были старшими родичами отца моего и деда, я же домогаюсь их крови, лишь мстя им. Если ты считаешь, что мое мнение справедливо, ниспошли мне свыше в помощь силу и божественное вспоможение и повели, чтобы с высот ангелы и люди, пери и дивы стали моими помощниками и оказывали мне поддержку!». С полнейшим смирением он вознес это моление; затем сел на коня и выступил. Благодаря своей правоте и верному намерению он одержал победу над Алтан-ханом, который был столь могущественным и великим государем, многочисленности войска, обширности страны, неприступным крепостям которого нет предела, и его владения и его дети очутились во власти Чингиз-хана!

Еще он сказал. Однажды Чингиз-хан расположился на возвышенности, название которой Алтай, и, окинув взором свои орды, слуг и окружение, соизволил сказать: «Мои старания и намерения в отношении стрелков и стражей, чернеющих, словно дремучий лес, супруг, невесток и дочерей, алеющих и сверкающих, словно огонь, таковы: усладить их уста сладостью сахара своего благоволения и украсить их с головы до ног ткаными золотом одеждами, посадить их на идущих покойным ходом меринов, напоить их чистой и вкусной водой, пожаловать для их скота хорошие травяные пастбища, повелеть убрать с больших дорог и трактов, являющихся общественными путями, валежник и мусор и все, что может причинить вред, и не допустить, чтобы росли колючки и были сухие растения».

Еще он сказал: «Если кто-нибудь из нашего уруга единожды нарушит ясу, которая утверждена, пусть его наставят словом. Если он 2 раза ее нарушит, пусть его накажут согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-Кулджур. После того, как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определяют ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив адаб³⁵⁹, и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние его родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить».

Еще он сказал: «Каждый из эмиров тумана, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско с тем, чтобы выступить в поход в любое время, когда прибудет фирман и приказ, безразлично, ночью или днем!».

Еще он сказал: «Каждый мальчик, родившийся в местности Баргуджин-Токум, на Ононе и Кэлурэне³⁶⁰, будет мужественным и отважным, сведущим и сметливым от природы без наставлений и выучки. И каждая девочка, которая там родится, будет хороша и прекрасна лицом без убрания, причисывания и румян и будет безмерно искусна, проворна и добродетельна».

Еще он сказал. В то время, когда он послал Мукали-гойона³⁶¹ с войском в Нангяс, тот взял 72 крепости той страны и послал к Чингиз-хану посла с сообщением об обстоятельствах тех побед и с вопросом, имеется ли ему разрешение на возвращение

³⁵⁹ Здесь – нормы поведения.

³⁶⁰ Онон и Керулен – реки в Монголии.

³⁶¹ О нем см. в «Мэн-да бэй-лу».

или нет? Последовал приказ в виде ярлыка: пусть не спешивается, пока он не возьмет других крепостей. Когда посол вернулся, Мукали-гойон его спросил: «Когда ты прибыл к Чингиз-хану и доложил мои слова, что он делал?». Тот сказал: «Он разделял свои пальцы». Мукали спросил: «Мне он тоже клал палец?». Посол сказал: «Положил!». Тогда Мукали сказал: «Значит, я значу что-то! Я буду ему усердно служить до смертного часа и выкажу усердие и рвение!». И снова спросил: «Кому он еще клал палец?». Вероятно, это кладение пальцев происходило путем овлажнения их слюною. Тот сказал: «Он прикладывал палец для Боорчи³⁶², Борагула³⁶³, Кубилая³⁶⁴, Чилагуна³⁶⁵, Карачара, Джэдая³⁶⁶, Бадая и Кышлыка – всем этим лицам, и соизволил говорить при этом: «Помощники и пособники у меня впереди и позади – они, они – слуги усердные, даровитые, ловкие стрелки, заводные кони, ловчие птицы на руке и охотничьи псы, притороченные к седлу!».

Еще. Однажды Бала-Калджа, один из уважаемых эмиров, спросил у него: «Тебя называют могущественным и богатырем, какие знаки завоеваний и побед видны на твоей руке?!». В ответ тот соизволил сказать: «Прежде чем я воссел на престол государства, я ехал однажды один по какой-то дороге. На моем пути 6 человек устроили засаду и держали против меня умысел. Когда я подъехал к ним, я обнажил меч и напал на них. Они в свою очередь меня обстреляли. Все стрелы пролетели мимо, и ни одна в меня не попала. Я их зарубил и проехал невредимым через то место. При возвращении путь мой случился мимо тех убитых. Шесть их мерингов без хозяев бродили кругом, не даваясь в руки. Я всех шесть погнал и привел с собою».

Еще он сказал: «Я ехал с Богорчи, на горе находилось в засаде против нас 12 человек. Богорчи ехал сзади. Я его не подождал, а, понадеявшись на свою силу и мощь, напал на них. Они все 12 разом выпустили в меня стрелы, их стрелы летали вокруг меня, а я напал. Вдруг мне в рот попала стрела. Я упал и от жестокости полученной мною раны лишился чувств. Меж тем подоспел Богорчи и увидел меня ерзающим по земле ногами и катающимся, словно шар, словно человек, находящийся при последнем издыхании. Тотчас он нагрел и принес воды, и я прополоскал рот и выплюнул кровь, свернувшуюся в горле. Покинувшая меня душа вновь вернулась в тело, появилась способность чувствовать и двигаться. Я встал и вновь кинулся на них. Они устрашились моей крепости, скатились с той горы и отдали душу. Причина тарханства³⁶⁷ Богорчи-нойона и его уруга та, что в этот момент он проявил столь похвальное усердие».

Еще. Однажды в молодые годы Чингиз-хан встал на рассвете, а в его чубе уже побелело несколько волосков. Приближенные задали ему вопрос: «О, счастливый государь, возраст твой не достиг еще порога старости, почему же в твоём чубе по-

³⁶² Первый нукер Чингиз-хана.

³⁶³ Нукер хана.

³⁶⁴ Полководец хана.

³⁶⁵ Сын Сорган-Шира, сподвижника хана.

³⁶⁶ Полководец хана.

³⁶⁷ Освобождение от повинностей.

явилась седина?!». В ответ он сказал: «Т.к. всевышний господь пожелал сделать меня главою и старейшиною туманов и тысяч и водрузить бунчук моего благоденствия, то он проявил на мне знак старости, который является знаком старшинства».

Еще. Однажды Чингиз-хан спросил у Боорчи-нойона, бывшего главою эмиров, в чем заключается высшая радость и наслаждение для мужа. Боорчи сказал: «В том, чтобы мужчина взял своего сизого сокола, до сих пор остававшегося на привязи и потерявшего за зиму свое оперение и теперь опять оперившегося, сел на доброго мерина, которого он содержал в теле, и стал охотиться в пору весенней зелени на сизоголовых птиц и чтобы он носил добрые одежды».

Чингиз-хан сказал Борагулу: «Ты тоже скажи!». Борагул сказал: «Для мужчины величайшее наслаждение заключается в том, чтобы выпускать ловчих птиц, вроде кречета, на бурых журавлей, с тем чтобы они ударами когтей сбивали тех в воздухе и хватали».

Затем Чингиз-хан спросил у сыновей Кубилая. Они сказали: «Наслаждение человека в охоте и в пускании ловчих птиц».

Тогда Чингиз-хан соизволил сказать: «Вы не хорошо сказали! Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами мерингов, в том, чтобы превратить животы его прекраснеликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!».

Да будет мир над людьми мира!..».

ДЖУВЕЙНИ О МОНГОЛЬСКОМ ВОЙСКЕ

Для любого исследователя, собравшегося писать о Чингис-хане, есть несколько источников первостепенной важности*. Среди них особое место занимает «История Завоевателя Мира» персидского чиновника и историка Ала-ад-дина Ата-Мелика ибн Мухаммада Джувейни, состоящая из трех основных частей: 1) история монголо-татар и их завоеваний; потомки ханов Джучи и Чагатая; 2) история династии хорезмшахов и монгольских наместников Хорасана; 3) продолжение истории монголов до победы хана Хулагу над религиозной сектой ассасинов. Джувейни родился в 1226 г. За время 15-летней службы в личных секретарях монгольского эмира Аргуна он несколько раз ездил в г. Каракорум и жил там подолгу при внуке Чингис-хана Мункэ. С 1256 г. Ала-ад-дин служил у хана Хулагу. В 1262 г. он был назначен наместником провинции «Багдад»... В 1281 г. его обвинили в связях с египетским мамлюкским правительством,

* Подробнее см.: Хамидуллин Б.Л. Чингиз-хан — 850. Книга I. — Казань, 2002. — С.12—286; Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. — М., 2004. — С.11—23, 404—525.

которое было в союзе с Улусом Джучи (Золотой Ордой) против Улуса Хулагу. Джувейни был арестован. В марте 1283 г. он умер от сердечного приступа... Современники называли Ала-ад-дина высокообразованным человеком. «История Завоевателя Мира» считалась непревзойденным по своему художественному стилю произведением. Первое полное издание текста «Тарих-и джахангушай» осуществил в 1912, 1916 и 1937 гг. Мухаммад Казвини. На базе этого издания в 1958 г. Эндрю Бойлем был осуществлен английский перевод текста. В 2004 г. английский текст был переведен на русский язык Е.Е.Харитоновой. Особо я хочу отметить также переводы отрывков из «Истории Завоевателя Мира» на русский язык В.В.Трепавлова и А.А.Арслановой (см., например: журнал «Родина», 1997, № 3—4, с.45—47 и монографию Арслановой «Остались книги от времен былых...», Казань, 2002). Здесь использован перевод Вадима Винцевича Трепавлова.

«...О МОНГОЛЬСКОМ ВОЙСКЕ

Чингисхан ревностно относился к охоте и говорил, что охота и ловля зверей – подобающее занятие для эмиров войск, а те, кто обладает оружием и сражается в боях, приобретают навык и обучаются этому, когда, настигая зверей во время охоты, выстраиваются в линию сообразно с числом охотящихся. Когда монголы не ведут войны, то постоянно желают охотиться и привлекают к этому войско. А намерение состоит не в самой охоте, но в тренировке и закаливании, упражнении в стрельбе и привыкании к трудностям...

...Таким же образом монголами велись войны, совершалось уничтожение врагов, пересчитывались убитые и щадилась уцелевшие. Именно таким образом передвигались они шаг за шагом в походах, оставляя после себя в покоренных краях лишь немногих больных из тамошних бедняков.

Что касается устройства армии, то со времени Адама и донныне, когда большая часть климатов пребывает под владычеством и управлением рода Чингисхана, не найти ни в какой достоверной истории или написанной книге, будто у какого-либо государя, господина рабов и народов, существовало такое же войско. Ибо татарское войско выносливо, терпеливо и благородно, повинуется военачальнику как в благополучии, так и при неудачах – и не из стремления к награде или земельным пожалованиям, не из надежды на прибыль или возвышение. Это является самым лучшим порядком в деле военного устройства. Ведь и львы, куда не проголодаются, не идут на охоту и ни на какое животное не нападают; а среди иранских пословиц есть такая: «С сытой собакой не охотятся»... Какое еще войско может уподобиться монгольскому, если во время ратного дела оно побеждает и посрамляет вредоносных тварей?! И на охоте, и в дни спокойствия и безопасности оно – как овцы, что приносят молоко, шерсть и многие выгоды; но и в пору трудностей и несчастий оно не ведает расхождений и противоречий.

Всякий раз, когда появляется опасность от смертоносного врага или злокознен-

ного мятежника, монголы готовят все, что может пригодиться из различного оружия и прочего снаряжения – вплоть до шильев, игл, веревок, ездового и вьючного скота, ослов и верблюдов. И так каждый в сотнях и десятках исполняет свои обязанности, а в день проверки они предъявляют снаряжение, и если хоть что-нибудь немного не в порядке, то провинившегося сурово наказывают и строго карают. Несмотря на личное участие в сражениях, все воины полностью обеспечивают снабжение для ведения войны. За женщинами и домочадцами, что остаются при имуществе и хозяйстве, неукоснительно сохраняются те обязанности по снабжению войска, которые выполнялись хозяином дома во время его присутствия; до такой степени, что если повинность состоит в личном участии в каком-либо деле, а мужчина отсутствует, то его жена сама идет и исполняет это.

Смотр и пересчет армии установили таким образом, что нет нужды в особом военном ведомстве, равно как и в особых военных чиновниках. Все люди делятся на десятки, а один человек из каждого десятка является эмиром над другими девятью. Одному эмиру из десяти дают звание эмира сотни, и вся сотня ему подчиняется. Так продолжается с тысячей и доходит до 10 000, над которыми назначается эмир, называемый эмиром тумена. В соответствии с этим порядком, если появляется нужда в каком-нибудь человеке или еще в чем-то, то поручают эмиру тумена, а эмир тумена – эмирам тысяч, и так поручение доходит до эмира десятка.

Каждый человек действует слаженно с другими, независимо от богатства или покровительства. Если вдруг возникнет потребность в войске, то приказывают: «столько-то тысяч нужно в такой-то час» – и в тот же день или в ту же ночь те прибывают в указанное место, и ни на мгновение не происходит опережения или задержки. Покорность и повиновение достигают таких пределов, что если эмир сотен тысяч войск совершает какую-то ошибку, то даже окажись между ним и ханом пространство от востока до запада, хан посылает к нему всадника, чтобы наказать в соответствии с приговором. Если приговор будет «голова» – казнят, если «золото» – возьмут штраф...».

НИКОНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ О СОБЫТИЯХ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В НАЧАЛЕ XIII в.

Свое название Никоновская летопись получила по одному из списков, принадлежавших известному церковному деятелю XVII в. патриарху Никону. Летописный свод, которому в научной литературе присвоено наименование Никоновского, составлялся в конце 20-х годов XVI в. митрополитом Даниилом Рязанцем и явился значительным событием в русской средневековой историографии, оказавшим большое влияние на последующее летописание. Активный интерес к памятнику объясняется в первую очередь тем, что он представляет наиболее полный свод сведений по русской истории и отчасти по истории соседних народов, донесший в своем составе целый комплекс известий, неизвестных по другим источникам.

Исследователями³⁶⁸ выявлен широкий круг источников самой Никоновской летописи. Перечисление всех их не является для нас самоцелью, поэтому ограничимся очень кратким экскурсом в эту проблему. Источники Никоновской летописи условно можно подразделить на несколько групп: источники Лаврентьевско-Троицкой группы, источники Новгородско-Софийской группы, источники Ростовской группы, московские великокняжеские своды, тверской источник, Хронографы, родословные источники. Источники Лаврентьевско-Троицкой группы представлены в первую очередь Лаврентьевской летописью (до событий 1305 г.) и тверской переработкой 1412 года Троицкой летописи в двух видах (Симеоновская летопись и основной источник Владимирского летописца). Источники Новгородско-Софийской группы представлены Новгородской 5-й летописью (до 1445 г.) и Софийской 1-й летописью, привлеченной при составлении Никоновской летописи в качестве подсобного, корректирующего источника. Источники Ростовской группы представлены Ермолинской летописью (ростовская редакция великокняжеского свода 70-х годов XV в.), летописным сборником 1477 г., Ростовским сводом в составе Московско-Академической летописи (до 1419 г.), Сокращенным сводом 70-х годов XV в. (основной источник Устюжского летописца), Типографской летописью (в нескольких редакциях; в их основе лежит Ростовский свод 1489 г.), сокращенными сводами 1493 г. (Погодинская летопись) и 1495 г. (Мазуринская летопись). Московские великокняжеские своды представлены сводом в составе Летописного сборника 1477 г., Московским сводом 1479 г., сводом в составе Лихачевского летописца (фрагмент 1477 – 1488 гг.) и Московским сводом 1493 г., привлекавшимся при создании Никоновской летописи в основном лишь для корректировки других источников. Тверской источник Никоновской летописи доходил до 1414 г. и представлял кашинскую редакцию Тверского великокняжеского свода (многие его известия отразились в Никоновском своде не в чистом виде, а в соединении с сообщениями других источников). Хронографический материал использован в Никоновском своде в двух видах. Один представляет собой первоначальную редакцию Русского Хронографа (редакция 1516 – 1522 гг., в науке закрепилось название – «редакция 1512 года»). Другим источником Никоновской летописи являлся Западнорусский Хронограф (первоначальная его редакция возникла примерно в то же время и в тех же самых кругах, что и Никоновская летопись).

Отличительной особенностью Никоновской летописи являются подробные родословные росписи, сопровождающие имена князей. Здесь используются историко-генеалогические материалы из Архангельского сборника, из Московского свода 1479 г., Литовской летописи, «Родословия Литовского княжества», иных родословий литовских князей, из Чудовской повести о происхождении русских великих князей от римских императоров, из Послания Спиридона-Саввы и других источников.

Как мы видим, даже довольно поверхностное знакомство с основными источниками Никоновской летописи позволяет сделать вывод о широчайшей эрудиции ее

³⁶⁸ См. работы И.А.Тихомирова, Н.П.Лихачева, С.Ф.Платонова, А.А.Шахматова, Н.Ф.Лаврова, С.П.Розанова, А.Н.Насонова, А.Г.Кузьмина, Я.С.Лурье, Б.М.Клосса и др.

составителя. Однако необходимо отметить один существенный момент: по мнению ученых, составитель Никоновской летописи нередко очень свободно обращался с первоисточниками. Под пером составителя летописи их текст иногда значительно изменялся. Нередко искажались имена и этническая принадлежность действующих лиц, в историческое повествование вносились новые (и всегда ли достоверные?) имена и факты (например, о походе легендарного Кия на волжских булгар; о якобы имевших место победах Владимира над булгарами в 994 и 997 гг.; о будто бы бывшем походе Дмитрия Константиновича «на Болгары, рекше на Казань» в 1375 г., в результате которого ему удалось посадить «в Казани... и дорогу³⁶⁹ и таможника»; под 1555 годом имеется сообщение, что якобы задолго до возникновения Казанского ханства Рюрик и его потомки правили и собирали дань у народов Волго-Камья и т.д.)³⁷⁰. Все эти искажения источниковых текстов – плод общественно-политических взглядов и идей митрополита Даниила³⁷¹...

Предлагаемые выдержки из Никоновской летописи за короткий промежуток времени с 1201 г. до появления монголо-татар в Европе дают возможность читателю представить основные направления политического взаимоотношения народов Восточной Европы в предмонгольское время.

Источник цитируется по изданию: Полное собрание русских летописей. – Т. 9–10. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965.

«...В лето 6709³⁷²... Того же лета приходиша Половци в Русь, и много зла учинивше идоша вспять; князь же Роман Мстиславичь сам ходи за ними в погоню. Половцем же вшедшим в поле и оплошавшимся, князь же Роман Мстиславичь удари на них безвестно, и полон отполони, и многих Половецъ изби, и возвратися с радостию во свояси.

В лето 6710³⁷³... Тое же зимы князь велики Киевский Рюрик Ростиславичь ища

³⁶⁹ Этот тюрко-монгольский термин обозначал администратора определенной территории.

³⁷⁰ Западный ученый Джон Фенел в статье «Татарское вторжение 1223 г.: проблемы источников», опубликованной в Берлине в 1980 г., дает следующую характеристику Никоновской летописи: «в целом слишком легко принять и быть введенным в заблуждение даваемой ею информацией»; ее сводчики/составители «были в высшей степени искусны в текстуальной критике, они знали, как соединить разрозненные элементы, как сгладить трудности, как придать смысл тому, что является чепухой, как при случае предусмотреть мотивы там, где их не существует и даже как добавить современный идеологический аромат невозмутимым рассказам о своих предшественниках». Исследователь, в частности, отмечает: «Из всех вариантов истории битвы на Калке Никоновская летопись не только отдаленно заимствована по духу из оригинального описания XIII в., но также является наиболее вводящей в заблуждение... [в тексте много отсебятины, вставок, не имеющих аналогов в других источниках, присутствует частое преувеличение численности русских войск и погибших в бою в 5 – 10 раз! и т.д.]» (пер. с английского к.и.н., с.н.с. Института истории АНТ А.А.Арслановой).

³⁷¹ Об этом см., например: Pelensky J. Russia and Kasan: Conquest and Imperial Ideology. 1438 – 1560-s. – Hague-Paris: Mouton, 1974; Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы: Очерк истории становления имперской идеологии// Мирас. – 1992. – № 10. – С. 50–62; Хамидуллин Б.А. Отражение истории Казанского ханства в Никоновской (Патриаршей) летописи// Эхо веков – Гасырлар авазы. – 1999. – № 1/2. – С.62–77.

³⁷² 1201 г.

³⁷³ 1202 г.

Киева, и совокупився со Олговичи, и Половецких князей в помощь взя, и всю Половецкую землю подъя, и пришед со многими силами, взяша великий и славный град Киев, и сотворися зло велико, яково же от крещения не бывало над Киевом, не точию едино Подоліе взяша и Гору и пожгоша, но и пресвященную митрополию, и святую Софию, и Десятинную святую Богородицу, и честныя монастыри, и святыя иконы, и кресты, и книги, и священныя сосуды и ризы вся пограбиша и поимаша, и люди старыя изсекоша, а молодыя в полон поведоша, месяца Генваря в 2 день. И тако идоша Половци во своаси, а Черниговстии князи в Чернигов, а Рюрик Ростиславичъ во Вручев...

В лето 6711³⁷⁴... Тое же зимы князь велики Киевский Рюрик Ростиславичъ, и зять его князь велики Роман Мстиславичъ Галичский, и Ярослав Всеволодичъ, внук Юрья Долгорукаго, Переаславский и инии князи идоша на Половцы; бысть же тогда зима люта зело, и Половци в скорби велице. И взяша Русстии князи вежи их, и стада их и полон мног, и возвратишася во своаси...

В лето 6713³⁷⁵... Того же лета посылал князь велики Всеволод Юрьевичъ рать судовую на Болгары Воложския и Камския, и ходиша по Волзе до Хомол³⁷⁶, и много полонна взяша, а других изсекоша, и учяны многы разбиша, и товар мног взяша, и тако возвратишася во своаси...

В лето 6714³⁷⁷. Совокупившася ратью вси князи Русстии: Олговичи Черниговстии, князь Всеволод Чръный Святославичъ, внук Всеволож, правнук Олгов, со всею братьею, и князь Володимер Игоревичъ со всею братиею, и князь Мстислав Романовичъ из Смоленска приде к ним с сыновци своими, такоже и много Половец прииде к ним. Собраша же ся вси в Чернигове, и оттуду поидоша на Галичь, а из Киева поиде князь велики Рюрик Ростиславичъ с сынами своими, со князем Ростиславом и Володимером, и з Берендеи, и с Коуи, и з Боуты³⁷⁸, а оттуду Ляхове поидоша на Володимерь на Галичан же. Галичане же со князем Данилом Романовичем убоашася зело, и послаша к королю³⁷⁹ помощи просяще. Слышав же король скорбь их велию, яко отсюду идут на них князи Русстии с Половци, а отсюду Ляхове, и поиде сам в помощ Галичаном. Романовичи же убоашася, бежаша из Галичя в Володимерь в вотчину свою, не дождавше короля. Ляхи же мнози идоша к Володимерю; король же пришед Через горы, и слыша, яко Ляхи идоша к Володимерю, а Олговичи с Половци уже внидоша в землю их, и ста король не поступаая с места на место. И слышавше Олговичи и Половци и Ляхове, яко король близ их стоит, и не смеша приити до Галичя, и стоаше дни многи, ни король поступи к Галичю, ни Олговичи. И тако начяша съсылатися о мире и о любви, и умирившеся, возвратившеся во своаси... Того же лета Рюрик Рос-

³⁷⁴ 1203 г.

³⁷⁵ 1205 г.

³⁷⁶ Булгарский город, местоположение которого не установлено. А.Х.Халиков считал возможным отождествлять его с современной Казанью.

³⁷⁷ 1206 г.

³⁷⁸ Речь идет о вассальных Руси тюркских племенах, обобщенно называемых «черными клобуками».

³⁷⁹ Польскому.

тиславичь скорбя зело о великом княжении Киевском, и соединися со Мстиславом Романовичем, и поиде с ним ратью, и з детми своими, и с сыновцы своими и со многими Половци, и шед выгна из Киева Всеволода Чръмного, сына Святославля, внука Всеволожа, правнука Олгова, праправнука Святославля, препраправнука Ярославля, пращура великого Владимера, а сына его князя Михаила выгна из Переславля. И тако с великою радостию князь велики Рюрик, сын Ростиславль, внук Мстиславль, сяде на великом княжении в Киеве, а сына своего Владимера посади в Переславле. Тое же зимы Всеволод Чръмный Святославичь совокупися с своею братьею, и з братаничи и со множеством Половец, и иде ратию безвестно на Киев. Князь великий же Рюрик Ростиславичь не могий стати противу им, и затворися во граде Киеве; они же стоаше около града 3 недели, и много нужу сотвориша гражаном, и возвратишася вспячь, не успеха ничтоже граду, власти и села повоеваша. Тогда же князь Владимер Игоревич, пришед из Галичя, выгна князя Данила, сына Романова, внука Мстиславля, из Володимеря, и посади в нем брата своего князя Романа Игоревичя...

В лето 6716³⁸⁰. Князь Всеволод Чермный, сын Святославль, внук Всеволож... з братьею своею, и з братаничи, и с Половци и со многою силою, иде ратью паки на Киев на великого князя Рюрика Ростиславичя...

В лето 6719³⁸¹. Сяде паки князь Всеволод Черъмный Святославичь в Киеве, а Рюрик в Чернигове. Того же лета приходиша Половци к Переславлю, и повоеваша многи власти и села, и много зла сотвориша, и возвратишася со многим полоном во свояси...

В лето 6723³⁸²... Того же лета князь Володимер Всеволодичь Переславский иде из Переаславля Русскаго противу Половец, и сретеса с ними на реце, и бишася о реку крепко, и мнози от обоих падаху. И преидоша реку инем путем Половци сим не ведаящим, и кликнуша стреляюще, и много одолевше христиан, и самого князя Владимера Всеволодичя руками яша, и Дмитрея и Ивана, славных богатырей, убиша, и много боар и воевод побиша, и со многим полоном возвратишася во своаси, и самого великого князя Владимера Всеволодичя с собою отведоша...

В лето 6726³⁸³... Того же лета Болгари взяша Устюг лестию, и потом поидоша ко Унжеску, а Унжане отбишася от них. Того же лета князь Рязанский Глеб и Константин, сынове Владимеровы, внуци Глебови, пръвие оклеветаша дяди своя князя Романа Глебовичя и князя Святослава Глебовичя, и братью и братаничей своих, и много кровопролитна и убийства сотвориша, и землю свою Рязанскую всю пугу сотвориша, таже брата своего, и братаничей своих и дядя своих смерти предаша, и бежаша в Половцы, и ныне устремившеса окаяннии приидоша со множеством Половец к Рязани, и начяша воевати, пленити, и жещи и сещи. Братаничь же их князь Ингварь Игоревичь совокупися з братьею, и идоша на них, и победиша их, и множество По-

380 1208 г.

381 1211 г.

382 1215 г.

383 1218 г.

ловец избиша, а князи Глеб и Коньстянтин Владимеричи Глебовичя убежаша в По-ловцы...

В лето 6727³⁸⁴... *О войне на Болгары.* Князь великий Юрьи Всеволодичь посла брата своего Святослава на безбожных Болгары, и Волжския и Камския, и с ним посла полки своя, а воеводство приказа Еремею Глебовичю; а брат его князь Ярослав Всеволодичь своего воеводу посла с своими воинствы в помощь, а братаничи его князь Василко Констянтиновичь посла воеводу своего с своими ростовцы и с юстюканы в помощь. Посла же князь велики Юрьи Всеволодичь и к муромским князем, веля им послати сына своя, и посла Давид сына своего Святослава, а Юрьи Олга с воинствы своими в помощь. И сняшася вси на Волзе на усть Оки в насадех и в лодиях. И оттоле поидоша вниз, и бывшим им на исадех противю Ошлю³⁸⁵, и выидоша на берег; изряди же Святослав полки своя: ростовский по правой руце, а переславской по левой, а сама с муромскими князи посреди, а ин полк остави у лодей, сами же поидоша от берега к лесу, и прошедшим им лес, выидоша на поля к граду. И усретоша их Болгаре со князем своим на коних, и поставиша полк на поли; Святослав же поиде к ним вборзе, они же постоявше мало, и пустиша по стреле в наши, и възмятшеся побегоша ко граду, и вбегше во град затворишася. Князь же Святослав поиде вборзе ко граду, бе же острог утвержден около града крепок тын дубов, а затем 2 оплота, и межи ими вал ссыпан, и по тому валу рыщуще из затыни бияхуся. Князь же Святослав пришел к городу, и наряди люди вперед с огнем и с секирами, и за ними стрелцы и копейники, и приступи ко граду, и бысть брань межи ими крепка зело, и подсекоша тын и разрекоша плоть, и зажгоша их, а они побегоша в город; си же гониша секуще их до города. Потом же приступиша ко граду отвсюду, и зажгоша его, бысть дым силен зело, и потяну ветр со града на полки Святослави, и не бе видети человека в дыме, и не могуще терпети дыма и зноа, паче же безводия, и отступиша от града, и седоша опочивати от многого труда. Рече же Святослав: «поидем с поветрея з другую страну града»; они же, воставше, поидоша об ону страну града, и пришедше сташа противу вратом града. И рече им князь: «братье и дружино! сего дни нам двое предлежит: или добро или зло, да потягнем борже», и потече сам князь преди всех ко граду; видевше же его вои вси, устремишася ко граду борже. И посекоша тын и оплоты, и с ту страну и зажгоша, а Болгары побегоша в город, сии же погнаху их секуще. И потом зажгоша град отвсюду, и обнят град огонь отвсюду, и бысть буря велия, и страшно бысть видети, и бысть во граде вопль велик зело. Князь же Болгарский выбежа иными вороты, и утече на коних в мале дружине, а что пешець выбегло, мужи избиша, а жены и дети в полон взяша, а инии во граде погореша, а инии сами иссекоша жены своя и дети, и потом сами ся избиша. Нецыи же от вой Святославих дерзнуша внити во град користи деля, и едва утекоша пламене, а инии ту и згореша; князь же

³⁸⁴ 1219 г.

³⁸⁵ Ошель (Ашлы?) – в русских летописях город упомянут единственный раз в связи с описываемыми событиями. Предполагаемое его местонахождение – Богданкинское городище в Тетюшском районе РТ, расположенное примерно в 7–8 км к западу от Волги. Город перестал существовать в 1236 г. в связи с известными событиями в регионе (завоевание Волжской Булгарии войсками Бату хана).

Святослав стоя ту дондеже весь град изгоре, и взяша же град Ошель, июня 15 день. И поиде оттуду Святослав к лодиям своим; бывшу же ему у лодей, и вста буря з дождем, якоже и лодиям възмятися, и потом же начя буря тишиться. И преиде князь Святослав в заветрие на остров с полки своими, и муромские князи с ним, ту же и на ночь облеже. И наутреи ту обедавше, поидоша прочь вверх по Волзе. Слышавше их Болгари в Великом граде и во иных градах, яко город их Ошель взят, и печальни быша повелику зело. И собращася вси со князьми своими, овии на коних, друзии же пеши, и приидоша на брег; слышав же Святослав оже Болгаре собравшеся ждуть его на исадех, повеле же всем своим оболочитися в броне, и стяги наволочити, и наряди полкы в насадех и в лодиях. И поиде полк по полце, бьюще в бубны, и в трубы и в сопели, а сам князь по них поиде. Болгари же идуще по берегу, видяще своих ведомых: овому отцы, иному сыны и дщеря, другому же братия и сестры и съплеменницы, и стаху покивающе главами своими, и стеньюще сердцы их и смежающе очи свои. Святослав же минув исады, и ста на усть Камы, и ту прииде к нему Воислав Добрынич, и ростовцы и устюжане с множеством полона и с корыстью великою, те бо отпущени бяху преже еще вниз идуще воевати по Каме, и взяста по ней много градков, и сел неколико, и пожгоша все, а люди изсекоша, а иных в плен поведоша. Оттуду же посла Святослав весть пред собою к брату своему к великому князю Юрью Всеволодичю. И дошед Святослав Городца, и выиде из лодей, и поиде ко граду Владимиру на коних. Слышав же его Юрьи, и сrete и у Боголюбова на реце Сураме и с сыном своим Всеволодом, и целовастася с любовию великою, и поидоста во град, и бысть радость велика во Володимери о пришествии Святослави. И сотвори князь велики Юрьи учреждение велие брату своему Святославу и воем всем по 3 дни, и много дары вдасть брату своему: златом, и серебром, и порты разноличными, и кони, и оружием, аксомиты, и паволоками и белью, такоже и вои одари повелику, коегождо по достоинству... Того же лета князь велики Юрьи Всеволодичь сам начя наряжати на Болгары, Болгари же прислаша послы своя с молбою и с челобитием, он же не прият моления их, и отпусти их. И начя събирати воинства, а к братаничю своему князю Василку Константиновичю Ростовскому посла, повело ему итти на Городец, а сам поиде князь великий Юрьи с воинствы своими на Омут. И бывше ему на Омуте, и ту приидоша к нему инии послы Болгарские с молбою; он же не послуша их, и отпусти без мира. И прииде на Городец к Василку Константиновичю. Болгаре же убояшася, и послаша иных послов со многими дары и с челобитьем, и прият молбу их, и взя дары у них, и управишася по прежнему миру, якоже было при отци его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи. И посла ж с ними мужи свои водити в роту князей их и земли их по их закону, а сам возвратися к Володимерю... Тое же зимы иде на Галичь Мстислав Романовичь ис Киева, и Мстислав Мстиславичь ис Торцьского, и инии князи с ними и с Половцы. Пришедшем же им и королевичь затворися во граде Галиче, они же бишася у града половину дне, и разыдошася по земли воевати, и много зла створиша, города и села пожгоша, и мног полон вземше отъидоша во свояси...

В лето 6733³⁸⁶... *О Кальском побоищи*³⁸⁷. Того же лета по грехом по нашим придоша язъци незнаеми безбожнии Амовитеня, рекомии Татари, ихже известно никтоже весть кто суть, и откуду придоша³⁸⁸...».

ИБН АЛ-АСИР О ПОХОДАХ МОНГОЛО-ТАТАР

Ибн ал-Асир Абуль Хасан Али Из-ад-дин родился в 1160 г. в области Асир Саудовской Аравии. В молодости он участвовал в войне египетского султана Салах-аддина с крестоносцами, впоследствии занимал высокое положение при дворе багдадских халифов. Умер Ибн ал-Асир в 1232 г. Он оставил потомкам несколько своих трудов, из которых наиболее ценными являются «История сирийских атабеков» и «Всеобщая история», доведенная до событий 1230 г.

Сочинения Ибн ал-Асира отличаются добросовестностью изложения и правдивостью большей части приводимых сведений и обладают безусловными литературными достоинствами. Кроме сообщений о крестовых походах, им очень хорошо описано вторжение монголо-татарских войск в Переднюю Азию и Восточную Европу, современником которого он являлся.

Известие Ибн ал-Асира о вторжении татар в «страны мусульманские» и в Европу мы цитируем по изданию: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.— Т. I: Извлечения из сочинений арабских.— СПб., 1884.

«...Год 617³⁸⁹... О вторжении Татар в страны мусульманские. Несколько лет я противился сообщению этого события, считая его ужасным и чувствуя отвращение к изложению его: я приступал к нему и опять отступал. Кому же легко поведать миру о гибели ислама и мусульман, да кому приятно вспоминать об этом? О, чтобы матери моей не родить меня, чтобы мне умереть прежде этого и быть преданным вечному забвению! Хотя многие из друзей моих побуждали меня к начертанию этого события, но я приостанавливался. Потом, однако, я сообразил, что неисполнение этого не принесет пользы. Пересказ этого дела заключает в себе воспоминание о великом событии и огромном несчастье, которому подобного не производили дни и ночи и которое охватило все создания, в особенности же мусульман; если бы кто сказал, что с тех пор, как Аллах всемогущий и всевышний создал человека, по настоящее время, мир не испытывал ничего подобного, то он был бы прав: действительно, летописи не содержат ничего сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с Израильтянами по части изби-

³⁸⁶ 1225 г.

³⁸⁷ Битва на Калке произошла в 1223 г.

³⁸⁸ Эта фраза русских летописей вызывает определенное удивление, если учесть существование налаженных торговых связей между Европой и Азией и завоевание «татарами» к этому времени обширных восточных территорий.

³⁸⁹ 28.03.1220—24.02.1221.

ения их и разрушения Иерусалима³⁹⁰. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима! И что такое Израильтяне в сравнении с теми, которых они перебили! Ведь в одном отдельно взятом городе, жителей которых они избили, было больше, чем всех Израильтян. Может быть, род людской не увидит ничего подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается антихриста³⁹¹, то он ведь сжалится над теми, которые последовали за ним, и погубит лишь тех, которые станут сопротивляться ему; эти же Татары ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши. По истине, мы принадлежим Аллаху и возвратимся к нему; нет мощи и нет силы, как только у Аллаха всевышнего и великого!

Вот как происходило это событие, искры которого разлетелись во все стороны и зло которого простерлось на всех; оно шло по всем как туча, которую гонит ветер. Вышел народ некий из окраин Китая и устремился на земли Туркестана, т.е. Кашгар и Белясагун, оттуда на области Мавераннехра, как то: Самарканд, Бухару и др., завладевая ими и поступаая с жителями их так, как мы расскажем. За тем один отряд их перебирается в Хорасан и окончательно расправляется с ним, завладевает, опустошает, избивает и грабит; потом переходит в Рей, Хамадан, землю Джебальскую и во все области, простирающиеся до пределов Ирака; далее направляется в земли Адзербейджана и Аррании³⁹², опустошая их и убивая большую часть жителей. Спасся только редкий из них, выбравший верный путь. Менее чем в год происходит то, чему подобного не слышано. Потом, управившись с Адзейберджаном и Арранией, они идут к ущелью Ширванскому и овладевают городами его; уцелела только крепость, в которой находился царь их. Оттуда они перебрались в земли Аллан, Лезгин и различных народов, живущих в этих местах, и наделили их резней, грабежом и опустошением. Потом они направились в земли Кипчаков, одного из самых многочисленных племен тюркских, и избивали там всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою, и ею овладели эти Татары. Сделали они это в самое скорое время, с теми только проволочками, которые требовались для переходов их, не более. Другой отряд отправился в Газну и округи ея, да в соседния с нею земли Индии, Седжестан, Керман, действуя там таким же образом, как те поступали, и даже хуже. Подобное этому никогда еще не поражало слуха людского. Ведь Александр Великий, относительно которого летописцы согласны, что он был владыкой мира, и тот не овладел им с такой скоростью, а завоевывал его 10 лет, и никого не избивал, а довольствовался изъявлением людьми покорности. Эти же Татары в продолжение года овладели большею, лучшею, наиболее возделан-

³⁹⁰ Навуходоносор – царь Вавилонии в 605–562 гг. до н.э., в 605 г. захвативший территорию Сирии и Палестины, в 597, 587–586 гг. разрушивший восставший Иерусалим и ликвидировавший Иудейское царство.

³⁹¹ В оригинале, по-видимому, «иблиса».

³⁹² Албания Кавказская.

ною и населенною частью земли, да праведнейшими по характеру и образу жизни людьми на земле. В тех странах, на которые они еще не напали, всякий проводит ночь не иначе, как в страхе, боясь их и высматривая: не идут ли они к нему. Затем они не нуждаются в следовании за ними провианта и припасов, потому что при них овцы, коровы, лошади и другая скотина, и они ничем иным не питаются, как их мясом. Животные же их, на которых они ездят, сами разгребают землю своими копытами и едят корни растений, не зная ячменем. Вот почему, делая привал, Татары не нуждаются ни в чем постороннем. Что касается религии их, то они поклоняются солнцу, при восходе его, и ничего не считают запрещенным, а потому едят любое животное, даже собак, свиней и других. Не знают они брака и к женщине приходит не один мужчина, а когда является на свет дитя, то оно не знает своего отца³⁹³. Постигли в это время ислам и мусульман разные несчастья, каких не испытывал ни один народ. К числу их относятся эти Татары, да посрамит их Аллах! Пришли они с востока и совершили такие дела, которые признает ужасным всякий, кто слышит о них... К ним же³⁹⁴ относится вторжение Франков³⁹⁵ – да проклянет их Аллах – с запада в Сирию, нашествие их на страны Египетские и овладение ими гаванью Дамьят; они чуть было не овладели странами Египта, Сирии и др., не будь милости Аллаха всевышнего и помощи его против них. Кроме того, между людьми, уцелевшими от этих двух отрядов, обнажился меч и поднялась междоусобица... Молим Аллаха, да ниспошлет он исламу и мусульманам помощь от себя, ибо нет более помощника, пособника и заступника за ислам...

О том, что Татары сделали с Алланами и Кипчаками. Перебравшись через Ширванское ущелье, Татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе Алланы, Лезгины и разные тюркские племена. Они ограбили и перебили много Лезгин, которые были отчасти мусульмане и отчасти неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к Алланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Алланы употребили все свое старание, собрали у себя толпу Кипчаков, и сразились с Татарами. Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: «мы и вы – одного рода»³⁹⁶, а эти Алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и пр.; Татары действительно принесли им то, что было выговорено, и Кипчаки оставили Аллан. Тогда

³⁹³ Это сообщение противоречит информации иных источников.

³⁹⁴ Т.е. несчастьям.

³⁹⁵ Западноевропейцев.

³⁹⁶ Подчеркнуто мною. – Б.Х. О родстве древних татар и кипчаков свидетельствуют многие источники, см., например, сообщение персидского историка XI в. ал-Гардизи; в историографии есть мнение и о давнем родстве кипчаков и монголов, см., например: Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1964. – С. 42.

Татары напали на Аллан, произвели между ними избиение, безчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторгнулись в землю их. Тут стали Татары нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что сами им принесли. Услышав эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских. Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимой и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, и есть в ней места теплые зимою, также со множеством пастбищ, т.е. низменных мест на берегу моря. Прибыли они к городу Судаку; это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря³⁹⁷ и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, бургаские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом. Придя к Судаку, Татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них с своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую³⁹⁸, которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана³⁹⁹.

О том, что Татары сделали с Кипчаками и Русскими. Когда Татары овладели землею Кипчаков и Кипчаки разбрелись, как мы рассказали, то большая толпа из них ушла в землю Русских; это страна обширная, длинная и широкая, соседняя с ними, и жители ее исповедуют веру христианскую. По прибытии их к ним, все собрались и единогласно решили биться с Татарами, если они пойдут на них. Татары пробыли некоторое время в земле Кипчацкой, но потом в 620 г.⁴⁰⁰ двинулись в страну Русских. Услышав весть о них, Русские и Кипчаки, успевшие притовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание напасть на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, но потом Татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них; для последних это было совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверенны в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары с значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством и бой между ними длился несколько дней. Наконец Татары одолели и одержали победу. Кипчаки и Русские обратились в сильнейшее бегство, после того

³⁹⁷ Т.е. Черного моря.

³⁹⁸ Территория Малой Азии.

³⁹⁹ Из рода Кылыч-Арслана.

⁴⁰⁰ 4.02.1223–23.01.1224 г.

как Татары жестоко поразили их. Из бегущих убито было множество; спастись удалось лишь немногим из них; все что находилось при них, было разграблено. Кто спасся, тот прибыл в свою землю в самом жалком виде, вследствие дальности пути и поражения. Их преследовало множество Татар, убивая, грабя и опустошая страну, так что большая часть ее опустела. Тогда собрались многие из знатнейших купцов и богачей Русских, унося с собою то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться чрез море в страны мусульманские...

О возвращении Татар из земель Русских и Кипчаков к своему царю. Сделав с Русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 г. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засады, напали на них с тыла, так что Татары остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их⁴⁰¹ было до 4000 человек⁴⁰². Отправились они оттуда в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю... Мы сообщили эти известия о Западных Татарах за один раз, чтобы не делать перерыва...».

СУЗДАЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ О НАШЕСТВИИ «ТАТАР»

Суздальская летопись (Московско-Академическая летопись) – условное наименование общерусского по своему характеру летописного свода конца XV в. Она начинается с «Повести временных лет» и доводит изложение событий до 1418 г. До 1206 г. содержание Суздальской летописи сходно с известиями Кенигсбергской летописи, причем можно предположить, что оригинал Суздальской летописи был украшен многочисленными миниатюрами. В части 1205–1238 гг. текст Суздальской летописи совпадает с текстом Софийской I летописи. Последняя часть Суздальской летописи (текст за 1238–1418 гг.) представляет собой Ростовский свод. О ростовском происхождении Суздальской летописи свидетельствуют и киноварные отметки на полях рукописи против ростовских известий. А.Н.Насонов, хорошо знакомый с содержанием русских летописей золотоордынского периода, сделал вывод, что в Суздальской летописи отразился сокращенный Ростовский летописный свод конца XV в., изложение которого было обобрано на событиях 1418 г.

⁴⁰¹ Убитых или уцелевших?

⁴⁰² Разгром монголо-татар булгарами в 1223 г. освещен в некоторых научных статьях; на это событие в очередной раз обратил внимание ученых и широкой читательской аудитории Мирфатых Закиев в ноябре 1998 г. со страниц газеты «Моддни Помга».

Как исторический источник Суздальская летопись дает ценные, нередко уникальные сведения по истории Руси и сопредельных регионов.

Мы цитируем источник по изданию: Рассказы русских летописей/Перевод с древнерусского и пояснения Т.Н.Михельсон; научный редактор Д.С.Лихачев.– Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1995.– С.137–142.

«*Первое известие о татарах.* В лето 1223 по грехам нашим пришли народы, не знаемые при Мстиславе князе Романовиче в десятое лето княжения его в Киеве.

Пришла неслыханная рать, безбожные моавитяне, называемые татары, их же никто ясно не знает, кто они, и откуда пришли, и каков язык их, и какого племени они, и что за вера их. И зовут их татары. А иные говорят – таурмены, а другие – печенеги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарски⁴⁰³, свидетельствует, что они вышли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо так говорит Мефодий: к скончанию времен явятся те, кого загал Гедеон⁴⁰⁴, и пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии.

Бог же один знает их...

Битва при реке Калке. Мы слышали, что многие страны попленили татары: ясов, обезов, касогов; и половцев безбожных избили множествово.

А Котян, князь половецкий, с иными князьями и с остатком половцев прибежали к тому месту, что называется вал половецкий, а другие половцы многие убежали в Русскую землю. Этот Котян был тесть Мстиславу Мстиславичу Галицкому⁴⁰⁵. И пришел он с князьями половецкими в Галич с поклоном к князю Мстиславу, к зятю, и ко всем князьям русским. И дары принес многие – коней, и верблюдов, и буйволов, и невольниц; и одарил князей русских и сказал так:

– Нашу землю татары отняли сегодня, а вашу завтра возьмут. Приходите, обороните нас. Если не поможете нам, то мы нынче иссечены будем, а вы завтра.

И просил Котян зятя своего о помощи. Мстислав же начал просить князей русских, братьев своих, говоря:

– Если мы, братья, не поможем половцам, то они предадутся татарам, и тогда у них будет еще больше силы.

И долго думали князья и сотворили совет в городе в Киеве такой:

– Лучше нам встретить их на чужой земле, нежели на своей.

И начали князья собирать воинов каждый в своей волости. Тогда был Мстислав в Киеве, а Мстислав Козельский в Чернигове, а Мстислав Торопецкий в Галиче. То были старшие князья в Русской земле. Князя же великого Юрия Суздальского не было на совете том. А вот младшие князья: князь Даниил Романович, князь Михаил Всеволодович, князь Всеволод Мстиславич Киевский и многие другие князья.

⁴⁰³ Ему приписывалось известное в средние века сочинение «Откровения Мефодия Патарского», где повествовалось о событиях мировой истории от Адама до конца мира.

⁴⁰⁴ Израильский военачальник, победитель восточных кочевых народов.

⁴⁰⁵ Мстиславу «Удалому», сыну Мстислава «Храброго».

И, собрав всю землю Русскую против татар, пошли на них. И пришли к реке Днепру на Заруб к острову Варяжскому. Увидели татары, что идут князья русские против них, и прислали послов к князьям русским:

– Слышали мы, что идете вы против нас, послушав половцев. Но мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили, но пришли, посланные Богом, на холопов своих и на конюхов, на поганых половцев. Возьмите с нами мир, а нам с вами войны нет. Если бегут к вам половцы, то вы бейте их и добро их берите себе. Слышали мы, что и вам они много зла сотворили. Потому мы их и бьем отсюда.

Князья же русские того не послушали и послов татарских перебили, а сами пошли против татар. Не доходя до Олешья, стали они на Днепре. И прислали татары вторых послов со словами:

– Если вы послушали половцев, послов наших перебили и идете против нас, то идите, пусть рассудит нас Бог, а мы вас не трогаем.

Русские князья отпустили послов татарских. И пришла к Олешью вся земля половецкая и все их князья, а из Киева пришел князь Мстислав со всею силою, а из Галича другой Мстислав со всею силою, и Владимир Рюрикович с черниговцами, и все князья русские собрались там.

Тогда же князь Мстислав Галицкий перешел Днепр вброд с 1000 человек, ударил на сторожей татарских и победил их, а остаток их побежал, и не было им помощи.

Услышав это, князья русские пошли все за Днепр на множестве ладей – галичане и волынцы, каждые со своими князьями, куряне, и трубчане, и путивличи и со своими. И стали у Днепра, возле Хортицы на броду. И пришла весть в станы русские, что пришли татары осматривать русские ладьи. Услышав это, Даниил Романович и бывшие с ним сели на коня, и другие многие князья погнались увидеть рать татарскую. Был с ними и Юрий Домамерич, воевода.

Юрий сказал, что татары хорошие стрелки, другие же молвили, что они простые люди, хуже половцев. Юрий же Домамерич сказал:

– Ратники они хорошие.

Мстислав и другой Мстислав сказали:

– Нечего нам здесь стоять. Пойдем на них.

И перешли все люди и князья все реку Днепр, и пошли на конях в поле половецкое, и встретили татар. Полки русские и стрелки победили их и гнали далеко в поле, рубя их, и взяли скот их и стада их так, что всем воинам хватило. И оттуда шли 8 дней до реки Калки и там встретили сторожей татарских.

Русский князь Мстислав Мстиславич повелел Даниилу перейти реку Калку с полками и другим полкам с ним. А сам после них перешел и зашел за реку за Калку. И послал в сторожу Яруна с половецкими полками, а сам поспешно поехал за ним. Увидел он полки татарские и, приехав, велел скорее вооружаться. А князь Мстислав Киевский и другой Мстислав сидели в стане и ничего не знали. Мстислав же Мстиславич не сказал им из-за зависти, ибо была между ними вражда великая.

Даниил же выехал вперед и врезался в полки татарские. Был он ранен в грудь. Но

из-за молодости и храбрости не чувствовал раны в теле своем. Было ему 17 лет, и был он силен. Татары бежали, а Даниил избивал их со своим полком. И Олег Курский крепко бился. Тогда выступили Ярун и другие полки половецкие, желая биться. Но вскоре побежали половцы перед татарами и во время бегства потоптали станы князей русских, а князья не успели ополчиться против них. И пришли в смятение все полки русские. И была сеча лютая и злая из-за наших грехов.

Даниил же увидел, что предстоит более жестокий бой с татарами, и обратил коня своего вспять и бежал от устремления противников. И захотел воды испить и тут почувствовал рану на теле своем. Во время брани он не заметил ее из-за силы мужества своего и юного возраста своего, ибо был он дерзок и храбр. От головы до ног его не было в нем порока.

И были побеждены все князья русские, как никогда не бывало от начала Русской земли.

Сам же великий князь Мстислав Киевский, видя это зло, не двинулся с места. Стал он на горе над рекою Калкою. Было тут место каменистое. И здесь он устроил город из кольев. И бился с татарами из города 3 дня.

А другие татары погнались за русскими князьями и били их до Днепра. А у города остались два воеводы Чегирхан и Тешухан на князя Мстислава и на зятя его Андрея и Александра Дубравского – было там два князя со Мстиславом. Были тут с ним и бродники⁴⁰⁶ старые, и воевода их Плаския. Эти окаянные целовали крест князю Мстиславу и двум другим князьям, что не убьют их и отпустят за выкуп. И солгали окаянные, предали их, связали и отдали татарам. Татары взяли город и людей посекали, а князей задавили: положили их под доски, а сами на доски сели обедать. И так окончили князья жизнь свою.

А из других князей, бегущих к Днепру, 6 было убито, а из простых воинов только десятый дошел. И Александр Попович тут был убит, а с ним 70 храбрецов.

И тогда же князь Мстислав Мстиславич Галицкий прибежал к Днепру и велел ладьи сжечь, а другие рассечь и оттолкнуть от берега, боясь по себе погони от татар. А сам едва убежал в Галич. А молодые князья прибежали с малым числом людей. А князь Владимир Рюрикович прибежал в Киев и сел на столе.

Это зло сотворилось от татар месяца июня в 16 день, в лето 1223.

Дошли татары до Новгорода Святопольческого. Люди, не знавшие коварства татар, выходили им навстречу с крестами. Они же убивали всех.

Бог, ожидая покаяния христиан, обратил татар вспять на землю Таноготскую и иные страны. Тогда же и Чингизхан их был убит. Это за грехи наши Бог вложил недоумение в нас, и погибло без числа много людей. И был вопль, и воздыхание, и печаль по всем городам и волостям. Об этих же злых татарах не знаем, откуда они пришли на нас и куда опять делись, только Бог весть... ».

⁴⁰⁶ Бродники – население побережья Азовского моря и нижнего Дона в XII–XIII вв., возможно, славянское. Участвовали в междоусобицах русских князей, русско-половецких и русско-татарских сражениях.

«КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЧЕРНЫХ ТАТАРАХ» ПЭН ДА-Я И СЮЙ ТИНА

«Краткие сведения о черных татарах» («Хэй да ши люе») представляют собой записки южносунских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина. Авторы записок не были крупными чиновниками – их биографии не включены в «Сун ши» («История династии Сун»). В своей заметке в конце сочинения Сюй Тин именует своего коллегу «чиновником по составлению официальных бумаг» при китайской миссии, отправленной ко двору монгольского хана. Впоследствии Пэн Да-я был назначен помощником императорского уполномоченного, командующего пограничными войсками Сычуани и в течение многих лет был комендантом обороны Чунцина от татаро-монгольских завоевателей.

Авторы в своих записках почти не указывают времени пребывания в тех или иных пунктах в период своих путешествий по Китаю и Монголии и даже не сообщают, в состав каких миссий они входили. Но на основании упоминаемых ими датированных фактов известный китайский ученый Ван Го-вэй (1877–1927) установил, что Пэн Да-я и Сюй Тин входили в состав миссий, возглавляемых Цзоу Шэнь-чжи. Пэн Да-я состоял в первой миссии Цзоу Шэнь-чжи, которая, как сообщается в «Сун ши», выехала из Южного Китая в январе–феврале 1233 г. и в том же году прибыла в татаро-монгольские степи. Эта миссия была отправлена к монгольскому двору командующим пограничными войсками района Цзянхуай, чтобы, как говорится в источнике, «выразить признательность» в ответ на приезд в Южный Китай монгольского посла с предложением совместных военных действий против чжурчженей, занимавших в то время Хэнань. Вторая миссия Цзоу Шэнь-чжи, в составе которой находился Сюй Тин, была отправлена императорским двором 17 января 1235 г. также в ответ на приезд монгольского посла с целью «выразить признательность» (о конкретных задачах миссии в «Сун ши» не упоминается). Эта миссия прибыла к монгольскому двору только в середине лета 1236 г. 8 августа 1236 г. миссия находилась уже в Северном Китае на обратном пути в Южный Китай. Таким образом, Пэн Да-я совершил свое путешествие к «татарам» в 1233 г., Сюй Тин – в 1235–1236 гг.

«Краткие сведения о черных татарах» состоят из заметок Пэн Да-я и дополнений к ним Сюй Тина. Дополнения Сюй Тина следуют в тексте непосредственно за сообщениями Пэн Да-я.

«Краткие сведения» высоко оцениваются китайскими и европейскими учеными как источник по истории монголо-татар. Ван Го-вэй сравнивает их с «Записками о личных походах священно-воинственного императора Чингиса» и даже с «Сокровенным сказанием». Как к ценному источнику к «Кратким сведениям» неоднократно обращались такие именитые ученые, как П. Пельо, Ф. В. Кливз, Х. Ф. Шурманн, Н. Ц. Мункуев и др. Действительно, Пэн Да-я и Сюй Тин, совершившие продолжительное путешествие в глубь Великой Степи и общавшиеся с ее жителями в течение относительно долгого времени, в своих записках отразили много такого, что осталось вне поля зрения их предшественников. Если «Полное описание монголо-татар»

южносунского посла Чжао Хуна рассказывает о путешествии к татаро-монголам в 1221 г. в Яньцзин (совр. Пекин), и при этом о многом сообщается из вторых рук, то «Краткие сведения» основаны на непосредственных наблюдениях авторов о жизни татаро-монгольского общества XIII в. в самой степи. По богатству сообщаемых ими данных «Краткие сведения о черных татарах» намного превосходят такие источники, как «Записки о путешествии на запад» Чан-чуня (речь идет о записках даоского монаха, совершившего путешествие к Чингис-хану в Среднюю Азию и обратно в 1220–1224 гг.; см., например: Палладий (П.Кафаров). Си-ю цзи или Описание путешествия на запад//Труды духовной миссии в Пекине.– Т.IV.– СПб., 1886.– С.259–436), представляющие собой прежде всего описание путешествия. По разнообразию и достоверности сообщаемой информации «Краткие сведения» можно сравнить с записками Плано Карпини, Гильома (Вильгельма) Рубрука и Марко Поло. Но если записки европейских путешественников переведены на многие языки и очень широко известны, то этого не скажешь о записках Пэн Да-я и Сюй Тина.

Предлагаем текст этого оригинального средневекового документа, взятый из издания: «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина/Публикация Линь Кюн-и и Н.Ц.Мункуева, вступит. статья и комментарий Н.Ц.Мункуева//Проблемы востоковедения.– 1960.– № 5.– С.133–158.

«Хэй да ши люе

Государство черных татар (т.е. северного шаньюя)⁴⁰⁷ называется Великой Монголией⁴⁰⁸. В пустыне имеется гора Мэнгушань, а в татарском языке серебро называется мэngu. Чжурчжэни называли свое государство «Великой золотой династией», а потому и татары называют свое государство «Великой серебряной династией».

Тот их правитель, который первым узурпировал титул императора, звался детским именем Тэмочжэнь, а по узурпированному им титулу императором Чэнцзисы⁴⁰⁹. Нынешний их правитель зовется детским именем Укудай⁴¹⁰. Вместе с ним узурпировали титулы всего 8 человек.

Его сыновей зовут Кодуань, Кочу, Хэсидай (поставлен незаконным наследником престола, изучает китайский язык, и его учителем является секретарь Ма) и Хэлачжи⁴¹¹.

У него четыре министра: Аньчжидай (по национальности черны татарин, умен

⁴⁰⁷ Пэн Да-я по традиции использует термин «северный шаньюй», обозначающий племенного вождя северных хуннов после разделения хуннов – предков гунов – на северных и южных.

⁴⁰⁸ Буквально – «да Мэнгу».

⁴⁰⁹ Т.е. Чингис-хан.

⁴¹⁰ Угэдэй.

⁴¹¹ Речь идет о сыновьях Угэдэя Кодоне, Кучу, Хаши и Харачаре; после смерти Угэдэя великим ханом стал его старший сын Гуюк, не упомянутый в тексте, а не Хаши; перед титулами татаро-монгольской знати авторы источника ставят определения «незаконный», «фальшивый», т.к. для представителей национальной китайской династии южных Сунов всякий другой император на территории географического Китая не может являться законным – этим же объясняются и слова об «узурпации» Чингис-ханом титула «император».

и решителен), Ила Чу-цай (по прозвищу Цзинь-цин, киданец; иные называют его Чжун-шу ши-лан) и Няньхэ Чун-Шань (чжурчжэнь, некоторые называют его цзян-цзюнь), которые совместно ведают делами, относящимися к китайцам, а также Чжэньхай (мусульманин), который специально ведаёт делами, относящимися к мусульманским странам.

Когда я, Сюй Тин, прибыл в степи, Аньчжидай уже не являлся министром. К этому времени Няньхэ Чун-Шань уехал с незаконным царевичем Цюйчжу⁴¹² для вторжения на юг⁴¹³. Когда в следующем году Цюйчжу умер, Аньчжидай заменил его на посту командующего экспедиционными войсками, а Няньхэ Чун-шань помогал ему, как и раньше царевичу. Ила Чу-цай и Чжэньхай, которые сами называют себя титулами чжун-шу сян гун, вместе управляют государственными делами; Чжэньхай управляет не только мусульманами. У татар нет названия сян и называют вышеуказанных лиц только бичэчэ, а бичэчэ на китайском языке означает линши⁴¹⁴. Им приказано ведасть только официальными бумагами.

Местность у них за Цзюйюн (в 100 с лишним ли к северо-западу от Янь)⁴¹⁵ постепенно становится возвышеннее и шире, а за Шацзин (в 80 ли от уездного города Тяньшаньсянь) кругом ровная и просторная, пустынная и бескрайняя.

Здесь изредка встречаются дальние горы – на первый взгляд как будто высокие и крутые, но когда подъезжаешь к ним ближе, они оказываются только покатыми холмами. Эта местность вообще покрыта сплошь песком и камешками.

Песок и камешки, которые я, Сюй Тин, видел, также не были крупны: лишь мелкий песок и маленькие камешки.

У них климат холодный. Здесь не различаются четыре времени и восемь сезонов года (например, в сезон «Пробуждения насекомых» не было гроз). В четвертую луну часто идет снег. Погода в зависимости от времен года меняется мало. За последнее время к северу от заставы Цзюйюнгвань, например, в Гуаньшань, Цзиньяньчуань и других местах падает снег даже и в шестую луну.

Когда я, Сюй Тин, ночевал под горой Ехулин на обратном пути из степей, был как раз пятый день седьмой луны⁴¹⁶, и когда я встал утром, было крайне холодно, так что замерзли руки и ноги.

Дикие травы, которые у них растут, начинают зеленеть в четвертую луну и в шестую луну начинают расцветать, а в восьмую луну высыхают. Там ничего не растёт, кроме травы.

Их домашние животные: коровы, лошади, собаки, овцы и верблюды. У овец северных племен шерсть пышная и веерообразный курдюк. Китайские овцы называются у них «гулюй». У них есть верблюды двугорбые, одногорбые и совсем без горба.

Как я, Сюй Тин, видел, в степях коровы все только желтые, ростом с южнокитай-

⁴¹² Кучу.

⁴¹³ Речь идет о походе Кучу к границам южных Сунов в 1235 г.

⁴¹⁴ Т.е. писарь.

⁴¹⁵ Янь – совр. Пекин.

⁴¹⁶ 8 августа 1236 г.

ского буйвола и самые выносливые. Т.к. татары не пашут, то быки используются только в упряжку. У большинства быков не продето кольцо через нос.

Черные татары живут в куполообразных хижинах. У них не строятся города со стенами и каменные здания. Они кочуют с места на место в зависимости от наличия воды и травы для скота без постоянных маршрутов.

Татарский правитель перевозит свои шатры вслед за ними и занимается охотой, устраивая загоны. Когда вслед за ним отправляются все незаконные чиновники, то это называется «поднять лагерь». Их повозки тащат быки, лошади и верблюды. На повозках устраиваются комнаты, в которых можно сидеть и лежать. Их называют «повозками-шатрами». В повозке по четырем углам втыкаются либо палки, либо же доски и соединяются накрест сверху. Этим выражается почтение к Небу. Это называется знаком моления о пище.

При перекочевках повозки передвигаются по пять в одном ряду. При сборах для перекочевки они, как вереницы муравьев, как нити при плетении веревки, тянутся к одному месту справа и слева на протяжении 15 ли. Когда колонна из съехавшихся повозок выпрямляется и половина их достигает воды, то колонна останавливается. Это называется «установкой лагеря».

Шатер правителя располагается один впереди всех, входом к югу, за ним – шатры его жен и наложниц, а за ними – шатры незаконных членов свиты и телохранителей, а также незаконных чиновников.

Вообще место расположения охотничьего шатра татарского правителя всегда называется «волино»⁴¹⁷.

Что касается его золотого шатра (стойки внутри сделаны из золота; поэтому шатер называется золотым), то когда вместе с ним ставятся шатры всех незаконных императриц вместе со стойбищем других подданных, только это называется «большой ордой».

У них для стоянок выбирается местность, изрезанная большими и малыми холмами, для того чтобы возвышенности уменьшали силу ветра.

Перекочевки у них происходят подобно выбору стоянок во время перемещения императорского поезда у китайцев при путешествиях императора: также не существует определенных мест остановок, и переселение производится то через месяц, то через квартал.

Когда я, Сюй Гин, прибыл в степи, черные татары поставили золотой шатер. Я думаю, что они поставили его, чтобы показать свое величие, потому что прибыл к ним посланец, лично посланный императором нашей династии. Когда перед нами прибыл к ним Цзоу с миссией⁴¹⁸, золотой шатер не ставился, а когда после нас посланец Чэн⁴¹⁹ и вслед за ним Чжоу⁴²⁰ прибыли к ним с миссиями, также никогда не ставился золотой шатер.

⁴¹⁷ Китайская транскрипция монгольского *ogdu* или *ogdo*, термина, заимствованного монголами из древнетюркского языка.

⁴¹⁸ Имеется в виду миссия 1233 г., в состав которой входил Пэн Да-я.

⁴¹⁹ Чэн Фу был послан к татаро-монголам 16 февраля 1235 г. для «налаживания дружбы».

⁴²⁰ Чжоу Цы-шо был направлен к татаро-монголам в 1238 г.

Его сделали из больших кусков войлока, которые катают в степях. Этот шатер покрыт войлоком сверху донизу. Посередине купола сверху в связанных ивовых прутьях, на которых держится войлок, оставлено отверстие для света.

Войлок на каркасе из ивы затягивается более чем тысячью веревок. У шатра только одна дверь. Порог и стойки все облицованы золотом, поэтому-то шатер и называется золотым. Внутри этого шатра вмещается несколько сот человек. Кресло, в котором восседает татарский правитель в этом шатре, — как сиденье проповедника в буддийском монастыре и также украшено золотом. Жены императора восседают в порядке, в зависимости от степеней, ровно, как у барьера.

Однако у татар куполообразные хижины бывают двух видов. В тех, которые изготавливаются в Яньцзине, каркас, сделанный из ивовых прутьев, совершенно похож на дно бамбукового сита, которое делается из плетеного бамбука на юге Китая и сворачивается и разворачивается. Дверь выходит вперед. Верх изнутри похож на каркас зонта. На самой верхушке каркаса посередине проделывается отверстие, которое называется верхним окном⁴²¹. Весь каркас снаружи покрывается войлоком. Такой шатер можно перевозить на лошадях вьюком.

В тех шатрах, которые изготавливаются в степях, круглые стены сплетаются из ивовых прутьев и закрепляются волосяными веревками. Они не сворачиваются и не разворачиваются, а перевозятся на повозках.

Когда вода и травы иссякают в данном кочевье, то черные татары перекочевывают в другое место. Определенных дней перекочевков, которые были бы установлены с самого начала, не существует.

Они питаются мясом, а не хлебом. Они добывают на охоте зайцев, оленей, кабанов, сурков, диких баранов (из костей их позвоночника можно делать ложки), дзеренов (спины у них желтые, а хвост величиной с веер), диких лошадей (по виду они похожи на ослов) и рыбу из рек (ее можно ловить после наступления морозов). Татары больше всего разводят овец и употребляют их мясо в пищу. За ними следует крупный рогатый скот.

Татары не забивают лошадей, если не устраивается большой пир. Мясо они жарят на огне в девяти случаях из десяти, а в двух-трех случаях из десяти варят его в чане о трех ногах.

Когда садятся за еду, режут мясо на куски и сперва отвеживают его сами, а затем дают есть другим.

Я, Сюй Тин, прожив в степях более месяца, никогда не видел, чтобы татары резали крупный рогатый скот на мясо.

Они пьют кобылье молоко и простоквашу из овечьего и коровьего молока. Например, человек А, первый наливший кобылье молоко, непременно пьет его сам, и только после этого дает пить лицу Б из этой же чашки. Б, прежде чем пить, подает чашку А. В это время В и Г чмокают губами. Это называется «вкушанием». Лицо А, в свою очередь, не пьет и тотчас же передает чашку В, чтобы тот выпил. В выпивает и,

⁴²¹ Буквально «небесным окном».

зачерпнув кобылье молоко, угощает им лицо Б. Б снова отказывается пить и дает пить лицу Г. Г совершает такой же обряд, как и В, и только теперь лицо Б выпивает и, зачерпнув молоко, угощает им А. А снова в таком же порядке наливает им кобылье молоко и дает пить лицам В и Г. Это называется «обменом кубками». Первоначально это делалось для того, чтобы предостеречься от отравления, но в дальнейшем превратилось в постоянный обычай.

Из приправ у них только одна соль.

Когда я, Суй Тин, выехав из Цзюйюнгуня и проехав еще тысячу с лишним ли за Ехулин, прибыл в степи к озеру под названием Цзелипо, то оказалось, что вода в нем к вечеру сгущается и ночью образуется соль. Сюда приезжают купцы с крупами и обменивают их на соль. Сбыт солей достигает нескольких тысяч даней в год. Проехав еще дальше в глубь степей, я увидел, что соль, которую употребляют в пищу черные татары, называется «доу-янь». Она по цвету, как снег, а по виду и размеру кристаллов, как зуб, и снизу кристалла ровная, как дно меры сыпучих тел доу. Поэтому-то она и называется «доу-янь». Ибо это самая отборная соль.

Еще более к северу земли у них в большинстве случаев солончаковые. Здесь травы подходят для лошадей.

Они готовят пищу на травяном угле (коровий и конский помет).

В их светильниках травяной уголь используется как фитиль, а бараний жир – как масло.

Их обычай – стрельба из лука и охота. Когда их правитель устраивает облавную охоту, всегда непременно собираются большие массы людей. Они выкапывают ямы и втыкают в них колья. Последние соединяются между собой волосяными веревками, а к веревкам привязываются лоскутки войлока и птичье перья. Это как при ловле зайцев при помощи сети у китайцев.

Веревки тянутся кругом до 100–200 ли. Т.к. на ветру колышутся перья и лоскутки войлока, то перепуганные звери не осмеливаются перебежать. После этого люди окружают огороженный участок, постепенно прижимая зверей к середине круга, ловят и бьют их.

Я, Суй Тин, в пути видел, что татары считают для себя довольно большой тяжестью добычу волосяных веревок и войлока. У большинства станционных лошадей, на которых я, Суй Тин, ехал, были срезаны гривы. Когда я спрашивал татар о причине этого, то они отвечали, что они сделали из них веревки и сдали их в волимо для использования на охоте.

Облавные охоты у черных татар начинаются с девятой луны и прекращаются во вторую луну⁴²². Т.к. во время охоты люди все время едят мясо, добытое ими на охоте, то в это время мало режут овец.

Что касается их головных уборов, то они распускают волосы и завязывают их в узлы. Зимой они носят шапки, а летом – шляпы из бамбуковой щепы. Женщины носят на голове гу-гу.

⁴²² Сентябрь-октябрь – февраль-март.

Я, Сюй Тин, видел, что у них при изготовлении гу-гу каркас делается из раскрашенного дерева и обертывается красным шелком или золоченой шелковой материей, а к самой макушке прикрепляется ветка ивы или сделанная из железа длиной 4–5 ч⁴²³ и обертывается темно-синим войлоком, причем у людей из верхов общества она украшается цветами из зеленых перьев зимородка или кусками разноцветных шелковых тканей из нашего государства, а у людей из низов общества – фазаными перьями. Красивые женщины мажут лицо волчьим пометом.

У их верхнего платья пола запаховается направо, а борт квадратный. Раньше оно шилось из грубого сукна и кожи, а теперь из полотна, шелковых тканей и вышитого золотом шелка. Цвет выбирается красный, фиолетовый, пурпуровый и зеленый. Рисунки на тканях – изображения Солнца, Луны, дракона и феникса. И это без различий между благородными и подлыми.

Я, Сюй Тин, в свое время также изучал верхнее платье черных татар. Оно шито точно как по образцу древнего шэнь-и⁴²⁴. Один только борт, как у верхнего платья даоского монаха в нашем государстве. Борт назван квадратным, потому что он по виду как четырехугольник. Что касается воротничка, то китайцы на своих халатах делают такой же. Татарский правитель, а также чжун-шу лин и другие люди из высшего круга не носят таких халатов. На указанном платье по поясу сделано бесчисленное множество мелких складок. Например, на шэнь-и было только 12 полос, а у татар больше складок. Кроме того, татары скручивают полоску красного или фиолетового шелка и перевязывают платье поперек по талии. Эту полоску шелка называют поясом. Вероятно, они хотят, чтобы у них при езде верхом пояс был туго обтянут, ярко выделялся и выглядел красиво.

Что касается их языка, то они пользуются только устным языком и не имеют письменности. Слова в большинстве случаев по происхождению заимствованы из других языков и только обозначены своими звуками. Когда толкуют их для понимания другими лицами, то это называется переводом.

Что касается их имен, то у них существуют только детские имена, но нет фамилий и прозвищ, как у китайцев. Когда в душе возникает подозрение, что имя не предвещает благополучия, то меняют его.

Я, Сюй Тин, также видел, что у них от высших и до низших всех зовут только детскими именами, т.е. никогда у них не было фамилий. У них также не существует названий должностей. Например, если человек ведает документами, то он называется бичэчэ; если человек управляет народом, то он называется далухуачи⁴²⁵, а если человек состоит в императорской охране, то он называется холучи. Что касается министров, т.е. Елюй Чу-цая и других, то они только сами называли себя чжуншу сянгун, а что касается Ван Цзи, то он назвал себя инь цин гуан лу дайфу, юйши дайфу, сюаньфу ши и жуго ши. Эти должность и титулы первоначально не были пожалованы им татарским правителем.

⁴²³ Примерно 1,5 метра.

⁴²⁴ Древнекитайский широкий парадный халат с широкими складками-полосами.

⁴²⁵ Даругачи – в общем значении «начальник», дословно «подавляющий неповиновение»; отсюда совр. татарское «дару» – лекарство, т.е. то, что подавляет болезнь.

Что касается их обрядов, то они обнимают друг друга вместо приветствия соединением рук со сжатыми кулаками и опускаются на левое колено вместо того, чтобы опускаться на оба колена, как у китайцев.

Я, Сюй Тин, видел, что они обнимают друг друга в знак приветствия, как будто обхватывают один другого.

Что касается различия между местами у них по почетности, то самым почетным считается центр, за ним идет правая сторона, а левая сторона считается еще ниже.

Что касается их календаря, то они раньше пользовались знаками 12-летнего цикла (например, год цзы назывался годом мыши, и т.д.), а ныне пользуются чередованием шести цзя⁴²⁶ (например, говорят: 1-й или 30-й день 1-й луны года цзя-цзы). Все-му этому научили их китайцы, кидани и чжурчжэни. Что касается коренного обычая татар, то они не понимали, что такое календарь. У них существовал только обычай: когда зеленела трава, то считалось, что прошел целый год, а когда впервые появлялся новый месяц, то считалось, что прошел месяц. Когда люди спрашивают их, сколько им лет, то татары подсчитывают на пальцах, сколько раз зеленела трава за всю их жизнь.

Я, Сюй Тин в городе Сюаньдэчжоу провинции Яньцзин видел, что у них имеются календари, уже отпечатанные и сброшюрованные в книги. Когда я спросил о них, то оказалось, что Ила Чу-дай сам высчитал, сам отпечатал и сам же обнародовал этот календарь. О нем татарский правитель даже не знал. Елюй Чу-дай силен в астрономии, стихосложении, игре на цине и в учении буддизма – у него много способностей. У него борода очень черная и отвисает до колен. Обычно он свивает ее в узел. Он – личность весьма представительная.

Когда они выбирают день для совершения какого-либо дела, то прежде всего смотрят, полна или ущербна луна, для того чтобы совершить или прекратить данное дело (они избегают совершения дела как до достижения молодым месяцем первой четверти, так и после появления полумесяца в последней четверти). Видя новую луну, они непременно кланяются.

Что касается их дел, то они записывают их при помощи деревянной палочки. Письменность их похожа на вспугнутого змея и скрючившегося земляного червя; похожа на почерк фу-чжуань в «Небесной книге»⁴²⁷, похожа на знаки у **五**, фань **凡**, гун **工** и чи **尸** из музыкальных нот. Уйгурские буквы, вероятно, являются братьями монгольской письменности.

Я, Сюй Тин, исследовал монгольскую письменность. У татар первоначально не было письменности. Однако ныне они пользуются письменностью трех видов.

Что касается тех документов, которые имеют распространение в собственном государстве татар, то они пользуются только маленькими дощечками длиной 3–4 цунь⁴²⁸. Они надрезают их по четырем углам. Например, если посылается куда-либо

⁴²⁶ Речь идет о 60-летнем цикле.

⁴²⁷ Священная даосская книга.

⁴²⁸ Цунь в то время равнялся 0,031 метра.

десять лошадей, то делается десять нарезок. В общем, вырезается только число их. Их обычаи просты, а мысли сосредоточены. Поэтому-то в их словах не бывает ошибок. По их закону тот, кто солгал, наказывается смертью. Поэтому-то никто не осмеливается обманывать. Хотя у них нет письменности, но они смогли сами основать государство.

Указанные маленькие дощечки есть не что иное, как бирки древних китайцев⁴²⁹. Что касается тех документов, которые имеют распространение среди мусульман, то они пользуются уйгурскими буквами. Ведает ими Чжэньхай. Уйгурская письменность насчитывает только 21 букву. Что касается остальных знаков, то они лишь добавляются с боков для того, чтобы составились слова.

Что касается документов, имеющих распространение в погибших государствах – среди северных китайцев, киданей и чжурчжэней, – то применяется только китайская письменность. Ведает ими Ила Чу-цай. Однако еще в конце документа перед датой Чжэньхай собственноручно пишет уйгурские буквы, которые гласят: «Передать тому-то и тому-то». Это, вероятно, является специальной мерой предосторожности против Чу-цай и поэтому непременно производится засвидетельствование документа при помощи уйгурских букв. Если этого нет, то он не является документом⁴³⁰. То, что хотят, чтобы он проходил через руки Чжэньхай, также является, вероятно, противодействием.

В яньцзинских городских школах в большинстве случаев преподают уйгурскую письменность, а также перевод с языка татар. Как только ученик выучивается переводить с этого языка, он становится переводчиком. Затем он вместе с татарами ходит кругом по дворам, запугивает людей, требует и получает са-хуа⁴³¹, требует и получает продукты питания для еды.

Кидане и чжурчжэни первоначально имели свою письменность, но теперь ни те, ни другие ею не пользуются.

Что касается их печати, то она называется «императорской печатью для обнаружения указов». Текст на ней похож на повторяющиеся иероглифы чжуань, и она квадратная. Ширина квадрата составляет три с лишним цуня. Ведает ею Чжэньхай. Он не запирает ее, как он должен был бы делать в целях предосторожности.

Все дела – малые и большие – решаются обязательно самим незаконным вождем. У татар Елюй Чу-цай, Няньхэ Чун-шань и Чжэньхай вместе держат в руках кормило управления.

В делах управления всеми краями государства право полностью распоряжаться жизнью и имуществом населения при отсутствии изданных указов татарского правителя переходит уже в руки того, кто распоряжается ханской печатью.

Я, Сюй Тин, исследовал это. Только когда дело воспроизводится в документе, то Елюй Чу-цай и Чжэньхай могут проводить в нем личные идеи. Ибо татарский правитель не знает грамоты. Что касается таких важных дел, как походы, война и другие,

⁴²⁹ Речь идет о китайской верительной бирке.

⁴³⁰ Т.е. не имеет законной силы.

⁴³¹ Подарок.

то они решаются только самим татарским правителем. Однако он еще обдумывает их вместе со своей родней. Китайцы и другие люди не участвуют в этих обсуждениях. Татарский правитель обычно называет татар «своей костью».

В делах тяжбы, даже при самой тесной дружбе с тем, кто решает дело, нужно дать ему са-хуа. В противном случае человек дойдет даже вплоть до самого татарского правителя, но в конечном счете не дадут ему положительного решения и он уйдет ни с чем.

Что касается их гадания, то они обжигают баранью лопатку и определяют счастье или несчастье, смотря по тому, проходят ли трещины на ней по направлению туда или обратно. Этим гаданием решается все – откажет небо в желаемом или даст его. Татары сильно верят в это гадание. Оно называется «обжиганием пи-па». Не существует никаких грубых или тонких дел, о которых не производилось бы гадание. Гадание по какому-либо случаю непременно повторяется неоднократно.

Когда я, Сюй Тин, вместе со всей партией прибыл в степи с миссией, то татарский правитель несколько раз обжигал пи-па⁴³², чтобы погадать, отправлять ему обратно или задержать нашу миссию⁴³³. Надо полагать, что показания пи-па говорили о том, что следует возвратиться нас домой, и поэтому он должен был отправить нас на родину. «Обжигание пи-па» – не что иное, как «сверление черепаховых щитков» у китайцев⁴³⁴.

В повседневных разговорах они непременно говорят: «Силой Вечного неба и покровительством счастья императора!». Когда они хотят сделать какое-либо дело, то говорят: «Небо учит так!». Когда же они уже сделали какое-либо дело, то говорят: «Это знает небо!». У них не бывает ни одного дела, которое не приписывалось бы небу. Так поступают все без исключения, начиная с татарского правителя и кончая его народом.

Сбор налогов у них называется чай-фа. Они пьют кобылье молоко и едят баранину. Во всех случаях они взимают кумыс и овец в зависимости от количества домашнего скота у народа. Это похоже на практику шан-гун китайской налоговой системы.

Что касается системы учреждения почтовых станций на дорогах, то разрешается местным вождям и начальникам самим определять длительность обслуживания станций⁴³⁵.

В последнее время с китайского населения, независимо от того, мужчины это или женщины, за исключением ремесленников и мастеров, взимается в год: в городах с каждой совершеннолетней 25 лян шелковой пряжи и с быка или овцы 50 лян шелковой пряжи (это составляет сумму, на которую местное население уже заняло

⁴³² По сообщению «Юань ши», Чингис-хан сам гадал на бараньей лопатке перед каждым походом, не доверяя это дело шаманам и астрологам.

⁴³³ Это объясняется тем, что хотя между татаро-монголами и южными Сунами поддерживались дипломатические связи, отношения между обеими сторонами были в достаточной степени напряженными; поэтому послы не раз задерживались при дворах обеих сторон.

⁴³⁴ Речь идет о древнекитайском способе гадания на обожженных черепаховых щитках.

⁴³⁵ «Почтовая станция» по тюрко-монгольски «ям».

серебро у мусульман на покупку продовольствия для проезжающих послов монгольского хана); с сельских земледельцев 100 лян шелковой пряжи с каждого; что касается очищенного риса, то, независимо от размеров посевов и урожая, взимается 4 даня⁴³⁶ с каждого двора в год.

Партии по перевозке серебра в год отвозят ко двору монгольского хана 20 000 слитков серебра из всех провинций Северного Китая вместе взятых.

Не поддается описанию, какие у них существуют разнообразные пути для обложения населения дополнительными поборами!

В этих пустынных землях, через которые я, Сюй Тин, проезжал, все, начиная с самого татарского правителя, незаконных императриц, царевичей, царевен, их родственников и ниже, имеют свои владения. Все их люди, живущие в этих владениях, отдают им как чай-фа быков, лошадей, повозки, оружие, работников, баранину и кобылье молоко. Ибо в степях, которыми управляют татары, поделившие их на уделы, все отдают чай-фа каждый своему владельцу. Среди благородных и подлых не бывает ни одного человека, который мог бы быть освобожден от уплаты податей.

Кроме того у татар существует еще один вид обложения: все отдают чай-фа на нужды местных почтовых станций в каждом владении. Это также одинаково обязательно для высших и низших. Это чай-фа в степях.

Что касается чай-фа в китайских землях, то помимо того, что там с каждого совершеннолетнего во всех семьях взимается шелковая пряжа и шелковая вата в пересчете на серебро, при расходах на продовольствие и снаряжение каждый раз для проезжающих послов и перебрасываемых войск, а также при всех других казенных расходах, еще через определенное время подсчитывают их общие суммы и раскладывают их на население. Во всех погибших государствах люди очень страдают от этого и их проклятья доходят до неба, но они в конечном счете ничего не могут сделать.

Татарский правитель часто присылает из степей своих чиновников в китайские земли для определения общей суммы чай-фа⁴³⁷. Я, Сюй Тин, будучи в Яньцзине, видел, что татарский правитель прислал туда чэнсяна Ху⁴³⁸, и вымогательство богатств приняло еще более страшные размеры. Даже самые низшие из слоев населения – гильдии учителей и нищих – и те отдавали татарам серебро в качестве чай-фа. По этому случаю среди учителей Яньцзина распространилось следующее стихотворение: «От гильдии учителей требуют вносить серебро! Но у нас мало учеников и мы слишком бедны! У имеющего роскошный дом Лу обстановка слишком хороша для нас, а у Фаня, имеющего гуманного сына, нет ни кола, ни двора! Только дом Ли может позволить себе содержать ученого, объясняющего добродетели, а семья Чжана – принять к себе учителя танцев! Пожалуемся вместе министру Ху! Когда он

⁴³⁶ Один дань в то время равнялся примерно 100 литрам.

⁴³⁷ Вероятно, речь идет о переписи населения.

⁴³⁸ Чэнсян – «министр». Ху здесь, по мнению Ван Го-вэя, приемный брат Чингис-хана Шиги-Хутуху, который в 1234 г. был отправлен в Северный Китай для проведения переписи населения.

освободит нас от уплаты налогов, устранятся причины для казней за неуплату налогов». По этим стихам видна их система обложения податями.

У них торгуют овцами, лошадьми, золотом, серебром и шелками.

Что касается их торговли, то все, начиная от татарского правителя и вплоть до незаконных князей, незаконных царевичей, незаконных царевен и т.д., передают свое серебро мусульманам. Последние либо отдают это серебро в рост народу и наращивают проценты с него – при этом процент с капитала в один дин через 10 лет составляет 1024 дин, – либо покупают на это серебро различные товары и перепродают их в других местах, либо же принуждают народ возместить им данную сумму на том основании, что эта сумма у них якобы украдена в ночное время.

Я, Сюй Тин, видел, что татары только и делают, что берут са-хуа и никто не понимает в торговле. Все, начиная с татарского правителя и ниже, только передают серебро мусульманам и заставляют их самих отправляться для торговли, с тем чтобы они уплатили проценты сверх взятой ими суммы татарскому правителю или другому лицу из знати. Мусульмане либо передают полученное ими серебро в рост другим лицам, либо сами торгуют в различных районах, либо же ложно заявляют, что они якобы ограблены, и заставляют население уездов и округов возместить данную сумму.

В общем татары хотят покупать лишь холст, шелк, железо, котлы-треножки и цветное дерево только для нужд, чтобы одеваться и питаться.

Когда китайцы, мусульмане и другие прибывают в степи с товарами, обменивают своих овец и лошадей на их товары.

Обычаи татар поистине таковы, что они не подымут на дороге утерянных чужих вещей. Однако неизбежно случаются грабежи. Но только совершают их люди из погибших государств. Кроме того, мусульмане кладут вещи где-либо в безлюдном месте, но наблюдают за ними издалека и, как только кто-либо дотронется до них, прибегают, чтобы сваливать на него ответственность за похищение вещей! Коварство у мусульман самое страшное! К тому же в большинстве случаев они ловки и понимают языки многих стран! Просто диво!».

ИЗВЕСТИЯ ЮЛИАНА О ВЕНГРАХ, БУЛГАРАХ И ТАТАРАХ

О первом нашествии монголо-татар на кипчаков, болгар и русов в Центральной Европе узнали очень скоро. Древнейшая Хроника Ливонии, написанная в Риге в 1226 – 1227 гг., и некоторые другие источники кратко, но вполне определенно говорят об этом. Нет никакого сомнения, что и в дипломатических и в торговых сношениях, в письмах и личных сообщениях эта грозная новость уже в течение нескольких месяцев долетела до Центральной Европы и стала общим достоянием.

Однако более или менее подробные сведения о монголо-татарах и их завоеваниях появились в Европе значительно позже в результате нескольких специальных путешествий, предпринятых европейцами в Восточную Европу и Азию в 30-х, 40-х,

50-х гг. XIII в. Наиболее известны из них по оставшимся подробным описаниям путешествия Плано Карпини и Рубрука, но первыми были не они⁴³⁹.

В 1937 г. в Будапеште была издана книга Л. Бендефи, в которой он опубликовал 2 венгерских памятника XIII в., повествующих о путешествии в Восточную Европу доминиканского миссионера брата Юлиана⁴⁴⁰. Один из этих документов представляет собою запись рассказа Юлиана о первом его путешествии, сделанную позднее братом Рихардом, другой – письмо Юлиана о втором путешествии. Исследованию этих источников и истории путешествий Юлиана была посвящена большая работа упомянутого венгерского ученого Л. Бендефи, изданная в Будапеште в 1936 г.⁴⁴¹

Из записи брата Рихарда видно, что еще до Юлиана, может быть, в 1231–32 гг., венгерские доминиканцы, зная из хроник, что где-то на востоке есть их единоплеменники-язычники⁴⁴², отправили 4 миссионеров их искать. Трое из них погибло в течение трехлетних странствований, но четвертый – брат Отто – вернулся, кое-что разведав. Он побывал, по-видимому, где-то в степях близ Волги, получил некоторые сведения о «восточных венграх» и, хотя уже на девятый день по возвращении домой умер, перед смертью успел рассказать о пути в «Великую Венгрию».

По его следам и отправилась новая миссия из 4-х человек, включающая и Юлиана. Время этого путешествия можно определить вполне точно, сопоставив разные хронологические указания в описании первого и второго путешествий. В самом заглавии рихардовой записи «открытие» «Великой Венгрии» отнесено ко времени «господина папы Григория IX», т.е. к 1227–1241 гг. Затем, в тексте о Беле IV, венгерском короле, сказано: «с охранной грамотой и на средства Бель, ныне короля Венгрии», из чего можно заключить, что путешествие началось до вступления Бель на престол, т.е. до сентября 1235 г.

При второй поездке Юлиан нашел город Булгар разоренным монголо-татарами (осень 1237 г.), но Суздаль еще не тронутым (разорен весной 1238 г.). Отсюда видно, что второй раз он был в Булгарии и на Руси зимой 1237/38 гг.

Расчет расстояний между отдельными пунктами маршрута Юлиана в первом путешествии и расчет продолжительности стоянок позволили Л. Бендефи наметить следующую схему этого путешествия: Венгрия (выезд из какого-то доминиканского монастыря в Пеште, Буде, Альбарегия или Стригонии в первые дни мая 1235 г.) – Штульвейссенбург – Фюнфкирхен – Белград – Ниш – София – Филипполь – Адрианополь – Константинополь – Тмутаракань (Матрика) – Алания – страна «Vela» (?) – Великая Булгария (Юлиан прибыл сюда уже один приблизительно около 20 мая

⁴³⁹ См. также «Посольство Ашелина к татарам».

⁴⁴⁰ Эти источники публиковались и ранее: в 1748, 1761, 1763, 1849, 1859, 1861, 1900 и др. гг.

⁴⁴¹ Bendefy L. Az ismeretlen Julianusz. Az elzo magyar azsiakutato eletrajza es kritikai meltatasa. – Budapest, 1936.

⁴⁴² Современные исследователи полагают, что прародина венгров – легендарная «Великая Венгрия» – до их переселения в Паннонию находилась в Приуралье и Нижнем Прикамье. Яркое тому свидетельство – ранневенгерский могильник второй половины VIII – IX вв., изученный казанскими археологами у с. Большие Тиганы Алексеевского района Республики Татарстан. Хотелось бы напомнить читателю и этимологическую близость таких этнонимов, как «мадьяр», «мажар», «мишар».

1236 г.) – страна «восточных венгров» и «татар» (в обратный путь Юлиан пустился 21 июня 1236 г.) – земля «мордванов» – Нижний Новгород – Владимир – Рязань – Чернигов – Киев – Галич... 27 декабря 1236 г. Юлиан перешел Карпаты, около 8 января 1237 г. он был в Буде для доклада королю, а весной этого же года – в Риме, где его доклад папе и был записан Рихардом. Осенью 1237 г. Юлиан начал свое второе путешествие, законченное им до весны 1238 г.

Сообщения Юлиана в переводе на русский язык мы цитируем из издания: Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII – XIV вв. о татарах и Восточной Европе//Исторический архив.– Т.III.– М.– А.: Изд-во АН СССР, 1940.– С.71–112.

«О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во время господина Папы Григория Девятого

Найдено было в истории венгров христиан, что есть будто бы другая Венгрия, старейшая, из которой вышло когда-то 7 вождей со своими народами искать себе место для жительства, потому что земля их не могла вместить многочисленности жителей. После того как они прошли и разрушили много царств, пришли они наконец в страну, которая ныне называется Венгрией, а тогда называлась пастбищами римлян. Ее они предпочли всем прочим странам и избрали себе для жительства, а народы, тогда жившие там, подчинили себе. Там наконец они были обращены в католическую веру первым их королем, святым Стефаном⁴⁴³, тогда как прежние венгры, от которых эти произошли, оставались в неверии, как и доныне остаются язычниками.

Так вот, братья проповедники, найдя об этом в истории венгров, пожалели, что венгры, от которых, как они знали, сами они произошли, все еще остаются в заблуждении неверия, и послали 4-х из братьев искать их повсюду, где, с помощью господина, сумеют их найти. Ибо по описаниям древних они знали, что те находятся на востоке, но где находятся, вовсе не знали.

Вышесказанные братья, что были посланы, подвергаясь многим трудам, 3 с лишним года искали их по морю и по суше, но вследствие многих опасностей пути найти не могли. За исключением одного из них, священника по имени Отто, который только под именем купца прошел дальше; в некоем языческом царстве он нашел кое-кого, говоривших на том языке, и узнал от них, в какой стороне те живут, но в область их не входил, а наоборот вернулся в Венгрию, чтобы взять большее число братьев и они, возвратившись с ним, проповедали бы там веру католическую. Однако, сломленный многими трудами, 8 дней спустя по своем возвращении, он ушел ко Христу, после того как объяснил всю дорогу для розыска их.

Братья же проповедники, стремясь к обращению неверных, вновь послали 4-х братьев искать вышесказанное племя. Те, получив благословение братьев своих, сменив монашеское платье на мирское, отпустив бороды и волосы по примеру

⁴⁴³ Правил в 1000–1038 гг.

язычников, отправились через Булгарию Ассана⁴⁴⁴ и Романию⁴⁴⁵ с охранной грамотой и на счет господина Белья, ныне короля Венгрии, и добрались до Константинополя. Выйдя там на море, они через 33 дня прибыли в страну, что зовется Сихия⁴⁴⁶, в город, что именуется Матрика, где вождь и народ называют себя христианами, имея греческое писание и греческих священников. Государь там, говорят, имеет 100 жен. Все мужчины наголо бреют головы и тщательно растят бороды, кроме знатных людей, которые, в знак знатности, оставляют над левым ухом немного волос, выбривая всю остальную голову.

Там они сделали остановку на 50 дней в надежде на ожидаемых попутчиков... Отправившись оттуда дальше... они в течение 13 дней прошли через пустыню, где не нашли ни людей, ни домов. Тут пришли они в страну, что называется Аланией⁴⁴⁷, где живут вместе христиане и язычники. Сколько там селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села...

В том месте братья не нашли попутчиков, чтобы идти дальше, из-за боязни татар, которые, по слухам, были близко...

Пройдя пустыню без всякой дороги и тропы, на 37-й день пришли они в страну сарацинов, что зовется Вела, в город Бунда⁴⁴⁸...

После того брат Юлиан, оставшись один⁴⁴⁹ и не зная, как ему идти дальше, сделался слугой одного сарацинского священника с женою, который собирался в Великую Булгарию. Туда они вместе и добрались.

Великая Булгария – великое и могущественное царство с богатыми городами, но все там – язычники⁴⁵⁰. В том царстве говорят в народе, что вскоре они должны стать христианами и подчиниться римской церкви, но дня, как говорят, они не знают, а слышали так от своих мудрецов⁴⁵¹.

В одном большом городе той же области, из которого выходит, по слухам, 50 000 бойцов⁴⁵², брат нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, какую он искал.

Она указала брату пути, по которым ему надо идти, утверждая, что через две дневки он, без сомнения, может найти тех венгров, которых ищет. Так и случилось. Ибо нашел он их близ большой реки Этиль⁴⁵³. Те, увидев его и узнав, что он венгр,

⁴⁴⁴ Подразумевается Дунайская Болгария и ее правитель Иоанн Асень II, царствовавший в 1218 – 1241 гг. и носивший титул «царя всех болгар и греков».

⁴⁴⁵ Территорию Византийской империи.

⁴⁴⁶ Речь идет о Западном Кавказе, территории черкесов.

⁴⁴⁷ Располагалась у Каспийского моря, границами являлись реки Терек, Кума и Яик.

⁴⁴⁸ По предположению Л. Бендефи, страна Вела располагалась между реками Уралом и Эмбой.

⁴⁴⁹ Двое его спутников вернулись в Венгрию, а один умер по дороге.

⁴⁵⁰ В данном случае эпитет «язычники» целенаправленно применен к населению, в большинстве своем исповедующему ислам.

⁴⁵¹ Не ясно, о чем идет речь.

⁴⁵² По мнению А.Х. Халикова и др., таким городом в Среднем Поволжье мог быть лишь «Великий город» – Биляр.

⁴⁵³ В данном случае река Белая, именуемая по-тюркски Ак-Идель.

немало радовались его прибытию: водили его кругом по домам и селениям и старательно расспрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан. И все, что только он хотел изложить им, и о вере и о прочем, они весьма внимательно слушали, т.к. язык у них совершенно венгерский: и они его понимали, и он их. Они – язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут как звери. Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они. Татарский народ живет⁴⁵⁴ по соседству с ними. Но те же татары, столкнувшись с ними, не могли победить их на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими⁴⁵⁵. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и, таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств.

В этой стране венгров сказанный брат нашел татар и посла татарского вожды, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и татарский языки и сказал, что татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в 5 днях отсюда, хочет идти против Алемании⁴⁵⁶, но дожидались они другого, которое послали для разгрома персов. Он же сказал, что за страной татар есть народ чрезвычайно многочисленный, выше и больше всех людей, с такими большими головами, что они как будто вовсе не подходят к своим телам. И будто бы тот народ предполагает выйти из своей страны, чтобы сразиться со всеми теми, кто захочет им противостать, и чтобы опустошить все царства, какие будут в силах покорить⁴⁵⁷...

...Когда Юлиан пожелал вернуться, то венгры указали ему иную дорогу, по которой он мог бы быстрее добраться домой...

Письмо брата Юлиана о монгольской войне

Достопочтенному во Христе отцу, божьей милостью епископу Перуджи, легату апостольского престола, брат Юлиан ордена проповедников в Венгрии, слуга вашего святейшества, шлет столь же должное, как и преданное почтение.

Когда, в силу вмененного мне послушания, я должен был идти в Великую Венгрию с братьями, данными мне в спутники, и мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что все те, что называются венгры-язычники, и булгары и множество царств совершенно разгромлено татарами⁴⁵⁸.

⁴⁵⁴ Сложное для понимания сообщение. Вспомним, речь идет о событиях начала лета 1236 г., когда в Европе находилось лишь небольшое войско «татар» – не более 30–50 тысяч.

⁴⁵⁵ Очередное сообщение (см. информацию Ибн ал-Асира) о поражении монголо-татар задолго до их агрессии на Русь.

⁴⁵⁶ Алемания – Германия, в целом – Западная Европа.

⁴⁵⁷ Вполне возможно, что эта легенда существовала для того, чтобы внушить европейцам мысль о необходимости «татарского» государства как заслона от более серьезного агрессора.

⁴⁵⁸ О завоевании Волжской Булгарии читаем в Лаврентьевской летописи: «В лето 6746 (1236. – Б.Х.)... Тое же осени. Придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии Татари и взяша славнии Великий город Болгарский и избиша оружием от старца и до уного и до сущаго младенца и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша...».

А что такое татары и какой они веры, об этом, насколько сумеем, расскажем в настоящем письме.

Сообщалось мне некоторыми, что татары прежде населяли страну, населяемую ныне куманами, и называются по правде сынами Измаила (отсюда – измаэлиты), а ныне желают называться татарами.

Страна же, откуда они первоначально вышли, зовется Готта, и Рубен звал ее Готтой. Первая татарская война началась так. Был государь в стране Готта, по имени Гургута, у которого была сестра – дева, по смерти родителей стоявшая во главе своей семьи и, как говорят, державшая себя по-мужски. Она нападала на некоего соседнего с ней вождя и отнимала у него его имущество. Когда же по истечении некоторого времени она вновь с татарским народом попыталась напасть, как прежде, на вышесказанного вождя, тот, поостерегшись и начав войну с вышесказанной девушкой, одолел в бою и эту прежнюю свою противницу взял в плен, войско ее обратил в бегство, а ее, уже пленницу, изнасиловал, в знак еще более тяжелой мести, лишив девственности, постыдно обезглавил. Услышав об этом, брат помянутой девушки, вышесказанный вождь Гургута, отправил посла к вышереченному мужу, дал, говорят, ему такое поручение: «Я узнал, что ты, взяв в плен и лишив девственности сестру мою, обезглавил. Знай, что ты совершил дело, враждебное мне. Если, быть может, сестра моя причиняла тебе беспокойство, то ты, направляя свою месть на движимое имущество, мог обратиться ко мне, ища против нее справедливого суда, либо, если ты, желая отомстить за себя собственными руками, победив ее, захватил в плен и лишил девственности, то мог взять ее в жены; а если у тебя было намерение убить ее, то никак ты не должен был лишать ее девственности. А теперь ты отомстил вдвойне: и девственную стыдливость опозорил, и жалким образом осудил ее на смертную казнь. Вследствие того, в отмщение убийства вышереченной девушки, знай, что я пойду на тебя всеми силами».

Услышав это и видя, что противостоять он не может, вождь, виновник убийства, бежал со своими к султану Орнаху, покинув собственную землю.

После того как это произошло, был некий вождь в стране куманов, по имени Витут, богатства которого были, по слухам, столь замечательны, что даже скот у него на полях пил из золотых канав.

Другой вождь с реки Буз, по имени Гурег, из-за его богатства напал на него и победил. Победенный с двумя сыновьями своими и кое с кем еще, с немногими, кто уцелел от военной опасности, бежал к сказанному султану Орнах. Султан же, вспомнив об обиде, которую тот, будучи соседом, случайно нанес ему некогда, приняв его, повесил на воротах, а народ его подчинил своей власти. Двое сыновей Витута тотчас обратились в бегство и, т.к. у них не было иного убежища, вернулись к вышереченному Гурегу, который ранее ограбил их отца и их самих. Тот в звериной ярости убил старшего, разорвав конями. Младший же бежал, прибыл к вышеупомянутому вождю татарскому Гургуте и усердно стал просить его отомстить Гурегу, который ограбил его отца и убил брата, говоря, что честь добудет себе этот вождь, т.е. Гургуту, а сам он – воздаяние и отмщение за смерть брата и ограбление

отца. Это и было сделано, и по одержании победы вышеозначенный юноша вновь просил вождя Гургуту отомстить султану Орнаху за жалкую смерть отца, говоря, что и оставшийся по отце его народ, который там держали как бы в рабстве, будет помощью ему при наступлении его войска.

Тот, упоенный двойной победой, охотно согласился на просьбу юноши и, выступив против султана, одержал славную для себя и почетную победу.

Итак, имея почти повсюду достойные хвалы победы, вышеозначенный вождь татарский Гургута со всей военной силой выступил против персов из-за каких-то распрей, бывших прежде у него с ними. Там он одержал почетнейшую победу и совершенно подчинил себе царство персидское.

Став после этого более дерзким и считая себя сильнее всех на земле, он стал выступать против царств, намереваясь подчинить себе весь мир. Поэтому, подступив к стране куманов, он одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и нападали на них 14 лет, а на 15-й год завладели ими, как нам сообщали словесно, сами язычники-венгры. Завладев ими и обратившись к западу, татары в течение одного года или немного большего срока завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти 50 000 вооруженных воинов. Кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов. Там было 2 князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил.

Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на 4 части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских.

Поймите все это таким образом, что тот первый вождь, по имени Гургута, который начал эту войну, умер. Ныне же вместо него царствует сын его Хан⁴⁵⁹ и живет в большом городе Орнах, где отец его воцарился первоначально. Живет же он таким образом: дворец у него такой большой, что тысяча всадников въезжает в одни двери и, преклонившись перед ним, не сходя с коней, всадники выезжают в другие.

Вышеозначенный вождь устроил себе громадное ложе, возвышающееся на золотых колоннах, ложе, говорю я, золотое с драгоценными покровами, на котором восседает он в славе прославляемый, облеченный в драгоценные одеяния. Двери же в этом дворце целиком золотые, и через них преклоняясь проходят спокойно и безопасно

⁴⁵⁹ Юлиан принял титул «хан» за собственное имя; здесь, скорее всего, подразумевается сын Чингис-хана Угедей; сам Чингис-хан почему-то именуется Гургутом.

его всадники. Чужие же послы, пешими ли они проходят двери или верхом, если коснутся ногами порога двери, тут же поражаются мечом; всякому чужому надлежит проходить с наивысшим почтением.

Восседая в такой пышности, он послал войска по разным странам, т.е. за море, как мы думаем; и вы также слышали, что он там совершил. Другое же многочисленное войско послал он к морю на всех куманов, которые и бежали в венгерские края⁴⁶⁰. Третье войско, как я сказал, осаждает всю Русь.

Сообщая вам о войне по правде следующей. Говорят, что стреляют они дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе 10 человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики никак не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбить кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления, и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены. Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кого погнали в бой и кого убили, делают между оставленными для обработки земли, назначая каждому по двенадцати или больше, и обязывают тех людей впредь именоваться татарами (подчеркнуто мною.— Б.Х.). Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарности невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Потому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить, а умереть скорее.

На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок.

О численности всего их войска не пишу вам ничего, кроме того, что изо всех завоеванных ими царств они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве.

Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому хан⁴⁶¹ отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными.

Вышесказанное письмо, данное мне князем суздальским, я привез королю

⁴⁶⁰ После разгрома монголо-татарами малая часть кипчаков (основная часть их осталась на месте) отошла в Болгарию, Венгрию, Польшу и на Кавказ.

⁴⁶¹ В данном случае Бату хан.

венгерскому. Письмо же писано языческими буквами на татарском языке. Поэтому король нашел многих, кто мог прочесть его, но понимающих не нашел никого. Мы же, проезжая через Куманию, нашли некоего язычника, который нам его перевел. Этот перевод таков: «Я Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король венгерский: хотя я в 30-й раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, т.к. они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?».

Не умолчу и о следующем. Пока я вновь находился при римском дворе, на пути в Великую Венгрию меня опередили четверо братьев моих. Когда они проходили через землю суздальскую, им на границах этого царства встретились некие безжавшие пред лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Услышав об этом, вышесказанный князь суздальский вознегодовал и, отозвав вышесказанных братьев, запретил им проповедовать римский закон помянутым венграм, а вследствие того изгнал вышесказанных братьев из своей земли, однако без неприятностей. Те, не желая воротиться, повернули к городу Рецессуэ⁴⁶², ища пути, чтобы пройти в Великую Венгрию, либо к мордуканам, либо к самим татарам. Оставив там двоих братьев из своего числа и наняв переводчиков, они в день апостолов Петра и Павла, недавно прошедший, пришли ко второму князю мордуканов, который, выступив в тот же день, когда они пришли, со всем народом и семьей, как мы выше говорили, подчинился татарам. В дальнейшем что случилось с этими двумя братьями: умерли ли они или были отведены к татарам сказанным князем, совершенно неизвестно.

Двое остальных братьев, удивляясь промедлению тех, в день св. Михаила, недавно отпразднованный, послали некоего переводчика, желая удостовериться о их жизни, но мордуканы, напад, убили его.

Мы же с товарищами, видя, что страна занята татарами, что области укреплены и успеха делу не предвидится, возвратились в Венгрию. И хотя шли мы среди многих войск и разбойников, но ради молитв и заслуг святой церкви благополучно и невредимыми добрались до братьев наших и обители.

Впрочем же, когда надвигается такой бич божий и приближается к сынам церкви, невесты христовой, пусть ваше святейшество в своей дальновидности соблаговолит заботливо предусмотреть, что надлежит делать братьям и как поступать.

Кроме того, чтобы ни о чем тут не умолчать, сообщаю вам, отец, что один русский

клирик, выписавший нам кое-что историческое из книги Судей, говорит, что татары – это мадианиты, которые, точно так же напавши на Кетим, на сынов Израиля, были побеждены Гедеоном, как читается в книге Судей. Бежав оттуда, сказанные мадианиты поселились близ некой реки, по имени Тартар, почему и названы татарами».

ПИСЬМО ИОГАНКИ, СОДЕРЖАЩЕЕ СВЕДЕНИЯ О ТАТАРАХ (1320 г.)

Источник цитируется нами из издания: Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII – XIV вв. о татарах и Восточной Европе//Исторический архив.– Т. III.– М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1940.– С.90–94.

«Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу ордена, брату Михаилу из Чезены

Во Христе чтимому отцу, брату Михаилу ордена миноритов, брат Иоганка венгр и прочие братья минориты, ради бога паломничающие в ревности о чести и душах в пространнейшей северной империи татар⁴⁶³, шлют смиренное почтение с усердными молитвами в господа Иисусе Христе.

Да ведает ваше благочестие, отец наш, что те, кто желают трудиться во имя Христа, следуя за кочевьями татар, величайший получают урожай душ, так что, крестя и укрепляя в вере, проповедуя и наставляя, исповедуя и поддерживая, мы почти постоянно заняты, чаще всего и обычно вплоть до глубокой ночи, потому что в некоторых областях люд христианский настолько умножается, что, по нашему мнению, язычников остается лишь немногим больше половины. Ведь татары военной мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру (подчеркнуто мною.– Б.Х.), не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится – с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах поданные делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону. Они даже сохраняют такую свободу христианам, что многие, женись и содержат большую семью, становятся иногда богаче своих господ, причем господа те не решаются коснуться имущества рабов и даже зовут их товарищами, а не рабами; но когда господа идут в бой, те, вооружившись, следуют за ними, честно служа против сарацинов⁴⁶⁴, сражаясь с ними и соблюдая верность договору.

Сарацины же, рыскающие поблизости, нападают на них и стремятся совратить

⁴⁶³ А под «южной» Иоганка подразумевал, скорее всего, территорию между Средиземным морем и Индией, т.е. будущее государство Хулагуидов.

⁴⁶⁴ Речь идет о мусульманах. В научной литературе есть мнение, основанное на том факте, что в Центральной Азии было широко распространено христианство несторианского толка (часть монгольских ханов была христианского вероисповедания), что монголо-татарские завоевания – это «крестовый поход с востока» (см., например, работы Г.В.Вернадского, Л.Н.Гумилева и др.).

новообращенных из татар и других, а иногда и отвращают от веры людей, которых некому научить христианскому закону.

Сарацины, у которых свой магометов закон, имеют некую секту, считаемую религиозной, братьев которой зовут факирами: они носят обнаженные мечи, чтобы тотчас истребить тех, кто говорит против веры. Они однако терпимо позволяют христианам проповедовать наш закон, Христа, Марию и святых, с тем чтобы не презирали Магомета. В своем законе они многое заимствуют из евангелия Луки и Марию считают девой, а Христа, ею зачатого, божим духом. Но богом Христа не признают, однако чтят его 7 раз на день, непосредственно после Магомета при звуке большой трубы на некоей башне или колокольне и называют его величайшим из пророков после Магомета; по седьмым дням согласно закону оставляют работу, предаваясь молитвам и поклонению; христиане в городах Апулии и Испании, среди которых они живут, постоянно видят, что они это соблюдают.

Братья же наши, которые близ них живут в Татарии в монастырях или обителях, получают обильную жатву, проповедуя, совершая для обращенных и прочих церковные таинства, и на милостыню, им подаваемую, выкупают множество бедных пленников.

Но гораздо большая жатва ждет тех, кто пожелает следовать за их кочевьями: этому учит верный опыт и труд. Поэтому, т.к. братья, живущие в городах, не могут покинуть своих мест без утраты множества душ, следовало бы вашей мудрости, отец наш, позаботиться как можно скорее для татарских областей и разных их войск, собранных из разных и многих стран, направить сюда подходящих братьев, вдохновленных на это, преимущественно из англичан, венгров и немцев, которые легче могут выучиться языку, зная, что если они пожалеют таким образом о душах неверных, испуленных кровью христовой, и придут к нам на помощь, то приобретут богу много тысяч душ. Если же кого отпугнет скудость и бедность питания, пусть омочат губы в уксусе и желчи, вкушенных Христом на кресте; если кого испугает труд, пусть вспомнят об усталости и трудах Христа, и так все станет легким для них, ибо иго его приятно и бремя легко.

Сообщу кое-что верное, что подействует на всех. Когда я, брат Иоганка, с двумя братьями-венграми и одним англичанином дошли до Баскардии, большого народа, подчиненного татарам, двое братьев-венгров по делам веры отошли от нас, а я со сказанным англичанином, по имени Вильгельмом, оставался там 6 лет непрерывно. И были там татары, судьи баскардов, которые, не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли ее. Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением. Когда мы проповедовали им, они сказали: «Если бы вы сначала пришли, то мы во всяком случае приняли бы эту веру, но государям постыдно, поднявши один закон, с легкостью отступать от него и переходить к другому». Когда же мы участили поучения о вере и доказали сарацинским ученым всеми доступными нам способами, и писанием, и знамениями, и доводами, и примерами, что весь их закон ложный и языческий, не основанный ни

на каком разумном основании и на очевидных чудесах, как закон христианский (в котором, как я вскоре сообщу, явились в тех краях славные чудеса), и когда мы обнаружили, что их закон – закон дьявола, коварно смешавшего там добро со злом, чтобы устранить подозрения и таким образом ввести простодушных в еще больший обман, они, придя в ярость, пытались нас умертвить. Нас схватили и с жестокостью заключили в тюрьму, заковав в железо, и мы, мучаясь голодом в тюремной грязи среди ужасных червей и смертоносной вони, с радостью ждали смерти, но они, боясь татар, не смели на это решиться. Ибо татары лобоят христиан, а их ненавидят и преследуют.

Когда мы еще были в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибирь⁴⁶⁵, которая окружена Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак той страны: 4 большие собаки тащат сани, в которых может сидеть 1 человек с необходимой едой и одеждой.

Тот народ стягивает с головы мертвого человека кожу с волосами и почитает ее своим богом, а кожу, содранную с лица, они держат в домах своих и чтят, как домашнего бога. Они однако говорят, что христианский бог сильнее всех других богов: когда их иной раз вынуждает какая-то необходимость, они призывают христианского бога и часто получают просимое. Так, когда однажды шедшее на них войско должно было перейти очень большой лед, они в страхе стали призывать христианского бога с громким ревом и криком и принесли ему жертвы; вскоре, по милости божьей, в то время как прочие части родной страны оставались замерзшими, та, через которую переходило войско, вскоре вся растаяла, и многие погибли, как войско фараона в Красном море, другие же с пустыми руками и без успеха вернулись восюзя. Далее, когда однажды начался у них мор, их прорицатели сказали: «Все вы погибнете смертью, если не станете христианами». Услышав это, многие из них крестились у некоего русского клирика-схизматика. Ведь царство русское откололось от римской церкви, как царство греческое, преимущественно из-за утверждения об исхождении св. Духа не от сына, чего они не желают признать. И крестят они иначе, чем мы, говоря: «Да будет крещен раб христов и проч.», как судья, произносящий приговор⁴⁶⁶. Т.к. однако сказанный русский и не умел и не решался должным образом наставить их, они, и крещеные, как некрещеные, остались в прежнем заблуждении. Из этого достаточно ясно, что тот народ быстро обратился бы, если бы было кому научить их вере христовой. Это и сами они признают. Это явствует и еще кое из чего, чем не следует пренебрегать. Ибо вышесказанный посол, прибывший из Сибири, принес послание от некоего татарского судьи у вышесказанного народа к нашему христианскому судье баскардов в таких именно словах: «Слышал я, что при тебе, брат мой, есть 4 христианских латинских священника. Я прошу, чтобы ты соблаговолил послать к нам двоих из них: они могли бы и должны были бы окрестить

⁴⁶⁵ Sibir – речь идет об области в районе Тюмени.

⁴⁶⁶ ?

наш народ; и если они пожелают жить в городах, мы построим для них церкви и дома в любом месте Сибири, где они пожелают; если же пожелают следовать за нашими кочевьями, то мы будем служить им во всем необходимом; если же они не пожелают остаться с нами, мы на своих головах донесем их к вам, лишь бы они окрестили нас и научили своей вере. Если же они не пожелают прийти к нам, то пусть бог спросит с них души всех тех, кого они могли бы спасти».

Наш христианский судья, выслушав послание, послал к нам с просьбой идти к тому народу. Нам же, несмотря на большое желание, весьма сильно препятствовала болезнь, схваченная в сказанной тюрьме, и мы никак не могли сделать этого, а вынуждены были либо вернуться к братьям, либо остаться на месте.

После этого вышереченные господа баскардов, придя ко двору императора, настойчиво просили братьев, но, по малочисленности, мы ни одного не могли дать им, не губя тех, среди которых жили. Ибо мало нас для соблюдения всех мест и некоторые мы упустили, но Христос вдохновит вас, отец, и римскую церковь для исправления такого недостатка. И пусть знают братья, что это совершенная правда и пусть предпримут что-либо ради Христа, особенно те, кто выделяются превосходными знаниями, мало как будто помогающими им в их странах: тут они были бы тем более выдающимися и полезными, чем высшей отличаются ученостью. Поэтому пусть рассудят, что нужно сделать, чтобы их книжная мудрость, добытая столькими трудами и бдениями, не оставалась дома, прямо сказать, как бы погребенной, тогда как здесь, т.е. у нас, она была бы как горящий светильник.

Дано в татарском лагере близ Баскардии в год господень 1320».

ПОСОЛЬСТВО АШЕЛИНА К ТАТАРАМ

К сожалению, мы владеем самым минимальным объемом информации о посольстве Ашелина. Так, дореволюционная «Русская энциклопедия» сообщает примерно следующее: Асцелин – доминиканец, ездил миссионером в 1247 г. по поручению папы к татарам (к темнику Баю); оставил записки, которые на русский язык переведены и изданы в 1825 г. Языковым. Во вступительной статье И.Магидовича к советскому изданию «Книги» Марко Поло мы находим следующую информацию: римский папа Иннокентий IV для установления связей с монгольскими великими ханами пользовался помощью нищенствующих монахов доминиканского (возник в 1216 г.) и францисканского (с 1223 г.) орденов; доминиканцы были отправлены в 1245 г. южным путем в столицу монголов Каракорум – через Сирию, Ирак и Иранское нагорье, но дошли только до Хорезма; их посольство было безрезультатно и почти не дало сколько-нибудь ценных сведений, т.к. грубый и фанатичный доминиканский монах Ашелин отказался выполнить монгольский символический обряд «очищения огнем» (на что позднее согласились францисканцы во главе с Плано Карпини) и не был поэтому допущен в ханскую ставку. А вот какую информацию дает нам Д.Языков: Асцелин ехал через Сирию, Месопотамию и Персию к Баю-нойону (Байотною),

татарскому воеводе, который, вероятно, кочевал в то время в Хорезмской земле на восточном побережье Черного моря; все путешествие его продолжалось 59 дней⁴⁶⁷; известия Асцелина очень скудны, т.к. он не занимается описанием виденных им мест.

Как видим, сведений о посольстве Ашелина к татарам очень мало и они противоречивы. Однако мы сочли нужным познакомить читателя с этим фактом.

Источник цитируется по изданию: Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам, в XIII, XIV и XV столетиях (I. Плано Карпини. II. Асцелин)/Перевод, подготовка текста и примечания Д. Языкова. – СПб.: Типография департамента народного просвещения, 1825⁴⁶⁸.

«Путешествие Асцелина

Глава 1

Как братья проповедники приняты были у Байотной, князя Татарского

В 1247 году, в день перенесения мощей блаженного Доминика, основателя ордена проповедников, брат Асцелин, посланный святейшим отцом, с товарищами своими, прибыл в Татарское войско, бывшее в Персии под начальством князя Байотной. Сей князь, сидя в шатре своем в позолоченной одежде, окруженный своими баронами, одетыми в драгоценные шелковые и позолоченные одежды, услышав об этом, послал к ним нескольких человек из баронов с своим египтом, т.е. главным советником, и толмачами. Поздоровавшись, спросили они их: чьи вы послы? На это брат Асцелин, главный посол святейшего отца, отвечал за всех: Я посол святейшего отца папы, который у Христиан считается достоинством выше всех людей и уважается от них как отец и владыка. Раздражась сим ответом до чрезвычайности, сказали они: Почему вы в высокомерии своем говорите, что папа, государь ваш, превышает всех людей? Разве он не знает, что хам⁴⁶⁹ есть сын Божий, а Байотной и Баты князя его, и что имена их гремят и славятся повсюду? На это брат Асцелин отвечал: кто таков хам, Байотной и Баты, святейший отец этого не знает, об именах их даже никогда не слышал; но от многих слышал и узнал, что какой-то варварский народ, называемый Татарским, давно уже вышедший из восточных концов земли, покорил владычеству своему многие страны, и, не щадя никого, истребил бесчисленное множество людей. Ежели бы он слышал об имени хама и его князей, то, наверно, написал бы некоторое-нибудь из них в грамоте, которую мы представляем. Но горько сокрушаясь в сердце своем и тронувшись до внутренности о кровопролитии, производимом ими, особливо над Христианами⁴⁷⁰, он, по совету братьев своих кардиналов, послал нас в первое Татарское войско, с которым мы повстречаемся, убедить начальника оного и всех его подчиненных, да перестанут они проливать кровь человеческую, и особливо

⁴⁶⁷ Ошибка – см. главу II текста.

⁴⁶⁸ Текст дается по правилам современной орфографии. – Ред.

⁴⁶⁹ Т.е. хан; в оригинале «cham».

⁴⁷⁰ Монголо-татарами были завоеваны не только христианские страны, но и Китай, Сибирь, Средняя Азия, Северная Индия, Иран, Малая Азия, Поволжье и т.д.

Христианскую, и да раскается в содеянных ими жестокостях и злодействах, как то ясно изображено в его грамоте. Поэтому мы просим его через вас, да примет он грамоту святейшего отца, прочтет ее, и отвечает ему своею грамотою, или через посла, или только на словах через меня.

Глава 2

Как Татары спрашивали их о подарках и о приходе Франков

После этого бароны с толмачами своими пошли к своему государю и донесли ему о том, что говорил брат Асцелин. Через некоторое же потом время, переменя первое свое платье и одевшись в новое, возвратились они с толмачами к монахам и сказали: Мы желаем знать только одно: прислал ли с вами папа, государь ваш, что-нибудь в дар государю нашему Байотною? На это брат Асцелин отвечал: Мы не принесли ничего от святейшего отца; ибо он не имеет обыкновения посылать к кому-либо дары, а особливо к неверным и неизвестным людям; а напротив того, православные дети его, т.е. Христиане, и даже неверные, очень часто присылают и подносят ему дары. После этого все они опять пошли к Байотною в шатер, и через некоторое время, переодевшись опять в новое платье, возвратились и сказали монахам: Как можете вы хотеть без стыда предстать пред государем нашим с пустыми руками, вручая ему грамоту вашего государя, чего никто из приходящих сюда не делает? На это брат Асцелин отвечал: Везде, а особливо у Христиан, принято в обыкновение, что посол, несущий грамоту своего государя, приходит к тому, к кому она написана, видит его и вручает ее ему в собственные руки. Если нам неприлично, и если вы не хотите, чтобы мы пред государем вашим предстали без даров; то, если вам угодно, мы отдадим вам всем грамоту святейшего отца, чтобы вы от имени его вручили ее государю вашему Байотною. В первых же разговорах своих старались они, однако же осторожно, выведать от монахов: перешли ли уже Франки⁴⁷¹ в Сирию? Ибо, как они говорили, слышали от своих купцов, что много Франков скоро переправятся туда. Поэтому, как теперь, так, может быть, и прежде, занимались они вымыслом средств остановить переход их, то притворяясь, что примут Христианскую веру, то обманывая другим каким образом, чтобы воспрепятствовать им вход в свои владения, т.е. Турцию и Галапию⁴⁷²; по меньшей мере, показывая на время вид дружбы к Франкам, которых они, по уверению Грузинцев и Армян, боятся более всех на свете.

Глава 3

Как монахи отказываются от поклонения Байотною

После этого бароны с толмачами своими пошли опять к своему государю в шатер, где, пробыв несколько, возвратились к монахам переодевшись снова, и сказали им:

⁴⁷¹ Так на востоке именовали всех жителей Западной Европы.

⁴⁷² Галатия – в древности страна в центральной части Малой Азии. С 25 г. до н.э. в составе Римской империи, затем Византии. В XI в. н.э. завоевана сельджуками, в XIV в. турками-османами.

Если вы хотите видеть лицо нашего государя и вручить ему грамоту вашего государя, то должны поклониться ему как сыну Божию, царствующему на земле, преклоня пред ним 3 раза колени; ибо хам, сын Божий, царствующий на земле, повелел нам, чтобы все, сюда приходящие, поклонялись князьям его Байотною и Батью как самому ему, что мы до сих пор исполняем, и навсегда твердо наблюдать намерены. Некоторые из братьев, не зная, что такое Байотною под сим поклонением разумеет, т.е. идолопоклонство или что другое, начали рассуждать между собою; но брат Гвихард Кремонский, знавший нравы и обычаи Татарские от Грузинцев, между которыми жил он 7 лет в городе их Трифеле⁴⁷³ в монастыре своего ордена, сказал им: не бойтесь, чтобы поклонение, требуемое себе Байотноем, как вы слышали, по повелению хама, от всех приходящих сюда послов, было идолопоклонство; но оно означает только покорность святейшего отца и всей Римской церкви хаму. После этого вся братия, поговоря между собою о сем требовании, единогласно положили: лучше потерять головы, нежели поклониться Байотною таким образом, преклоня перед ним колени, и это как для сохранения чести православной церкви⁴⁷⁴, так и для того, чтобы не подать соблазна Грузинцам, Армянам, Грекам, Персам, Туркам и всем восточным народам, кои таковое поклонение приняв за знак подданства и долженствуемой некогда платиться от Христиан Татарам дани, не подали бы тем случая врагам церкви нашей расславить о том с надменностью по всему востоку; также и для того, чтобы Христиане, находящиеся у них в плену или в подданстве, не потеряли совсем надежды освободиться от них при помощи Божией, посредством Римской церкви, и чтобы сим изъявлением покорности от правоверных Христиан Байотною не нанести православной церкви посрамления и не показать вида малодушия и страха смерти.

Глава 4

Как монахи советуют Татарам принять христианскую веру

После этого брат Асцелин вышесказанное мнение и положение, принятое всеми братьями, с согласия их, безбоязненно объявил пред всеми, тут бывшими, примолвля: Дабы государь ваш или кто другой, паче чаяния, не нашел в ответах наших причины к раздору и случая к злобе, поскольку, может быть, ему или кому другому слова наши покажутся высокомерными и жестокими; то объявляем, что готовы изъявить ему всякое почтение, какое только прилично нам, священникам Божиим, людям духовным и послам святейшего отца папы, сохраняя достоинство Христианской веры и не нарушая ни в чем свободы церкви; то почтение, которое мы обыкновенно оказываем своим начальникам, государям и князьям, и которому научает нас священное писание, глаголя: пред высшими преклоняй главу твою; все это готовы мы изъявить государю вашему ради мира, единодушия и согласия. Но то почтение, которое вы от нас требуете, мы отвергаем совершенно как постыдное для Христианской веры, и соглашаемся лучше подвергнуться смерти, на какую бы

⁴⁷³ Тбилиси.

⁴⁷⁴ Термин «православная церковь» в данном контексте обозначает все христианство в целом.

государь ваш ни осудил нас. Но ежели, чего более всего желает святейший отец папа и все Христиане, государь ваш Байотной захочет сделаться Христианином, то из любви к Богу не токмо пред ним, но и предо всеми вами готовы мы преклонить колени, и даже смиренно лобызать подошвы ног его всех вас, даже самых последних. Услыша это, они пришли в чрезвычайную ярость и смущение, и с величайшим гневом и неистовством сказали братьям: Вы советуете нам сделаться Христианами, т.е. собаками, как и вы сами; не собака ли ваш папа, и вы все Христиане? На это брат Асцелин, кроме вышесказанного отречения, которое считали они справедливым, отвечать ничего не мог, потому что они чрезвычайно кричали, шумели и бесились. Таким образом, сии бароны с своими толмачами возвратились в шатер своего государя и донесли ему в точности о всем том, что говорили монахи.

Глава 5

Как они рассуждали об осуждении монахов на смерть

Байотной услышав ответ, принесенный его египом, баронами и толмачами, разъярился до того, что троекратно давал решительное приказание убить монахов... Некоторые же из его советников говорили так: убьем не всех их, а только двоих, остальных же двоих отошлем назад к папе. Другие же говорили так: сдерем с одного из них кожу, и именно с главного посла, и, набив ее соломою, отошлем с товарищами его к их государю. Еще другие говорили, чтобы двоих только послов высекши сперва розгами по всему войску, потом убить, а остальных двоих оставить до тех пор, пока придут сюда следующие за ними Франки. Наконец, иные говорили, чтобы двоих из послов водить по войску, дабы они видели там многочисленность и силу их, и когда неприятель начнет стрелять из своих орудий, то поставить их пред оными, и таким образом подумают, что они убиты не ими, а орудиями. Байотноево, однако же, мнение, которое осуждало на смерть всех тех, кои упорствуют воздавать ему почтение уничижительным образом, превозмогло все прочие. Но располагающий всем и рассеивающий замыслы злых, сохранил их. Старшая из шести Байотноевых жен и тот чиновник, которому поручено попечение о приходящих туда послах, всеми силами восстали против данного повеления об убиении монахов. Первая, т.е. жена, говорила ему так: Если ты убьешь сих послов, то все те, кои услышат об этом, ужаснутся и возгнушаются тобою, и ты лишишься всех тех даров, которые присылаются тебе от знатных людей из разных и отдаленных мест; с посылаемыми же тобою к ним послами будут поступать так же, истребляя и умерщвляя их без милосердия. Тот же человек, которому поручалось попечение о приходящих послах, говорил Байотному так: Разве ты забыл, как много гневался на меня хам за то, что я по твоему приказанию убил одного посла... Итак, если ты мне велишь убить сих послов, то я тебя не послушаю, а сохраняя свою невинность, тотчас уйду к хаму и пред всем двором буду обвинять и уличу тебя в их смерти, как в неслыханном злодействе и человекоубийстве. Байотной, смягчась и убедясь сими представлениями, мало-помалу укротил жестокое и строптивое свое сердце и усмирился совершенно.

Глава 6

Как спорили они о том, каким образом кланяться

Наконец, бароны с толмачами своими, пробыв более обыкновенного, возвратились к монахам и, скрывая ярость своего государя, произведенную в нем их ответом, начали говорить так: Поскольку вы не соглашаетесь преклонять колен пред нашим государем, то мы спрашиваем: каким образом у вас оказывается почтение начальникам сообразно их достоинству? Сверх того, если мы дозволим вам предстать пред нашим государем, то спрашиваем: каким образом изъявите вы ему честь и почтение прилично тому уважению, которое вы должны оказать его достоинству? На это брат Асцелин, приподняв немного свою шапку и наклоня несколько голову, сказал: вот каким образом оказываем мы почтение своим начальникам и точно так же, а не иначе, если только не будем принуждены к тому силою, намерены мы почтить государя вашего Байотноя... Не можем мы государю вашему оказать требуемого вами почтения, какие бы ни предстояли нам мучения.

Глава 7

Как они отказались ехать к хаму

После сего бароны пошли опять к государю своему донести о том, что говорили монахи, и через некоторое также время возвратясь, по приказанию его сказали им: Государь наш Байотной приказал сказать вам, чтобы вы поспешнее отправились к хаму, повелителю и государю всех Татар, дабы вы, приехав к нему, увидели, кто и каков он есть, и дабы узнали, сколь велико его могущество, сколь велика его слава, что все теперь сокрыто от очей ваших. Тогда сами вы можете вручить ему грамоту папы, государя вашего, и, увидя его могущество и славу и богатство неисчетное, или услыша о том, возвестите о них надлежащим образом своему государю. Но брат Асцелин, замечая Байотноеву злобу, о которой наслышался уже прежде от многих людей, как Христиан, так и неверных, отвечал баронам так: Поскольку государь мой, как я уже прежде сказывал, никогда не слышал об имени хама, и не приказывал мне идти к нему, а послал к первому Татарскому войску, с которым я повстречаюсь, то я и не хочу и не могу ехать к нему, довольствуясь тем, что нашел государя вашего и его войско, чем и выполнил в точности данное мне приказание. Папскую же грамоту к государю вашему и его войску готов я представить, ежели угодно будет принять ее и видеть; а в противном случае отправлюсь к нему назад и донесу ему о всем том, что я сделал...

Глава 8

Как папскую грамоту заставили перевести на Татарский язык

После этого бароны пошли опять к Байотной донести ему о том, что говорили монахи, и через некоторое время, возвратясь, сказали им: Государь наш Байотной

через нас приказывает вам отдать нам всем, как верным и благонадежным его послам, грамоту государя вашего папы для представления и прочтения ему. Таким образом, брат Асцелин, вопреки обычаю, наблюдаемому послами, не будучи призван к самому Байотною, принужден был вручить им грамоту. Получив оную, пошли они опять к своему государю, и, через короткое время возвратясь, сказали, чтобы монахи с помощью толмачей, тут бывших, перевели папскую грамоту на Персидский язык, с которого переведется она на Татарский и представится Байотною, дабы он мог уразуметь ее как можно лучше... Таким образом, переписав грамоту и переведя на Татарский язык, представили ее Байотною, который, удержав ее у себя, через короткое время прислал к монахам опять вышесказанных баронов с каким-то знатным хамским секретарем, долженствовавшим очень скоро возвратиться к нему, которые сказали им: Байотной приказывает, чтобы вы, выбрав из себя двоих, отправили их немедленно к хаму с сим его слугою, который проводит их туда безопасно и верно. Приехав же к хаму, вручите ему грамоту вашего государя, получите ответ и, увидя силу и славу хамскую, донесите о том своему государю. На это брат Асцелин отвечал: Мы уже сказали, что не имеем повеления ехать к хаму, и что они могут нас связать и отправить туда насильно, а свою волею мы туда не поедem и не хотим разлучиться друг с другом...

Глава 9

Как Татары хитростью и обольщениями долго удерживают у себя монахов

...Через 4 дня после сего брат Асцелин и брат Гвихард, придя к Байотноеву шатру, просили баронов и толмачей доложить ему, не угодно ли ему будет что-нибудь отвечать на папскую грамоту, как в ней о том к ним писано, и приказатъ отпустить их обратно к папе как можно скорее и проводить безопасно через их землю. Но те бароны, которые были согласны с Байотноевой злобою на монахов, отвечали им так: Вчера, когда вы пришли ко двору государя нашего Байотноя, узнали мы из слов ваших, что вы пришли видеть Татарское войско. Но как войско наше не все еще собрано и вы еще его не видели, то и не можете быть отпущены от двора... После этого еще несколько раз приходили они ко двору, прося себе отпуска; но Татары все их обманывали, принимая их за подлых слуг, недостойных ответа, даже называя собаками. Таким образом, не проходило почти дня в течение июня и июля месяцев, в который не явились бы они ко двору, и оставались на солнечном зное от первого часа до шестого, а чаще до девятого, ожидая ответа и прося об отпуске; но не получая оногo, даже не удостоиваясь слова, принуждены были возвращаться в свой шатер томимые голодом. Так раздраженный Байотной, скрывая злобу свою под предлогом грубых их ответов, и 3 раза, как сказано, чуть было не умертвивший их, удерживал их в своем войске 9 недель, унижая их до того, что считал недостойными никакого ответа. Монахи же, всю злобу его и гнев сносили с терпением и покорностью и благоразумно превращали нужду в добродетель.

Глава 10

Как принудили их ожидать Авгута

Таким образом, Байотной, 5 недель откладывая исполнение над ними решения, наконец изготовив грамоту к папе и назначив отправить с ними своих послов, вздумал отпустить их, что случилось в праздник Св. Иоанна Крестителя⁴⁷⁵. Но через 3 дня отменил данное им позволение, говоря, что не хочет теперь отпустить их из своего войска потому, что слышал, что в скором времени будет к нему от государя его хама, сына Божия, какой-то великий и чрезвычайный посол, именем Авгута, который, как многие уверяли, назначен также от хама начальником над всею Грузией. Ибо этот Авгута при дворе хамском был великим советником и знал, каким образом хам писал в ответ к папе, и вез с собою какой-то новый от хама указ, для объявления оногo по всей земле, как уверял сам Байотной. Этот указ хотел Байотной объявить монахам и список с оногo отправить с ними и с своими послами к папе...

Глава 11

Как по приезде его они отправились

Наконец, брат Асцелин, боясь, чтобы сею остановкою не упустить способного для переезда морем времени, которое по приближающейся зиме бывает неудобно, пошел к одному знатному придворному советнику и просил его ходатайствовать за них у Байотной, поскольку он уже дал им позволение ехать. Желая же выиграть время, которое уже становилось дурно, обещал он сему советнику что-нибудь подарить, если он в этом ему поможет. Поэтому советник, пойдя к Байотному и, поднеся ему многие дары, поклонился, по приказанию хама, 3 раза с колена преклонением и ударяя челом в землю. Таким образом, Байотной со всеми своими советниками, чрезвычайно восхищаясь приездом Авгута с его спутниками, сделал для них праздник и веселье по своему обычаю, т.е. пили кобылье молоко и пели, или лучше выли. Для умножения же веселья пригласили соседственных Татар с их женами, а о монахах и назначенных своих послаx совсем забыли. Целых 7 дней занимались они едою, питьем и воем, а в восьмой, т.е. в день святого Якова⁴⁷⁶, дали

⁴⁷⁵ 29 августа.

⁴⁷⁶ 9 октября.

монахам позволение ехать свободно с послами и грамотами Байотноевою и хамскою, которую называют грамотою Божию.

Целый год монахи были в Татарской земле, считая проезд туда, пребывание там и возвращение оттуда... От Акона⁴⁷⁷ до сего Татарского войска в Персии, считается, как говорят, 59 дней пути.

Глава 12

О грамоте, которую послал Татарский князь к папе

Грамота же, которую Байотной послал к папе, была написана так.

Божественным расположением хама посылается слово Байотноевою. Ведай это, папа. Послы твои пришли и грамоту твою нам принесли. Послы твои говорили дерзкие слова: не знаем, ты ли велел им говорить так или они говорили сами от себя. А в грамоте пишешь ты, что мы многих людей убиваем, истребляем и губим. Непреложная заповедь Божия и установление того, кто сохраняет лицо всей земли таковы: слышащий установление да сидит на собственной земле, воде и вотчине, и отдаст силу тому, кто сохраняет лицо всей земли. Кто же, не внимая заповеди и установлению, будет делать противное, да истребитя и погибнет. Теперь посылаем мы вам это установление и эту заповедь. Если вы хотите сидеть на нашей земле, воде и вотчине, то ты, папа, приходи к нам самолично и предстань пред тем, кто сохраняет лицо всей земли. Если же ты не послушаешь непреложной заповеди Божией, и того, кто сохраняет лицо всей земли, то мы знаем, что из этого будет, Бог весть. Но прежде, нежели ты придешь, пришли послов возвестить нам: придешь ли ты или нет, хочешь ли жить с нами согласно или быть врагом? И на сие повеление пришли нам скорее ответ. Повеление это посылаем мы через руки Айбега и Саргиса. Писано месяца июля 20 дня луны в области замка Ситиенса.

Глава 13

О грамоте их императора, присланной к сему князю

А вот хамская к Байотной грамота, которую Татары называют грамотою Божию. Повелением Бога живого, Чингисхам, сын Божий кроткий и почтенный, говорит: Как Бог, превознесенный над всем, есть бессмертен, так на земле один владычествует Чингисхам⁴⁷⁸. Хотим, да слова сии достигнут до услышания всех и всюду, в областях, нам повинующихся, и в областях, нам сопротивляющихся. Посему ты, Байотной, да внушишь и возведишь им, что таково есть повеление Бога живого и бессмертного;

⁴⁷⁷ Город Акра в Сирии.

⁴⁷⁸ Чингис-хан умер в августе 1227 г.; в момент посольства Ашелина Монгольской Империей правила вдова Угэдея Туракина, т.к. сын Чингис-хана Угэдэй умер в 1241 г., а сын Угэдея Гуюк был провозглашен великим ханом в 1246 г., о чем нам сообщает Плано Карпини.

да объявишь немедленно то, о чем ты просил, и сие веление мое во всех местах, куда только может дойти посол. И если кто будет прекословить тебе, тот да продается и земля его да опустошится. И возвещаю тебе: кто не услышит сего моего веления, тот будет глух, и кто, увидя оно, не станет повиноваться, тот будет слеп, а кто будет исполнять сей суд мой, тот познает мир; кто же не будет выполнять оно, тот будет хром. Сие мое постановление да достигнет до сведения каждого, невежды и ученого. И так, кто услышит это и не станет выполнять, тот да истребится, погибнет и умрет. Объяви же оно, Байотной. И кто восхочет блага дома своего и будет сохранять оно, и желает служить нам, тот да будет охраняем и чествуем; а кто, услыша оно, будет прекословить, того карай, как рассудишь за благо.

Конец».

ПЛАНО КАРПИНИ. «ИСТОРИЯ МОНГАЛОВ»

Плано Карпини был итальянцем, родом из города Перуджи и происходил из знатной семьи. Его итальянское имя было Джованни дель Пьяно-Карпине, но в исторической литературе принята латинизированная форма его имени Плано Карпини. Он был одним из основателей монашеского ордена францисканцев (и его особую подразделения – ордена миноритов) и занимал достаточно видные должности в римской церкви, по поручению которой бывал и в Германии, и в Испании, и в других странах. Римский папа Иннокентий IV, избранный в 1243 г. вместо умершего Григория IX, отправляет Плано Карпини в Монгольскую Империю с поручением выяснить, не собираются ли татаро-монголы в поход на западные страны, узнать внутреннее положение дел в Монгольской Империи и попытаться обратить монгольских правителей в христианство.

Миссия Плано Карпини (его сопровождал польский монах Бенедикт), снабженная буллой Иннокентия IV к монгольскому Великому хану, выехала из Леона 16 апреля 1245 г. Более двух лет длилось путешествие разведчиков-миссионеров через многие земли и различные государства. Доехав до Волги, Плано Карпини побывал в ставке Бату хана и отправился дальше в Центральную Азию, где стал свидетелем возведения на общемонгольский престол хана Гуюка. В ставке Гуюка он прожил почти 4 месяца и отправился в обратный путь 13 ноября 1246 г. Осенью 1247 г. Плано Карпини прибыл в Лион, где и представил папе Иннокентию IV ответ хана Гуюка и свой подробный отчет о путешествии. Этот отчет дошел до нас в нескольких списках XIII в. (один из фрагментов сочинения Плано Карпини вошел в изданную в XIII в. энциклопедию Винченца «Великое зеркало»).

Мы пользуемся следующим изданием записок Плано Карпини: История монгалов/ Дж. дель Плано Карпини. – 3-е изд. – Путешествие в Восточные страны/Г. де Рубрук. – 3-е изд. – Книга Марко Поло. – 4-е изд./Вступ.ст., коммент. М.Б.Горнунга. (Серия «Путешествия и путешественники») – М.: Мысль, 1997.

«Иоанна де Пано Карпини, архиепископа Антиварийского, история монгалов, именуемых нами татарами»

Начинается история монгалов, именуемых нами татарами.

Всем верным Христову учению, до коих может дойти настоящее писание, Иоанн де Пано Карпини, брат ордена миноритов, легат апостольского престола, посланец к татарам и иным народам Востока желает милости Божией в настоящем, славы в будущем и торжествующей победы над врагами Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

Кончается приветствие, начинается введение.

1. Когда направлялись мы по поручению апостольского престола к татарам и к иным народам Востока и знали волю на то господина папы и досточтимых кардиналов, мы прежде избрали путешествие к татарам. Именно мы опасались, что от них вскоре будет грозить опасность Церкви Божией. И хотя мы опасались, что татары или другие народы могут нас убить или подвергнуть вечному пленению или голоду, жажде, холоду, зною, чрезмерным поношениям и трудам и, так сказать, мучить сверх сил (все это, за исключением смерти или вечного пленения, и случилось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы могли представить себе раньше), однако мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю Божию согласно поручению господина папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам или по крайней мере, узнав их истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы татары своим случайным и внезапным вторжением не застigli их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа.

2. Поэтому всему тому, что мы пишем вам для вашей пользы и предосторожности, вы должны верить тем безопаснее, что мы или сами видели все своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними с лишком год и 4 месяца, или пробыв в их среде, или услышав от христиан, находящихся в плену среди них и, как мы уверены, достойных доверия. Ведь мы имели поручение от верховного первосвященника, чтобы обследовать все в совокупности и тщательно осмотреть каждую подробность. Это и выполнено со тщанием как нами, так и принадлежащим к тому же ордену братом Бенедиктом, который был участником наших бедствий и толмачом.

3. Но если мы, к сведению читателей, пишем нечто такое, что неизвестно в ваших странах, то вы не должны ради этого именовать лживыми нас, излагающих вам то, что мы сами видели или слышали за верное от других, кого признаем достойными доверия. Наоборот, это очень жестоко, если человека за добро, которое он делает, другие подвергают позору.

Распределение книги по главам

Итак, желая написать про деяния татар, мы опишем их, чтобы читатели могли легче разобраться, по главам следующим образом: в первой расскажем об их земле, во второй – о людях, в третьей – об обычаях, в четвертой – о нравах, в пятой – о державе их, в шестой – о войнах, в седьмой – о странах, подчиненных ими своей

власти, в восьмой – о том, как надлежит с ними встретиться на войне, в последней – о пути, который мы совершили, о дворе императора и свидетелях, которые нашли нас в стране татар.

Глава первая

О положении земли татар, ее качестве и распределении в ней воздуха

О земле мы предположили рассуждать следующим образом: во-первых, мы скажем об ее положении, во-вторых, о качестве, в-третьих, о распределении в ней воздуха.

§ I. О положении земли

Итак, вышеназванная земля расположена в той части востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля китайцев, а также солангов⁴⁷⁹, к югу – земля сарацин⁴⁸⁰, к юго-западу расположена земля гуиуров⁴⁸¹, с запада – область найманов⁴⁸², с севера земля татар окружена морем-океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана со хрящом⁴⁸³, редко глиниста, по большей части песчана.

§ II. О качестве земли

В одной части земли находится несколько небольших лесов, другая же часть совершенно безлесна, пищу же себе варят и сидят для тепла, как император, так вельможи и все другие люди, при огне, разведенном из бычачьего и конского навоза. Далее даже и сотая часть вышеназванной земли не плодородна, и она не может даже принести плода, если не орошается речными водами. Но вод и ручьев там немного, а реки очень редки, откуда там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракарон⁴⁸⁴, но мы его не видели, а были почти за полдня пути до него, когда находились в Сыр-Орде⁴⁸⁵, каковая является главным двором их императора. И хотя в других отношениях земля не плодородна, она все же достаточно, хотя и не особенно, пригодна для разведения скота.

⁴⁷⁹ Речь идет о населении восточной Маньчжурии и Кореи.

⁴⁸⁰ Под сарацинами в данном случае подразумеваются народы, исповедующие ислам.

⁴⁸¹ Т.е. уйгуров.

⁴⁸² Одно из наиболее крупных тюрко-монгольских племен.

⁴⁸³ С щебнем.

⁴⁸⁴ Т.е. Каракорум, столица Монгольской Империи, находившаяся в долине реки Орхон. Подробное его описание имеется у Рубрука. Разрушен китайскими войсками в 1380 г.

⁴⁸⁵ Одна из временных ставок монгольских великих ханов.

§ III. О распределении воздуха

Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в избылии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в избылии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом. Отсюда когда мы были в Орде (так называются у них становища императора и вельмож), то от силы ветра лежали распростерты на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть. В этой земле также зимою никогда не бывает дождя, а летом идет он часто и так мало, что едва может иногда смочить пыль и корни трав. Падает там также часто очень крупный град. Отсюда в то время, когда был избран император и должен был воссесть на царском престоле, в бытность нашу при дворе, выпал столь сильный град, что, когда он внезапно растаял, как мы узнали вполне достоверно, более 160 человек утонуло там же, при дворе, а имущества и жилищ было снесено еще больше. Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод. Зимою же в одной части выпадают сильнейшие снега, а в другой – неглубокие.

И чтобы сделать краткое заключение об этой земле, она велика, но в других отношениях, как мы видели собственными глазами (т.к. странствовали по ней, ездя кругом, 5 месяцев с половиной), гораздо хуже, чем мы могли бы высказать.

Глава вторая

О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их

Сказав о земле, надлежит сказать о людях: во-первых, мы опишем внешний вид их лиц, во-вторых, изложим об их супружестве, в-третьих, об одеянии, в-четвертых, о жилищах и, в-пятых, об их имуществе.

§ I. О внешнем виде лиц

Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скулы; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут. На маковке головы они имеют гумецце наподобие клириков и все вообще бреют голову на 3 пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гумеццем; надо лбом равным образом также все бреют на 2 пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гумеццем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти, как женщины. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом. Ноги у них также небольшие.

§ II. Об их супружестве

Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать; иной 100, иной 50, иной 10, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства даже обязан жениться⁴⁸⁶. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху.

§ III. Об их одеянии

Одеяние же как у мужчин, так и у женщин сшито одинаковым образом. Они не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб. Кафтаны же носят из букарана, пурпура или балдакина⁴⁸⁷, сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом – тремя пряжками и на левом также боку разрезаны до рукава. Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен. Замужние же женщины носят 1 кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли. На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в 1 локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот убор все увеличивается в ширину, а наверху имеет 1 длинный и тонкий пруттик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот убор нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном, или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, т.к. они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать понятно их вид мы бессильны.

§ IV. Об их жилищах

Ставки⁴⁸⁸ у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине ставки, имеется круглое окно, откуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей.

⁴⁸⁶ Это делалось для того, чтобы вдова не осталась без крова и заступника.

⁴⁸⁷ Букаран – шерстяная ткань; балдакин – узорчатая ткань из золотых и шелковых нитей.

⁴⁸⁸ Т.е. юрты.

Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших же при перевозении на повозке достаточно 1 быка, для больших – 3, 4 или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой.

§ V. Об их имуществе

Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире, свиней⁴⁸⁹ и иных животных нет вовсе.

Глава третья

о Богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде

Сказав о людях, следует изложить об обрядности; о ней мы будем рассуждать следующим образом: сперва расскажем о Богопочитании, во-вторых, о том, что они признают грехами, в-третьих, о гаданиях и очищениях грехов, в-четвертых, о погребальном обряде.

§ I. О Богопочитании татар

I. Они веруют в единого Бога⁴⁹⁰, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока⁴⁹¹, сделанные по образу человеческого, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке пред входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления. А когда они хотят сделать этих идолов, то собираются вместе все пожилые хозяйки, которые находятся в тех ставках, и с благоговением делают их, а когда сделают, то убивают овцу, едят ее и сжигают огнем ее кости. И когда также болен какой-нибудь отрок, то они делают идола вышесказанным способом и привязывают его над ложем. Вожди, тысячники и сотники всегда имеют

⁴⁸⁹ Отсутствие свиней у кочевников Азии отмечено со времен скифов, см. сообщения Геродота.

⁴⁹⁰ Речь идет о тенгрианстве.

⁴⁹¹ Шаманисты-тенгрианцы почитали не только Небо, Землю, Огонь, но и множество других божеств, связанных с природой.

козла в середине ставки. Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вьючного. И всякий раз, как они приступают к еде или питью, они прежде всего приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке, и оставляют до утра, а также уносят сердце с его вида, варят и едят.

II. Прежде всего также они делают идол для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем. В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила⁴⁹², который был одним из великих князей русских, когда он отправился на поклон к Бату⁴⁹³, они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингисхану. Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, т.к. христианам этого делать не подобает. И после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания вышеупомянутый князь⁴⁹⁴ передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, т.к. эта мука недолго для тебя продолжится и тотчас последует вечное веселие». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом.

III. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья, и преимущественно утром, раньше чем станут есть и пить. И т.к. они не соблюдают никакого закона о Богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше. Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если татары получат единовластие, — да отвратит это Бог, — то они заставят всех поклоняться этому идолу. Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова, который находится в России, был обвинен пред Бату в том, что уводил лошадей татар из земли и продавал их в другое место; и, хотя это не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине

⁴⁹² Речь идет о Михаиле Черниговском, казненном татарами 20 сентября 1246 г.

⁴⁹³ Внук Чингис-хана (1208 – 1256), на Руси прозванный Батыем.

⁴⁹⁴ Т.е. хан Бату.

приказал поять его в мужья, согласно обычаю татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, и их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее, и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

§ II. О том, что они признают грехами

Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками. Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня; точно так же опираться на плеть, которой погоняют коня (они ведь не носят шпор); точно так же касаться стрел бичом; точно так же ловить или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздой; точно так же ломать кость о другую кость; точно так же проливать на землю молоко, или другой какой напиток, или пищу, мочиться в ставку, но, если кто это сделает добровольно, его убивают, если же иначе, то им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку и то, что в ней находится, пройти между двух огней, а раньше, чем она будет так очищена, никто не дерзает войти в нее и унести из нее что-нибудь. Точно так же если кому положат в рот кусочек и он не может проглотить его и выбросить его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают; точно так же если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом. И у них есть много подобного этому, о чем было бы слишком долго рассказывать. А убивать людей, нападать на земли других, захватывать имущество других всяким несправедливым способом, предаться блуду, обижать других людей, поступать вопреки запрещениям и заповедям Божиим отнюдь не считается у них греховным. Они ничего не знают о вечной жизни и вечном осуждении; веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире.

§ III. О гаданиях и очищениях грехов

И. Они усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебствам. И когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют Итога⁴⁹⁵,

⁴⁹⁵ Речь идет о богине земли Этугэн.

а команы⁴⁹⁶ именуют его Кам⁴⁹⁷; они удивительно боятся и чтут его, и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам. Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние, откуда именуют ее великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся. Солнце они называют также матерью луны, потому что она получает свет от солнца.

II. И, говоря кратко, они веруют, что огнем все очищается; отсюда когда к ним приходят послы, или вельможи, или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла. Точно так же если огонь упадет с неба на стада или на людей, что там часто случается, или если с ними случится что-нибудь подобное, почему они могли бы считать себя нечистыми или несчастливymi, то им равным образом надлежит подвергнуться очищению при посредстве колдунов; и, так сказать, всю свою надежду они возложили на подобных лиц.

III. Когда кто-нибудь из них смертельно заболевает, то на ставке его выставляют копы и его обвивают вокруг черным войлоком; и с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок; и когда у больного начнется агония, то почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не может входить в Орду какого-нибудь князя или императора до новой луны. Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посредине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревьяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сжигают. И часто также женщины собираются для сожжения костей за упокой душ людей, как это мы видели собственными глазами и узнали там же от других. Мы видели также, что Оккодай-хан⁴⁹⁸, отец нынешнего императора⁴⁹⁹, посадил куст за упокой своей души, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию, снятию одежды и злым побоям. И хотя мы сильно нуждались подогнать коня, мы не смели срезать ни одного прута. Золото и серебро они хоронят таким же образом вместе с ним. Повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его разрушают, и никто вплоть до третьего поколения не дерзает называть умершего его собственным именем.

⁴⁹⁶ Т.е. кипчаки.

⁴⁹⁷ ? – «кам» по-тюркски значит «шаман».

⁴⁹⁸ Т.е. Узгэдэй хан (1187–1241), третий сын Чингис-хана и его преемник, ставший великим монгольским ханом после курултая 1229 г.

⁴⁹⁹ Т.е. великого хана Гуюка (1205–1248).

§ IV. О погребальном обряде

I. Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц. Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем, и делают большую яму, и сбоку этой ямы делают яму под землею, и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так поступают трижды; и если он уцелеет, то впоследствии становится свободным, делает все, что ему будет угодно, и считается великим в ставке и в среде родственников усопшего. Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место. В остальном они поступают так, как о том сказано выше, но наружную его палатку оставляют на поле. В их земле существуют 2 кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое – то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие. К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены там для охраны, а если кто подойдет, то его хватают, обнажают, бичуют и подвергают очень злым побоям. Поэтому мы сами по неведению вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и сторожа пошли на нас, желая перестрелять, но т.к. мы были послами и не знали обычая страны, то они дали нам уйти беспретственно.

II. Родственников же усопшего и всех тех, кто пребывает в его ставках, надлежит очистить огнем; это очищение делается следующим образом. Устраивают 2 огня, и рядом с огнями ставят 2 копы с веревкой на верхушке копий, и над этой веревкой привязывают какие-то обрезки из букарана; под этой веревкой и привязками между упомянутых двух огней проходят люди, животные и ставки. И присутствуют 2 женщины, одна отсюда, другая оттуда, прыскающие воду и читающие какие-то заклинания, и, если там сломаются какие-нибудь повозки или даже там упадут какие-нибудь вещи, это получают колдуньи. И если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом через огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у них будет тому подобного, не подлежат чьему-либо прикосновению, но отвергаются всеми как нечистое.

Глава четвертая

О нравах татар, хороших и дурных, их пище и обычаях

Сказав об обряде, надлежит сказать о нравах; о них будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о хороших, во-вторых, о дурных, в-третьих, о пище, в-четвертых, об обычаях.

§ I. О хороших нравах татар

Вышеупомянутые люди, т.е. татары, более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире, или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретается также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно читит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы; поэтому, голодая 1 день или 2 и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И это люди не изнеженные. Взаимной зависти, кажется, у них нет; среди них нет почти никаких тяжёбных ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бесстыдстве их ничего среди них не слышно; однако некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов. Раздоры между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки.

§ II. О дурных нравах их

Описав их хорошие нравы, следует изложить теперь о дурных. Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь России, а также сын царя и царицы грузинской и много великих султанов, а также князь солангов не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть зади зада их. По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обретается никакой почти правды; вначале, правда, они льстивы, а под конец жалят, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью. Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье и в других делах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей. Пьянство у них считается почетным, и, когда кто

много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители. Убийство других людей считается у них ни за что. И, говоря кратко, все дурные нравы их по своей пространности не могут быть изображены в описании.

§ III. Об их пище

I. Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих татар вышли все съестные припасы, то, т.к. у них не было вовсе что есть, они брали тогда для еды одного из 10 человек⁵⁰⁰. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: «Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?». Мы видели также, как они ели мышей⁵⁰¹. Скатертей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это.

II. Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги, или о траву, или о что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса. Пищу разрезает один из них, а другой берет острым ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого почтить. Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки, или ложки, или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же. У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если из них прежде не высосать мозжечок. Платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время.

III. Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечьё, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимой у них нет даже кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу.

⁵⁰⁰ Сообщение Плано Карпини противоречит в данном случае свидетельствам других источников. Так, например, Рашид-ад-дин утверждает, что жители осажденного города «от чрезмерного голода ели человеческое мясо».

⁵⁰¹ Речь, скорее всего, идет о сусликах.

§ IV. Об их законах и обычаях

I. Далее, у них есть закон, или обычай, убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии; также если и девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину. Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления. Точно так же если кто-нибудь открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду 100 ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой. Точно так же когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию. Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги. И если один татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день – с другою; все-таки одна из них считается старшей среди других, и он бывает с ней чаще, чем с другими, и, хотя их так много, они нелегко ссорятся между собою.

II. Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им 2 или 3 года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы.

III. Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно⁵⁰². Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины...».

АЛ-ОМАРИ О КИПЧАКАХ И ТАТАРАХ, О ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И БУЛГАРЕ

Письменных источников, исходящих из самой Золотой Орды, очень мало, т.к. большая их часть безвозвратно погибла при распаде государства и завоевании русскими тех татарских ханств, что образовались на его территории. Недостаток таких источников в определенной мере восполняется данными документов,

⁵⁰² Это сообщение подтверждается археологическими находками, своим происхождением связанными с тюрко-монгольскими народами; вспомните сообщения античных авторов об амазонках Азии.

возникших в странах, подчинявшихся Золотой Орде или находившихся с ней в дружественных либо враждебных отношениях. Таких же источников очень много. Это западноевропейские письменные источники на польском, болгарском, венгерском, латинском и иных языках, русские письменные источники, в частности, летописи, византийские – на греческом языке, восточные – на языках монгольском, уйгурском, китайском, чагатайском, арабском, турецком, персидском, армянском, грузинском и др. Понятно, что все эти источники по-своему субъективны и односторонни в плане освещения событий истории. Вдобавок, их авторов и составителей мало интересовала внутренняя жизнь Золотой Орды – они записывали прежде всего то, что касалось их собственного государства, своей страны, своего региона. Так, ранние персидские источники, созданные в Западном Иране, показывают Золотую Орду прежде всего как врага, с которым постоянно идет война за обладание Кавказом. Более поздние персидские источники, связанные с Восточным Ираном и Средней Азией, в первую очередь освещают историю Кук Орды (часть Улуса Джучи; ее границы часто менялись) с центром в Сыгнаке и Саурани на Сырдарье, что на территории современного Казахстана, и только через призму ее истории они «видят» историю Золотой Орды с центром в Поволжье.

Многообразие иноязычных источников по истории Золотой Орды создает, как это ни странно на первый взгляд, огромные трудности для исследователей. Ведь даже если найдется историк, знающий многие языки, качественное изучение всех источников по истории Золотой Орды будет для него сложной и вряд ли выполнимой работой. Отсюда возникла необходимость в создании переводов всех этих источников. Так, китайские источники по истории Монгольской Империи (частью которой до конца XIII – начала XIV вв. являлась Золотая Орда⁵⁰³) были переведены И. Бичуриным, Е. Бретшнейдером, Н. Мункуевым и др., армянские – К. Паткановым, Н. Эминым и т. д.

В конце 70-х годов прошлого столетия попытка издать свод арабских, персидских и турецких источников по истории Золотой Орды была предпринята русским востоковедом бароном Владимиром Густавовичем Тизенгаузенем. Этот огромный труд создавался на личные средства графа С. Г. Строганова⁵⁰⁴. Результатом работы в крупнейших архивах Европы и Санкт-Петербурга явился «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. I: Извлечения из сочинений арабских», изданный в Санкт-Петербурге в 1884 г. Тогда же В. Г. Тизенгаузенем были сделаны выписки из сочинений на персидском языке, которые он обрабатывал в последующие годы, но так и не успел издать. Это объяснялось тем, что после смерти Строганова

⁵⁰³ Проблема определения точного времени выделения Золотой Орды из состава Монгольской Империи очень сложна. К сожалению, источники не отвечают конкретно на этот вопрос. Аналогичная ситуация по вопросу выделения из состава Золотой Орды средневожского региона на стыке XIV–XV вв.

⁵⁰⁴ Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882) – русский государственный деятель, археолог. Основатель Строгановского художественного училища, попечитель Московского учебного округа, председатель Московского общества истории и древностей российских (183–1874 гг.), глава Государственного совета и т. д.

некому было финансировать исследования по истории Золотой Орды. В 1941 г. стараниями ученых Института востоковедения АН СССР (г. Ленинград) был опубликован второй том «Сборника», содержащий извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем.

Далее мы предлагаем отрывки из сочинения «Пути взоров по государствам разных стран»⁵⁰⁵. Отметим только, что ал-Омари Шигабетдин Ахмед ибн Йахиа ибн Фазлаллах ад-Димакши (1301–1349), будучи секретарем при египетском султানে, почерпнул свои сведения о кипчаках и татарах путем личных распросов тюрков-мамлюков, дипломатов разных стран и торговцев.

«...О Туранцах – их два разряда: первый разряд в Мавераннехре, второй в Харезме и Кипчаке... Разряд второй: в Харезме и Кипчаке... Это государство простирается далеко в длину и ширину, обильно степями и бедно городами. Народу в нем беспредельное множество... У жителей этого государства мало способности к военным действиям. У царей их нет большой заботливости об учреждениях... Столица тамошнего царя – Сарай. Это небольшой город между песками и рекою⁵⁰⁶. Пребывающий там теперь султан его, Узбек-хан⁵⁰⁷, построил в нем медресе для науки, потому что он очень предан науке и людям ее... Он мусульманин чистейшего правоведия, открыто проявляющий свою религиозность и крепко придерживающийся законов мусульманских, соблюдает совершение молитвы и отбывание постов... Большая часть его подданных – обитатели шатров, живущие в степях. Питание их составляют животные их: лошади, коровы и овцы. Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются и по части произведений земли в нем заключается главная еда их... Большая часть их еды состоит из мяса, добываемого посредством охоты, из молока, сала и проса... У султана этого государства рати Черкесов, Русских и Ясов. Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя⁵⁰⁸, текут реки и добываются плоды. Черкесы, Русские и Ясы не в силах сопротивляться султану этих стран и потому обходятся с ним как подданные его, хотя у них и есть свои цари. Если они обращались к нему с повинованием, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами... В числе тех, которые пришли под защиту этого султана, находится и тюрокский народ, на крайнем севере, у пределов его; он в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы, и сильная стужа губит их скотину. Это тупоумный и жалкий народ, у которого нет ни привязанности к какой-либо вере, ни проничательности

⁵⁰⁵ Текст дается в современной орфографии. – Ред.

⁵⁰⁶ В XIII в. столицей Золотой Орды являлся Сарай-ал-Махруса – достаточно крупный для средневековья город площадью 10 км на 2 км; в XIV в. столицей становится Сарай-ал-Джедид, занимавший территорию в 48 кв.км. – Ибн Баттута писал о его «чрезвычайной величине».

⁵⁰⁷ Годы его правления – 1312–1342.

⁵⁰⁸ Т.е. водится скот.

ума. Вследствие бедственности их, происходящей от дурного положения, случается, что когда кто из них находит кусок мяса, то варит его, но не доваривает, выпивает отвар и оставляет мясо на съедение в другой раз; затем собирает кости, переваривает их снова и выпивает отвар. По этому суди об остальном образе жизни их...

...Тюрки этих стран одни из лучших родов Тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станом, красоте своих фигур и благородству своих характеров. Из них состоит большая часть войска Египетского, ибо от них происходят султаны и эмиры Египта, с тех пор, как Эльмелик-Эссалих Неджмеддин Эйюб, сын Элькамиля, стал усердно покупать Кипчацких невольников. Потом господство перешло к ним. Цари из них⁵⁰⁹ чувствовали склонность к своим родичам и хлопотали об усилении числа их, так что Египет заселился ими и стал охраняем ими со всех сторон. Из них были светила государевой свиты, председатели собраний, предводители войск и вельможи земли Египта. Мусульманство прославляет их подвиги в защиту веры и что они за дело Аллахова воевали с своими родичами и соплеменниками, причем не отклоняла их от этого дела любовь к соплеменникам и не останавливало их в деле Аллаховом хуление порицателей. Достаточно указать на первую победу, одержанную ими в сражении при Айджалуте, когда выступил Эльмелик-Эльмузаффар Котуз, владыка Египта, в 658 г.⁵¹⁰ да разбил при Айджалуте войска Хулаку⁵¹¹ и Хулаку ушел от Халеба вспять. Войско Египетское исполнило то, чего не были в силах сделать цари разных стран земли⁵¹²... Благодаря этой победе победа над Татарами стала постоянной, а одержана она была именно мамлюками, не кем-нибудь другим, хотя и было тогда много царей мусульманских и велико их рвение к священной войне. Этим разом поддержан был дух ислама и уцелел остаток веры. Не будь этого, распался бы народ истинной религии, расшатались бы столбы веры, пропались бы всадники поклонников солнца до крайних пределов Запада и покорились бы им все правители земли. Это вставка, которую повлекло за собою отступление при рассказе о жителях этой страны; теперь мы вернемся к продолжению того, что мы рассказывали о стране их и о делах их в ней. Эта страна одна из самых больших земель, обилующая водой и пастбищами, дающая богатый урожай, когда сеется в ней хлеб, но жители ее народ бродящий и кочующий, обладающий скотом; у них нет никакой заботы о посевах и посадках. До покорения этой страны Татарами она была повсюду возделана, теперь же в ней только остатки этой возделанности. В ней растут разные деревья, разные плоды: виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи. В ней есть плод, который на языке Кыпчацком зовется «батенке», похожий на винную ягоду...

⁵⁰⁹ Т.е. египетские султаны из тюркских мамлюков; о мамлюках имеется обширная литература – одна из последних: Исламов Р. Золотая Орда и мамлюцкий Египет: письменное наследие, культурные связи. – Казань, 1998 (на татарском языке); есть хороший художественный фильм о мамлюках – «Бейбарс» (Казахстан).

⁵¹⁰ 1260 г.

⁵¹¹ Чингизид Хулагу, основатель государства Хулагуидов, просуществовавшего с 1256 г. до середины XIV в. на территории современных Ирана, Ирака, Афганистана, Туркмении и восточной части Малой Азии.

⁵¹² Речь идет о военном противостоянии войскам потомков Чингис-хана.

...Первый из царей их, принявший мусульманскую веру, был Берке, сын Джучи, сына Чингизхана, и от него заблестали первые лучи в их краях; в настоящее же время солнце взошло и свернулись покрывала мрака в большей части их народа, за исключением лишь немногих редких случаев... Несмотря на появление ислама в этих народах и исповедание ими двух догматов⁵¹³, они все-таки переступают правила ее религии во многих делах. Как первый так и последний из этого народа не следует ясе Чингизхана настолько, насколько ей следуют другие из них...

...В древности это государство было странною Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом Татары смешались и породнились с Кипчаками⁵¹⁴, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами Татар и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного с ними рода, оттого, что Монголы и Татары поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле Кипчаков. Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет природенные черты согласно ее природе...

...Эльгарр Хасан Элибрили говорил, что, по рассказу странствующего купца Бедредина Хасана Эрруми, границы этого государства со стороны Джейхуна: Хarezм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, области Сибирь и Ибирь, Башкырды и Чулыман; потом за Чулыманом границы владений Сибири и Ибири касаются пределов земель Хатайских⁵¹⁵. Город Баку, говорил он, один из городов Ширванского края и близ него «Железные Ворота», которые Тюрки называют Демиркапу. От Железных Ворот, которые означают город Баку⁵¹⁶, до пределов Хатайских земель, со стороны Сибири и Ибири, караван бывает в пути 5 месяцев. Это длина этого государства, а пространство от реки Джейхуна до реки Дуная – ширина этого государства. Из больших рек в этом государстве известны Сейхун, Джейхун, Дунай, Итиль, Яик, Дон и Торлу⁵¹⁷... Один из известнейших городов Кипчака – Булгар... Когда путешественник едет от Чулымана на Восток, то он приезжает к городу Каракоруму, а далее в землю Хатайскую, в которой находится Великий Кан⁵¹⁸. Это одна из земель Китайских... В настоящее время местопребывание Великого Кана – Ханбалык⁵¹⁹...

...Спросил я шейха нашего, чудо своего века, Шемседина Элисфгани о Чингизханидах. Сказал он мне: «Чингизхан произвел 4 сыновей, а именно: Джучия, Джагадая, Тулия и Угедая. Джучи был убит при жизни отца⁵²⁰. Это был его старший

⁵¹³ 1. «Нет другого божества, кроме Аллаха» 2. «Мухаммед – посланник Аллаха».

⁵¹⁴ Источники, использованные в работах казахских ученых и др., позволяют отнести начало родства татар и кипчаков к VI–VII вв.; см., например, работы Б.Е.Кумекова.

⁵¹⁵ Северо-Китайских.

⁵¹⁶ Дербент?

⁵¹⁷ Днестр.

⁵¹⁸ Которому номинально были подчинены все земли Чингизидов, в том числе и Улус Джучи – Золотая Орда.

⁵¹⁹ Совр. Пекин.

⁵²⁰ Есть версия, что Джучи был умерщвлен по приказу Чингис-хана.

и самый почтенный сын, оставивший несколько сыновей; по словам Ибнхакима это были Бату, Орда, Берке, Бувуд и Джимтай. Шейх наш Шемседдин говорит: известны более других сыновья Джучи: Бату⁵²¹ и Берке⁵²². Когда умер отец их, которому Чингизхан назначил в удел Дешт-Кипчак и то, что к нему принадлежит, присоединив к тому Арран, Тебриз, Хамадан и Мерагу – престол свой Чингизхан вручил младшему сыну своему Угедаю, царство Мавераннехрское назначил другому сыну своему Джагадаю, а Тулия не поставил ни над чем – тогда Угедай стал самодержцем на престоле отца своего, Чингизхана, а Бату в Дешт-Кипчаке и принадлежащих к нему землях⁵²³...».

ИБН БАТТУТА О ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Наряду с Ибн Фадланом и Марко Поло⁵²⁴ интересные и обширные сведения о населении и государственном устройстве тюркских регионов Восточной Европы и Средней Азии оставил Ибн Баттута. Полное имя Ибн Баттуты – Шамс ад-дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абдаллах ибн Мухаммад ибн Ибрахим ибн Мухаммад ибн Ибрахим ибн Йусуф ал-Лавати ат-Танджи. «Баттута», по-видимому, его дальний предок. Последняя составная его имени указывает на его связь с городом Танжером в Марокко (Танжер – небольшой портовый город на берегу Атлантического океана у Гибралтарского пролива), где он родился 24 февраля 1304 г. Предпоследняя – о его происхождении из берберской племенной группы Лавата, проживающей на территории всей Северной Африки, включая Египет.

К сожалению, мы очень мало знаем об Ибн Баттуте. Причем эта информация содержится в продиктованных им записках. Из них мы узнаем, что Ибн Баттута был религиозным человеком, купцом и страстным путешественником. Толчком к его путешествиям явилось стремление совершить хадж – паломничество к святыням ислама. Вот его рассказ об этом: «Говорил шейх Абу Абдаллах. Мое отбытие из Танжера, места моего рождения, случилось в четверг 2 числа месяца Аллаха раджаба «одинокого» 725 г.⁵²⁵ с намерением отправиться в хаджж к «дому священному» и навестить гробницу посланника; я отправился в одиночестве без сотоварища... без каравана... меня побуждало стремление души, сильное в решимости, влечение к этим благородным местам, скрытое в груди... А возраст мой был тогда 22 года...». Весьма

⁵²¹ Первый правитель Золотой Орды.

⁵²² Четвертый, а фактически второй, правитель Золотой Орды.

⁵²³ В источниках и историографии можно встретить десятки различных наименований того государства, которое мы со школьной скамьи привыкли называть Золотой Ордой: Золотая Орда, Орда, Улус Джучи, Дешт-и-Кипчак, Тартария, Идель-йорт, Дом (Юрт) Берке, Государство Узбека и т.д.

⁵²⁴ Книга Марко Поло – это воспоминания Марко Поло о путешествии в Центральную Азию в 1271–1295 гг., записанные в тюрьме его соседом по камере. Поскольку труд этот широко известен, мы сочли возможным не включать его в этот сборник.

⁵²⁵ 14.06.1325.

вероятно, что сперва Ибн Баттута имел в виду совершить только хадж, и едва ли он подозревал, что вернется на родину лишь спустя десятилетия.

В 1325 г. отправившись из Марокко в хадж, Ибн Баттута побывал в Египте, Аравии, Иране, Месопотамии, Сирии, Малой Азии, Золотой Орде (Крым, Поволжье, Хорезм), Афганистане. Потом он прибыл в Индию и жил там несколько лет. Оттуда Ибн Баттута поехал в Индонезию и Китай. В 1349 г. он возвратился в Марокко, затем 3 года жил в Гранаде – исламской Испании. Именно здесь, по всей видимости, он познакомился с будущим редактором своих путевых записок Мухаммедом ибн Джузайем. В 1352–53 гг. Ибн Баттута путешествовал по Судану. Умер в 1377 г. в городе Фес (Марокко).

Описания путешествий Ибн Баттуты в информативном плане очень богаты, кратки и объективны – они изобилуют сведениями этнополитического, социально-экономического, этнографического и культурно-бытового характера.

Сама инициатива создания описания путешествий Ибн Баттуты принадлежит правителю Марокко Абу Инану. Видимо, путешественник, щедрый на рассказы, не чувствовал влечения к писательской деятельности. Литературный редактор, взявшийся за эту работу, писал: «...И последовало указание благородное, чтобы он (Ибн Баттута.– Б.Х.) продиктовал, какие видел на пути своем города и что закрепилось в его памяти из редких сообщений, чтобы он помянул, с кем встречался из царей земель и ученых их лучших и святых их благих. И он продиктовал то, в чем было развлечение для умов и красота для слуха и зрения... Я передал смысл речи шейха Абу Абдаллаха словами, соответствующими цели, к которой он стремился, разъясняя направления, которые он имел в виду. Иногда я приводил его слова, как он поставил, не нарушая у него ни корня, ни ветви. Я приводил все, что он упомянул, рассказы и сообщения и не брался за исследование истинности этого или за проверку...».

Таким образом, описание путешествий Ибн Баттуты, известное под названием «Тухфат ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар» («Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий»), не является сочинением самого Ибн Баттуты: это – литературная обработка его устных рассказов, выполненная Ибн Джузайем. Это обстоятельство не следует забывать...

Записки Ибн Баттуты впервые были открыты в 1808 г., причем не учеными, а путешественниками Зетценом и Буркхардтом. Благодаря им рукописи сокращенной редакции ал-Байлуни (составлена в конце XVII в.) попали в Европу и текст сделался доступным исследованию ученых. Пионером в его изучении явился Козегартен (издание 1818 г.) и его ученик Апец (изд. 1819 г.). Важным шагом вперед явился полный перевод сокращенной редакции, изданный кембриджским профессором С. Ли (изд. 1829 г.). После завоевания Алжира французским ученым стали доступны несколько полных списков книги путешествий. Благодаря этому в 1853–58 гг. исследователи Дефримери и Сангинетти осуществили первое полное издание всего текста и французский его перевод (Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe accompagne d'une traduction par C. Defremery et V.R. Sanguinetti. – V.1–4. – P., 1853–58. В 1870–72 гг. перепечатка арабского текста этого издания вышла в Каире в двух томах. В 1884 г.

выдержки из путешествий Ибн Баттуты и их русский перевод были изданы В.Г.Тизенгаузенем в составе 1-го тома «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» (ученый использовал парижское издание 1853–58 гг.: т.2, с.355–419, 444–451; т.3, с.1–19). В 1897–1901 гг. свет увидел трехтомный турецкий перевод текста.

Впервые выдержки из «путешествий» были переведены на татарский язык известным ученым Ризаэтдином Фахретдиновым. Перевод и комментарий текста под общим названием «Ибне Батутаның Дүшті Кыпчаққа сЯхпте: «Тохфтен-нУзар фи гараибел-Пмсар в гаПаибел-Псфар» исемле ПсрдПн алынып тПркичПлП тПрдемП кылынды/МотПриме Ризаэтдин бине ФПхретдин» были выпущены издательством газеты «Вақыт» в Оренбурге в 1917 г.

Позднее свет увидели следующие издания текста и исследования (полный перечень их дан в работах узбекского ученого Нематуллы Ибрагимова):

Ибн Баттута/Текст, перевод и комментарий Р.Агаряна.– Ереван, 1940 (на арм.яз.)
Крачковский И.Ю. Избранные сочинения.– Т.4.– М.– Л., 1957.– С.416–430 (об Ибн Баттуте, его путешествиях и о «Тухфат»)

The travels of Ibn Battuta A.D. 1325–1354/ed. by H.A.R.Gibb.– V.1–4.– Cambrige: Hakluyt Society by Cambrige University Press, 1958, 1962, 1971.

Cesty po Africe, Asii a Evrope wykonane v letech 1325 az 1354/Preložil Ivan Hrbek.– Praha, 1961

Ibn Battuta. Osobliwosci miast i dziwy podrozy/Tlumasczyli z jezyka arabskiego T.Majda i H.Natorf.– Warszawa, 1962

Ибн Баттута. Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий.– Каир, 1964 (на араб. яз.)

Хубсак Шакир. Ибн Баттута и его путешествия.– Неджеф, 1971 (на араб.яз.)

Милославский Г.В. Ибн Баттута.– М.: Мысль, 1974.

Тимофеев И.В. Ибн Баттута.– М.: Мол.гвардия, 1983.

Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии.– М.: Наука, 1988.

Далее предлагается перевод записок о путешествиях Ибн Баттуты, выполненный В.Г.Тизенгаузенем.

«... Мы добрались морем из Синопа до гавани, называемой Керчью... Мы проночевали эту ночь в церкви... Местность эта, в которой мы остановились, принадлежит к степи, известной под именем Дешт-Кипчака. Дешт – на тюркском языке значит степь. Степь эта зеленая, цветущая, но нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема. Нет на ней и дров, а жгут жители ее только сухой помет, который называют тезек⁵²⁶. Видишь, как даже старейшины их подбирают его и кладут в полы одежды своей. Ездят по этой степи не иначе как на телегах, а расстилается она на 6 месяцев пути; из них 3 едешь по землям султана Мухаммеда Узбека⁵²⁷, а 3 по другим

⁵²⁶ Кизяк.

⁵²⁷ Годы правления 1312–1342.

владениям. На заутрие дня нашего прибытия в эту гавань один из купцов, наших товарищей, отправился к тем в этой степи, которые принадлежат к народу, известному под именем Кипчаков – они христианской веры – и нанял у них телегу, которую тащил конь. Мы сели в нее и прибыли в город Кафу. Это большой город, который тянется вдоль берега морского. Населяют его христиане, большая часть которых Генуэзцы. У них эмир, по имени Эльдемедир. Мы остановились в Кафе, в мечети мусульман.

... Затем мы наняли телегу и поехали в город Кирам – город большой и красивый, из владений султана великаго Мухаммеда Узбекхана⁵²⁸. С его стороны поставлен над ним⁵²⁹ эмир, имя котораго Тулуктумур. Один из служителей этого эмира сопровождал нас на пути нашем и известил его о прибытии нашем. Тулуктумур прислал мне с имамом своим Саадеддином коня. Мы остановились в ските, старшиною которого шейх-заде Эльхорасани. Шейх этот обласкал нас, приветствовал нас и оказал нам радушный прием. Он пользуется у них большим почетом. Я видел приходивших к нему на поклон людей: кадиев, хатыбов, правоведов и др. Этот шейх-заде сообщил мне, что за чертою этого города живет монах христианский в монастыре, служа в нем Богу да усердно постясь⁵³⁰... Эмир Тулуктумур был болен; мы вошли к нему; он принял нас с почетом и обласкал нас. Он собирался ехать в город Сарай, столицу султана Мухаммеда Узбека; я снарядился в путь в сообществе его и с этою целью купил телеги.

О телегах, на которых ездят в этой стране. Телегу называют они араба. У каждой из телег 4 больших колеса; есть между ними такие арбы, которые везут только две лошади, но есть и такие, в которые впрягают больше этого. Возят их также волы и верблюды, смотря по тяжести или легкости арбы. Тот, который заправляет арбой, садится верхом на одну из везущих ее лошадей, на которой находится седло. В руке его плеть, которую он приводит в движение для погонки, и большой шест, которым он направляет арбу, когда она сворачивает с пути. На арбу ставится нечто вроде свода, сделанного из прутьев дерева, привязанных один к другому тонкими кожаными ремнями. Это легкая ноша; ее обтягивают войлоком или попоной; в ней бывают окна решетчатые и тот, кто сидит в ней, видит людей, они же его не видят; он поворачивается в ней как угодно, спит и ест, читает и пишет во время езды. На тех из таких арб, на которых возят тяжести дорожные и съестные припасы, находится подобная же кибитка, о какой мы говорили, но с замком. Когда я задумал ехать, я изготовил для своей езды покрытую войлоком арбу, в которой со мною поместилась моя девушка, для товарища моего Афифедина Эттузери – маленькую арбу, а для остальных спутников – большую телегу, везомую тремя верблюдами, на одного из которых сел верхом возница арбы. Поехали мы в сообществе эмира Тулуктумура, брата его Исы, и двух сыновей его Кутлудимура и Сарубека. Отправились с ним еще в этой поездке имам его, Саадеддин, проповедник Абубекр, кади Шемседдин, правовед

⁵²⁸ Это город Крым; генуэзцы называли его Солхат; нынешнее его название – Старый Крым.

⁵²⁹ Над городом.

⁵³⁰ Это еще раз доказывает веротерпимость татарских ханов.

Шерефеддин Муса и муарриф⁵³¹ Алаэддин... Тюрки имеют обыкновение путешествовать по этим степям точно так же, как путешествуют паломники по дороге Хиджазской, т.е. они отправляются в путь после заревоной молитвы, делают привал утром, выезжают после полудня и снова останавливаются вечером. Сделав привал, они выпрягают лошадей, верблюдов и волов из арб и пускают их на волю пастись ночью и днем. Никто не отпускает особого корма скотине, ни султан, ни другие. Особенность этой степи заключается в том, что растения ее заступают скоту место ячменя; такой особенности нет у других стран. Вот почему в ней много скота; притом у скотины их нет ни пастухов, ни сторожей, вследствие строгости постановлений их за воровство. Постановление же их по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину его и вместе с тем дать ему 9 таких же коней, а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают, как зарезывается овца. Тюрки эти не едят ни хлеба, ни плотной пищи, а готовят еду из какого-то водящегося у них проса, похожего на анли и называемого ими дуки. Они ставят на огонь воду и, когда она вскипит, сыплют в нее частицу этого дуки, а если у них есть мясо, то нарезают его на мелкие куски и варят его вместе с ним. Потом кладут каждому человеку порцию его на блюдо, поливают ее кислым молоком да хлебают ее, и затем запивают это кобыльим молоком, которое они называют кимизз. Кипчаки народ крепкий, сильный и здоровенный. В иное время они готовят еще пищу, которую называют бурхани. Это – тесто, которое режут на мелкие кусочки, просверливая их посредине, и кладут в котел, а когда куски сварились, то льют на них кислое молоко и хлебают их. Есть у них напиток, приготовляемый ими из зерен дуки, о котором была речь выше. Едение сластей они считают пороком. Однажды я был у султана Узбека во время рамазана; принесли конину, которую они едят больше всякого другого мясного, да баранину и ришту, а эта последняя нечто вроде лашши; она варится и кушается с молоком. В ту же ночь я принес ему блюдо со сладостями, которые изготовил один из моих спутников, и поставил его перед ним. Он засунул в него палец свой, положил его в рот и больше этого уже не делал. Эмир Тулуктурмур сообщил мне, что один из старших невольников этого султана, у которого было около 40 детей и внуков, и которому султан однажды сказал: «поешь халвы и я всех вас отпущу на волю», отказался от этого и ответил: «если бы ты даже убил меня за неисполнение твоей воли, я все-таки не съел бы ее». Выступив из города Крыма, мы остановились в келье эмира Тулуктурмура в местности, называемой Седжан, и он прислал ко мне сказать, чтобы я пришел к нему. Я отправился к нему верхом на коне, приготовленном для езды моей... Приехал я в келью и нашел эмира, изготовившего в нем уже множество кушаньев, в том числе и хлеб. Потом принесли белую жидкость в маленьких блюдах и люди пили ее. В собрании этом шейх Музаффареддин находился рядом с эмиром, а за ним я, и сказал я ему: «что это такое?». Он ответил: «это жировая вода», но я не понял того, что он сказал, отведал ее, нашел, что она кисла на вкус, и оставил ее. Когда же я вышел, то

⁵³¹ Т.е. докладчик, секретарь.

я расспросил про нее. Сказали, что это напиток, который готовят из зерен дуки. Они ханефийского толку⁵³² и опьяняющий напиток у них дозволен. Напиток этот, приготовляемый из дуки, они называют бузой. Должно быть, шейх Музаффареддин хотел сказать мне: «вода просовая», но т.к. у него было произношение нечистое, иноземное, то мне показалось, что он сказал: жировая вода. Проехав от города Крыма 18 станций, мы прибыли к обширной реке, через которую переправлялись целый день. Чем больше скот и арбы погружались в эту воду, тем сильнее становилась грязь ее и увеличивалась трудность переправы. Эмир, хлопоча о моем покое, отправил меня перед собою с одним из своих слуг и написал для меня письмо к эмиру Азакскому, извещая его, что я хочу ехать к царю, и предлагая ему оказать мне почет. Так мы ехали до тех пор, пока добрались до другой реки, через которую переправлялись полдня. После этого мы проехали еще 3 дня и прибыли к городу Азаку*, который лежит на берегу моря и отличается красивой постройкой. Приезжают туда Гэнуэзцы и др. с товарами и живет в нем брат-странноприимец Бичакджи, один из вельмож тамошних, который кормит приезжающих и уезжающих. Когда письмо эмира Тулуктумура прибыло к эмиру Азовскому, Мухаммедходже Эльхаризми, то он вышел ко мне навстречу, вместе с кадием и талибами, и предложил нам угощение. Приветствовав его, мы остановились в месте, где поели; потом прибыли к городу и расположились вне его, поблизости от тамошнего монастыря Хыдра и Ильи, да будет над ними мир Божий! Вышел к нам шейх из народа Азовского, по имени Реджеб, прозывавшийся Эннехрелики вследствие происхождения своего из Иракской деревни этого имени и устроил нам в своей келье прекрасное угощение. Через 2 дня после нашего приезда прибыл эмир Тулуктумур. На встречу его вышел эмир Азовский Мухаммед с кадием и талибами. Они приготовили ему угощения и разбили 3 палатки рядом одну возле другой, одну дивную из разноцветного шелка, а две из полотна. Все это они окружили сарачою⁵³³, которая у нас называется афраджем; снаружи ее преддверие на манер нашего борджа⁵³⁴. Когда эмир слез с арбы, то перед ним разостлали куски шелковой материи, по которым он шел. К числу его любезностей и услуг относится и то, что он⁵³⁵ отправил меня ранее себя, чтобы показать этому эмиру, в каком почете я у него. Затем мы прибыли к первой палатке, которая была приготовлена для восседания Тулуктумура. На главном месте ее стояла большая резная деревянная скамья для его сидения и на ней лежал красивый тюфяк. Эмир дал пройти сперва мне, потом шейху Музаффареддину и затем взобрался сам и уселся между нами, так что мы все сидели рядом на тюфяке. Его кади и проповедник да кади этого города со своими талибами сели по правую сторону скамьи на роскошные ковры, а оба сына эмира Тулуктумура, брат его да эмир Мухаммед с сыновьями

* Ныне город Азов, носивший в итальянских источниках название Тана.

⁵³² Направление ислама.

⁵³³ Т.е. полотняною оградю.

⁵³⁴ Башни.

⁵³⁵ Тулук-Тимур.

своими стояли, готовые к услугам. Потом принесли кушанья, состоявшие из конины и др., да подали кобылье молоко, а за ним бузу. По окончании еды чтецы прекрасными голосами стали читать коран; затем устроен был амвон, на который взошел проповедник. Перед ним уселись чтецы и он произнес красноречивую проповедь, молясь за султана, за эмира и за присутствующих. Говорил он эту речь сперва по-арабски, а потом переводил им по-тюркски. В это время чтецы на удивительный лад повторяли стихи из корана и затем принялись за пение. Пели они сначала по-арабски – это они называют кауль, – а потом по-персидски и по-тюркски – это называется у них моламма. Затем подали другое кушанье. Не прекращали они угощение до самого вечера. Всякий раз, когда я хотел уходить, меня удерживал эмир. Потом принесли платье для эмира и платья для двух сыновей его, для брата его, для шейха Музаффареддина и для меня, и привели 10 лошадей для эмира, по 6 лошадей для брата его и для двоих сыновей его, и по одной лошади для каждого старшего из его спутников, да одну лошадь для меня. Лошадей в этой земле чрезвычайно много и стоят они безделицу. Так, отличному коню цена 50 или 60 дирхемов тамошних, равняющихся одному нашему динару или около того. Это те лошади, которые в Египте известны под именем акадиш. Ими Тюрки питаются; в их краях они столь же обильны, как в нашей земле овцы, пожалуй, и больше. Бывает их у одного Тюрка по несколько тысяч. Один из обычаев Тюрков-коневонов, населяющих этот край, заключается в том, что на арбах, в которых ездят жены их, помещают кусок войлока, длиною в пядень⁵³⁶, привязанный к тонкому шесту, длиною в локоть, в углу арбы; на каждую тысячу коней полагается один такой кусок. Видел я, что у некоторых из них бывает по 10 кусков, а у иных и больше этого. Лошади эти развозятся в страны Индийские и бывает их в караване по 6000, а иногда и более или менее, так что на каждого торговца приходится по 100 и по 200 коней, иногда же и меньше или больше... Когда эмир Тулуктумур уехал из города Азова, то я пробыл там после него еще 3 дня, пока эмир Мухаммедходжа приготовил для меня дорожные принадлежности. Поехал я в город Маджар – город большой, один из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами⁵³⁷. Мы остановились там в ските благочестивого, религиозного, престарелого шейха Мухаммеда Эльбатаихи, родом из Батаиха Иракского. Он был преемником шейха Ахмеда Эррефаи, да будет над ним благоволение Аллаха! В ските его около 70 факихов арабских, персидских, тюркских и румских, женатых и холостых. Живут они подаяниями. Жители этой страны питают большое доверие к факихам и каждую ночь приводят в скит лошадой, коров и овец. Султан и хатуни⁵³⁸ ходят посещать шейха и получать от него благословения; они расточают милостыни и раздают большие подарки, в особенности женщины, которые делают большие подаяния и творят добрые дела. В городе Маджаре мы совершили

⁵³⁶ 15 – 20 см.

⁵³⁷ Маджар являлся самым большим золотоордынским городом на Северном Кавказе; располагался он на обоих берегах реки Кумы.

⁵³⁸ Жены хана.

сборную молитву, по окончании которой взошел на амвон проповедник Иззеддин (или Медждеддин), один из правоведов и знаменитостей Бухары, у которого было множество учеников и чтецов, читавших перед ним. Он произнес проповедь и увещания, при чем присутствовали начальник города и старейшины его... В этом крае я увидел чудеса по части великого почета, в каком у них женщины. Они пользуются бульшим уважением, чем мужчины. Что касается жен эмиров, то в первый раз мне привелось увидеть их при выезде из Крыма; я увидел тогда хатунь, жену эмира Салтыя, в арбе ее. Вся арба была обтянута хорошим синим сукном; окна и двери кибитки были раскрыты; перед хатунью находились 4 девушки, чудеса красоты и диковинки по одежде. За нею следовало еще несколько арб, в которых сидели девушки, сопровождавшие ее. Приблизившись к месту привала эмира, она сошла с арбы на землю; вместе с нею слезло около 30 девушек, которые приподымали полы ее одежды. На платьях ее были петли; каждая девушка бралась за петлю, приподнимая от земли полы со всех сторон, и хатунь шла таким образом, важно покачиваясь. Когда она дошла до эмира, то он встал перед ней, поклонился ей и усадил ее возле себя, а девушки ее окружили ее. Принесли меха с кумысом. Она налила его себе в чашу, присела на оба колена перед эмиром и подала ему чашу. Он напился. Потом она дала напиток брату его, а эмир дал напиток ей. Подано было кушанье и она поела вместе с эмиром. Он подарил ей платье и она возвратилась. Вот каким образом обходятся с женами эмиров, а ниже мы расскажем о женах царя. Что касается жен торговцев и простых людей, то я видел и их. Одна из них была в арбе, которую вез конь, перед нею 3 или 4 девушки, приподнимавшие полы ее. На голове ее бугтак, т.е. шапочка, украшенная драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху. Окна кибитки были растворены; лицо ее открыто, потому что тюркские женщины не заवेशиваются. Иная из них, таким же образом, со слугами, везет овец и молоко, которые продает народу за благовонные товары. Иногда с женою едет муж ее; если кто увидит его, то примет его за одного из слуг ее. На нем нет другой одежды, кроме шубы из овечьей шкуры, а на голове соответствующая этому шапка, которую они называют кула. Из города Маджара мы собрались ехать в ставку султана, находившуюся в 4 днях пути от Маджара, в местности, называемой Бишдаг. «Биш» значит у них пять, а «даг» значит гора. На этом Пятигорье находится ключ горячей воды, в котором Тюрки купаются. Они полагают, что кто выкупается в нем, того не постигнет кручина болезнь. Отправились мы к месту ставки и прибыли к нему в первый день рамазана³⁹, но нашли, что ставка уже откочевала. Тогда мы вернулись в то место, из которого уехали, потому что ставка расположилась поблизости от него. Я разбил свою палатку там на холме, водрузил значок перед палаткой, а лошадей и арбы поставил позади ее. Подошла ставка, которую они называют Урду, и мы увидели большой город, движущийся с своими жителями; в нем мечети и базары да дым от кухонь, взвывающийся по воздуху: они варят пищу во время самой езды своей и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на

³⁹ 6 мая 1334 г.

землю, т.к. они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки. Мимо нас проехали жены султана, каждая из них со своими людьми отдельно. Когда проехала четвертая из них, дочь эмира Исабека, о которой мы еще будем говорить ниже, то она увидела палатку на вершине холма и значок перед нею, означавший вновь прибывшего. Она отрядила отроков и девушек, которые приветствовали меня и передали мне привет от нее, а сама она остановилась, чтобы дожидаться их. Я послал ей подарок с одним из моих спутников и с докладчиком эмира Тулукмура. Она приняла его как доброе предзнаменование, приказала, чтобы я остановился в ее соседстве, и отправилась далее. Подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно.

О великом султани Мухаммеде Узбекхане. Имя его Мухаммед Узбек; слово «хан» у них значит султан. Этот султан – обладатель огромного царства, силен могуществом, велик саном, высок достоинством, сокрушитель врагов Аллаха, жителей Константинополя Великого, и усердный борец за веру в войне с ними. Владения его обширны и города велики. В числе их: Кафа, Крым, Маджар, Азов, Судак, Харезм⁵⁴⁰ и столица его Сарай. Он один из тех семи царей, которые величайшие и могущественнейшие цари мира, а это суть владыка наш, повелитель правоверных, тень Аллаха на земле его, представитель победоносной рати, которая не перестанет вступаться за истину до наступления рокового часа, да подкрепит Аллах дело его и возвеличит победу его⁵⁴¹; султан Египта и Сирии; султан обоих Ираков; этот султан Узбек; султан земель Туркестана и Мавераннехра; султан Индии и султан Китая. Когда этот султан Узбек в пути, то он живет отдельно в ставке своей, и при нем только его невольники и сановники его, а каждая из его хатуней находится отдельно в своей ставке; если же он хочет побывать у одной из них, то посылает к ней, чтобы известить ее об этом, и она готовится для него. И в пребывании его на месте, и в путешествии его, и в делах его порядок удивительный, чудесный. Одна из привычек его та, что в пятницу, после молитвы, он садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он состоит из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями. Султан садится на этот престол; с правой его стороны хатунь Тайтуглы и рядом с нею хатунь Кабак, а с левой стороны – хатунь Баялунь и возле нея хатунь Урдуджи. У подножия трона стоит справа старший сын султана, Тинабек, а слева второй сын его, Джанибек. Перед ним сидит дочь его Иткуджуджук. Когда приходит одна из хатуней, то султан встает перед нею и держит ее за руку, пока она всходит на престол. Что касается Тайтуглы, то она царица и самая любимая жена у него. Он идет к ней навстречу до двери шатра, приветствует ее и берет ее за руку, а когда она взойдет на престол и усядется, тогда только садится сам султан. Все это происходит на глазах людей, без прикрытия. Затем приходят старшие эмиры, для которых поставлены скамьи справа и слева. Со всяким человеком их, когда он приходит в собрание султана, приходит слуга со скамьей.

⁵⁴⁰ Ургенч.

⁵⁴¹ Речь идет о правителе Марокко.

Перед султаном стоят царевичи: сыновья дяди его, братья его и родственники его, а насупротив их, у дверей шатра, стоят дети старших эмиров, и позади их стоят начальники войск, справа и слева. Потом входят на поклон люди по разрядам, каждый разряд в три человека, кланяются, отходят и садятся в отдалении. По окончании полуденной молитвы царица между хатунями уходит; затем уходят и прочие из них и провожают ее до ее ставки, а по входе ее в нее каждая на арбе своей уезжает в свою ставку. При всякой из них около 50 девушек, верхами на конях. Перед арбой до 20 старых женщин, верхами на конях, между отроками и арбою, а позади всех около 100 невольников из молодежи. Перед отроками около 100 старших невольников верховых и столько же пеших, с палками в руках своих и с мечами, прикрепленными к поясам их; они идут между конными и отроками. Таков порядок следования каждой хатуни их при уходе ее и приходе ее. Моя стоянка находилась в лагере по соседству от сына султана, Джанибека, о котором еще будет сказано после. Наутро после дня прибытия своего я зашел к султану после полуденной молитвы. Он уже собрал шейхов, кадиев, правоверов, шерифов, факиров и устроил большой пир. Мы разговелись в присутствии его⁵⁴². Почтенный сейид, глава шерифов, Ибнабдельхамид, и кади Хамза отозвались обо мне с похвалою и советовали султану почтить меня. Эти Тюрки не знают ни обычая отвода помещения приезжему, ни отпуска ему продовольствия, а только посылают ему овец и лошадей для заклания и меха с кумысом. Вот их способ оказывания почета. После этого, однажды, по совершении с султаном полуденной молитвы, когда я хотел уйти, он приказал мне сесть. Принесли кушанья, состоявшие из похлебок, которые готовятся из дуки, потом вареное мясо баранье и лошадиное. В эту-то ночь я принес султану блюдо со сладями; он всунул палец в него, положил его в рот и более не повторял этого.

О хатунях и порядке их. Каждая хатунь их ездит в арбе; в кибитке, в которой она находится, навес из позолоченного серебра, либо из разукрашенного дерева. Лошади, которые везут арбу ее, убраны шелковыми позолоченными покрывами. Возница арбы, который сидит верхом на одном из коней, молодой парень, называемый улакши. Хатунь сидит в своей арбе; направо от нее женщина из старух, называемая улу-хатунь, что значит визирша, а слева также женщина из старух, называемая куджук-хатунь, что значит хаджиба⁵⁴³. Перед хатунью 6 маленьких девушек, которые называются бенат, отменной красоты и крайнего совершенства, а позади ее две такие же девушки, на которых она опирается. На голове хатуни – бугтак, т.е. нечто вроде маленькой короны, украшенной драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху. На ней шелковая одежда, усыпанная драгоценными камнями, вроде мантии, какую одевают Византийцы. На голове визирши и хаджибы шелковое покрывало, убранный по краям золотом и драгоценными камнями. У каждой из «дочерей»⁵⁴⁴ на голове шапочка, похожая на колпак, с золотым венчиком поверху, который украшен драгоценными камнями, и с павлиньими перьями над ним. Затем на каждой шелковая с золотом одежда, называемая нах. При хатуни находятся еще 10 или 15 византийских

⁵⁴² В священный месяц рамазан в светлое время суток мусульмане соблюдают пост.

⁵⁴³ Т.е. «совершившая хадж».

⁵⁴⁴ У каждой бенат.

и индийских отроков, одетых в шелковую, шитую золотом одежду, убранную драгоценными камнями. У каждой из них в руке жезл либо из золота или серебра, либо из дерева, покрытого золотом и серебром. Позади арбы хатуни следует около 100 других арб. В каждой арбе 3 или 4 прислужницы, большие и малые, в шелковых одеждах и с шапочками на головах. За этими арбами едут до 300 арб, в которые впряжены верблюды и волы. Они везут казну хатуни, ее имущество, одежды, пожитки и съестные припасы. При каждой арбе присматривающий за нею прислужник, женатый на одной из упомянутых девушек. У них есть такое обыкновение, что из этих прислужников имеет доступ к тем прислужницам только тот, у которого есть жена между ними. Всякая хатунь живет на этот лад. Мы теперь поговорим о них поодиночке.

О старшей хатуни. Старшая хатунь это царица, мать двух сыновей султана, Джанибека и Тинабека, о которых мы будем говорить ниже, но она не мать дочери его, Иткуджуджук, мать которой была царицей прежде той. Имя этой хатуни Тайтуглы. Из жен этого султана она у него самая любимая, и у нее он ночует большую часть ночей своих. Почитает ее и народ по причине великого уважения султана к ней, и несмотря на то, что она самая скупая из хатуней...

О второй хатуни, следующей за царицей. Имя ее Кабаххатунь. Она дочь эмира Нагатай...

О третьей хатуни. Имя ее Баялунь. Она дочь владыки Константинополя Великого, султана-такфура...

О четвертой хатуни. Имя ее Урдуджа. Урду на языке их значит ставка. Названа была она так вследствие рождения своего в ставке. Она дочь старшего эмира, Исабека, начальника улуса, что значит начальник эмиров⁵⁴⁵. Я застал его живым; он был женат на дочери султана, Иткуджуджук...

О дочери великого султана Узбека. Имя ее Иткуджуджук...

О двух сыновьях султана. Они единоутробные братья и мать обоих царица Тайтуглы, о которой мы говорили выше. Имя старшего из них Тинабек. «Бек» значит эмир, а «тин» – тело, так что имя его значит как бы эмир тела. Имя брата его Джанибек. «Джан» значит душа, так что он назывался как бы эмиром души. У каждого из обоих отдельная ставка. Тинабек наружностью был одним из красивейших созданий Аллаха. Отец назначил его преемником царства и он пользовался у него влиянием и почетом. Но Аллах не захотел этого. По смерти отца своего он правил короткое время, но потом был убит за постыдные дела, которые с ним приключились, и воцарился брат его Джанибек, который был лучше и превосходнее его⁵⁴⁶...

О моем путешествии в город Булгар. Я слышался о городе Булгаре и захотел отправиться туда, чтобы взглянуть на то, что говорится про чрезвычайную краткость

⁵⁴⁵ Беклери-бек.

⁵⁴⁶ Узбек хан умер в 1342 г. в возрасте 60 лет; хан Тинибек был убит в этом же году сторонниками Джанибека, который стал ханом; Джанибек умер от болезни или был убит – источники противоречивы – в 1357 г.; в 1357–59 гг. страной правил сын Джанибека Бердибек; убийство Бердибека в 1359 г. положило начало «великой замятне» в Золотой Орде – государство оказывается на грани полного политического краха и территориального развала.

ночи в нем, а также про кратковременность дня в противоположное время года⁵⁴⁷. Между ним и ставкой султана было десяток дней пути. Я попросил у султана проводника туда и он отправил со мною такого, который довез меня туда и привез меня обратно к нему. Прибыл я туда в рамазан и, помолившись на закате солнца, мы разговелись. Сделан был призыв к вечерней молитве во время нашего разговенья. Мы совершили вечернюю молитву да молитвы теравих, шаф и витр, а вслед за тем уже занялась и заря. Так же короток день в Булгаре в период краткости его зимой. Пробыл я там 3 дня⁵⁴⁸.

О стране мрака. Захотелось мне пробраться в страну мрака. Вход в нее через Булгар и между ними 40 дней пути. Потом я отказался от этого вследствие больших хлопот, потребных на это и малой пользы от такой поездки... Вернулся я из города Булгара с эмиром, которого султан отрядил вместе со мною, и застал я ставку султана в местности, известной под именем Бишдаг. Это было 28 рамазана. Я присутствовал с ним при праздничном богослужении. Пришелся день праздника в пятницу⁵⁴⁹.

О порядке празднования ими праздника. Когда настало утро дня праздника, султан выехал верхом с большим войском. Каждая хатунь села в свою арбу, и с нею поехали отряды ее. Поехала также дочь султана, с короною на голове, т.к. она настоящая царица, унаследовавшая царское достоинство от матери своей. Сыновья султана ехали каждый верхом при своем войске. Уже ранее их двинулся, для присутствия при празднике, главный кади Шихабеддин Эссаили и с ним множество правоведов и шейхов, верхами. Верхом ехали также кади Хамза, имам Бедреддин Элькавами и шериф Ибнабдельхамид. Ехали эти правоведы с Тинабеком, наследником султана. При них были литавры и знамена. Кади Шихабеддин помолился с ними и произнес прекрасную проповедь. Выехал султан, остановился у деревянной башни, которая у них называется кушк (киоск. – Прим. В.Тизентаузуна), и уселся в ней с хатунями своими. Возле нее была устроена вторая башня, в которой уселся наследник его и дочь его, обладательница короны. Кроме этих двух были устроены еще две башни, справа и слева; в них находились сыновья султана и родственники его. Поставлены были также сиденья, называемые сандалиями, для эмиров и царевичей, направо и налево от главной башни, и каждый сидел на своем особом сиденьи. Потом поставлены были щиты для стрельбы, каждому начальнику томана особый щит. Начальником томана у них называется тот, у которого 10 000 всадников. Присутствовало таких темников 17, предводительствовавших 170 тысячами; впрочем, войско султана больше этого. Для каждого эмира поставлено было нечто вроде амвона, на котором он сидел, пока люди его забавлялись перед ним. Так они провели час. Потом принесли халаты и на каждого эмира был надет халат. Одев его, он подходит к подножию султанской башни и кланяется. Поклон его заключается в

⁵⁴⁷ См., например, записи XII в. ал-Гарнати.

⁵⁴⁸ В историографии есть мнение, что Ибн Баттута не был в Булгаре, а просто выдал желаемое за действительное; примечательно, что сведения путешественника о Булгаре слишком поверхностны.

⁵⁴⁹ Видимо, речь идет о празднике окончания поста – ураза-байраме, который торжественно отмечается мусульманами 1-го шаввала.

том, что правым коленом он прикасается к земле и вытягивает под ним ногу свою, а другую выпрямляет. Потом приводится оседланный и занузанный конь, приподнимается копыто его, эмир целует его и отводит коня с собою к своему сиденью, там садится на него верхом и остается при своем войске. Это продельывает каждый из эмиров. Затем султан сходит с башни и садится верхом на коня. С правой его стороны находится сын его, наследник престола, и возле него дочь его, царица Иткуджуджук, с левой стороны – второй сын его, а перед султаном 4 хатуни на арбах, покрытых шелковыми, шитыми золотом, покрывалами. Лошади, которые везут их, убраны также позолоченным шелком. Спешиваются все эмиры, старшие и младшие, царевичи, визири, придворные и вельможи и пешком проходят перед султаном, пока дойдут до вытока, т.е. до шатра. Там уже была устроена большая «барака». Барака у них большая палатка на 4-х деревянных стойках, покрытых листами позолоченного серебра. На каждой стойке сверху серебряная позолоченная капитель, которая блестит и сверкает. Издали эта барака кажется точно горкой. С правой и с левой стороны ее кладутся половики из бумажной материи и холста и все это покрывается шелковыми коврами. Посредине бараки поставлен большой трон, который они называют тахт. Он сделан из резного дерева; столбики его покрыты листами позолоченного серебра, а ножки сделаны из чистого серебра с позолотой; поверх его постлан большой ковер. Посреди этого большого трона лежит тюфяк, на котором сидят султан и старшая хатунь. С правой стороны его – тюфяк, на котором сидит дочь его Иткуджуджук вместе с хатунью Урдуджей, а с левой тюфяк, на котором сидит хатунь Баялунь с хатунью Кабак. Направо от трона поставлено сиденье, на котором сидит Тинабек, старший сын султана, а налево сиденье, на котором сидит Джанибек, второй его сын. Поставлены справа и слева еще другие сиденья, на которых сидят царевичи, эмиры старшие, а потом эмиры младшие, например, тысячники, т.е. командующие тысячью человек. Затем подали кушанья на золотых и серебряных столах. Каждый стол несли 4 человека и более того. Кушанья их – куски вареной конины и баранины. Перед каждым эмиром ставится стол и приходит баверджи, т.е. разрезыватель мяса. На нем шелковая одежда, поверх которой прикреплена шелковая салфетка, а на поясе его несколько ножей в ножнах. У каждого эмира свой баверджи; когда поставлен стол, то он садится перед своим эмиром. Приносят маленькое блюдо из золота или серебра, на котором соль, разведенная в воде, и баверджи разрезает мясо на мелкие куски. У них особое искусство разрезать мясо вперемешку с костями, ибо они едят его не иначе, как в связи с костями. Потом приносят золотые и серебряные сосуды для питья; большею частью они пьют медовое вино. Они ханефийского толка и считают вино дозволенным. Когда султан захочет пить, то дочь его берет кувшин в руку, приседает и потом подает ему кувшин. Он пьет, а затем она берет другой кувшин и подает его старшей хатуню, которая пьет из него. Потом она подает его остальным хатуням по старшинству их. Затем наследник престола берет кувшин, кланяется и подает его отцу, который пьет из него, потом подает хатуням и наконец сестре, кланяясь всем им. Тогда встает второй сын, берет кувшин, угощает брата своего и кланяется ему. Затем встает старшие эмиры; каждый

из них подает пить наследнику престола и кланяется ему. Потом встают царевичи и каждый из них подает пить этому второму сыну и кланяется ему. Затем встают младшие эмиры и подают пить царевичам. В это время поются песни. Был поставлен еще большой шатер насупротив мечети для кадия, для хатыба, для шерифа да прочих правоведов и шейхов. Я был с ними. Нам принесли золотые и серебряные столы; каждый несли 4 старших Тюрка, потому что в этот день перед султаном возвращаются только старшие; им он приказывает подавать какой кто захочет из столов, ибо между правоведами были одни, которые ели, и другие, которые отказывались от еды на серебряных и золотых столах. Я видел, насколько простирался взор, направо и налево, арбы, на которых лежали меха с кумысом. Султан приказал раздать их народу. Подвезли и ко мне арбу с кумысом, но я подарил его моим соседям Тюркам. Потом мы пришли в мечеть, выжидать соборной молитвы. Султан запоздал. Кто говорил, что он не придет, потому что его одолел хмель, а кто говорил, что он не пропустит пятницы. По прошествии долгого времени он прибыл, пошатываясь, приветствуя сейида-шерифа и улыбаясь ему. Он называл его «ата», что на тюркском языке значит отец. Потом мы помолвились соборне и народ вернулся в свои жилища. Султан возвратился в барак и оставался в ней так до вечерней молитвы. Затем разбрелся весь народ и при царе остались в эту ночь хатуни его и дочь его. Когда праздник кончился, то мы отправились в путь с султаном и со ставкою и прибыли к городу Хаджитархану⁵⁵⁰. «Тархан» значит у них место, изъятое от податей. Город этот получил название свое от тюркского хаджи⁵⁵¹, одного из благочестивцев, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспошлинно и оно стало деревней; потом оно увеличилось и сделалось городом. Это один из лучших городов, с большими базарами, построенный на реке Итиль, которая одна из больших рек мира. Султан остается здесь до тех пор, пока усиливается стужа и эта река замерзает... Когда мы прибыли в город Хаджитархан, то хатунь Баялунь, дочь царя Византийского, просила султана позволить ей посетить отца своего, чтобы у него разрешиться от бремени, а потом возвратиться к султану. Он дал ей позволение. Затем она попросила его позволить мне отправиться в сообществе ее, для осмотра Константинополя Великого... Тогда он дал мне позволение и мы распостились с ним...

О моем путешествии в Константинополь. Мы отправились 10-го шевваля⁵⁵² в сообществе хатуни Баялунь и под ее покровительством... Отряд хатуни составлял около 500 всадников, в том числе до 200 слуг из невольников и византийцев; остальные из тюрков... Мы направились к городу Уаку – городу средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей⁵⁵³. Между ним и между Сараем, столицей султана, 10 дней пути, а на один день пути от этого города находятся горы Русских. Последние – христиане, красноволосые, голубоглазые, безобразной наружности, народ плутовской... Через 10 дней мы из этого города прибыли в город

⁵⁵⁰ Астрахань.

⁵⁵¹ Этот титул давался людям, совершившим паломничество в Мекку, т.е. хадж.

⁵⁵² 14 июня 1334 г.

⁵⁵³ Остатки Уека находятся на правом берегу Волги на окраине Саратова.

Сурдак⁵⁵⁴. Это один из городов Кипчацкой степи⁵⁵⁵, на берегу моря. Гавань его одна из самых больших и самых лучших гаваней. Вокруг него сады и воды; населяют его Тюрки и, под их покровительством, несколько Византийцев, которые занимаются ремеслами. Большая часть домов его деревянные... Потом мы прибыли к городу, известному под именем Бабасалтук... Этот город самый крайний из тюркских городов; между ним и между первыми владениями Византийцев 18 дней пути степью... После этого мы прибыли в крепость Махтули; это первые владения Византийцев...

О моем возвращении из Константинополя... Я простился с нею⁵⁵⁶ и поехал назад. Пребывание мое у Византийцев продолжалось месяц и 6 дней... Приехали мы, наконец, в город Сарай. Известен он под именем Сарая Берке. Это столица султана Узбека... Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня, совершили там молитву полуденную, поели и добрались до нашего жилища не раньше, как при закате. Однажды мы прошли его в ширину; пошли и вернулись через полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожных мест, ни садов. В нем 13 мечетей для соборной службы; одна из них шафийская. Кроме того еще чрезвычайно много других мечетей. В нем живут разные народы, как то Монголы – это настоящие жители страны и владыки ее; некоторые из них мусульмане⁵⁵⁷; Асы, которые мусульмане; Кипчаки; Черкесь; Русские и Византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стена ограждает имущество купцов. Тамошний дворец султана называется Алтунташ. «Алтун» значит золото, а «таш» значит голова⁵⁵⁸...

Из Сарая мы ехали 10 дней и прибыли в город Сарайджук⁵⁵⁹. «Джук» значит маленький, так что Сарайджук значит Сарай Малый. Он лежит на берегу большой и быстрой реки, которая называется Улусу, что значит «великая вода»⁵⁶⁰. На ней мост из судов, как мост Багдадский... Пройдя степь и пересекши ее, мы прибыли в Харезм⁵⁶¹. Это один из самых больших, значительных и красивых Тюркских городов, богатый

⁵⁵⁴ Судак.

⁵⁵⁵ Золотая Орда именовалась многими арабскими авторами по традиции «Дешт-и-Кипчак», т.к. до прихода монголо-татар здесь располагались государственные образования кипчаков, составивших основную массу населения Джучиева Улуса.

⁵⁵⁶ С Баялунь, которая осталась у отца.

⁵⁵⁷ Количество пришедших из Азии монголов в стране было очень мизерно, и те были сравнительно быстро ассимилированы местным восточноевропейским населением – кипчаками, волжскими булгарами и т.д.; более-менее «чистыми» монголами мы можем назвать лишь правящую верхушку государства, тоже сильно тюркизированной.

⁵⁵⁸ «Таш» – по-тюркски значит камень.

⁵⁵⁹ Сарайчик.

⁵⁶⁰ Урал.

⁵⁶¹ «Между последним и столицей Сараем степь в 40 дней пути», – писал Ибн Баттута.

славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами. Он точно колеблется от множества своих жителей и волнуется от них, как волна морская. Однажды я поехал по нему верхом и заехал на рынок. Забравшись в середину его и доехав до крайнего предела давки на место, которое называется шаур, я не был в состоянии пробраться через это место, вследствие чрезвычайной толкотни; хотел я вернуться, но также не мог вследствие множества народа. Я растерялся и возвратился лишь после больших усилий... Не видал я в других странах мира людей, ни лучших характером, чем жители Харезма, ни благороднее душой, ни ласковее к чужеземцам...

...Когда я захотел уехать из Харезма, то я нанял верблюдов и купил двойные носилки... Так мы въехали в степь, которая находится между Харезмом и Бухарой⁵⁶². Это составляет путешествие в 18 дней по пескам...».

ЕРМОЛИНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ О «КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ»

Ермолинская летопись названа так по имени известного в свое время строительного подрядчика второй половины XV в. Василия Дмитриева Ермолина, для которого она, судя по внесенным в нее известиям о его деятельности, и была написана.

При издании летописи в 1910 г. были использованы три следующих списка:

1. Ермолинский – ранее принадлежал Троице-Сергиевой лавре, поэтому был известен и как Троицкая IV летопись; подробное описание и исследование этого списка мы находим в статье А.А.Шахматова «Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод», напечатанной в 1903–1904 гг. в «Известиях Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук»; рукопись Ермолинского списка состоит из 4 частей, из которых две восходят к XV в. и две – к XVI в.

2. Уваровский – находился в библиотеке А.С.Уварова; рукопись написана во второй четверти XVI в.

3. Кирилло-Белозерский – принадлежал ранее Кирилло-Белозерскому монастырю; рукопись написана в третьей четверти XVI в.; текст списка очень сокращенный, с событиями 1427 г. текст Кирилло-Белозерского списка сильно отличается от двух других списков.

Двадцать третий том «Полного собрания русских летописей» (издание 1910 г.), содержащий Ермолинскую летопись, был подготовлен к печати и напечатан под редакцией Ф.И.Покровского, под наблюдением А.А.Шахматова и П.Н.Шеффера. Этим изданием мы и пользуемся.

«В лето 6888... Того же лета ордыньски князь Мамай⁵⁶³, с всеми князи ордыньскими, с всею силою Татарскою и Половецкою, еще же к тому понаимова рати: Бесермены,

⁵⁶² Она представляла собой естественную, природную южную границу Улуса Джучи – Золотой Орды.

⁵⁶³ Именно «князь», а то некоторые историки – популяризаторы русской истории – присваивают Мамаю ханский титул, что совершенно неправильно.

Армены, Фрязы, Черкасы, Буртасы; с ним же в единой мысли Ягаило Литовьскы и Олег Рязаньски; поиде на великого князя Дмитрея, и учиниша съвет стати у Оки на брезе на Семень день; Олег же посла со всем к Мамаю и к Ягаилу Епифана Кореева. Посем же прииде весть к великому князю, августа месяца, потом же Олег присла, льстящи яко Юда, поведавая Мамаев поход на великого князя. Се же слышав князь велики, и шед в церковь святую Богородицу и многу молитву сътвори и, вышед, разосла по вся князи Руськыя и по воеводам, и по вся люди, и поиде х Коломне, собра вои своих 100000 и сто, опроче князеи Руськых и воевод местных; от начала бо такова сила Русская не бывала, бе бо все силы близ дву сот тысящ. Бяху же с ним Олгердовичъ Андреи со Псковичи, Дмитреи с Дбрянци, а Мамай ста в поле близ Дону, со всеми силами, стоя 3 недели, ждучи Ягаила, а к великому князю присла, прося выхода, как было при цари Женибеке⁵⁶⁴, а не по своему докончанию; а князь велики хотяще ему выход дати по хрестьяньской силе, он же не хотяше. А Олег нача ему выход давати да и силу свою к нему в помощь посылати, а князь велики Дмитреи помолися церкви святяга Богородица и благословися у епископа Герасима, поиде с Коломны августа 20 и, пришед, ста на усть Лопатныя, переимая весть про поганых. Ту же прииде к нему князь Володимир Андреевич и Тимофеи околничей в остаточны, и ту за реку перевезошася, за неделю до Семени дни, в неделю, и приидоша к реке к Дону, за два дни до Рожества Богородици. Тогда же прииде ему от преподобнаго игумена Сергея грамота, веля ему битися с Татары; он же повеле воем своим облещися во одежи местныя, и долго стояша, думаючи; ови глаголаху: «поиде за Дон», а инии не хотяху, глаголюще: «умножишася врази наши, Татарове, Литва, Рязанци». А Мамай, слышав приход великого князя к Дону и сеченых своих виде, взъярися зело и рече к своим: «подвигнемся к Дону, доколе приспеет нам Ягаило». А князь велики повеле мосты мостити черес Дон и бродов пытати в нощи, а в утре в субботу, на праздник Рожества святяга Богородица, сентебря 8, повеле воем своим преити за реку и поити в поле. Бе же и мгла тогда велика, потом же мгла уступи, тогда преидоша вси за Дон; бе же множество бесчислено вои, яко и земли двизатися, и выидоша в поле чисто на усть реки Непрядвы, исполчився. И яко бысть в 6 час дни, начаша появливатися оканнии Татарове в поле чисте и исполчившася противу хрестьян; бе же обоих многое множество; и соидошася обе силы великия, покрыша поле яко на 13 врѣсть. И бысть сеча велика и брань крепка, и трус велик зело, яко не бывала от начала бо князем Русским; и бишася от шестаго часа до девятаго, и пролься кровь, яко дождевная туча, и паде множество трупы обоих. При часе же девятом призри Господь милостивным оком на род хрестьяньскыи; мнози видеша агела и святых мученик, помогающе хрестьяном; такоже и погании видеша полки, по воздуху парящих, избивающих немилостивне. И тако вскоре побегоша погании, а хрестьяне погониша вслед их, бьюще, и гониша, биюще, Мечи реки, а княжи полци до Содомлян и до станов их, и взяша все богатство их и стада, избиша их многое множество, а инии истопоша. Тогда же Руси множество бе избито⁵⁶⁵... Самому же великому князю доспех весь обит бе, на телеси же его не бе никакия раны, а бися в лице с Татары на прьвом суиме. О сем бо князи воеводы глаголаху ему: «господине, не стався наперед,

⁵⁶⁴ При хане Джанибеке.

⁵⁶⁵ Идет перечисление убитых в бою русских князей, бояр и воевод.

но назад или на крыле, или в опришнем где месте». Он же рече: «да како аз възглаголю: братие, потягнем с единого, а сам лице свое почну крыти или хоронитися назад? но якоже хошу словом, тако и делом пред всеми главу свою сложити за хрестьяне, да прочии, видевше то, да примут дрзость». Да якоже рече, тако и створи: би бо ся, наперед ста всех, и бе одесную его и ошую его множество битых, а самого круг оступиша обопол, яко вода многа, и многа ударения прият по главе и по всему телу, но Бог соблюде и от всех. Князь же Ягаило Литовьски, со всею силоу Литовьскою и Лятыскою пришед бе Мамаю на помочь, и не успе за едино днищо и менше; и слыша, князь велики одоле Татар, а Мамаю побегша, и он побеже со всею силоу своею назад, со многу скоростию. А князь велики стоя ту ночь на Татарьских обедищех и на костех их, утер поту с дружиною своею и благодаря Бога повелику; наутрии же взвратися оттуду, поиде в свою землю... А Мамаи же, прибег не во мнозе к своим, яряшеся зело, и силу свою остаточьную сбрав, и всхоте ити изгоном на Русь; и прииде ему весть, яко некии царь идет со вьстока нань, из Синие орды, именем Тахтамышь. И поиде противу ему Мамаи, и стретшеся на Калках⁵⁶⁶, начаша битися; и спедше князи Мамаевы с конь, подаша руки своя Тахтамышю и яшася по него, а Мамаи, то видев, побеже, а Тахтамышь посла за ним погоню. Он же прибеже х Кафе и тамо сослася по опасу, и прияша его; бе же с ним много злата и богатства и сребра, Кафинци же, леть створше над ним, убиша его. А царь Тахтамышь, шед, взя орду его и царици, и казну его раздели дружине своеи, а на Русь, к великому князю и ко всем князем Русским, присла послы своя, поведая им, како седе на царьство Волжьское, победив Мамаа. Они же отпустиша послов его с честью, а на весну послаша к нему киждо своих килчеев со многими дары...».

НИЗАМ-АД-ДИН ШАМИ О ВОЙНЕ ТИМУРА И ТОХТАМЬША

Явился Тимур в 750 году⁵⁶⁷

И мир исполнился гибельных землетрясений:

Сам он будучи хром, а умом глуп,
Распространил всюду мрак смятений.

Много ученых и старцев мучениками
Стали, освещенные верою ислама;
Страна ислама от смятений, знай верно,
Опустела, и полились от страха слезы.

Что же ответит он перед Богом,
Если господь станет допрашивать строго?
О боже мой, сего раба своего ты
На том свете суди как жестокого язычника.

⁵⁶⁶ На реке Калке.

⁵⁶⁷ По христианскому летосчислению соответствует 1349/1350 гг. Это анахронизм. Три больших похода на территорию Золотой Орды Тимур организовал в 1389, 1391 и в 1394–95 гг.

Это слова «Песни хана Мухаммед-Амина о Тамерлане» (Мухамет-Эмин правил в Казани в 1484–1485, 1486, 1487–1496, 1502–1519 гг.), впервые опубликованные в 1883 г. в работе М.З.Хусеинова «Таварихе Булгария» и в 1899 г. в работе Н.Ф.Катанова «Исторические песни казанских татар». Так описывал правитель Казанского ханства поход Тамерлана на территорию Золотой Орды.

Однако существуют более ранние и более содержательные известия о походах Тимура на Дешт-и-Кипчак. Они имеются во многих арабо-персидских сочинениях, в русских и кавказских летописях, в турецких источниках, в источниках западноевропейского происхождения и т.д.

В числе первых введенных в научный оборот источников об эпохе Тамерлана мы можем назвать сочинение Низам-ад-дина Шами «Книга побед» («Зафар-намэ»). Он был родом из Шама, пригорода Тебриза, почему и назывался Шами. С Тимуром Низам-ад-дин встретился в Багдаде вскоре после завоевания города в 795 г. хиджры (1392–93 гг.) и тогда же поступил на службу к нему. В 804 г. (1401–02 гг.) Тимур поручил Низам-ад-дину составить историю своего царствования и описать свои походы. Работа Низам-ад-дина Шами, написанная простым и ясным слогом (в отличие, например, от сочинения Гияс-ад-дина Али) вполне удовлетворяла требованиям и вкусам «Потрясателя Вселенной». Низам-ад-дин предпослал своей книге введение, рисующее состояние Средней Азии до появления на исторической арене Тимура в 1360 г. (годы жизни последнего: 1336–1405). С этого года он и начинает подробный рассказ. Свое произведение Низам-ад-дин закончил еще до смерти Тимура, и поэтому последняя глава «Зафар-намэ» посвящена событиям весны 1404 г. Оно написано на основе личных наблюдений и на материалах дневников, которые велись секретарями и придворными историографами Тимура. Значение «Зафар-намэ» как источника для изучения эпохи Тамерлана исключительно велико. Собранный в нем фактический материал лег в основу всех последующих сочинений, посвященных жизни и деятельности Тимура. Несмотря на апологетический характер изложения, историку легко разобраться в том, что в его рассказе достойно доверия и что требует к себе критического отношения.

Источник цитируется нами по изданию: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т.2: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромасковичем и С.П.Волиным. – М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (при публикации «Зафар-намэ» советскими учеными были использованы рукописи переводов В.Г.Тизенгаузена и пражское издание 1937 г., подготовленное Феликсом Тауэром).

«Рассказ о походе Тимура в Дешт-и-Кипчак. В 793 г.⁵⁶⁸ Тимур собрал войска и выступил из Самарканда в намерении совершить поход на Дешт-и-Кипчак... В местности Кара-Саман собрались все эмиры и войска. В это время прибыл посол от Токтамыш-хана и ему оказали почет и уважение. Пробыв на этой стоянке несколько

⁵⁶⁸ 9.12.1390–28.11.1391.

дней, Тимур выступил оттуда и пошел ускоренным маршем. Т.к. был крайний холод и сильный снег и дождь, то не было возможности оставаться на месте. Через несколько дней посла Токтамыш-хана привели к его величеству, и посол, выполнив обязательства вежливости и целования земли, преподнес лошадей и сокола и через посредство нойонов довел до сведения Тимура слова царя, содержавшие много извинений и такие объяснения: «Тимур занимает по отношению ко мне место отца, и права его на меня превышают то, что можно сосчитать и объяснить»⁵⁶⁹. Просьба такова, чтобы он простил это неподобающее действие и недопустимую вражду, на которые я осмелился из-за несчастной судьбы и подстрекательства низких людей⁵⁷⁰ и чтобы он провел пером прощения по листу моих ошибок». Тогда Тимур перечислил милости, ласки и благодеяния свои по отношению к Токтамышу и сказал: «В начале дела, когда он бежал от врагов и пришел ко мне раненый, обитателям мира известно, до какой степени достигли с моей стороны добро и забота о нем. В том числе из-за него я воевал с Урус-ханом, давал Токтамышу много денег и добра, посылал с ним войска. В конце же концов он, забыв добро, послал войско и в мое отсутствие опустошил края нашего государства. Я не обратил внимание и на это и, ища ему извинения, отнес это на счет подстрекательства смутьянов. Он не устыдился этого и снова выступил в поход сам. Когда мы также выступили в поход, он бежал от вида черной массы нашего войска. Теперь, согласно ярлыку царя ислама⁵⁷¹, мы, собрав войска, выступили. Мы не доверяем его словам и действиям; если он говорит правду, то пусть пошлет навстречу нам Али-бека, чтобы мы, устроив совещание совместно с эмирами, выполнили то, что будет нужно».

Затем Тимур устроил царский пир, обласкал посла больше, чем прежде, и дал ему халат и пояс. Через 2 или 3 дня Тимур собрал эмиров, они устроили курильят и нашли нужным забрать посла и идти вперед. Так и сделали... 29 мая Тимур достиг реки Яика. Проводник сказал: «У этой реки три переправы: одна называется Айгыр-яли, вторая Бур-кичид, третья Чапма-кичид». Тимур сказал: «Переправляться через все эти три переправы не следует и нельзя доверять им, т.к. враг напротив; возможно, что прячется в углах и во время переправы выйдет из засады. Правильное решение таково, чтобы мы выступили в поход, пошли вверх по реке и, возложив упование на бога, бросились в воду и переправились». Эмиры повиновались и тотчас выступили, пошли вверх по реке и переправились через реку Яик. Они снова шли еще 6 дней и достигли реки Самар. Сторожевой отряд победоносного войска ушел вперед, услышал голоса врагов, которые разговаривали друг с другом, и сообщил это его величеству. В это время мирза Мухаммед-Султан взял в плен одного человека из вражеского войска и послал к его величеству. У него спросили о положении и выяснили стоянки и переходы. Обнаружив переправу через реку, Тимур остановился там на ночь, а

⁵⁶⁹ Именно Тимур признал Тохтамыш ханом в противовес Урусмухаммеду и именно он помог Тохтамышу стать фактическим и единовластным правителем Золотой Орды.

⁵⁷⁰ Еще в 1383 г. Тохтамыш первым начал войну с Тамерланом. Ответом был поход Тамерлана на Хорезм в 1387 г. Затем был поход Тохтамыша в 1388 г. и т.д.

⁵⁷¹ Речь идет о номинальном хане Махмуде, фактически же государством правил эмир Тимур.

утром первого раджаба⁵⁷² переправился через реку Иик⁵⁷³ и отправился в сторону врага. Тимур стоял до тех пор, пока не переправилось все войско. В это время взяли в плен и привели трех человек из врагов. Увидев себя в плену, они не нашли другого избавления, кроме правды, и сказали: «Перед этим 2 нукера бежали от Идигу⁵⁷⁴ и пришли сюда, сообщили о выступлении Тимура и сказали, что он идет сюда с огромным войском и бесчисленной ратью, по числу подобной песку пустыни и листьям деревьев. У Токтамыш-хана от этого известия в уме вспыхнул огонь энергии, он послал и собрал войска правого и левого крыла, теперь находится в Кырк-куле, посылает в края государства послов и собирает войска»...

...15 раджаба⁵⁷⁵ в местности Кундурча⁵⁷⁶ произошла великая битва. При этом Тимур укрылся под защиту милосердного бога и стал искать прибежища у благословенного духа пророка, а несколько великих шерифов и благородных сейидов, вроде сейида Береке и других сейидов, которые сопутствовали Тимуру, воздели руки к молитве и просили об одолении и победе. Тимур, поддерживаемый помощью божией, выступил. Прежде всех эмир Сейф-ад-дин бросился на врагов с обнаженным мечом и обратился в бегство тех, которые были против него. В это время мимо головного отряда правого крыла стало проходить войско врага, чтобы зайти в тыл войску Тимура и удерживать берег Черной реки. Мирза Джеханшах-бахадур, выстроив войско, преградил им путь и отбросил их. Затем Кулунчак-бахадур произвел атаку и отбросил один вражеский кошун⁵⁷⁷. Когда мирза Мираншах-бахадур бросился в атаку, то обратил в бегство вражеское войско, которое находилось против него... Каждый из эмиров и военачальников тронулся со своего места и погнался войско врага, которое было против него. И так, разгорелся огонь битвы; латы на теле и щиты на груди врагов прошивали остриями копий и стрел. Победоносное войско Тимура, как неподвижная гора, поддерживая друг друга, не отходило вспять. Токтамыш-хан оказался слаб и т.к. не нашел у себя сил противостоять, то отступил со стороны Тимура и направился в сторону мирзы Омар-шейх-бахадур. Когда он нашел и его кошун в порядке и устройении, то отступил и от него и обратился на кошун и тысячу сулдузскую⁵⁷⁸. Хотя они пустили навстречу дождь стрел, но это не помогло. Войско врага одолело, убило многих из сулдузского войска и прошло между ними. Тимур приказал, чтобы степь и пустыню огласили звуками труб и литавр; войско, подняв крик и

⁵⁷² 4 июня.

⁵⁷³ По-видимому, это Ик – приток Идели.

⁵⁷⁴ Выходец из Кук орды мангыт Идегей, нашедший пристанище в окружении Тамерлана; позднее он стал фактическим правителем Золотой Орды; он является родоначальником династии правителей Ногайской Орды и русских князей Байтерекых, Канбаровых, Кутумовых, Тинбаевых, Тинмаметевых, Урмаметевых, Урусовых, Шейдяковых и Юсуповых; Идегей – главный герой одноименного дастана.

⁵⁷⁵ 18 июня.

⁵⁷⁶ Река Кундурча – приток Черемшана на юге современного Татарстана.

⁵⁷⁷ Подразделение войска численностью до 1000 человек.

⁵⁷⁸ Сельджукскую? Сельджуки – ветвь племен огузов, вилоты до XV в. имевшая свои государства на территории Малой Азии и Курдистана; в период наибольшего политического господства они владели Средней Азией, Кавказом, Ираном, Ираком, Сирией и Малой Азией.

заволновавшись, сразу бросилось в атаку и обратило врагов в бегство. В это время поспешно прибыл Чеке-тавачи и сообщил, что враг зашел в тыл нашему войску. От мирзы Омар-шейх-бахадур также прибыл гонец с сообщением, что царь Токтамыш выстроил свое войско, подходит к нам сзади и держит в строгом порядке центр и крылья своего войска. Тимур выстроил войска и, возложив упование на господя, повернул обратно. Когда вражеское войско заметило его движение и увидело мощь и многочисленность его армии, то не смогло сражаться, а, опустив поводья, обратилось в бегство и ушло в пустыню. Тимур в победном шествии, в полном благополучии и под счастливой звездой стал лагерем и, выбрав войско, послал погоню вслед, чтобы их ограбить и как следует наказать...».

КЛАВИХО О ТИМУРЕ, ТОХТАМЫШЕ И ИДЕГЕЕ

Огромное значение для изучения эпохи Тамерлана имеет известное посольство Руи Гонсалеса де Клавихо, отправленное ко двору Тимура в Самарканд кастильским королем Генрихом III. Посольство выехало из Испании в 1403 г. и вернулось на родину в 1406 г. В Самарканде посольство провело значительную часть 1404 г. Клавихо несколько раз виделся с Тимуром, говорил с ним, много слышал рассказов о нем из уст разных людей, лично побывал в некоторых городах государства Тамерлана. Все виденное и слышанное он записал в форме дневника. Причем известный историк А.Ю. Якубовский в своей статье, посвященной Тимур (Вопросы истории. – 1946. – № 8–9. – С. 42–74), отметил объективность изложения фактов в записях Руи Гонсалеса.

Дневник путешествия Руи Гонсалеса де Клавихо в Самарканд ко двору Тимура впервые в переводе на русский язык со староиспанского был издан в Санкт-Петербурге в 1881 г.⁵⁷⁹ При цитировании источника нами было использовано следующее издание: Клавихо Г. История великого Тамерлана//Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния/Сост., обработка и подготовка текста Р.Рахманалиева.– М.: ГУРАШ, 1992.– С. 299–344.

«Теперь... я расскажу, как Тамурбек победил и разбил Тотамиха, императора Тартали⁵⁸⁰, могущественного и доблестного человека, более сильного, чем Турок⁵⁸¹, и как в Тартали возвысился один кавалер по имени Едегуй⁵⁸², подвластный Тамурбеку, и теперь у Тамурбека нет большего врага, чем этот Едегуй.

Лет 11 тому назад этот император Тартали Тотамих, будучи владельцем

⁵⁷⁹ Клавихо Руи Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403 – 1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями И.И. Срезневского. – СПб., 1881.

⁵⁸⁰ Т.е. золотоордынского хана Тохтамыш; Тарталия – это Татария, то есть Золотая Орда.

⁵⁸¹ 28 июля 1402 г. при Анкире (Анкаре) войска правителя Османской империи турецкого султана Баязида I Иылдырыма (Молнии) были полностью разгромлены Тимуром, и это событие отсрочило гибель Византии еще на полстолетия.

⁵⁸² Идегей.

обширных земель и множества народов, выступил из Тарталии с огромным войском и пошел в Персию, вошел во владения Туриса⁵⁸³ и Верхней Армении, ограбил многие земли, разрушил города и замки, но и частично восстановил их для себя... Закончив весь этот грабеж, особенно в землях, принадлежащих Тамурбеку, Тотамих возвратился в Тарталию. А Тамурбек, узнав об этом, выступил со своим войском, хотя войско противника было гораздо больше его, погнался за ним и настиг у большой речки, называемой Тесина⁵⁸⁴, поблизости от Тарталии. Тамурбек двигался как можно скорее, чтобы овладеть переправой через реку, т.к. в этой местности, где он шел, не было другой, кроме той, которую он намеревался взять. А когда Тамурбек подошел к реке, император Тотамих уже перешел ее, а т.к. он знал, что Тамурбек намерен настичь его, то вновь подошел сторожить переправу и завалил ее лесом.

А когда Тамурбек подошел туда и увидел, что Тотамих сторожит переправу через реку, послал сказать ему, что он напрасно это делает, т.к. он не намерен воевать с ним, а хочет быть его другом и сохрани бог, чтобы он когда-нибудь желал ему зла. Но, несмотря на это, император побаивался Тамурбека, т.к. знал, что он человек коварный. На другой день Тамурбек от места переправы двинулся с войском вверх по реке, а император Тарталии со своим войском также продвинулся другим берегом реки; а шли они так: один по одной стороне, другой – по другой и как Тамурбек останавливал свое войско, тотчас останавливался Тотамих на другой стороне реки. Таким образом они двигались 3 дня, и ни один не перегнал другого. На третью ночь Тамурбек приказал в войске, чтобы женщины надели шлемы и стали похожи на мужчин, а всем мужчинам велел скакать как можно скорее обратно и каждому взять двух лошадей, на одной ехать самому, а другую вести на поводу. Оставив свой стан на месте, т.е. женщин, похожих на мужчин, пленников и рабов с ними, сам Тамурбек вернулся назад к переправе; и все пройденное за 3 дня расстояние он преодолел за одну ночь и переправился через реку. Около трех часов он сражался в стане императора Тотамиха, разбил его и захватил, что у него было, а вез он многое, но Тотамих бежал. Это была великая и славная победа, т.к. Тотамих имел огромное войско, и одна из величайших битв, которые выиграл Тамурбек, даже, говорят, более важная, чем с Турком⁵⁸⁵. Поражение было великим бесчестием для императора Тотамиха, и он вновь собрал большое войско, чтобы идти на Тамурбека. А тот подкараулил его и напал в самой Тарталии, разбил его и такой ужас внушил народу, что на удивление; а император Тотамих снова бежал. Это повергло в уныние всех татар; они стали говорить, что их сеньор потерпел поражение, т.к. удача его покинула, и поэтому он был разбит; и начались между ними раздоры. А один, служивший Тамурбеку, по имени Едегуй, заметив, что между татарами начались несогласия, сговорился с ними, что пойдет на Тамурбека и против всех тех, кто будет их врагами. И они сделали его сеньором; а он восстал против Тамурбека и стал искать случая его убить; тогда и его земля и Тарталия перешли бы к нему и стали бы его владениями.

⁵⁸³ Тебриза.

⁵⁸⁴ Терек.

⁵⁸⁵ С турецким султаном Баязидом I.

Тамурбек, узнав об этом, хотел его схватить и убить, но тот убежал. И теперь сеньор Тарталии очень могущественный человек, а они между собой большие враги. Однажды Тамурбек ходил на него войском, но Едегуй не стал его дожидаться и бежал. У этого Едигуя постоянно имеется в орде более 200000 всадников.

Между тем Тотамах, император Тарталии, и Тамурбек примирились и вместе стараются обмануть Едегуя. Тамурбек послал сказать ему, что ведь ему известно, что он в его власти, что он его любит и прощает, если в чем-нибудь против него погрешил, и что хочет быть его другом; а чтобы между ними было родство, он предлагает женить своего внука на одной из его дочерей. Говорят, что этот Едегуй ответил ему, что он прожил с ним 20 лет и был тем, кому он более всех доверял, и что знает его слишком хорошо и все его хитрости и что такими уловками его не провести, что он понимает, что все эти доводы только для того, чтобы обмануть, и если они действительно станут друзьями, так только на поле брани с оружием в руках, так он им ответил. У этого императора Тотамаха был сын, которого Едегуй изгнал из его земель. Тотамах бежал в землю, которая близости от Самарканте, а сын его – в Кафу, гемуэзский город, на границе с Тарталией. Едегуй напал на этот город Кафу, т.к. сын Тотамаха бежал к Тамурбеку. Этот Тотамах и его сыновья живы и состоят в дружбе с Тамурбеком. А этот Едегуй обращал и обращает татар в магометанскую веру, еще недавно они ни во что не верили, пока не приняли веру Магомета⁵⁸⁶... ».

ИОГАНН ШИЛЬТБЕРГЕР О ТАТАРИИ

В 1867 г. экстраординарный профессор Новороссийского (Одесского) университета, доктор всеобщей истории Ф.К.Брун (1804 – 1880) издал в переводе со старонемецкого языка «Путешествие Ивана Шильтбергера»⁵⁸⁷. По мнению современных ученых, это была первая в российской историографии публикация самого высокого академического уровня, т.к. Ф.К.Брун был широко эрудированным исследователем исторического прошлого Крыма, Бессарабии, Молдавии, Кавказа, Поволжья, исторической Скифии и Хазарии.

Важное место в его трудах занимала историческая география и топография, что дало ему возможность издавать в русском переводе путевые заметки и дневники путешественников средневековья. Однако из всех географических и исторических исследований Ф.К.Бруна более всего посчастливилось «Путешествию Иоганна Шильтбергера». Вслед за русским изданием, его обширные комментарии к «Путешествию» появились в изданиях на немецком и английском языках.

Подобно материалам путешествий Марко Поло, Рубрука, Карпини, Барбаро,

⁵⁸⁶ Ислам официально был принят в Золотой Орде еще в годы правления хана Узбека (1312–1342 гг.), когда это государство достигло высшей точки своего могущества, а его культура – пика своего развития.

⁵⁸⁷ Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год./Пер. с нем. Ф.Брун/Записки Императорского Новороссийского ун-та. Год 1-й.– Одесса: Типография Л.Нитче, 1867.– Т.1.– Вып. 1–2.

Контарини, Клавихо и многих других «Путешествие Иоганна Шильбергера» дает читателю возможность ознакомиться с путевыми заметками, оставленными потомком баварским солдатом, попавшим в 1396 г. в плен к мусульманам после разгрома крестоносцев турецким султаном Баязидом и пробывшим в плену до 1427 г. За время своего 30-летнего пребывания в плену Иоганн Шильбергер вместе со своими хозяевами⁵⁸⁸ побывал во многих странах Европы, Азии и Африки: в Венгрии, Болгарии, Валахии, Молдавии, на Украине, в Турции, Египте, Палестине, Иордании, Иране, Хорасане, Средней Азии, на Кавказе, в Крыму, Среднем Поволжье, Астраханском крае и Сибири.

Известный ученый В.В.Бартольд считал, что наивные рассказы Иоганна Шильбергера для изучения политических событий описываемых лет не имеют почти никакого значения, однако в них можно найти много ценного и интересного по другим вопросам. Действительно, повествование неграмотного баварского солдата-наемника, каким был Иоганн, кажется иногда фантастическим, преувеличенным и требующим к себе самого внимательного критического отношения. Именно поэтому Ф.К.Брун, издавая перевод «Путешествия», сопроводил его довольно пространственными примечаниями. Комментарии эти иногда чересчур многословны и увядат читателя в сторону от повествования, но для 60-х годов XIX в. они были, безусловно, важны и в ряде случаев к ним нечего добавить современному историку.

В своем предисловии к «Путешествию» Ф.К.Брун отмечал: «Я далек от мысли, что мне удалось раскрыть все прочие заслуги, оказанные Шильбергером науке. Довольно с меня, если я успел убедить любителей истории вообще и нашего отечества в особенности, в том, что им больше чем прежде придется отныне удостоить своего внимания правдивое, хотя и наивное повествование, оставленное нам мужем, участвовавшим в столь многих походах Баязида, Тамерлана и Едигея, — о путевых впечатлениях иключениях своих в странах, которые теперь по большей части входят в состав России».

Таким образом, читатель, интересующийся историей стран и областей, в которых побывал Иоганн Шильбергер, найдет в его заметках много оригинального.

При цитировании источника мы использовали издание: Иоганн Шильбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год/Перевод со старонемецкого Ф.К.Бруна; издание, редакция и примечания академика АН Азербайджанской ССР З.М.Буниятова. — Баку: Элм, 1984.

« ...25. О королевском сыне

При Абу-Бакре⁵⁸⁹ находился королевский сын из Великой Татарии⁵⁹⁰. Этому принцу было предложено возвратиться на родину, чтобы занять там престол. С согласия Абу-Бакра он отправился туда в сопровождении 600 всадников, в числе которых находился и я с 4-мя товарищами.

⁵⁸⁸ Одним из последних его хозяев был хан Улу-Мухамед.

⁵⁸⁹ Абу-Бакр — сын Миран-шаха, правителя (Азербайджана —?), умер в 1408 г. Шильбергер находился у него на службе в 1404—08 гг.

⁵⁹⁰ Речь идет о золотоордынском принце Чакре (1414 —?) из рода Уруса, сына Орды.

Вот земли, через которые пролегал наш путь: во-первых, мы прошли через область Астару⁵⁹¹, изобилующую шелком; затем – через Грузию, населенную христианами, считающими св. Георгия своим патроном; затем – через страну, называемую Лахиджан⁵⁹², где также растет шелк; далее – через страну Ширван, где собирают шелк, из которого изготавливают хорошие материи в Дамаске и в Кашане⁵⁹³, равно как в столице языческой Турции – Бурсе. Отчасти шелк этот вывозится также в Венецию и Лукку⁵⁹⁴, где из него ткнут отличный бархат.

Страна эта имеет нездоровый климат. Затем прошли мы через область, именуемую Шабран⁵⁹⁵ и через другую, называемую по-татарски Темир-Капи, что по-нашему означает Железные Ворота⁵⁹⁶. Они отделяют Персию от Татарии. Затем мы прошли через город Оригенс, который весьма обширен и лежит посреди большой реки Эдил. Далее – через гористую страну Джулад⁵⁹⁷, населенную большим числом христиан, которые там имеют епископство. Их священники принадлежат к ордену кармелитов, которые не знают латыни, но молятся и поют по-татарски, для того чтобы их прихожане были более тверды в своей вере. Причем многие язычники принимают святое крещение, т.к. они понимают то, что читают и поют священники.

Отсюда королевский сын перешел в Великую Татарию, к вельможе, которого звали Едигей и который послал ему предложение возвратиться для занятия там престола. Едигей готовился тогда к походу в страну, называемую Сибирь.

Должен заметить, что в Великой Татарии есть сановник, который назначает и низвергает королей, которые во всем от него зависят. Тогда эту высокую должность занимал Едигей.

Татарские владетели имеют также привычку кочевать зимой и летом с женами, детьми и своими стадами. Там, где останавливается король, должны быть построены 100 000 юрт.

Вышеупомянутый королевский сын по имени Чакра провожал Едигея в Сибирь. Они двигались 2 месяца, пока не прибыли в эту страну, где есть горы, простирающиеся на 32 дня ходьбы. По рассказам местных жителей, этот горный хребет примыкает к пустыне, доходящей до края света и в которой люди жить не могут из-за водящихся в ней диких животных и змей. В самих же горах отдельными семействами живут дикари, у которых нет постоянных жилищ. Все их тело, кроме лица и рук, покрыто волосами и они, подобно другим животным, скитаются по горам, питаются травой и всем, что попадется им под руки...

В этой стране сеют только просо и хлеба вовсе не едят. Все это я видел своими глазами, когда находился при упомянутом выше королевском сыне Чакре.

⁵⁹¹ Город и область у впадения одноименной реки в Каспийское море.

⁵⁹² В Азербайджане.

⁵⁹³ Кашан – город в Иране.

⁵⁹⁴ Лукка – город в Западной Италии.

⁵⁹⁵ Город и область у Каспийского моря.

⁵⁹⁶ Дербент.

⁵⁹⁷ Область в Северной Осетии.

26. Каким образом сменялись владетели

После покорения Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию, которая ими также была завоевана. После этого возвратились восвояси.

Примерно в это же время в Татарию королем был некто по имени Шадибек-хан (слово «хан» по-татарски означает «король»). Когда он узнал, что приближается Едигей, он обратился в бегство и погиб в стычке с людьми, посланными за ним в погоню Едигеем⁵⁹⁸. Едигей затем возвел на престол короля по имени Пулад⁵⁹⁹, который царствовал 1,5 года и был изгнан другим претендентом по имени Джалал ад-Дин, который был низвергнут братом Пулада Тимуром⁶⁰⁰. Последний, однако, царствовал не более 14 месяцев и погиб в борьбе с возвратившимся Джалал ад-Дином. Этот последний, царствовавший 14 месяцев, был убит в войне с родным братом Кепеком, который, однако, должен был уступить престол другому брату Керим-Берди. Последний после 5-месячного царствования должен был уступить место брату Джабару. Этот же был изгнан Едигеем и моим господином Чакрой, который был возведен на престол согласно обещанию Едигея⁶⁰¹.

Однако уже через 9 месяцев им пришлось бороться с новым претендентом на престол по имени Мухаммад. Чакра был вынужден бежать в страну, называемую Дешти-Кыпчак, и Мухаммад воссел на престол⁶⁰².

Свергнутый Бараком Мухаммад, собравшись с силами, в свою очередь изгнал его, однако затем сам был изгнан Девлет-Берди, который после 3-дневного царствования был вынужден уступить престол Бараку. Последний затем погиб в борьбе с моим господином Мухаммадом⁶⁰³, снова овладевшим престолом. Мой господин Чакра, который хотел низвергнуть Мухаммада, сам погиб в борьбе с ним.

27. Об одной языческой⁶⁰⁴ даме и 4000 девиц, ее сопровождавших

В бытность мою у Чакры перед ним и Едигеем предстала одна татарская дама, по имени Садур-мелик, со свитой, состоявшей из 4000 девиц. Эта знатная дама, желая

⁵⁹⁸ Хан Шадибек в 1407 г. пытался освободиться от влияния Идегея, но был разбит, бежал в Астрахань, а оттуда в Шемаху, где и умер в 1408 г.

⁵⁹⁹ Булат хан был сыном Шадибека; умер в 1410 г.

⁶⁰⁰ После смерти хана Булата правителем стал хан Тимур; потерпев поражение в бою с Идигеем (его тестем), в 1411 г. Тимур бежал в Хорезм; ханом Золотой Орды стал сын Тохтамышша Джелал-ад-дин.

⁶⁰¹ Все эти дворцовые перевороты происходили до 1419 г., когда Идигей был убит сыном Тохтамышша Кадыром-Берди.

⁶⁰² Монеты с именем Чакры чеканились до 1414 г. С 1419 г. (?) трон Улуса Джучи перешел к Улу-Мухамеду. Однако власть последнего распространялась только на западную часть земель Золотой Орды. Подробнее об этих событиях см. в работе М.Г.Сафаргалеева «Распад Золотой Орды».

⁶⁰³ Попав в свиту Улу-Мухамеда, Йоганн Шильтбергер одно время находился в составе его посольства к мамлюкскому султану ал-Малику ал-Ашрафу Барсбаю, о чем солдат сообщил в 36-й главе своего «Путешествия».

⁶⁰⁴ Для христиан мусульмане также были «язычниками».

отомстить одному татарскому королю за то, что он убил ее мужа, просила Едигея, чтобы он помог ей изгнать того короля. Необходимо знать, что эта дама, равно как и провожавшие ее женщины, ездил верхом и упражнялась в стрельбе из лука не хуже мужчины и что она, готовясь к битве, привязывала к каждой стороне лошади по мечу и луку.

Когда двоюродный брат короля, убившего ее мужа, будучи взятым в плен в сражении с Чакрой, был отведен к ней, она приказала ему стать на колени, обнажила меч и одним ударом отсекала ему голову, говоря: «Теперь я отомстила!». Это случилось в моем присутствии, и я говорю здесь об этом как очевидец..

35. О Красной (Золотой) Татарии

Был я также в Золотой Татарии, где жители из хлебных растений сеют только одно просо. Вообще они не едят хлеба и не пьют вина, которое у них заменяется молоком лошадиным и верблюжьем. Они питаются мясом этих животных.

Нужно заметить, что в этой стране король и вельможки кочуют летом и зимой с женами, детьми и своими стадами, перевозя с собой все свое прочее добро и странствуя по этой совершенно ровной стране от одного пастбища к другому. Еще надо сказать, что при избрании короля они сажают его на белый войлок и 3 раза приподнимают. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и вручают ему золотой меч, после чего он должен присягнуть по их правилам.

Достоин замечания также, что они, подобно всем язычникам, садятся на пол, когда хотят есть или пить. Нет между язычниками народа столь храброго, как обитатели Золотой Татарии, который мог бы переносить столько лишений в походах и путешествиях, как они. Я сам видел, как они, когда терпели недостаток в съестных припасах, пускали кровь у лошадей и, собрав ее, варили и ели. Подобным же образом, когда нужно наскоро отправиться в путь, они берут кусок мяса и разрезают его на тонкие полоски, которые кладут под седло. Посолив предварительно это мясо, они едят его, когда голодны, воображая, что они приготовили хорошую пищу, ибо мясо от теплоты лошади высыхает и делается под седлом мягким от езды, во время которой из него вытекает сок. Они прибегают к этому средству, когда у них нет времени готовить себе еду иначе. Еще у них в обычае подносить своему королю, когда он утром просыпается, лошадиное молоко в золотом блюде, и он пьет это молоко натошак.

36. Страны, подвластные Татарии, в которых я был

К числу этих стран принадлежит, во-первых, Хорезм с главным городом Ургендз, лежащий на острове на большой реке Итиль⁶⁰⁵. Затем страна Бештамак, весьма гористая, с главным городом Джулад. Там же и большой город Астрахань в хорошей

⁶⁰⁵ «Итиль» («Большая река»?) в данном случае обозначает Амударью.

стране, и город Сарай – резиденция татарского короля. Есть еще город Болгар, богатый разного рода зверьями, а также города Сибир и Азак, называемые христианами Тана. Он лежит на берегу Дона, изобилующего рыбой, которую вывозят на больших судах и галерах в Венецию, Геную и острова Архипелага.

Далее, страна, называемая Кипчак, со столицей Солкат⁶⁰⁶. В этой стране собирают разного рода хлеба. Есть в этой стране город Каффа⁶⁰⁷, на берегу Черного моря, окруженный 2-мя стенами. Во внутреннем городе 6000 домов, населенных итальянцами, греками и армянами. Это один из главных черноморских городов, имеющих по внешней черте до 11 000 домов, населенных христианами: латинскими, греческими, армянскими и сирийскими. В этом городе местопребывание 3-х епископов: римского, греческого и армянского. В городе есть и много язычников, которые имеют в нем свой храм.

От Каффы зависят 4 города, расположенные на берегу моря, где есть 2 рода евреев, имеющих 2 синагоги в городе и 4000 домов в предместье.

Далее – город Киркьер⁶⁰⁸, в хорошей области, именуемой Готфией⁶⁰⁹, но которую язычники называют Тат. Она заселена греческими христианами и в ней производят хорошее вино. В этой стране, лежащей на берегу Черного моря, возле города Сарукерман⁶¹⁰ был утоплен св. Климент. Там же страна черкесов, также на побережье Черного моря, населенная христианами, исповедующими греческую веру. Но тем не менее они злые люди и продают язычникам своих собственных детей и тех, которых они крадут у других. Они также занимаются разбоем и говорят на особенном языке...

Так же королевство Россия, которая платит дань татарскому королю. Нужно заметить, что между золотыми татарами есть 3 поколения: кайтаки⁶¹¹, джамболуки⁶¹² и монголы⁶¹³. Их страна имеет протяжение в 3 месяца ходьбы, представляя собой равнину, в которой нет ни леса, ни камней и есть только трава и камыш.

Все отмеченные земли входят в состав Золотой Татарии и во всех этих землях я был...».

«КАЗАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ» О ЗОЛОТОЙ ОРДЕ, БОЛЬШОЙ ОРДЕ И «ЦАРСТВЕ КАЗАНСКОМ»

Наиболее ценный материал по истории Казанского ханства сохранился в русских летописях. Особо необходимо выделить казанскую летопись («История о Казанском царстве», «Казанский летописец», «Казанская история»)⁶¹⁴. «Казанская история»,

⁶⁰⁶ Солхат – современный Старый Крым.

⁶⁰⁷ Современная Феодосия.

⁶⁰⁸ Ф. Брун идентифицирует его с Чуфут-кала (Крым).

⁶⁰⁹ Таврида.

⁶¹⁰ Херсон.

⁶¹¹ Небольшая этническая группа даргинцев, живущих в Дагестане.

⁶¹² Одна из ногайских орд.

⁶¹³ Калмыки?

⁶¹⁴ Настоящее название: «Сказание вкратце от начала царства Казанскаго и о бронех, и о победах великих князей московских со цари казанскими, и о взятии царства Казани, еже ново бысть».

как историческая повесть с ярко выраженной публицистической направленностью, была составлена в 1564–1565 гг. анонимным автором, который, по его собственному утверждению, будучи русским пленником, жившим при дворе казанского хана Сафа-Гирея, являлся непосредственным очевидцем последних 20 лет самостоятельного существования Казанского государства⁶¹⁵.

Интерес историков к этому памятнику возник еще во второй половине XVIII в.⁶¹⁶ и обусловливался прежде всего тем, что в нем излагалась 300-летняя предыстория и история Казанского государства и его взаимоотношения с Русским государством, вплоть до завоевания Казани Иваном IV в 1552 г. В условиях острого дефицита источников по истории Казанского ханства «Казанская история» рассматривалась прежде всего с потребительской точки зрения – ее материалы широко использовались в исследованиях А.И.Лызлова, П.И.Рычкова, Н.Баженова, И.Михайлова, Н.П.Загоскина, поместивших в своих работах обширные фрагменты текста с описанием событий, не упоминавшихся в других русских летописях. Отдельные сведения источника использовались В.Н.Татищевым, М.М.Щербатовым, Н.М.Карамзиным, Ш.Б.Марджани, В.В.Вельяминовым-Зерновым.

Однако во второй половине XIX в. ряд историков, вслед за Н.М.Карамзиным, С.М.Соловьевым и В.В.Вельяминовым-Зерновым, убежденными в недостоверности известий «Казанской истории» и компилятивности ее текста, отказываются пользоваться ею как историческим источником (это, в частности, С.М.Шпилевский, Г.Перетяткович и Д.И.Иловайский).

Только фундаментальное исследование Г.З.Кунцевича, появившееся в результате подготовки публикации «Казанской истории» в составе «Полного собрания русских летописей»⁶¹⁷, в определенной степени реабилитировало ее как исторический источник⁶¹⁸. Однако и Г.З.Кунцевич был вынужден отметить, что «Казанская история» «как исторический источник имеет много неточностей, недостатков, ошибок»⁶¹⁹.

Источниковедческое исследование «Казанской истории» было продолжено Г.Н.Моисеевой, изучавшей ее общественно-политическую направленность как памятника дворянской идеологии, автор которого тенденциозно переработал источники для подтверждения своей историко-публицистической концепции, оправдывающей завоевательные войны Ивана Грозного. Г.Н.Моисеева уточнила время

⁶¹⁵ Дореволюционные историки подвергли сомнению достоверность рассказа автора «Казанской истории» о его 20-летнем пребывании в казанском плену. Считая, что с точки зрения композиции летопись (состоящая из 100 глав) является подражанием «Стоглавику» (сер. XVI в.), они усмотрели, что по содержанию летопись – это литературное заимствование из «Повести о взятии Царьграда», написанной в XV в. Нестором Искандером, который находился долгое время в плену у мусульман. Это мнение поддержано С.Х.Алишевым и др.

⁶¹⁶ См.: История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. – СПб.: Императорская академия наук, 1791.

⁶¹⁷ История о Казанском царстве или Казанский летописец // ПСРА. – Т. XIX. – СПб., 1903.

⁶¹⁸ См.: Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве. – СПб., 1905.

⁶¹⁹ Там же. – С. 201.

составления и круг источников «Казанской истории» и в 1954 г. осуществила новое издание памятника по более древнему списку, неизвестному Кунцевичу⁶²⁰.

В 60-х годах XX в. «Казанская история» стала объектом пристального внимания со стороны зарубежных, в основном западногерманских и американских, исследователей, изучавших вопросы идеологического обоснования русской историографией XVI в. завоевание Казанского ханства. Памятник интересовал их как историко-литературное произведение, в котором получили всестороннее развитие общественно-политические и религиозные мотивы восточной экспансии русского самодержавия⁶²¹. В 80-е годы археографическое изучение «Казанской истории» продолжила Л.А.Дубровина.

При цитировании источника мы пользовались изданием: Сказание о царстве Казанском/Вступительная статья, переложение текста и примечания Н.В.Водовозова. – М.: Изд-во худож. лит-ры, 1959.

«...Глава 4

*О первом начале Казанском царстве, и о местном уголье,
и о змииском жилище*

Бысть же на Каме на реке старый град, именем Брягов⁶²², отуду же прииде царь, именем Саин Болгарский. И поискав по местом проходя в лета 6685⁶²³ и обрете место на Волге, на самой украине руской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме. Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцами земными семяны родимо, и овощи преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого уголья много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли нигдеже такового подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим, не вем же, аще есть будет в чужих землях. И велми царь за то возлюби Саин Болгарский. И глаголют мнози нецыи, преже место быти издавна гнездо змиево, во всем жителем земля тоя знаемых. Живяше ту возгнездився змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядыше. А иныя змии около его лежаше, живяху с ним всяцами образы. Тем же не можаху человецы близ места того миновати, свистания ради змиина и точения их, но далече инем путем обхожаху. Царь же, по многи дни зря места того, обходя и любя его, и не домышляшяся, како извести змия того от гнезда своего, яко да того ради будет град крепок и славен везде. Изыскався в воех его сице волхв хитр и рече царю: «Аз змия уморю и место очищу». Царь же рад бысть и обещася ему царь нечто дати велико, аще тако сотвориши. И собра обояник волшением своим вся живущя

⁶²⁰ Казанская история/Подготовка текста, вступит. статья и примечания Г.Н.Моисеевой; Под редакцией В.П.Адриановой-Перетц. – М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

⁶²¹ См. научные статьи И.Шевченко, О.Притцака, С.Кинана, Ф.Камптера, Я.Пеленски и др.

⁶²² Брахимов (Ибраһим), ср.век. (XI–XII вв.) город Волжской Булгарии. В 1164 г. был сожжен войсками Андрея Боголюбского.

⁶²³ 1177 г.

змия те от века в месте том к великому змию во едину грамаду согна и всех чертою очерти, да не излезет из нея ни едина змия, и бесовским действием всех умори. И обволоче кругом сеном и тростием, и дровием, и лозием сухим многим. И полиав серою и смолою, и зажже огнем, и попали, и пожже вся змия, великаго и малыя, яко быти от того велику смраду змиину по всей земли той, и проливающе впредь хотяще быти от окаяннаго царя злое содеяние проклятыя его веры срацынския. Мнозем же от вои его умрети от лютаго смрада змиина. Близ того места стояху кони и верблюды его и мнози падоша. И сим образом очисти место то. Царь возгради на месте том Казань, никому же от державных Руси смеюще супротив что рещи. И есть град Казань, стоит и донныне, всеми рускими людьми видим и знаем есть, а не знающими слышим есть. Яко же преже сего на том месте вогнездиси змий лют и токовище их, и воцарися во граде скверный царь, нечестия своего великим гневом наполнився, и распалашеся яко огонь, во ярости на кристияны, и разгарашеся яко огонь, пламенными усты устрашая, и похищая, и поглощая, яко овца, смиренныя люди руския в прележащих всех близ живущая около Казани, изгна от нее русь-тоземца⁶²⁴, и 3 лета землю ту пусту положи. И наведе из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь со князи их и со старейшинами и многу ему сущу, ибо подобну суровством и обычаем злым, песьим главам, самоедом. Наполни такими людьми землю ту еже ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения русаго в болгарских жилищах, и приложи х Казани царь болгарския грады, обладаютя царем казанским. То бо бе преже земля болгарець малых за Камою, промеж великая реки Волги и Белья Волжки⁶²⁵ до великая Орды Нагайския. А большия болгары на Дунае⁶²⁶. Ту же был на Каме старый град, именован Брягов болгарьский, ныне же градище пусто, его же первое взя князь великий Андрей Юевич Владимирский⁶²⁷ и в конечное запустение преда, а болгар тех под себе покори. А балыматы от болгар тех яко 20 попрещи. И дале тот же князь великий повоева. И бысть Казань столный град, вместо Брягова. И вскоре нова орда и земля плодородна, и семенита, и именована, и медом кипяща, и млеко и дашася во одержание и власть и в наследие поганым. И от сего царя Саина преже зачася Казань, и словяще юрт Саинов. И любяше царь, и часто сам от столнаго своего града Сарая приходяше и живяше в нем⁶²⁸. И остави по себе на новом месте, юрте своей, царя от колена своего князя с воиями. По том же царе Саине мнози цари, кровопивцы, руския люди губили, и прменяющеся царьствовав же в Казани лета многа.

⁶²⁴ Эта информация имеет аналогию и в русских летописях (например, в Никоновской летописи). Ее цель – оправдать завоевание Казанского государства в 1552 г. Нерусские письменные источники и местные археологические материалы не подтверждают эту информацию.

⁶²⁵ Ак-Идель – Кама.

⁶²⁶ Дунайские болгары по происхождению родственны волжским булгарам.

⁶²⁷ Боголюбский (ок. 1111 – 1174) – великий князь суздальский и владимирский, сын Юрия Долгорукого. 28 июля 1174 г. он был убит своими феодалами – в заговоре участвовала и его жена-булгарка.

⁶²⁸ «Саин» («добрый») – прозвище хана Бату. На территории завоеванной «татарами» Волжской Булгарии находилась временная резиденция джучидов (см. «Книга Марко Поло».– М., 1956.– С.45). Сюда, ко двору хана, приезжали правители завоеванных стран.

Глава 5

О первом взятии Казани, и о иных градах болгарских, и о воевании великия Орды Златыя

На ню же первое ходи князь Юри Дмитриевич⁶²⁹ в лета 6900⁶³⁰ послан братом своим, великим князем Василием Дмитриевичем. Тот шед взя грады болгарския, по Волге стояше, Казань, и Болгары, Жюкотин, Кеременчюк и Златую Орду повоева по совету крымского царя Азигирея⁶³¹ и вся те грады до основания раскопа, а царя казанского и со царицами своими в ярости своей мечем уби и всех срацын з женами и з детми их и живущих во граде присече. И землю варварскую поплени и здрав с победою восвояси возвратися. И на мало время смирися Казань и укротися, и охуде, и стояше пуста 40 лет. Бяше бо умирися крымский царь Азигирей с великим князем Василием, и повоеваша с ним заедино на брата своего, царя Златыя Орды на Зеледии салтана Тактамышевича⁶³²: он полем, по суху войско свое посылаше, а князь великий Волгою посылаше в лодиях, а з другую страну, созади мангиты⁶³³ силныя стужахуся, их же беша улусы качевныя на великой реке, на Яике, и еже течет во Хвалимское море, прямо Бухаром. И тако бысть отвсюду зло угнетение Златой Орде оной при нем первое тогда, после же от великаго князя Иванны второе же⁶³⁴; при нем от тех же мангит до конца запусте... И вселишася в Большой Орде нагаи и мангиты, из-за Яика пришедше, иже и доньне в тех улусах качуют, живуще с великими князи московскими в миру, ничим же их обидяще.

Глава 6

О изгнание царя Златыя Орды, и о смирение его, и о бранех, и о победах с великим князем московским

И в то же время во едино спустя по умертвии Зеледии-салтана, царя Великия Орды, 18 лет, а по взятие казанstem от князя Юрья 30 лет, и се гоним прибежа с восточныя страны, тоя же Болшия Орды Золотыя именем царь Улухамет⁶³⁵, в мале дружине своей, изгнан сый и со царицами своими и з детми от великаго Едегея⁶³⁶ старого, князя заяицкого, и царьства своего лишен и мало от него смерти не прия. И ночь бе и день бе скитаяся в поле, и преходя от места на место, и лето ища покоя, где бы вселитися не обреташе. И не смеяше бо ни ко единой их стране приблизитися, ни к единой державе, но так бо между ими, сюду и сюду, по полю волочася, яко

⁶²⁹ Юрий Дмитриевич (1374 – 1434) – второй сын Дмитрия Донского.

⁶³⁰ 1392 г.

⁶³¹ Хаджи-Гирей (ум. в 1466 г.) – крымский хан, основатель династии Гиреев.

⁶³² Джелал-ад-дин (ум. в 1412 г.) – хан Золотой Орды, сын хана Тохтамыша.

⁶³³ Ногайцы.

⁶³⁴ См. ниже «Софийская II летопись о событиях 1480 года».

⁶³⁵ Уду-Мухамед (ум. в 1445 г.) – хан Золотой Орды с начала 20-х годов XV столетия, основатель династии казанских ханов.

⁶³⁶ Сравни с информацией, данной И.Барбаро.

хищник и разбойник. И приблизися к пределом руским, и посла моление и смирение к великому князю Василию Васильевичу московскому⁶³⁷, в шестое лето великаго княжения его, в десятое же лето царьства своего, не рабом, но господином и любимым сыном и братом себе имянуя его, яко да повелит ему невозбранно на пределе своя земля мало время починуту от труда своего, и собратися з градными своими многими вои и возвратитися вскоре на врага своего, на заяицкого князя Едегея, и согнаша его со Орды. И беша у того князя Едегея 70 сынов от 30 жен, яко у меншаго сына быти воин до 10 000, и ради силы своя мангиты сильныя прозвашася, тем покорятися царю не восхотеша, и Орду Большую дерзнуша взяти. Князь же великий повеле, ни мало сперва возбрани царю, еже приблизитися к земле своей, но прият его с честью, не яко беглеца, яко царя и господина своего, и дарми его почти, друголюбие с ним велие сотвори, яко сын ко отцу, и брат или раб к господину своему. Но конец зол совершися. От него бо великое княжение посажден бысть и с сыном своим названным, 10 лет царьства своего не взымаше дани с него и оброков: надеяше бо ся его князь великий паче приятелства к себе имети, яко же он рече, любовь верну и дружбу велику. И не размыслив сего князь великий, яко волк и агнец вкупе не питаются, ни почивают, ни водворяются, но сердце единому уязвенно есть боязнию, яко един от них погибнет. И обещание и клятву между собою взяша царь и князь великий друг друга ничем озлобити, дондеже царь от земли Руския отступит. И даша князь великий царю в качевеище Белевския места. Царь же ту качюя и нача к себе збирати воя своя, хотя отомсти врагу своему, и здела себе ледян град, из реки волочя толстый лед, и осыпа снегом и водою поляше, бояся еще по себе гонения; стулы крепость ему бысть велика в нужное время. И отходя пленяши инья земля чюжия, аки орел отлетая от гнезда своего далече пища себе искати. Князь же великий, слышав се и убоаяся, зело велми возмущашеся, в мысли своей мятышеся, и мнев, яко нача збирати воя на него царь и хошет воевати Русьскую землю. И неким его ближним своим советником его и возмутившим его, и глаголаше бо ему: «Князь, великий государь, яко егда зверь утопает, тогда его и убити спешат. Аще ли на брег выпловет, то многих уязвит и сокрушит, да ли убиен будет или жив убежит». Он же послушав горкаго совета его и всех советников своих, и посла посол свой и рече, да скоро отидет от земля его, не браняся. Он же моляшеся мало почити. Князь же великий паки с прещением грозя, и посла к нему второе и третье. Он же ни мало послушав, но еще моляся почити, не ведая на себе великаго князя войска, скоро готовящася и вооружающеся, и мечи и брани обостряющеся на него, но, смиряясь, глаголаше: «Брате, господине мои, мало ми время помедли, яко в борзе имам поитти от земля твоея, никоего же зла тебе никако сотворих, по обещанию нашему с тобою и по любви, но вперед и до смерти моя, егда мя устроит бог и паки сести на царьствии моем, рад есмь с тобою имети дружбу верну и любовь сердечну и незабытну. И еще же и сыновом моим прикажу по себе служити тебе и норовити по тебе и детям твоим, и рукописание тебе дам на

⁶³⁷ Темный (1415 – 1462) – великий князь московский (ярлык на великое княжение получен из рук Улу-Мухамеда в 1431 г.). Ослеплен князьями в 1446 г.

себе, и на сыны моя, и на внуцы за печатми златыми, и дани и оброков у тебе не имати, ни земля твоя воевати не ходити, и не посылати. Или аще помыслию кое любо зло, мало или велико, на тебе, яко мниши ты, преобидети любовь твою, еже сотворил еси ко мне и напитав мя, яко просителя нища, и да будет бог твой убиваяи мя, в него же аз верую».

Глава 7

О послании вои московских на царя и о побьении от него вои московских

И виде его князь великий не слушающа, и добром и волею своею не хотяща отступить от земля державы его, и словесем и вере его обещанию, яко поган, не ят истинне быти, мнев веселяся глаголюща ему и лжуща, забыв его слова, яко покорное слово сокрушает кости, а смиренна сердца и сокрушенна бог не уничтожит. И посла на царя брата своего князя Дмитрея Галицкаго, а прозвищем Шемяка, а с ним вооруженных вои 20 000, и посла оба князя тверския и рязанския, а с ними по 10 000 своих вои, и всех вои 40 000, да шедше отженут царя от предел Руских. Он же, злый царь, видев великаго князя, не повинующася молению его и смиренюю, и воя его уже готовы блиско идуща к нему, и узрев царь, и, не ведуща того ему, и посла тако ж смирение к брату великаго князя, да не идет нань до утра, «яко прочь отступить хочу». Он же тщащася скоро повеление брата своего исполнити, надеющася на силу свою. Царь же отложи чаяние от человека такова же смертна милости просити и возведе очи свои зверины на небо моляся, и ко церкви рустей притече, прилучи бо ся церкви ту стояща на пути, в некоем селе, прииде и припаде пред дверми храма и паде на землю у порога, и не смея внити в ню, и вопия и плача со многими слезами и «Боже русский,– глаголя,– слышах о тебе, яко милостив еси и праведен; не на лице зриши человеком, но и правды сердца их испытуеши. Видждь ныне скорбь и беду мою, и помози ми, буди нам истинный судя, и суди в правду меж мене и великим князем в обличи вину коегождо нас. И хочет бо он убити мя неповинна, яко обрете время подобно, и хочет неправедно погубити мя, бывшее слово обещание наше и клятву с ним соглаголав и преступив, и великое же брежение мое и прежнюю любовь к нему, аки любезному сыну, забыв, и виде мя в велицеи напасти и беде утесняема зле и погибающа отовсюду. И не ведаше бо себе аз ни в чем преступивша ему или солгавша». И плакавшася бо много, стонав, и востав от земля от ницания своего мерскаго, и собравшася с вои своими, и затворися во граде ледяном. И се борзо внезапно нападоша нань воя руская. Он же, мало бився отуду и виде яко сщест ему дело, и тогда отвори врата градные и вседе на конь свой, и взя копье и оружие свое в руку, и поскретща зубы своими, яко дивии свирепый зверь, и грозно восвистав, яко страшный змий великий, ожесточив сердце свое и воскипе злобою своею, и повиновашеся и братом и господином называше великаго князя, и се брань против творяше,– яко лев ревый, яко змий страшно огнем дышуще от великия горести. И против многим воем руским напусти с воими с немногими с 3000 всех, 1000 от тех вооруженных ни дрогнув, но ни отбежав от великих вои московских, отчаявшася живота своего, а болши надеяся

на бога, и на правду свою и храбрость, и на злое умение свое ратное. И егда сступився обоя воя, – увы мне, что реку – одолеша великаго князя, и побил всех русских воев в лета 6946⁶³⁸, декабря в 5 день. И ошашася токмо на том побоище от 40 000 воев от рати великаго князя 8 его воевод с ним с немногими воины, бегающе по дебрям, и по стремнинам, и по лесу. И мало живых не яша и самех воевод; избави господь от сего. Покорение царя бог на смирение преложи, победи великаго князя нашего московского свирепосердия, яко да клятвы не преступают, аще и с поганым сотворяют. Ос блаженное смирение, яко не токмо нам, крестьяном, бог помогает, но и поганым по правде пособствует.

Глава 8

О втором начале Казанском царстве, о приходе казанскаго царя из руския грады, и о взятии во плен великаго князя Василья московскаго

Поганый же той царь, победив московская войска и обоимав, и обогатися велми, и повоева и поплени Руския пределы. И наполнився всякого добра рускаго до избытка своего, и вознесеся сердцем, и возгордесе умом. И токмо далече ни в кую же Орду не восхоте от предел русских отитти, но прииде на место от места того, с побоища, подале, на другую страну русских предел и украины, бояся великаго князя аще тайно воя пошлет на него боле первых, и граду же ледяному от солнца растаявшу и крепости ему никакия имуще и на сонных ношю нападут, и от него погинет сам царь и воя его с ним. И шедше полем, перелезе Волгу, и засяде пустую Казань, Саинов юрт. И мало во граде живущих, и нача збиратися в Казань срачини и черемиса, развие по улусом казанским. И ради ему бысть изо оставшихся от плена худыя болгары. И молиша его казанцы быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания рускаго, и быти царьство строителя, да не до конца запустеют, и повинишася ему. Царь же вселися в жилищех их и постави себе древяный град крепок на новом месте, крепчаиша старого, недалече от старья Казани, разоренный от руския рати. И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран: от Златья Орды, от Асторохани, и от Азова и от Крыма. И нача изнемогати во время то и Великая Орда усиати Золотая, и укреплятися вместо Золотья Орды Казань⁶³⁹ – новая Орда, запустевший Саинов юрт, кровию рускою кипя. И проиде царская слава, и честь, и величество з Болшия Орды и с старья матери ордам всем – на преокаянную дщерь младую Казань. И паки же возрасте царьство, аки древо измерзшее от зимы, оживе, аки солнце огреявше весне. От злаго древа, реку же от Златья Орды, злая ветвь

⁶³⁸ 1438 г.

⁶³⁹ Автор использовал предания, по всей видимости, бытовавшие не в среде покоренного ордынцами местного населения, а в среде этнократов-татар, что ясно просматривается в тексте. Легенда «Казань – дщерь Золотой Орды», как убедительно показано советскими историками (см., например: Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М. – Л., 1950. – С. 415), не могла возникнуть у коренного (булгарского) населения края или в среде подвластных татарским феодалам иных народов, населяющих периферию Казанского ханства.

произыде – Казань и горкий плод изнесе; и второе зачаса от другаго царя ординьскаго.

И тот царь Улуахмет велию воздвиже брань и мятеж в Руской земли, паче всех первых царей казанских, от Саина царя бывших, понежи бе многокознен человек и огнен дерзостию и велик телесем, и силен велми: отвсюду собра к себе воинственную силу и многи грады руския оступи, и всяко им озлобление тяжко наведе. И до самого доиде града Москвы, на другое лето Белевского побоища, июля 3 день поуже около Москвы великия посады, и християнского люду иссече, и во плен сведе. Града же не взя, токмо дань на воя своя взяша, и прочь отиде. И умре в Казани со юншим своим сыном, со Егупом, оба ножем зарезаны от болшаго сына своего Мамотяка⁶⁴⁰, и царствова на Казани 7 лет. И прият по нем царство Казанское сын его Мамотяк. От скорпии змии, от лва – лютый зверь, кровопийца же. Се же бысть отца своего злее на крестьяны воевати Руская земля, яко самого великаго князя Василия Васильевича – увы всем тогда, тайно пришед изгоном от Суздаля града, изыма, и вся сущая с ним войско побил в лета 6953⁶⁴¹, июля в 6 день, и в Казань к себе сведе его. И держа у себе 14 месяц, не в темнице, но проста бе посаждаху его с собою ясти, за единою трапезою си, и не скверниша его поганым своим ядением и питием, и кормляше его чистым брашном руским. И взял на нем окуп велик от велможь его, множество злата и сребра, и отпусти его к Москве на царство его. Милует бо варварин, видя державнаго зло страждуща...

Глава 10

О послех от царя пришедших к великому князю московскому, и о ярости царева на него и о грубости великаго князя на царя

Царь Ахмат восприим царство Златыя Орды по отцем своем Зелети-салтане царе и посла к великому князю московскому Иоанну Васильевичу послы своя по старому обычаю отец своих и с парсуною басмою просити дани и оброков на прошлая лета. Великий же князь ни мало убояся страха царева, но прием базму парсуну лица его, и плевав на ню, и излома ея, и на землю поверже, и потопта ногами своима. И гордых послов его избити повеле всех, пришедших к нему дерзостно. Единаго же отпусти жива, носяща весть ко царю, глаголя: «Яко же сотворих послом твоим, тако же имам и тебе сотворити, да престанеши, беззаконниче, от злаго начинания своего, жесточати нам». Царь же, слышав сие, великою яростию воспалився, огнем и гневом дыша, и прещением аки огнем. И рече князем своим: «Видите ли, что творит раб наш, како смеет противитися державе нашей безумный сий». И собрав в велицей Орде всю свою силу срацынскую, не ведый никоих же враг пошествия и востания на свою Орду, тем ни малы стражы и не остави запаса ради и прииде на Русь к реце Угре в лета 6989-е⁶⁴², ноября в 1 день, хотя поглотити християнство все и царствующий

⁶⁴⁰ Махмут хан – правил в Казани в 1445–1467 гг.

⁶⁴¹ 1445 г.

⁶⁴² 1481 г.

град, преславную Москву взять, яко же и царь Тактамыш лестию взял. Рек то: «Аще не возму жива великаго князя московского, и аще не приведу его связана и умучу горькими муками, то чему есть живу быти ми, и царская власть держати ми». Слышав же князь великий неукротимое царево свирепство и собрася такожде со всею областию рускою и изыде без страха в лице нечестивому царю Ахмату, к той же реке Угре. И стояста оба об едину реку, Русь и срацыни. Та бо река многа места обходящи Руския земли с прихода пути поганых варвар, и могу то реци – пояс самыя пречистыя богородицы, – аки твердь очищаючи от поганых и защищаючи Рускую землю. Царь же, видев великаго князя, мнимаго раба своего, в велицей силе против его изшедша небоязнено и стояше при реце со оружием, сердце его и главу мечем хотяше отсеци, и дивляшеся толикому новому дерзновению его. И покушашеся многажды прелести реку ону во многих местех, и не можаше, воспрещением от рускаго воинства. И совеща великий князь с воиводы своими добро дело, иже полза бысть ему великая, и по нем и детем и внуком его в веки. И посылает отаи царя Златую Орду пленити служиваго своего царя Нурдовлета Городецкаго⁶⁴³, с ним же и воиводу князя Василя Поздроватаго Звенигородцаго со мноюю силою, и доколе царь стояше на Руси, не ведущу ему сего. Они же Волгою в ладиях пришед на Орду и обретоша ю пусту, без людей, токмо в ней женьский пол, и стар и млад. И тако ея поплениша жен и детей варварских и скот весь в полон взяша, иных же огню и воде и мечю предаша, и конечно хотеша юрт батыев разорити. Улан же царя Городецкаго и Обляз леств сотвори, глаголя царю своему: «Что твориши, о царю, яко нелепо есть тебе болшаго сего царства до конца разорити – от него же ты и сам родися, и мы все. И наша земля то есть и отец твой искони. Се повеленная пославшаго ны понемногу исполнихом, и довольно есть нам и поидем, егда како бог не попустит нам». И прибегоша вестницы ко царю Ахмату, яко Русь Орду его расплениша. И скоро в том часе царь от реки Угры назадъ обратися бежати, никоея пакости земли нашей не учиниша. Да тако же преже реченное великаго князя воинство от Орды отступи.

Глава 11

О конечном запустении Златяя Орды⁶⁴⁴, и о царе ея, и о величестве Руския земли, и о чести и красоте преславнаго града Москвы

И придоша нагаи, иже реченныя мангиты, по московском воинстве. И тии тако же останки ординския погубиша, и юрт царев разориша, и царицу ея побиша. И самому царю Ахмату встречу поидоша, преплывше Волгу. И шедшеся с ним на поле чисте внезапно, много бившеся с ним. И одолевше, и паде ту воинство его. Ту же самого царя, наехав, убиша, узрев его, Ямгурчей мурза, и на костех его вструбиша. И

⁶⁴³ Речь идет о сыне Хаджи-Гирея. После смерти отца из-за вражды с братом Менгли-Гиреем он вынужден был бежать в Литву, а оттуда – на Русь. Здесь Нурдаулет стал служить Ивану III, за что был объявлен правителем Касимовского ханства.

⁶⁴⁴ Золотая Орда распалась в первой половине XV в. Здесь речь идет об одном из ее «осколков» – о Большой Орде.

тако скончашася цари ординстии, и таковым божиим промыслом погибе царство и власть великия Орды Златыя. И тогда великая наша Руская земля освободися от ярма и покорения бусурманскаго, и начат обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелегатися...

Глава 12

О втором взятии казанском, и о пленении Алехам⁶⁴⁵ царя со всеми его, и о посажении Махметияна⁶⁴⁶ царя, и о сече крестьян в Казани

Сын же великаго князя Василия Иван восприя великое княжение Московское по смерти отца своего. Сей же взя великий Новгород со мноюю гордостью и бусловием и буюю... и Тверь, и Вятку, и Рязань, и вси русьстии князи поклонишася ему служити. И един овлада всеми скипетры рускими. И многи грады у полскаго короля отнял державы своя, завладена князем Гедеманом⁶⁴⁷. И бысть велика область Руская. И оттоле назвася державный князь великий московский.

По взятии же Великаго Нова града в 9 лето, по Тверском же взятии в 5 лето посла воевод своих на Казанское царьство с великим воинством за безчестие и срамоту отца своего, князя Данила Холмскаго, князя Александра Оболенскаго, князя Семиона Ряполовскаго. И встрече их казанский царь Алехам с татары своими на реке на Свяге. Бывшу же у них бою велику и поможет бог и святая богородица московским воеводам, и побилша ту многих казанцев: мало их живых в Казань утече. И град затвори и осадити не успеха, и самого царя казанскаго Алехам жива яша руками, и с ними во град вшедша и яша мать его, и царицу его, и 2 брата его, и к Москве сведоша, и досталных казанцов покориша Московскому царству и повинных учиниша. И заточи князь великий царя и со царицею на Вологде, мать же цареву и со двема царевичами ея заточи на Беле озере. Тамо же в заточение умре царь, и мати его, и брат царев Мелегдар царевичь. Другий же царевич остася жив. Того же изведе из темницы, крести и даша за него дочь свою. И се в второе взята бысть Казань от Москвы, от начала ея, в лето 6995⁶⁴⁸, июля в 9 день, на память святаго священномученика Панкратия. И посади на Казани служащего своего царя Махметемияна Ибрегимовича, и приехавших ис Казани к Москве з братом своим Абделевитом⁶⁴⁹ служити великому князю. И князь великий дасть ему в вотчину град Коширу, другому же брату иныя грады. Отъехаша те царевичи от большаго брата своего Алехам, царя казанскаго, разбранися о некоторой вещи и не стерпевше от него обиды многи; они же подняша

⁶⁴⁵ Али хан вступил на казанский престол в 1479 г. после смерти своего отца Ибрагима. В 1487 г. был взят русскими в плен и сослан на Белоозеро.

⁶⁴⁶ Мухаммед-Эмин занял казанский престол после низложения хана Али. Умер в 1518 г.

⁶⁴⁷ Гедемин (1316 – 1341) – великий князь литовский.

⁶⁴⁸ 1487 г.

⁶⁴⁹ Абдул-Латыфом.

великаго князя Казань взяти, да не царьствует на Казани брат их един, смеяся ими и досаждая им. И по летех живша на Москве 2 царевича: Абделевит царевич умроша в срацынской своей вере, другой же царевич, изведен ис темницы, в веру христову крещен, именем Петр царевич зять бысть великаго князя. Того же царя князь великий посади Махметеминя на Казани царем. И взя за себя Махметеминь жену за себя сноху, болшаго брата своего царицу, Аলেখама царя, у великаго князя из заточения, из темницы, с Вологды, мужю ея Аলেখаму царю умершу в заточение. Махметемину же царю люба бысть братня жена велми. И нача она помале, яко огонь, разжигати сухие дрова, яко червь точити сладкое древо, яко прелукавая змия, научима от велможь своих и царевых, охавившеся о вые, шептати во уши царю день и ночь, да отвергнется от великаго князя, да не слово казанский царь раб его, и во всех землях да не срам будет и уничижение будет царем всем, и всю Русь да побьет, живущую в Казани, и корень их изведет: «Да не всего царьства своего лишен будеши. Аще ли се сотвориши, то имаеши царьствовати многа лета на Казани, аще ли сего не сотвориши, то вскоре з бесчестием и с поруганием сведен будеши с царьства своего, яко же и брат твой Аলেখам царь умер в заточение темницы, тако же и ты заточен будеши». И всегда яко капля дождевая жестокий камень пробивает сквозе, щление женское премудры человеки многи коренит. И многи крепився царь, и прелстися от злыя жены своея, и послуша проклятаго совета ея. Окаянный же царь прелстися безумию ея, измени великому князю московскому, нареченному отцу своему, и пресече всю Русь в Казани и во всех улусех, и з женами и з детми, в лета 7013⁶⁵⁰, на рожество Ивана Предтечи. На той же день съезжахуся в Казань изо всей Руския земля богатии купцы и многия иноземцы далныя и торговаху с Русью великими драгими товары; не ведуще руския люди беды на себя никакия, без боязни живуще в Казани, надеющеся, яко на своего царя, и не боящесе его. Аще бы ведали беду сию, то не бы подклонилися под меч их, могли бы всяко противитися варваром или так нецыи убегнути. Но везде превзыде вифлеомский плач: тамо младенцы заклахуся, отцы же и матери их з болезнию душа оставляхуся, zde же состаревшеся мужи и жены, и юноша младыя и красныя отроковица, и младенца вкупе убиваху вся. И весь драгий товар, безчисленное богатество у кушцов русских в казну свою насыпа полату полну до верха рускаго злата и сребра. И подела себе царь венцы драгия, и сосуды и блюда серебряныя и златыя, и царьский наряд драгий устрои. От того богатства, оттоле не ядыше ис котлов, ни из опаниц, яко пес ис корыта, с велможами своими, яко на персах своих ядыше и веселяшесе. Без числа же казанцы много велми разграбиша по себе, и обогатися, и оттоле не ходити им во овчях кожах ошившися, и после убо ходяще в красных ризах, и в зеленых, и в багряных, и в червленых одеявшеся, щапствовати пред катунами своими, яко цветцы полския, различно красящесе, друг друга краснее и пестрее. И была тогда Казань за великим князем 17 лет⁶⁵¹.

⁶⁵⁰ 1505 г.

⁶⁵¹ Подробнее см.: Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995. – С.42–60.

Глава 13

О приходе Махметемина, царя казанскаго, к Нижнему Нову городу, о падении вое его у града, и о страхе московских воевод, и о смерти великаго князя Ивана

Еще не удоволися казанский царь богатством взятых людей русских, в Казани же крови их не напился, текущая реками, и болшею яростию свирепосердый разжегся. И собрався с казанцы своими, и призва еще к себе на помощь 20 000 нагаи, и воюя крестьянство и убивая. И прииде к Нижнему Нову граду, взяти его хотяше, и пожже около града все посады, и стояше у града 30 дней, по вся дни приступая ко граду. Воевода же бысть тогда во граде Хабар Симский и мало с ним бойцев во граде, токмо народ градцкий, страшливыя люди. И не успеха к нему с Москвы воя приити, вскоре бо царь безвестно пришел, и мало града не взя, аще бо во граде не бог прилучил огненныя стрелцы литовския, рекомыя желныре. Яты быша на бою, когда побили литовскую силу на Ведроши храбрый воевода московский князь Данило, Щеня прозвищем, 12 воевод великих изыма. С ними же приведены те стрелцы и ту заточены, в Нижнем Новеграде, в темницах сядяху. И мало их числом бе,— толко 300 человек останася живых, инии бо мнозии в темницы изомроша сядяща, но превзыдоша бо многочисленных храбростию. И побиа много казанцев и нагаев огненным своим стрелянием, и град от взятия удержаша, и христианский народ от меча и от пленения избавиша. И застрелиша шурина царева нагайского мурзу, приведоша его нагайския воя своя ко царю в помощь. Беста бо со царем стояше за некоею церковию крестьянскою, думающе о взятии града, и понужающе воя своя ко приступу; и прилетев ядро, и удари его по персем, и вниде ему в сердце и проиде сквозе его, и тако исчезе нечестивый. И возмутишася нагаи, аки птичья стада, отставше вожа своего и пастыря. И бысть межю ими брань велика усобная, и почашася сечи нагаи с казанцы по своему господине, и много у града паде обоих стран. Царь же едва устави смятение вое своих, и убояся и отступи от града, и побеже х Казани, и много зла крестьяном и учинив. И за свое великое добро свободжени быша ото удержания града стрелцы те. И воевода же, одарив их, и отпусти. Они же радостны быша, и поиде во свояси, свободившеся смертныя горкия темница. Московския же тогда воеводы пришед стояше в Муроме, готовы, а с ними воя 100 000, посланы великим князем стрещи прихода царева, не дати воли воевати Руския земля. Они же паче себя стрежаху, а не земля своя, и велиим страхом объяти быша, безумнии, убояхуся, и трепетаху, и избранными воины блюдушеся из града выгити, толику имуща силу и ни мало воспрети царю. А со царем бе толко силы имуще 60 000 рати. Казанцы же неподалеку от них по местом жожаху, воююще, крестьян губяху, насмеваюшеся воеводам безумным, и великая же села огнем пожизаху. Умре же князь великий московский Иван Васильевич борзо по измене казанской, на другое лето, не успев преже смерти управитися со царем казанским, и приказа по себе царство Московское сыну своему Василью Ивановичю.

Глава 14

О послании воевод московских к Казани и падение вои у града

Великий же князь Василей хотя отомстити изменнику своему и рабу, казанскому царю, и паки взяти у него Казань и посла в себе место брата своего князя Дмитрея Углецкого, прозвищем Жилку, и с ним многия князи и воеводы руския со многими силами воинскими ко граду х Казани, полем на конех и в лодиях в лета 7016⁶⁵². Егда же воем руским, пришедшим х Казани, и первое дал им бог победу на казанцев. Потом же, — ох, увы нам, — разгневался на ня господь, и побеждени бысть кристьяне от поганых: поби казанский царь, из града вышел, обоя воя руская, конную рать и судовую, лестью некоею. На великом лузе, на Арском поле, около града, поставлеша царь до 1000 шатров на праздники своя, и велможи его в них же кормьчествоваше, и пьюще, и веселящися и всякими потехами царьскими веселящися, честь празнику своему творяще; тако же и граждане вси, мужи и з женами, гуляюще, по них пьюще в корчемницах царевых, покупающе на цены, прохлажахуся. Много же народу збирающися, черемисы на праздники тья с рухлом своим из далних улусов и торговаху з градцкими людми, продающе и купующе, и меняюще. В тех же корчемницах испивающе, веселящися царю и велможам его и всему достальному люду казанскому, а не ведающе они на себя ничего же. И праведного Николы чудотворца умолением, аки с небеси, падоша вои руския на поганых варвар казанцов. И побиша напрасно казанцев, ових же плениша, инии же во град со царем убежаша, овии же в лесы, каждо их избыти. От великия тесноты во граде задыхяхуся и задавляющися добре людие. Аще бы 3 дни едины постояли у града воя руская, тогда бы взяли град волею, без нужды. И останася на лузех стояще у града все царевы шатры, та же и катарги велмож его со многим ядением и со многим питием, и со всяким рухлом. Воя же руская от путнаго шествия нужнаго, уже аки взяша град Казань, и оставя дело божие и приклонишася на дело дьявольское, — от высокоумия их богу тако изволившу, — и начаша без страха ясти и пити, и упиватися без ведания скверным ядением и питием варварским, и глумитися и играти и спати до полудня. Царь же из стрелницы зряще с казанцы безчиньства руских вои и безумнаго их шатания. И узна царь, яко все руския воя пьяни от мала и до велика, яко и до самых воевод, и помышля же царь подобна искати времени, како бы напасти на руских вои. И разгневался господь на руских вои, отъят от них храбрость и мужество, и дал бог поганому царю храбрость и мужество. В 3-й же день пришествия силы руския х Казани, в 2 час дни, отвори врата царь градныя и выехав со 20 000 конными, а 30 000 пешцев, черемисы злая, и нападе на полки руския. Руским же воем всем спящю, от труда путнаго опочивающе, и храбрых человек сердца без помощи божияESCOльбашася, мяхчая женских сердец слабейша, и поядоша их всех мечем, толикое множество, аки клас, юношь младых и средовечных мужей. И покрыся лице земли трупием человеческим, поле Арьское и Царев луг кровию очервленишася. И едва сами воеводы болшие возмогоша убежати,

652 1508 г.

а иных же избиша, и на Русь прибегоша с великою тщетою, и много добре язвенных прибегоша. Воевод же великих 5 убиша: трех князей Ярославских, князя Андрея Пенка да князя Михаила Курбского да Карамыша з братом его, с Родоманом, да с Федором с Киселевым, а Дмитрия же взяша жива на бою, и замучи его царь казанский злогоркими муками. И от тое 100 000 останася 7 000 русских вои, ови же мечем посечени, ови же в водах сами напрасно истопоша, бегающе от страха варварского. Волга утопшими людьми загряззе, и езеро Кабан, и обе реки, Казань и Булак, наполнишася побитыми телесы кристьянскими и течаства по 3 дни кровию, сверх людей, аки по мосту, ездити и ходити казаньцем. И велик бысть плач о сих паче того, еже бысть плач о прежних побитых людей в Казани живущия Руси, понеже бо ту все падоша воинския главы избранныя, княжия и боярския, и храброя воеводы, и воины, яко же от Мамаея на Дону побиты. И обогатися казанский царь велми узорочьи безчисленными драгими златом и серебром, и конми, и доспехи, и оружием, и полоном. И кто может число тому дати или исчести или сметити, еже тогда взял казанский царь, точию гору златую, яко не на долг ему живот протяжется, и умалишася дни его, и скрати его господь век; вскоре испивает чашу божия отомщения.

Глава 15

О покаянии, и о приказе цареви, и о послании з дары великому князю московскому, и о смерти царя казанскаго злаго и поганого

И за сие преступление царя казанскаго порази его бог язвою неисцелимою от главы и до ногу, и люте боляше, 3 лета на одре лежаше, весь кипя гноем и червми. И врачеве же и волхвы его не возмогоша от язвы тоя исцелити его. Никто же к нему входяще в ложницу посетити его, ни царица, прелстившая его, ни болия его рядцы, смрада ради злаго, исходящая от него. И вси смерти ему желаше. И токмо те вхожаху к нему неволею царя кормити приставленныя его, но и те скоро бежати от постелница его, нозри свои заемши. И воспомяну согрешение свое и глаголя к себе: «Яко бысть мне неисцелимыя недуги за неправды моя и измену, и за клятвенное преступление, и за многое кровопролитие напрасное крестьянское, и за великую честь и любовь бывшую на Москве от названнаго отца, от великаго князя Ивана Васильевича. Вскорми бо мя и воспита от руку свою не яко господин раба, но яко отец чадолюбивый сына своего любимого и, рече, аки волчье щеня ко злонравию моему. Он бо взя Казань у брата моего великим подвигом и многим трудом и после мне предаша на брежение, злomu семяни варварьскому, яко верному чаду своему. Аз же, злый раб его, варвар, солга ему во всем и страшную мою клятву преступил, лестным своим словом и жены моя послушал, в добра места велие зло вдах ему. И убивает мя русский бог его ради. О горе мне, окаянному, ныне погибаю! И все злато мое, и серебро, и царьския венцы златья и одежда многоценныя и постеля, и красныя моя жены, предстояху мне отроки младыя, и добрыя коня, и величание, и честь, и дани многия, и все мое безчисленное богатество, вся драгая моя царьская узорочья оставятя инем по мне. Аз же поганый токмо всуе тружалося без ума, и несть ми ныне ползы ни от жены змии, прелстившия

мя, ни от множества силы моея, ни от богатства моего: и вся бо исчезоша, яко прах от ветра». И посла к Москве царь послы своя к великому князю Василию, а с ними же посла к нему царьския дары своя 300 коней добрых, на них же сам яздыше, когда бе еще здрав, в седлах, и в уздах златых, в покровех червьеленых, и меч, и копье свое, и златый щит, и лук, и тул с стрелами, броня своя, яко да тем Казань одолевает, и красный шатер драгий, ему же велиции купцы заморския не возмогоша цены устави, дивящиеся хитрости его и ркуще, яко несть в наших землях заморских и во всех землях фряжских узорочия такова, ни слыхав, ни видав ни у коего царя, ни короля, токмо тоя земли, где сотворяют сих, – различными узоры красными срачинскими весь исшит, златом и серебром, и жемчюгом усажен и по местом, драгим камением, и соха шатерная – морская трость, толстотою 2 пяди, драгою мусиею исписана красно, и не мощи назретися до сытости никому, и несть лзе сказати, каков есть он хитростию и ценою злата и серебра, и не мощи есть купити его, аще не пленом взят будет некако и ту же и взят в дарех будет како послан: прехитр бе видением и премудростию устроен великою. Прислан бо той шатер царю казанскому в дарех же от царя вавилонскаго и кызылбашскаго. Таже иныя вещи некия драгия казанский же царь посла к великому князю московскому, братом и господином зовя его, и прощения прося от него о гресе том, еже сотвори ко отцу своему, тако сводя с себя измену и Казань предающе ему: «Яко аз умираю», рече, веля прислати на место свое царя, или воеводу, вернейшее себе, и неместна, да не тако же сотворит измену. Злый же той царь Махметемин житие свое скончав, жив червьми изведен, яко детоубийца Ирод⁶⁵³ не исцелев от врачей своих никакоже, и отиде в вечный огонь и равно смутися с ним. Тако же и царица, прелстившая его, борзо по нем, того же месяца, с печали умре, от совести дома смертнаго зелия вкусив. И сим бог, преступающим клятву, воздает за измену их великую, злую...».

СОФИЙСКАЯ II ЛЕТОПИСЬ О СОБЫТИЯХ 1480 ГОДА

При Иване III Русское государство прекратило выплаты дани Большой Орде, сложившейся после распада Золотой Орды. В этой ситуации хан Большой Орды Ахмед был вынужден начать войну с «сепаратистами». При этом хан рассчитывал и на обещанную помощь короля польского и великого князя литовского Казимира IV.

Ахмед отправился в поход в июне 1480 г. Первым серьезным препятствием на пути хана явилась Ока, на противоположном берегу которой стояло большое войско во главе с Иваном III и его старшим сыном Иваном Молодым. Все попытки татар перейти Оку были отбиты русскими. Однако советники Ивана III требовали прекратить сопротивление, что было по душе и самому великому князю – хорошему

⁶⁵³ Ирод (73 – 4 гг. до н.э.) – правитель Иудеи, организатор вифлеемской резни (было убито 14 000 младенцев-мальчиков), умер от мучительной болезни.

дипломату, но нерешительному полководцу. Возвратившегося с Оки Ивана III встретили негодующие горожане, требовавшие более активных действий. С призывом мужественно встретить татар к Ивану III обратился и ростовский архиепископ Вассиан Рыло. Князю пришлось вернуться к войску, занявшему оборону на левом берегу Угры, притока Оки, куда направился Ахмед, ожидавший литовской помощи.

Татары появились на берегах Угры, вероятнее всего, в начале октября 1480 г. В течение нескольких дней русское и татарское войско стояли друг против друга, вступая в редкие стычки, но ордынцы так и не решились перейти Угру. Наступили холода, помощь из Литвы не шла: – татары вынуждены были уйти...

«Стояние на Угре» описано во многих русских источниках. Но наиболее объективную информацию об этом историческом событии дает Софийская вторая летопись.

Софийская I летопись в издании 1851 и 1853 гг. напечатана на основе 7 списков, летописные статьи которых доходят до 1418, 1425, 1471 и др. годов. В тесной связи с Софийской I летописью находятся Воскресенский Новоиерусалимский и Архивский XVI списки; первый из них, начинаясь Нестором, заканчивается 1534 г., а последний, в котором недостает нескольких начальных листов, охватывает период с 1397 по 1518 гг. Т.к. находящаяся в Воскресенской и Архивской XVI списках летопись сходна с Софийской I летописью, то Императорская Археографическая Комиссия признала нужным напечатать ее отдельно под именем Софийской II летописи.

Воскресенский Новоиерусалимский список (объем – 1431 лист) написан полууставным и скорописным почерками в начале XVII в. Он принадлежал патриарху Никону, который в 1661 г. положил его вкладом в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Кроме всего прочего в этом списке на листах 1427 – 1429 дается содержание 5 ярлыков, «иже суть давали цари ординские митрополитом Киевским всеа Русии, на церковные дома и на люди»...

Архивская XVI рукопись (объем – 440 листов) писана полууставом двумя почерками в XVI в. Недостаёт первых 25 листов. Этот список использован для дополнения сведений из Воскресенского списка.

Как сказано в VI томе «Полного собрания русских летописей» (1853 года издания), «Софийская вторая Летопись, по полноте и подробностям описанных в ней событий, составляет превосходный материал для истории Московского государства в XV и XVI веке. В ней изображаются дела Российской Церкви, последние удельные смуты, волновавшие Россию при великом князе Василии Темном, падение Новгорода, положившее конец гибельному разновластию и утвердившее единодержавие Иоанна III, государственные преобразования и дипломатические сношения с иностранными державами, внутренние семейные приключения при Московском Дворе, борьба с Казанью, Крымом и Литвою, и проч. Составитель этого Летописного Сборника извлек из бывших в руках его современных памятников такие известия, которых не находится в других дошедших до нас Летописях. Сверх того он включил в означенный сборник несколько отдельных сочинений, из которых наиболее любопытны: а) Описание Флорентийского собора; б) Путешествие Тверитина Афанасия в Индию; в) Духовное

завещание Российского митрополита Фотия; г) Послание Ростовского архиепископа Вассиана великому князю Иоанну Васильевичу, по случаю похода его на Угру, для отражения Татар... и описание покорения Казани царем Иоанном Васильевичем...».

Цитируемый текст Софийской второй летописи взят из издания: Полное собрание русских летописей.— Т. VI. Софийские летописи (продолжение Софийской первой летописи и Софийская вторая летопись).— СПб., 1853.

«...В лето 6988⁶⁵⁴. Прииде к великому князю весть, яко до полна идет царь Ахмат со всею ордою своею, и со царевичи, уланы и князми, еще же и с королем Казимером в одной думе; король бо и повел его на великого князя, хотя разорити христианство. Князь же велики иде на Коломну и сам став на Коломне, а сына своего великого князя Ивана в Серпухов постави, а князь Ондрей Васильевич меншой в Торусе, прочии же князи и воеводы по иным местом у Оки по берегу. Слышав же царь Ахмат, что князь великий стоит по берегу со всеми силами, и поиде к Литовской земли, обходя реку Оку, а обжидая к себе короля на помочь или силы, и знаяри ведяху его ко Угре реце на броды. Князь же великий сына и брата и воевод своих на Угру посла со всеми силами; и пришед стаха на Угре, и броды и перевозы отняша. А сам князь великий еха с Коломны на Москву, ко всемилостивому Спасу и пречистой Госпожи Богородици и ко святым чудотворцем, прося помощи и заступления православному христианству, на совет и думу к своему отцю к митрополиту Геронтию, и к своей матери к великой княине Марфе, и к своему дяде ко князю к Михаилу к Андреевичю, и к духовному своему отцу архиепископу Ростовскому Васиану и ко всем своим бояром: вси бо тогда быша во осаде на Москве. И молиша его великим молением, чтобы стоял крепко за православное христианство против бесерменству, князь же велики послуша моления их и взем благословение поиде на Угру; и пришед ста на Кременце с малыми людьми, а людей всех отпусти на Угру. Тогда же на Москве мати его великая княини, митрополит Геронтей, и архиепископ Васиан и Троицкой игумен Пасея, молиша великого князя о братье его; князь же великий послушав моления их и повеле матери своей великой княине послати по них, а рекся их пожаловати. Княиня же великая посла к ним, а веля им прямо итти к великому князю на помочь вборзе. Царь же со всеми своими Татары поиде по Литовской земли, мимо Мченеск, и Любутеск, и Одоев, и пришед ста у Воротынска, ожидая к себе королевы помочи, король же не поиде к нему, ни посла; быша бо ему свои усобици, тогда бо воева Мингирей царь Перекопский⁶⁵⁵ Волынскую землю, служа великому князю. Ахмат же прииде ко Угре со всеми силами, хотя реку перейти, и приидоша Татарове и начаша наших стреляти, и наши на них, инии же приидоша против князя Ондreja, а инии против великого князя мнози, а овии против воевод вдруг приступиша, наши стрелами и пищалми многих побиша, а их стрелы меж наших падаху и никого же уязвляху; и отбиша их от берегу, и по многи дни приступаху бьющися и не възмогша,

⁶⁵⁴ 1480 г.

⁶⁵⁵ Крымский.

ждуше егда река станет: быша мрази велици тогда, река бо нача ставитися тогда, бысть же страх на обоих, единии других бояхуся. Приидоша же и братия тогда, князь Ондрей и князь Борис, с Лук к великому князю на помочь на Кременець; князь же великий с любовию прият их. И егда ста река, тогда князь велики повеле сыну своему великому князю Ивану, и брату своему князю Ондрею, и всем воеводам своим со всеми силами приити к себе на Кременець; боящесе Татарьскаго нахождения, яко да совокупльшесе брань створят с противными. Во граде же Москве все во страсе пребывающе и долг общедателный во уме приимающе, ни от кого же помози ожидающе, токмо к Вседръжителю Спасу и Богу нашему Иисусу Христу и пречистой его Матери преславней Богородици со слезами и воздыханьми молящесе непрестанно; тогда бысть преславное чудо святыя Богородица: егда отступиша от берега наши, тогда Татарове страхом обдержими побегоша, мняще, яко берег им даяху Русь и хотят с ними битися; и наши мняще за ними Татар реку прешедших, за ними не женяху и приидоша на Кременеск. Князь же велики с сыном и с братьею и со всеми воеводами поидоша к Боровску, глаголюще, яко на тех полях с ними бой поставим, и слушающе злых человек сребролюбеще, богатых и брюхатых, и предателей хрестыянских, а норовников бесерменских, иже глаголют побежати, и «не мози с ними стати на бой»; сам бо диавол их усты глаголаше, той же, иже древле вшед в змию и прелсти Адама и Евву. И ужас наиде на нь и восхоте бежати от брегу, а свою великую княгиню Римлянку и казну с нею посла на Белоозеро, «а мати же его великая княгини не захоте бежати, но изволи в осаде сидети», а с нею и с казною послал Василья Борисовича, и Ондreja Михайловича Плещеева, и диака Василья Долматова; а мысля будет Божие разгневание, царь перелезет на сю страну Оки и Москву возмет и им бежати к Окиану морю. А на Москве остави князя Ивана Юрьевича да диака Василья Мамырева. Да сиде туто владыка Ростовский Васиян; слыша, что хошет князь великий бежати от берега, написа грамоту к великому князю на берег, вещающе сице:

Послание владычне на Угру к великому князю⁶⁵⁶. Благоверному... государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии богомолец твой, господине, архиепископ Васиян Ростовский благословляю и челом быю... Не послушай убо, государю, таковых, хотящих твою честь в безчестие и твою славу в безславие преложити, и бегуну явитися, и предателю хрестыянскому именоватися; но отложи весь страх и возмогай о Господе в державе и крепости... Безбожный Агарянский язык⁶⁵⁷ приближися к странам нашим, к отечеству ти; уже бо многия сумежия странам нашим поплени и движетъся на ны. Изыди убо скоро в сретение ему, взем Бога на помощь и пречистую Богородицу, нашего хрестыянства помощницу и заступницу, и всех святых его, и поревнуй прежебывшим прародителям твоим великим князем: неточию Рускую землю обороняху от поганых, но иныя страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимера, иже на Греческих царех⁶⁵⁸

⁶⁵⁶ Здесь мы сильно сокращаем текст источника.

⁶⁵⁷ Имеется в виду народ.

⁶⁵⁸ Речь идет о правителях Византии.

дань имали, потом же и Владимира Мономаха, како и коли бился со оканными Половци за Русьскую землю, и иные мнози, ихже паче нас ты веси. И достойный хвалам великий князь Дмитрей, твой прародитель, каково мужество и храбрость показа за Доном над теми же сыроядци оканными, еже самому ему напреди битися, не пощаде живота своего избавления ради хрестыянскаго... и мирно да будет и многолетно ваше государство победно со всеми послушающими вас христоролюбивыми людьми да пребудете во вся дни живота вашего и в веки веком, аминь.

Князь же велики не послушая того писания владычня Васиянова, но советников своих слушаше Ивана Васильевича Ощеры, боярина своего, да Григорья Ондреевича Мамона, иже мать его князь Иван Ондреевич Можайской за волшебство сжег. Те же бяху бояре богати, князю великому не думаячи против татар за хрестыянство стояти и битися, думаячи бежати прочь, а хрестыянство выдати, мня тем без року смерть бьющимся на бою и помышляюще богатество много, и жену и дети; темже сбысться реченое апостолом Павлом сице: яко никтоже бо воин бывая обязаяся куплями житийсками, воеводе угоден будет; аще стражет кто, не венчается, аще незаконно мучен будет. Те же бояре глаголаху великому князю ужас накладываючи, воспоминаючи еже под Суздадем бой отца его с Татары, како его поимаше Татарове и биша; такоже егда Тахтамышь приходил, а князь велики Дмитрей Ивановичь бежал на Кострому, а не бился с царем. Князь же велики повинуся их мысли и думе, оставя всю силу у Оки на березе, а городок Коширу сам велел сжечи, и побежа на Москву; а князя великого Ивана Ивановича там же остави у Оки, а у него остави князя Данила Холмского, а приказа ему: как приедет на Москву и пришет к нему, ин бы с сыном часу того приехал к нему. Сам же князь велики еха ко граду к Москве, а с ним князь Федор Палецкий. И яко бысть на посаде у града Москвы, ту же граждане ношахуся в град в осаду, узреша князя великаго и стужиша, начаша князю великому обестужився глаголати и изветы класти, ркуще: «егда ты государь князь велики над нами княжишь в кротости и в тихости, тогда нас много в безлепице продаешь; а нынеча разгневив царя сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и Татаром». Приеха же князь велики во град Москву и срете его митрополит, а с ним владыка Васиан Ростовский. Нача же владыка Васиан зле глаголати князю великому, бегуном его называя, сице глаголаше: «вся кровь на тебе падет хрестыянская, что ты выдав их бежишь прочь, а бою не поставя с Татары и не бився с ними; а чему боишися смерти? не безсмертен еси человек, смертен; а без року смерти нету ни человеку, ни птице, ни зверю; а дай семо вои в руку мою, коли аз старый утулю лице против Татар» — и много сице глаголаше ему, а граждане роптаху на великого князя. Того ради князь велики не обитав в граде на своем дворе, бояся граждан мысли злыя поимания, того ради обита в Красном селце; а к сыну посылая грамоты, чтобы часа того был на Москве, он же мужество показа, брань прия от отца, а не еха от берега, а хрестыянства не выда. Он же уже некак грамот сын не слушает, и посылаше к князю к Данилу, веля его силно поймав привести к себе; князь же Данило того не сотвори, а глаголаше ему, чтобы поехал ко отцу, он же рече: «леть ми zde умрети, нежели ко отцу ехати». Дмитровцов же в осаду в Переславль веле князь велики перевести Полуекту Бутурлину да Ивану

Кике, а с Москвы строев в Дмитров перевести; а посад веляше у Москвы пожечи князю Ивану Юрьевичю. А Татарове искаху дороги, куды бы тайно перешед, да изгоном ити к Москве, и придоша к Угре реке, иже близь Колуги, и хотяще пребрести, и устерегше сказаша сыну великого князя; князь же велики, сын великого князя, подвинувся с вои своими шед ста у реки Угры на березе, не дасть Татаром на сю страну преити. Князь же велики стоя в Красном селце 2 недели, а владыка глаголаше ему возвратитися опять к берегу, и едва умолен бысть возвратитися и ста на Кременец, за далеко от берега. В ту же пору придоша Немци ко Пскову ратью и много повоеваша, мало града не взяша. Слышавше же братия великого князя, Ондрей да Борис, послаша к брату своему к великому князю, ркуще: «уже ли исправихся к нам, а силы над нами не почнешь чинити и держати нас как братью свою, и мы ти приидем на помощь». Князь же велики во всю волю их даяся, они же поехаша к великому князю на помощь, и слышавше, что Немци подо Псковом воюют, и идоша Псковичем на помощь; и слышавше Немци идущю братью на помощь Псковичем отъидоша прочь в свою землю, братья же великого князя слышавше Немець отступивших от Пскова поидоша к великому князю. А ко царю князь велики послал Ивана Товаркова с челобитьем и с дары, прося жалования, чтобы отступил прочь, а улусу бы своего не велел воевати⁶⁵⁹. Он же рече: «жалую его добре, чтобы сам приехал бил челом, как отци его к нашим отцем ездили в орду». Князь же велики блюдашеса ехати, мня измену его и злаго помысла бояся. И слыша царь, что не хочет ехати князь велики к нему, посла к нему, рек: «а сам не хочешь ехати, и ты сына пришли, или брата». Князь же велики сего не сотвори. Царь же посла к нему: «а сына и брата не пришлеш, и ты Микифора пришли Басенкова» – той был Микифор в орде и многу алафу Татаром дасть от себе, того ради любляше его царь и князя его. Князь же велики того не сотвори. Хваляшеса царь лето все, рек: «дасть Бог зиму на вас и реки все станут, ино много дорог будет на Русь». С Дмитриева же дни стала зима, и реки все стали, и мрази велики, яко не мощи зрети. Тогда царь убояся и с Татары побежа прочь, ноября 11; бяху бо Татарове наги и босы, ободралися. И проиде Серенеск и Мченеск, и слыша князь велики посла опытати; еже и бысть. И приехаша к нему братья его, он же смирился с ними; и дасть князю Ондрею Можаяеск, а князю Борису села Ярославичевы все делярные. Царь же приехав в орду и там Ногаичи убиен бысть.

В лето 6989⁶⁶⁰. Прииде князь велики на Москву из Боровска и похвали Бога и пречистую Богородицю и святых чудотворцов, избавльших нас от поганых; и возрадовашася и возвеселишася вси людие, и похвалиша Бога и пречистую Богородицю, глаголюще: ни ангел, ни человек спасе нас, но сам Господь спасе нас Пречистые и всех святых молением, аминь...».

⁶⁵⁹ Это сообщение подтверждает тот факт, что русские земли входили в состав Орды в качестве одного из его улусов.

⁶⁶⁰ В 1481 г.

С. ГЕРБЕРШТЕЙН О ТАТАРАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XVI ВЕКЕ

Особое место среди источников по истории тюрко-татар XVI в. занимают описания западноевропейских путешественников и дипломатов. Одно из наиболее полных и достоверных описаний Русского государства XVI в. и соседних с ним стран и народов Европы и Азии мы находим в «Записках о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна. «Записки...» написаны опытным австрийским дипломатом, более полувека находившимся на службе у Габсбургского дома. Представители последнего, заинтересованные в упрочении связей со своим временным союзником – Московией/Русью, дважды – в 1517 и 1526 гг. направляли туда Герберштейна. По предписанной инструкции ему необходимо было собирать всевозможные сведения по самым разным вопросам – от обычаев и быта до политики и экономики.

Герберштейн жил в Москве подолгу. Он пользовался расположением Василия III, был знаком с представителями самых разных социальных кругов, в том числе и с иностранными дипломатами и купцами, а также с иностранцами, находившимися на русской службе (стало быть, и с татарами).

«Записки...» существенно дополняют сведения других документов о татарах яркими зарисовками социально-политической и культурно-бытовой стороны их истории и жизни. Учитывая широту и разнообразие круга информаторов Герберштейна, в целом данный источник можно назвать оригинальным и очень важным.

При цитировании Герберштейна мы пользуемся изданием: Герберштейн С. Записки о Московии/Перевод с немецкого А.И.Малеина и А.В.Назаренко, вступит. статья А.А.Хорошкевич, под редакцией В.А.Янина. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

«...О татарах

О татарах и их происхождении, помимо того, что содержится в польских анналах и в двух книжках о Сарматиях⁶⁶¹, многие писали много и повсеместно; повторять это здесь было бы скорее скучно, чем полезно. Но я счел необходимым вкратце написать о том, что я сам узнал из русских летописей и из рассказов многих людей. Говорят, что моавитские народы, которые впоследствии были названы татарами, – люди, разнящиеся своим языком, обычаями и одеянием от обрядов и привычек остальных людей, – пришли к реке Калке. Никто не знал, откуда они пришли и какой они веры. Впрочем, иные называли их таурменами, другие – печенегами, третьи – другими именами. Мефодий, епископ патарский, говорит, что они вышли с северо-востока, из пустыни Етравской, а причину переселения приводит следующую. В свое время некто Геден, высокоименитый муж, внушил им страх, говоря, что предстоит близкий конец мира. Под воздействием его речей они, чтобы обширнейшие богатства мира не погибли вместе с ним, в бесчисленных количествах вышли грабить земли и подвергли жестокому разграблению все, что лежит от Востока до Ефрата и Персидского залива.

⁶⁶¹ Имеется в виду сочинение М.Меховского «О двух Сарматиях».

Опустошив таким образом все земли, они разбили в 6533 году от сотворения мира⁶⁶² при реке Калке племена половцев, которые одни только и дерзнули выступить им навстречу⁶⁶³. Очевидно, составитель книжки о двух Сарматиях ошибся в этом месте насчет народа половцев, имя которых он переводит как «охотники». Слово «половцы» значит «полевые»... Таким образом, слово «половцы» следует переводить как «полевые», а не как «охотники». Русские утверждают, будто половцы – это готы, но я не разделяю этого мнения. Если кто пожелает описать татар, тому придется описать множество племен, ибо это имя они носят только по их вере, сами же суть различные племена, далеко отстоящие друг от друга (подчеркнуто мною. – Б.Х.). Но вернемся к начатому. Татарский царь Батый, выступивший с большим войском с юга к северу, занял Булгарию, лежащую на Волге ниже Казани. Затем в следующем, 6745 году⁶⁶⁴ повторив победу, он дошел до самой Москвы и после непродолжительной осады взял, наконец, царствующий град⁶⁶⁵, сдавшийся ему; при этом он не исполнил своего обещания и перебил всех, затем пошел далее и выжег соседние области: Владимир, Переяславль, Ростов, Суздаль и очень много крепостей и городов, а жителей перебил или увел в рабство; разбил и убил великого князя Георгия, вышедшего ему навстречу с военным отрядом; Батый увел с собой в плен Василия Константиновича и убил его. Все это, как я сказал выше, случилось в 6745 году от сотворения мира. С этого времени почти все государи России были поставляемы татарами и повиновались им вплоть до Витольда, великого князя литовского, который храбро защитил от татарских войск свои земли и то, что занял в Руссии; он был грозой для всех соседей. Но великие князья владимирские и московские, вплоть до нынешнего князя Василия, всегда пребывали в верности и повиновении, однажды обещанных татарским государям. Как повествуют летописи, этот Батый был убит в Венгрии венгерским королем Влаславом, который после крещения получил имя Владислав и был причислен к лику святых. Именно после того как Батый увел с собой сестру короля, случайно захваченную им во время нападения на королевство, король, движимый любовью к сестре и негодованием, пустился в погоню за Батыем; однако, когда Владислав напал на Батыя, сестра схватила оружие и явилась на помощь прелюбодеем против брата. Тогда король в гневе убил сестру вместе с прелюбодеем Батыем. Это случилось в 6745 году от сотворения мира⁶⁶⁶.

Батыю наследовал в правлении Узбек, умерший в 6834 году от сотворения мира⁶⁶⁷.

⁶⁶² В 1025 г. – дата явно неверная.

⁶⁶³ Информация неверная, ср., например, с сообщением Суздальской летописи.

⁶⁶⁴ В 1237 г.

⁶⁶⁵ В тот период времени Москва представляла собой захолустный городок, только-только «встающий на ноги».

⁶⁶⁶ Легенда об убиении Батыя занесена в летописи во второй половине XV в.: в Московский свод 1479 г. под 6755/1247 г. и в кратком виде в Ермолинскую и сходные летописи под 6754/1246 г. Эту легенду использует и А.И.Лызлов в «Скифской истории», отражающей историю Золотой Орды и постзолотоордынских татарских государств.

⁶⁶⁷ 1326 г. Информация неверная – Узбек хан правил в 1312 – 1342гг.

Его сменил сын его Джанибек⁶⁶⁸, который, желая царствовать один и без всякого опасения, перебил своих братьев; умер он в 6865 году⁶⁶⁹. Ему наследовал Бердибек, также убивший 12 братьев и сам скончавшийся в 6867 году⁶⁷⁰. После него не более месяца правил Кульпа, убитый сразу же по восшествии на престол вместе с детьми неким царьком Наврусом. Когда он овладел царством, все русские князья собрались к нему и, испросив каждый право владеть в своей области, удалились обратно. Наврус был убит в 6868 году⁶⁷¹. Царскую власть после него наследовал Хидырь, который был убит сыном Темир-Ходжой. Этот последний, приобретая царство путем злодейства, владел им едва 7 дней, ибо был согнан темником Мамаем, и, убежав за Волгу, был убит в 6869 году⁶⁷² преследовавшими его воинами. После них власть получил в 6890 году⁶⁷³ от сотворения мира Токтамыш, выступивший 26 августа с войском и опустошивший Москву огнем и мечом. Разбитый Темир-Кутлугом, он бежал к великому князю литовскому Витольду. После этого в 6906 году от сотворения мира⁶⁷⁴ Темир-Кутлуг стал во главе Сарайского царства и умер в 6909 году⁶⁷⁵. Ему наследовал в правлении сын его Шадибек. После него Темир-Аксак двинул для опустошения Московии огромное войско на Рязань, внушив государям Московии столь великий страх, что отчаявшись в победе и бросив оружие, они прибегли единственно к божественной помощи: тотчас послали во Владимир за неким образом пресвятой девы Марии, который был прославлен многими явленными там от него чудесами. Когда его везли в Москву, то навстречу ему в знак почтения вышел государь со всем населением. Нижайше помолившись сперва об отвращении врага, государь проводил образ в город с величайшим благоговением и поклонением. Говорят, такой набожностью они добились того, что татары⁶⁷⁶ не пошли дальше Рязани. В вечное воспоминание об этом событии на том месте, где ожидали образ и где он был встречен, выстроили храм, и этот день, который русские именуют «сретение», т.е. «день встречи», ежегодно торжественно празднуется 26 августа. А это случилось в 6903 году⁶⁷⁷.

Русские рассказывают, что этот Темир-Аксак человек темного происхождения, достиг такого высокого положения разбоем и в юности был выдающимся вором; тут-то он и получил свое имя. Именно, однажды он украл овцу и был пойман хозяином овцы, причем сильный удар камнем перебил ему голень; он укрепил ее железом, и из-за хромоты и железа ему и дали имя, ибо слово *themir* означает «железо», а *assak* – «хромой». Во время тяжелой осады Константинополя турками

⁶⁶⁸ После Узбек хана государством правил Тинибек.

⁶⁶⁹ 1357 г.

⁶⁷⁰ 1359 г.

⁶⁷¹ 1360 г.

⁶⁷² 1361 г.

⁶⁷³ 1382 г. Информация неверная, т.к. Тохтамыш завладел всей территорией Улуса Джучи после битвы на реке Калке с темником Мамаем в 1380 г.

⁶⁷⁴ 1398 г. Темир-Кутлуг начал править в Орде в 1395 г.

⁶⁷⁵ 1401 г.

⁶⁷⁶ Речь идет о войске Тамерлана.

⁶⁷⁷ 1395 г.

он послал туда своего сына со вспомогательным войском. Тот разбил турок, снял осаду и вернулся к отцу победителем в 6909 году⁶⁷⁸.

Татары разделяются на орды, первое место среди которых и славой и многочисленностью заняла Заволжская орда⁶⁷⁹, т.к. говорят, что все остальные орды получили начало от нее. «Орда» же на их языке значит «собрание» или «множество»⁶⁸⁰. Впрочем, всякая орда имеет свое название, а именно: Заволжская, Перекопская⁶⁸⁰, Ногайская и многие другие, которые все исповедуют магометанскую веру; однако, если их называют турками, они бывают недовольны, почитая это за бесчестье. Название же «бесермены»⁶⁸¹ их радует, а этим именем любят себя называть и турки. Поскольку татары населяют разные и далеко и широко раскинувшиеся земли, то они не совсем походят друг на друга своими обычаями и образом жизни. Это люди среднего роста, с широким мясистым лицом, с косящими впальми глазами; волосы они отпускают только на бороде, а остальное бреют. Только более именитые носят за ушами косы, и притом очень черные⁶⁸²; телом они сильны, духом смелы, падки на любострастие, причем извращенное, с удовольствием едят мясо лошадей и других животных, не разбирая рода их смерти, за исключением свиней, от которых воздерживаются по закону⁶⁸³. Относительно голода и недостатка сна они до такой степени выносливы, что иногда выдерживают это лишение целых 4 дня, предаваясь тем не менее необходимым трудам. И наоборот, добыв что-нибудь съедобное, они пресыщаются сверх меры и этим обжорством как бы вознаграждают себя за прежнюю голодовку, так что не оставляют ничего. Обремененные таким образом пищей и усталые они спят по 3–4 дня подряд. В то время как они спят таким глубоким сном, литовцы и русские, в земли которых татары совершают внезапные набеги, угоняя оттуда добычу, пускаются за ними в погоню и, откинув всякий страх, повсюду поражают их, забывших об осторожности и как бы мертвых от еды и сна, без караулов и в беспорядке. Если во время разъездов их мучит голод и жажда, они обычно подрезают жилы у тех лошадей, на которых едут, и, выпив крови, утоляют голод; кроме того, они думают, что это полезно и для животных. Т.к. почти все они кочуют, не имея определенных жилищ, то обычно движутся по звездам, главным образом северному полюсу, который на своем языке называют Selesni koll, т.е. «железный кол»⁶⁸⁴. Особенное наслаждение доставляет им кобылье молоко, ибо они верят, что люди делаются от него храбрее и тучнее. Питаются они также очень многими травами, в особенности растущими близ Танаиса; соль употребляют весьма немногие. Всякий

⁶⁷⁸ 1401 г.

⁶⁷⁹ Большая Орда.

⁶⁸⁰ Крымское ханство.

⁶⁸¹ Т.е. «мусульмане».

⁶⁸² Мужчин-татар с косами в 1476 г. встречал также венецианский дипломат, автор «Путешествия в Персию» (посетивший также Поволжье) Амброджио Контарини.

⁶⁸³ Интересно, что исключение свинины из пищи наблюдается у тюрок Евразии задолго до принятия ислама – еще со времен скифов.

⁶⁸⁴ «Тимер казык» – Полярная звезда.

раз как их цари распределяют своим подданным продовольствие, они, как правило, дают на 40 человек одну корову или лошадь. Когда их зарежут, внутренности получают только более знатные и делят их между собой. Затем они пожирают их, разогрев на огне настолько, чтобы можно было стряхнуть и обтереть приставший навоз. Они с удовольствием облизывают и обсасывают не только пальцы, измазанные жиром, но и нож или палочку, которой обтирали навоз. Лошадиные головы считаются, как у нас кабаньи, лакомством и подаются только более знатным. У них в изобилии имеются лошади, хотя с низкой холмой и малорослые, но крепкие, одинаково хорошо переносящие голод и работу и питающиеся ветками и корой деревьев, а также корнями трав, которые они выкапывают и вырывают из земли копытами. Столь выносливыми лошадьми татары весьма умело управляют – москвиты уверяют, будто эти лошади под татарами быстрее, чем под другими. Эта порода лошадей называется «бахмат». Седла и стремена у них деревянные, за исключением тех, которые они отняли или купили у соседей-христиан. Чтобы седла не натирали спину лошадей, они подкладывают под них траву или листья деревьев. На лошадях они переплывают реки, и если убоятся силы наседающих врагов, то в бегстве бросают седла, одежду и всякую другую поклажу и, оставив только оружие, мчатся во весь опор. Их оружие – лук и стрель; сабля у них редка. Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то при первой возможности татары пускают назад в них стрель; затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом по кругу наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в сих делах вожатые, за которыми они следуют. Но если эти вожатые или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют «пляской». Если же им приходится сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим, и поэтому они пускаются в бегство, т.к. не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов⁶⁸⁵, чтобы противостоять врагу в правильной битве. В седле они имеют обыкновение сидеть, поджав ноги, чтобы иметь возможность легче поворачиваться в ту и другую сторону; если они случайно что-либо уронят и им нужно будет поднять это с земли, то, не вынимая ног из стремян, они поднимают вещь без труда. В этом они столь проворны, что могут сделать то же самое на полном скаку. Если в них бросаешь копье, они уклоняются от удара, внезапно соскользнув на один бок и держась за лошадь только одной рукой и ногой. При набегах на соседние области каждый ведет с собой, смотря по достатку, 2-х или 3-х лошадей, чтобы, когда устанет одна, пересесть на другую и третью; усталых же

⁶⁸⁵ Речь идет о легковооруженной коннице.

лошадей они в это время ведут на поводу. Уздечки у них самые легкие, а вместо шпор они пользуются плеткой. Лошадей они употребляют только холощенных, потому что таковые, по их мнению, лучше переносят труды и голод. Одежда у них одна и та же как для мужчин, так и для женщин, да и вообще эти последние несколько не отличаются от мужчин по своему платью, за исключением того, что покрывают голову полотняным покрывалом и носят полотняные же штаны, вроде тех, какие носят моряки. Их царицы, являясь перед народом, обыкновенно закрывают лицо. Остальной народ, обитающий в рассеянии по степи, носит одежду, сшитую из овечьих шкур, и меняет ее только тогда, когда от долгого употребления она станет совершенно потертой и рваной. Они не остаются долго на одном и том же месте и считают большим несчастьем длительное пребывание в одном месте. Поэтому иногда, рассердившись на детей и призывая на них тяжкое несчастье, они обычно говорят им: «Чтоб тебе как христианину все время сидеть на месте и наслаждаться собственным зловонием!». Поэтому, стравив пастбища в одном месте, они со стадами, женами и детьми, которых везут с собой на повозках, переселяются в другое. Впрочем, живущие в городках и городах следуют другому образу жизни. Если они начинают какую-нибудь тяжелую войну, то помещают жен, детей и стариков в более безопасные места. Правосудия у них нет никакого⁶⁸⁶, ибо если кому понадобится какая-либо вещь, то он может безнаказанно украсть ее у другого. Если же кто-нибудь станет жаловаться пред судьей на насилие и нанесенную ему обиду, то виновный не отпирается, а говорит, что не мог обойтись без этой вещи. Тогда судья обычно произносит такой приговор: «Если и ты в свою очередь будешь нуждаться в какой-либо вещи, то кради у других». Некоторые уверяют, будто татары не воруют. Воруют они или нет, об этом пусть судят другие, но, во всяком случае, это люди весьма хищные и, конечно, очень бедные, т.к. всегда зарятся на чужое, угоняют чужой скот, грабят и уводят в плен людей, которых или продают туркам и любому другому, или возвращают за выкуп, оставляя у себя только девушек. Они редко осаждают крепости и города, а сжигают селения и деревни, и бывают так довольны причиненным ими разорением, будто, по их мнению, чем больше они опустошат земель, тем обширнее делается их царство. И хотя они совершенно не выносят спокойной жизни, однако не убивают друг друга, разве что их цари поссорятся между собой. Если во время ссоры кого-нибудь убьют и виновники преступления будут пойманы, то их отпускают, отняв у них только лошадей, оружие и одежду, и человекоубийца, получив плохую лошадь и лук, отпускается судьей со следующими словами: «Ступай и займись своим делом». Золота и серебра они, кроме кушцов, почти не употребляют, а практикуют только обмен вещами. Поэтому если их соседи выручат сколько-нибудь денег от продажи, то платье и другое необходимое для жизни покупают на них в Московии. Границ между собой – я говорю о степных татарах – у них нет никаких. Однажды московиты взяли в плен одного жирного татарина, и на вопрос московита: «Откуда у тебя, собака, столько жиру, если тебе есть нечего?» – татарин ответил: «Почему

⁶⁸⁶ Довольно сомнительная информация – ср. с сообщаемым ниже.

мне нечего есть, если я владею такой огромной землей от востока до запада? Неужели я не смогу достаточно накормиться от нее? Я думаю, что не хватать еды должно как раз у тебя, владеющего такой ничтожной частью света, да и за ту ты ежедневно воюешь».

Царство Казанское, город и крепость того же имени расположены на Волге, на дальнем берегу реки, почти в 70 немецких милях ниже Нижнего Новгорода; с востока и юга по Волге это царство ограничено пустынными степями; с северо-востока с ним граничат татары, зовущиеся шейбанскими и кайсацкими⁶⁸⁷. Царь этой земли может выставить войско в 30 000 человек, преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чуваша⁶⁸⁸ – весьма искусные стрелки. Чуваша отличаются также и знанием судоходства. Город Казань отстоит от государевой крепости Вятки на 60 немецких миль. Слово «казань» по-татарски значит «кипящий медный котел»⁶⁸⁹. Эти татары культурнее других, т.к. они и возделывают поля, и живут в домах, и занимаются разнообразной торговлей. Государь Московии Василий довел их до того, что они подчинились ему и стали принимать царей по его усмотрению; сделать это было тем легче, что сообщение по рекам, впадающим из Московии в Волгу, удобно и они не могут обойтись без взаимной торговли. В свое время в Казани правил царь Халилек⁶⁹⁰. Но он умер бездетным, а на вдове его Нур-Салтан⁶⁹¹ женился некий Абраэмин⁶⁹², завладев тем самым и царством. От Нур-Султан у Абраэмина было 2-е сыновей: Мухаммед-Амин⁶⁹³ и Абдул-Латиф⁶⁹⁴, а от первой жены по имени Батмасса-Султан⁶⁹⁵ – сын Ильгам⁶⁹⁶. Будучи старшим, он наследовал царство по смерти отца. Но т.к. он не во всем был послушен приказам московита, то советники последнего, приставленные к царю, чтобы следить за его намерениями, однажды на пиру напоили его и, усадив в сани с тем, чтобы де отвезти его домой, той же ночью отправили его в Москву. Задержав его на некоторое время, государь отослал его потом в Вологду, где Ильгам и провел остаток жизни. Мать же его и братья Абдул-Латиф и Мухаммед-Амин были удалены на Белоозеро⁶⁹⁷. Один из братьев Ильгама Худайкул крестился, приняв имя Петра; за него нынешний государь Василий выдал затем свою сестру.

⁶⁸⁷ Речь идет о тюркском населении западной части Средней Азии и Казахстана.

⁶⁸⁸ Это одно из самых первых упоминаний в источниках этнонима «чуваша». В своих записках С.Герберштейн упомянул и область «Чувашию» («Schuwajji») в составе Казанского ханства.

⁶⁸⁹ Мнения современных историков относительно происхождения названия – «Казань» достаточно противоречивые. См., например, статьи ученых в № 5/6 журнала «Казань» за 1999 г.

⁶⁹⁰ Хан Халил правил в 1464–67 гг.

⁶⁹¹ Годы жизни – ок. 1447–1520. Казанская и крымская царица.

⁶⁹² Хан Ибрагим (1467–1478).

⁶⁹³ Годы правления в Казани: 1487–1496, 1502–1518.

⁶⁹⁴ Казанский хан в 1496–1502 гг.

⁶⁹⁵ Фатима-султан.

⁶⁹⁶ Казанский хан в 1478–1487 гг.

⁶⁹⁷ В данном случае речь идет о Фатиме-султан, царевичах Худайкуле и Мелик (Менгли)-Тагире. Ссылка Абдул-Латифа на Белоозеро относится к 1502–17 гг., а Мухамед-Эмин в 1487 г. был посажен на ханство в Казани.

Другой брат Ильгама, Меник-таир, до конца жизни сохранял свою веру; у него было множество детей, но все они вместе с матерью крестились после смерти отца и скончались, за исключением одного Феодора, который в нашу бытность в Москве был еще жив. На место увезенного в Москву Ильгама был поставлен Абдул-Латиф, которого государь сместил с престола по той же причине, что и Ильгама, заменив его Мухаммед-Амином, отпущенным с Белоозера. Он правил царством до 1518 года. Нур-Султан, бывшая, как уже сказано, супругой царей Халилека и Абраэмина, после смерти Ильгама вышла замуж за перекопского царя Менгли-Гирея⁶⁹⁸. У нее не было детей от Менгли-Гирея и, тоскуя по своим сыновьям от первого брака, она приехала в Москву к Абдул-Латифу. Отсюда она в 1504 году отправилась к другому сыну – Мухаммед-Амину, царствовавшему в Казани. Казанцы отложились от московита. Следствием этого были многие войны, ведшиеся с обеих сторон государями, в них участвовавшими, долго и с переменным успехом. Т.к. война эта продолжается и до сих пор, то уместно рассказать о ней подробнее. Узнав об отпадении казанцев⁶⁹⁹, московский государь Василий, возмущившись и горя жаждой мести, двинул против них огромное войско с пушками. Казанцы, которым предстояло биться с московитами за свою жизнь и свободу, проведая об устрашающих приготовлениях великого князя, решили перехитрить врага, поскольку знали, что не могут состязаться с ним в правильной битве. Они разбили лагерь на виду у врага, тогда как лучшая часть войска была скрыта в месте, удобном для засады. Затем, будто пораженные страхом, они вдруг бросились вон из лагеря и пустились в бегство. Московиты, которые находились не столь далеко, увидели бегство татар и, позабыв о строе, стремительно ринулись на лагерь неприятеля. Пока они, полагая себя в безопасности, были заняты грабежом лагеря, татары вместе с лучниками-черемисами выступили из засады и устроили такое побоище, что московиты вынуждены были бежать, бросив орудия и пушки. Вместе с прочими бежали, оставив орудия, и 2 пушкаря. Когда они вернулись в Москву, государь принял их милостиво. Одного из них, Варфоломея, по происхождению итальянца, принявшего, однако, позже русскую веру и уже тогда бывшего в большой силе и чести у государя, он щедро наградил. Третий пушкарь после этого поражения вернулся с порученным ему орудием в надежде заслужить у государя великую и вечную милость за свое рвение по сбережению орудия. Но государь встретил его упреками: «Подвергнув себя и меня такой опасности, ты, вероятно, собирался или бежать или сдаться врагам вместе с пушкой; к чему это нелепое старание сохранить орудие? Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними». После смерти царя Мухаммед-Амина, при котором отложились казанцы, на вдове его женился Ших-Али⁷⁰⁰ и с помощью государя московского и брата жены завладел царством, но правил всего 4 года. Глубокая ненависть, которую испытывали к нему подданные, усугублялась его безобразным хилым телосложением: у него было огромное брюхо, редкая бородка и женоподобное лицо – свидетельство

⁶⁹⁸ Годы его правления примерно следующие: 1466–74, 1475–76, 1478–1514.

⁶⁹⁹ Речь идет о событиях 1505 г.

⁷⁰⁰ Шах-Али – касимовский царевич, трижды назначавшийся правителем Казанского ханства (1519–21; 1546; 1551).

того, что он совершенно не способен воевать. Кроме того, не заботясь о расположении к себе подданных, он был более, чем нужно, предан московскому государю и доверял иноземцам больше, чем своим. Это заставило казанцев вручить царство одному из царей Тавриды – Сагиб-Гирею⁷⁰¹, сыну Менгли-Гирея. При его приближении Ших-Али велели оставить престол, и он, видя, что его силы недостаточны, а подданные ему враждебны, счел за лучшее покориться судьбе и с женами, наложницами и всем добром вернулся в Москву, откуда и прибыл. Это произошло в 1521 г. После бегства Ших-Али царь Тавриды Мухаммед-Гирей⁷⁰² с большим войском привел в Казань брата Сагиб-Гирея. Заручившись расположением казанцев к брату, он на обратном пути в Тавриду перешел Танаис и устремился к Москве. Тем временем Василий, будучи вполне уверен в своей безопасности, не ждал ничего подобного; услышав о приближении татар, он наскоро собрал войско, поручил его водительству Димитрия Бельского, и послал его к реке Оке, чтобы не дать татарам переправиться. Мухаммед-Гирей, располагавший превосходящими силами, быстро переправился через Оку и, жестоко грабя окрестности, разбил лагерь в поле у неких прудов в 13 верстах от самой Москвы. Сделав оттуда вылазку, он грабил и жег все на своем пути. Приблизительно в это же время из Казани выступил с войском и Сагиб-Гирей, опустошивший Владимир и Нижний Новгород. Затем оба брата, подойдя к городу Коломне, объединили свои силы. Василий, понимая, что он не в состоянии отразить столь многочисленного врага, оставил в крепости с гарнизоном своего зятя Петра, происходившего из татарских царей⁷⁰³, и некоторых других вельмож и бежал из Москвы; он был до того напуган, что в отчаянии некоторое время прятался, как говорят, под стогом сена. 29 июля татары двинулись дальше, сжигая все вокруг, и навели такой ужас на москвитов, что даже в городе и крепости те не чувствовали себя в достаточной безопасности. Во время этой паники женщины, дети и все, кто не мог сражаться, сбегались в крепость с телегами, повозками и всем скарбом, и в воротах возникла такая давка, что чрезмерно суетясь они мешали друг другу и топтали друг друга. От множества народу в крепости стояло такое зловоние, что, пробудь враг под городом 3 или 4 дня, осажденные погибли бы от заразы, поскольку в такой тесноте каждый должен был отдавать дань природе там же, где стоял. В то время в Москве находились литовские послы – оседлав коней, они пустились в бегство. Не видя вокруг ничего, кроме дыма пожарищ, и полагая, что окружены татарами, они выказали такую резвость, что в один день добрались до Твери, находящейся в 36 немецких милях от Москвы. Весьма достохвально проявили себя тогда немецкие пушкары, особенно Николай... Начальник и прочие советники, пребывавшие в совершенной почти растерянности от чрезвычайного страха, наговорив много ласковых слов, поручили ему защищать город. Они просили подвезти к воротам

⁷⁰¹ Сахиб-Гирей – казанский (1521–1524) и крымский (1532–1551) хан, единоутробный брат хана Мухаммед-Эмина (мать – Нур-Султан), после смерти которого в 1518 г. в Казани пресекается род Улу-Мухамеда – основоположника казанской династии правителей.

⁷⁰² Крымский хан (1515–23).

⁷⁰³ См.с.241.

крепости пушки побольше, служащие для разрушения стен, и отбивать оттуда татар. Пушки же эти были столь огромны, что перевезти их туда едва ли возможно было и в 3 дня, да и бывшего наготове пороху не хватило бы и на 1 выстрел из крупной пушки: таков неизменный обычай москвитов – держать все под спудом и ничего не готовить заранее, но если приступит нужда, тогда только делают все впопыхах. Поэтому Николай решил побыстрее на людских плечах стащить к центру крепости пушки, попряжанные вдали от нее. За этим занятием горожан застала внезапная весть о приближении татар; это привело их в такой ужас, что, побросав пушки на улицах, они позабыли даже о защите стен. И если бы тогда сотня вражеских всадников всадила на город, она смогла бы без всякого сопротивления сжечь его до основания. В таком смятении наместник и другие защитники города сочли за лучшее умиловить царя Мухаммед-Гирея, послав ему обильные дары, в особенности же мед, чтобы побудить его снять осаду. Приняв дары, Мухаммед-Гирей обещал снять осаду и покинуть страну, если Василий грамотой обяжется быть вечным данником царя, какими были его отец и предки. Получив составленную согласно его желанию грамоту, Мухаммед-Гирей отвел войско к Рязани, где москвитам было позволено выкупать и обменивать пленных; прочую же добычу он выставил на продажу. В татарском лагере находился тогда Евстахий по прозвищу Дашкович, подданный польского короля, пришедший к Мухаммед-Гирею с вспомогательным войском, т.к. между польским королем и московским князем не было тогда никакого перемирия. Он все время выставял на продажу кое-что из добычи под стенами крепости, намереваясь при удобном случае ворваться в ворота вслед за русскими покушниками и, выбив оттуда стражу, захватить крепость. Царь хотел помочь его предприятию, также пустив в ход хитрость. Он послал одного из своих людей, человека верного, к начальнику крепости, которому приказывал, как рабу своего данника, доставить ему все, что он требовал, а также явиться к царю лично. Начальником же был Иван Хабар, человек, искусный в военном деле и такого рода уловках, так что его никоим образом нельзя было выманить из крепости; он попросту ответил, что ничего не знает о том, что его государь – данник и раб татар, если же его известят об этом, то уж он знает, как тогда поступить. Ему тотчас же предъявили грамоту его государя, подтверждавшую обязательства последнего перед царем. Меж тем как начальник пребывал в тревоге из-за этой грамоты, Евстахий делал свое дело и каждый раз располагался все ближе к крепости. Чтобы лучше скрыть свой умысел, татары за определенный денежный выкуп освободили знатного князя Федора Лопату и весьма многих других русских, захваченных при набеge на Москву; более того, пленников стерегли столь небрежно, как бы специально давая им возможность бежать, что большинство из них действительно убежало в крепость. Тогда татары огромной толпой подошли к крепости и стали требовать вернуть беглецов. Хотя перепуганные русские вернули их, однако татары не только не отступали от крепости, но за счет множества новопривывших их число даже возросло. Грозившая опасность повергла русских в великий страх и в совершенном отчаянии они не находили удовлетворительного выхода. Тогда пушкарь Иоанн Иордан, по происхождению немец, уроженец долины

Инна, быстрее московитов оценив опасность, выстрелил на свой страх и риск по татарам и литовцам из выстроенных в ряд орудий, чем привел их в такой ужас, что они разбежались прочь от крепости. Через Евстахия, зачинщика этой затеи, царь потребовал от начальника крепости объяснений; тот отвечал, что в нанесенной царю обиде повинен пушкарь, стрелявший без его ведома и приказа, возложив таким образом на пушкаря всю ответственность. Царь немедленно потребовал выдать его, и большинство, как это чаще всего и бывает в отчаянном положении, решило подчиниться, чтобы тем самым отвести от себя ярость врага. Воспротивился этому только начальник Иван Хабар и лишь благодаря его покровительству немец был тогда спасен. Царь же, либо не вынося промедления, либо потому что его воины были обременены добычей, под давлением собственных обстоятельств вдруг снялся с лагеря и ушел в Тавриду, забыв даже в крепости грамоту московского государя с обязательством быть ему вечным данником. Взятый им в Московии полон был столь велик, что может показаться невероятным: говорят, что пленников было более 800 000. Частью они были проданы туркам в Каффе, частью перебиты, т.к. старики и немощные, за которых невозможно выручить больших денег, отдаются татарами молодежи, как зайцы щенкам, для первых военных опытов; их либо побивают камнями, либо сбрасывают в море, либо убивают каким-либо иным способом. Проданные же пребывают рабами полных 6 лет, после чего они хотя и становятся свободными, но не имеют права покидать страну. Казанский царь Сагиб-Гирей всех захваченных им в Московии пленников продал татарам на рынке в Астрахани, расположенной близ устья Волги. Когда татарские цари покинули таким образом Московию, государь Василий снова вернулся в Москву... Затем в начале лета Василий, желая отомстить за нанесенное татарами поражение и смыть позор, испытанный им, когда он во время бегства прятался в сене, собрал огромное войско, снабдил его большим количеством пушек и орудий, которых русские никогда ранее не употребляли в войнах, двинулся из Москвы и расположился со всем войском на реке Оке близ города Коломны. Отсюда он отправил в Тавриду к Мухаммед-Гирею гонцов, вызывая его на битву, потому что в прошлом году он (Василий) подвергся нападению без объявления войны, из засады, по обычаю воров и разбойников. Царь ответил на это, что для нападения на Московию ему известно достаточно дорог и что войны решаются оружием столько же, сколько и обстоятельствами, поэтому он привлек вести их по своему усмотрению, а не по чужому. Рассерженный этим ответом Василий, горя жаждой мести, снялся с лагеря и в 1523 году двинулся в Новгород, а именно в Нижний, чтобы оттуда разорить и занять Казанское царство. Отсюда он направился к реке Суре, что в казанских пределах, построил там крепость, которую назвал своим именем⁷⁰⁴, но в тот раз не двинулся далее, а отвел назад свое войско. На следующий же год он послал одного из своих главных советников – Михаила Георгиевича с еще большими, чем прежде, полчищами для покорения царства Казанского. Казанский царь Сагиб-Гирей, уstraшенный столь ужасными

⁷⁰⁴ Васильград – Васильсурск.

⁷⁰⁵ Сафа-Гирей. Он правил в Казани в 1524–32, 1535–46, 1546–49 гг.

приготовлениями, призвал к себе племянника⁷⁰⁵ со стороны брата, царя Тавриды, юношу 13-ти лет, чтобы тот временно стал во главе царства, а сам бежал к турецкому императору молить его о помощи и поддержке. Повинуясь призыву дяди, юноша пустился в путь. Когда он прибыл к Гостиноозеру, т.е. острову, который называется Купеческим и расположен среди рукавов Волги недалеко от казанской крепости, его встретили князья этого царства с пышностью и почетом, ибо в этой свите был и сеид, верховный жрец татар. Он пользуется у них такой властью и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают ему руку – а он сидит на лошади – и, склонив голову, прикасаются к его руке; это позволено только царям, герцоги же касаются не руки его, а колен, знатные люди – ступней, а простой народ – только его платья или лошади. Этот сеид тайно симпатизировал Василию и держал его сторону, поэтому он старался захватить юношу и отправить его связанным в Москву, но был в этом уличен, схвачен и всенародно зарезан ножом. Меж тем предводитель войска Михаил собрал в Нижнем Новгороде суда для доставки орудий и провианта; число этих судов было так велико, что река, пусть и широкая, повсюду казалась покрытой множеством кораблей. Он спешил с войском к Казани и, добравшись до острова купцов Гостиноозера и расположившись лагерем 7 июля, медлил там 20 дней, поджидая конницу. Между тем несколько московитских шпионов подожгли казанскую крепость, построенную из дерева, и она совершенно сгорела на глазах русского войска. По страху и малодушию воевода пренебрег таким случаем захватить крепость и не только не повел воинов на штурм крепостного холма, но даже не воспрепятствовал татарам снова строить ее. Вместо этого 28 числа того же месяца он переправился через Волгу на тот берег, где была крепость, и расположился с войском при реке Казанке, 20 дней выжидая случая, чтобы начать дело. Пока он там медлил, недалеко от него разбил лагерь казанский царек и, высылая черемисских пехотинцев, постоянно, хотя и безуспешно, тревожил русских. Царь Ших-Али, также прибывший на судах на эту войну, письмом увещевал его отступить от своего наследственного царства, на что тот отвечал кратко: «Если ты добиваешься моего царства, давай решим дело оружием: пусть владеет им тот, кому оно будет даровано судьбой». В то время как русские предавались напрасному промедлению, они истратили продовольствие, которое привезли с собой, и начали страдать от голода, ибо подвезти ничего было нельзя, потому что черемисы опустошили все окрестности и следили за движением врага так тщательно, что государь не мог ничего узнать о нужде, от которой страдало его войско, да и они сами не могли подать ему никакой вести. Вследствие этого Василий назначил двоих: одного, князя Иоанна Палецкого, грузить в Новгороде суда продовольствием, плыть оттуда вниз по реке к войску и, оставив там продовольствие и узнав истинное положение дел, поскорее вернуться к нему; другого с той же целью он послал с 500-ми всадниками сухим путем, но и начальник, и его войско были перебиты черемисами, на которых они наткнулись, и только девятерым удалось в суматохе спастись бегством. Тяжело раненный начальник умер в руках врагов на 3-й день. Когда молва об этом поражении дошла до войска, то в лагере настало сильное замешательство, усугубившееся вдруг пронесшимся

пустым слухом о полном истреблении всей конницы, так что никто не помышлял ни о чем, кроме бегства. Хотя в этом все были согласны, но все еще не знали, возвращаться ли им вверх по реке, что было всего труднее, или спуститься вниз, пока не доберутся до других рек, из которых потом можно будет вернуться посуху длинным кружным путем. В то время как они предавались таким размышлениям, будучи сверх всякой меры мучимы голодом, вдруг явились те 9 человек, которые, как я сказал, спаслись после поражения 500, и сообщили, что должен прибыть Иоанн Палецкий с припасами. Хотя он и торопился, но по несчастному стечению обстоятельств потерял большую часть своих судов и явился в лагерь лишь с немногими. Именно когда он, утомившись от продолжительных трудов, однажды ночью высадился для отдыха на берег Волги, немедленно прибежали черемисы и, громко крича, стали выпытывать, кто это проплывает. Слуги Палецкого, думая, что это рабы пльвших на судах, осыпали их бранью и пригрозили высечь их плетью на следующий день, если те несносными воплями будут тревожить сон и покой их господина. Черемисы ответили на это: «Завтра у нас с вами будет другой разговор, ибо мы всех вас отведем связанными в Казань». И вот рано утром, когда солнце еще не взошло и весь берег был окутан густейшим туманом, черемисы внезапно напали на корабли и навели на русских такой ужас, что начальник флота Палецкий, оставив в руках врагов 90 крупных судов, на каждом из которых было по 30 человек, отчалил от берега на своем корабле, поплыл по середине Волги и под покровом тумана почти нагишом добрался до войска. Вернувшись затем оттуда в сопровождении многих судов, он испытал ту же участь и вторично попал в засаду черемисов. Потеряв шедшие с ним корабли, он едва ушел целым сам с немногими людьми. Пока таким образом голод и враг терзали русских, посланная Василием конница, переправившись через реку Свягу, которая впадает в Волгу с юга и отстоит на 8 миль от Казани, направилась к войску, но дважды была встречена татарами и черемисами. После столкновения, в котором обе стороны понесли большие потери, татары отступили, и конница соединилась с остальным войском. После того как конница таким образом усилила войско, 15 августа началась осада казанской крепости. Узнав об этом, царек тоже расположился станом с другой стороны города, на виду у врагов, и, часто высылая конницу, велел ей развезжать вокруг вражеского лагеря и тревожить их, что приводило к постоянным схваткам. Участники этой войны, люди, достойные доверия, рассказывали нам, что однажды 6 татар выехали на поле к войску московита, и царь Ших-Али хотел напасть на них со 150 татарскими всадниками, но начальник войска запретил ему это, выставил перед ним 2000 всадников, лишив Ших-Али удобного случая отличиться. Они хотели окружить татар как бы кольцом, чтобы те не спаслись бегством, но татары расстроили этот план, прибегнув к такой хитрости – когда московиты наседали на них, они мало-помалу отступали и, отъехав немного дальше, останавливались. Т.к. московиты делали то же самое, то татары заметили их робость и, взявшись за луки, принялись пускать в них стрелы; когда те обратились в бегство, они преследовали их и ранили очень многих. Когда же московиты снова обратились против них, они стали понемногу отступать, снова останавливались, разыгрывая перед врагом притворное

бегство. В это время 2 татарские лошади были убиты пушечным выстрелом, но всадников не задело, и остальные четверо вернули их к своим целыми и невредимыми на глазах 2000 москвитов.

Пока конница обеих сторон забавлялась таким образом, к крепости были придвинуты пушки, и она подверглась сильному обстрелу. Но и осажденные защищались довольно решительно, также стреляя во врага из пушек. В этом бою единственный находившийся в крепости пушкарь был убит пушечным ядром из русского стана. Узнав об этом, наемные воины из немцев и литовцев возымели твердую надежду захватить крепость; если бы таковы были и намерения начальника, то они, без сомнения, в тот же день овладели бы крепостью. Но он, видя, что его люди страдают от голода, который со дня на день становился все сильнее, не одобрил плана воинов, желая сначала через гонцов тайно снестись с татарами о заключении перемирия. Более того, он в гневе приказал схватить их и грозил побоями за то, что те осмелились идти на крепость без его ведома и согласия. Он полагал, что при таком недостатке припасов соблюдет выгоду своего государя, если заключит с врагом любое перемирие и приведет назад в сохранности войско и орудия. А татары, узнав о планах начальника, воспрянули духом и охотно приняли предложенные им условия, а именно отправить послов в Москву и договориться с государем о мире. Устроив все таким образом, начальник Палецкий снял осаду и вернулся с войском в Москву. Ходил слух, что он снял осаду, будучи подкуплен татарами. Этот слух усугубился после того, как один уроженец Савойи, который хотел было предаться врагу вместе с вверенной ему пушкой, по дороге был пойман и после весьма сурового допроса признался в своем намерении перейти на сторону татар и утверждал, что получил от врага серебряную монету и татарские кубки, чтобы склонить к измене еще многих. Начальник же отнюдь не подверг его какому-либо особому наказанию, хотя тот и был уличен в столь очевидном преступлении. По возвращении войска, численность которого, говорят, достигала 180 000, к Василию являются послы казанского царя для заключения мира. В нашу бытность там они все еще находились в Москве, но и тогда не было никакой надежды на заключение в будущем мира между ними. Ведь даже ярмарку, которая обычно устраивалась близ Казани на острове купцов, Василий в обиду казанцам перенес в Нижний Новгород, пригрозив тяжкой карой всякому из своих подданных, кто отправится впредь торговать на остров. Он рассчитывал, что перенесение ярмарки нанесет большой урон казанцам и что их можно будет даже заставить сдать, лишив возможности покупать соль, которую в большом количестве татары получали только на этой ярмарке от русских купцов. Но от такого перенесения ярмарки Московия претерпела ущерб не меньший, чем казанцы, т.к. следствием этого явились дороговизна и недостаток очень многих товаров, которые привозились по Волге от Каспийского моря с астраханского рынка, а также из Персии и Армении, в особенности же превосходной рыбы, в том числе белуги, которую ловят в Волге выше и ниже Казани.

Но достаточно о войне, ведшейся государем московским против казанских татар. Вернемся теперь к прерванному рассказу о татарах.

За казанскими татарами прежде всего встречаем татар, зовущихся ногаями. Они живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающему из области Сибирской. У них нет царей, а только князья⁷⁰⁶. В наше время этими княжествами владели трое братьев, разделивших области поровну между собой. Первый из них, Шидак, владел городом Сарайчиком, что за рекой Ра⁷⁰⁷ на восток, и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум, – всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий из братьев, Ших-Мамай, обладал частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной. «Ших-Мамай» значит «святой» или «могущественный»⁷⁰⁸. И эти страны почти целиком покрыты лесом, за исключением той, которая простирается вокруг Сарайчика: она степная.

Между реками Волгой и Яиком, около Каспийского моря, жили некогда заволжские цари, о которых скажу после. Димитрий Данилович, муж важный и достойный всяческого доверия, насколько это возможно у варваров, рассказывал нам про удивительную и едва ли возможную вещь, встречающуюся у этих татар. Его отец некогда был послан московским государем к заволжскому царю; во время этого посольства он видел на том острове некое семя, в общем очень похожее на семя дыни, только немного крупнее и круглее. Если его зарыть в землю, то из него вырастает нечто, весьма походящее на ягненка, в 5 пядей высотой; на их языке это называется «баранец», что значит «ягненок», ибо у него голова, глаза, уши и все прочее как у новорожденного ягненка, а кроме того, еще нежнейшая шкурка, которую очень часто в тех краях употребляют на подкладки для шапок; многие утверждали в нашем присутствии, что видывали такие шкурки. Он рассказывал также, что у этого растения, если только можно назвать его растением, есть и кровь, но мяса нет, а вместо мяса какое-то вещество, весьма напоминающее мясо раков. Далее, копыта у него не из рога, как у ягненка, а покрыты чем-то вроде волос и похожи на роговые. Корень находится у него около пупка, т.е. посредине живота. Живет оно до тех пор, пока не съест вокруг себя траву, после чего корень засыхает от недостатка корма. Это растение на удивление сладко, почему за ним охотятся волки и прочие хищные звери.

Хотя этот рассказ о семени и растении я считаю вымыслом, однако и прежде пересказывал его, как слышал от людей отнюдь не пустых...

На расстоянии 20 дней пути от государя Шидака к востоку встречаем народы, которых московиты называют юргенцами⁷⁰⁹; правит ими Барак-Султан, брат великого хана или царя катаяского. От господина Барак-Султана 10 дней пути до Бебеид-Хана. Это и есть великий хан катаяский⁷¹⁰.

Астрахань, богатый город и великий татарский рынок, от которого получила имя вся окрестная страна, лежит в 10 днях пути ниже Казани на ближнем берегу Волги, почти у ее устья. Некоторые говорят, что она расположена не при устьях Волги, а в

⁷⁰⁶ Т.е. нет правителей-Чингизидов.

⁷⁰⁷ Ра – Волга.

⁷⁰⁸ Речь идет о первом компоненте этого имени.

⁷⁰⁹ Это жители Ургенча, развалины которого находятся на территории Туркмении.

⁷¹⁰ Эта личность не известна по другим источникам.

нескольких днях пути оттуда. Я же полагаю, что Астрахань расположена в том месте, где река Волга разделяется на множество рукавов, число которых, говорят, равно 70-ти, образуя еще большее количество островов, и почти столькими же устьями вливается в Каспийское море с таким обилием воды, что смотрящим издали она представляется морем. Некоторые называют этот город Цитраханью⁷¹¹.

За Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермией, живут татары, зовущиеся тюменскими, шейбанскими и кайсацкими. Из них тюменские живут в лесах, а число их не превышает 10 000. Кроме того, другие татары живут за рекой Ра; т.к. только они отращивают волосы, их называют калмуками. А у Каспийского моря лежит город Шемаха, от которого получила имя и страна; так же зовутся и люди, искусные ткачи шелковых одежд; их город отстоит на 6 дней пути от Астрахани. Говорят, не так давно персидский царь захватил его вместе со страной⁷¹².

Город Азов лежит на Танаисе ... в 7 днях пути от Астрахани. От Азова же на 5 дней пути отстоит Херсонес Таврический, а прежде всего город Перекоп. А между Казанью и Астраханью на обширных просторах вдоль Волги и до самого Борисфена тянутся пустынные степи, в которых живут татары, не имеющие никаких постоянных поселений, кроме городов Азова и Ахаса, который расположен на Танаисе в 12 милях выше Азова, и кроме приседящих к Малому Танаису, возделывающих землю и имеющих постоянные поселения. От Азова до Шемахи 12 дней пути...

Болота Херсонеса Таврического, простирающиеся, по рассказам, на 300 итальянских миль в длину от устьев Танаиса, у мыса Глава святого Иоанна, где суживаются⁷¹³, насчитывают только 2 итальянские мили. Здесь находится город Крым, некогда резиденция царей Тавриды, отчего они и назывались крымскими. После того как через весь Истм⁷¹⁴ на расстоянии 1200 шагов был прорыт ров, так что получился как бы остров, цари получили имя не крымских, а перекопских, т.е. по названию этого рва, ибо гресор на славянском языке означает «ров». Отсюда видно, как ошибся писатель, сообщавший, будто там царствовал некий Прокопий⁷¹⁵. Весь Херсонес посредине пересекается лесом, и та часть, что обращена к Понту, в которой находится знаменитый город Каффа, некогда называвшийся Феодосией, колония гетуэцев, состоит под властью турок... Другой частью полуострова владеют татары. Цари Тавриды ведут свое происхождение от заволжских царей: некоторые из них, будучи во время внутренних раздоров прогнаны из царства и не сумев закрепиться нигде по соседству, заняли эту часть Европы. Не забывая о старой обиде, они долго боролись с заволжцами, пока в правление в Польше Александра, великого князя литовского,

⁷¹¹ Первоначальное татарское название города – Хаджи-Тархан.

⁷¹² Шемаха – один из древних городов Азербайджана, резиденция ширван-шахов в 1027 – 1538 гг.; в 1538 г. с усилением государства Сефевидов власть ширван-шахов была уничтожена, и Шемаха стала центром Ширванской провинции державы Сефевидов (эта информация занесена в «Записки» в 40-е годы).

⁷¹³ Речь идет о Керченском проливе.

⁷¹⁴ Перекоп.

⁷¹⁵ Об этом писал автор «Двух Сарматий» М.Меховский.

на памяти наших отцов, заволжский царь Ших-Ахмет не явился в литовские страны, чтобы заключить союз с королем Александром и соединенными силами изгнать царя Тавриды Мухаммед-Гирея⁷¹⁶. Хотя оба государя согласились в этом, однако литовцы, по своему обыкновению, дольше положенного тянули с войной, так что супруга заволжского царя и его войско, находившиеся в степи, не вынеся промедления, а сверх того еще и стужи, настойчиво просили своего царя, жившего в городах, оставить польского короля и своевременно позаботиться о своих делах. Т.к. они не смогли убедить его, то жена покинула мужа и с частью войска перешла к царю перекопскому Мухаммед-Гирею. По ее внушению перкопский царь посылает войско, чтобы рассеять остатки войск заволжского царя. Когда они были разбиты, заволжский царь Ших-Ахмет, видя свою неудачу, в сопровождении приблизительно 600 всадников бежал в Альбу, расположенную на реке Тирасе, в надежде вымолить помощь у турок. Заметив, что в этом городе на него устроена засада, он изменил маршрут и едва с половиной всадников прибыл в Киев. Здесь он был окружен и захвачен литовцами, а затем по приказу польского короля отвезен в Вильну. Там король встретил его, принял с почетом и повел с собой на польский сейм; на этом сейме было решено начать войну против Менгли-Гирея. Но пока поляки долее, чем следовало бы, тянули с собиранием войска, татарский царь, сильно оскорбившись, стал снова помышлять о бегстве, но при этом был пойман и доставлен в крепость Троки в 4 милях от Вильны; там я его видел и вместе с ним обедал⁷¹⁷. Это стало концом владычества заволжских царей, вместе с которыми погибли и цари астраханские, ведшие свой род также от этих царей⁷¹⁸. Когда они таким образом были унижены и уничтожены, могущество царей Тавриды возросло еще более, и они стали грозой для соседних народов, так что принудили и короля польского платить им определенную сумму с условием, что в случае крайней нужды он сможет воспользоваться их содействием. Мало того, подарки ему часто посылал и государь Московии, стараясь склонить его на свою сторону. Причина заключается в том, что оба они, постоянно воюя друг с другом, надеются с помощью татарского оружия потеснить врага. Хорошо понимая это, татарский царь, получая подарки, подавал каждому из них пустые надежды. Это стало ясно, к примеру, когда я от имени цесаря Максимилиана вел переговоры с государем Московии о заключении мира с польским королем. Именно, т.к. государь Московии никак не желал идти на справедливые условия мира⁷¹⁹, король польский подкупил перекопского царя с тем, чтобы тот вторгся с одной стороны с войском в Московию, собираясь и сам напасть на владения московита с другой стороны, в направлении Опочки. Польский король надеялся таким маневром заставить московита пойти на сносные условия мира. Проведав об этом, московит сделал ответный ход, отправив в свою очередь послов к татарину, чтобы тот повернул свои

⁷¹⁶ Он был соправителем своего отца Менгли-Гирея.

⁷¹⁷ 30 декабря 1517 г.

⁷¹⁸ Речь должна идти о подрыве могущества астраханских ханов.

⁷¹⁹ Имеется в виду отказ Василия III вернуть Великому княжеству Литовскому Смоленск.

силы против Литвы, которая, по его словам, ничего не опасалась и была беззащитна. Татарин, руководствуясь исключительно своей выгодой, последовал его совету. Когда из-за такого рода раздоров между обоими государями его могущество неумеренно возросло, охваченный страстным желанием расширить свою державу и не вынося покоя, он стал помышлять о большем, взяв себе в союзники Мамайя, князя ногайского; в 1524 году по рождестве Христове, в январе месяце, он выступил с войском из Тавриды и напал на царя астраханского. После того как тот в страхе бежал из города, он осадил и захватил город и победителем расположился под кровом тамошних жилищ. Между тем Агиш, также князь ногайский, стал укорять своего брата Мамайя за то, что тот помогает своими войсками столь могущественному соседу. Кроме того, предостерегал он, следует с опаской относиться к со дня на день возраставшей власти царя Мухаммед-Гирея, ибо, при его безумном нраве, может статься, он повернет оружие против него и брата, сгонит их с царства и либо убьет, либо обратит в рабство. Под воздействием таких слов Мамай шлет послов к брату, убеждая его поспешить к нему с возможно большим войском: ведь теперь, когда Мухаммед-Гирей, опыненный великим успехом, ведет себя слишком беспечно, им обоим можно избавиться от угрозы в его лице. Следуя советам брата, Агиш твердо обещал явиться к назначенному времени с войском, которое он собрал еще раньше для защиты пределов своего царства среди стольких войн. Узнав об этом, Мамай тут же подает совет Мухаммед-Гирею не держать воинов в домах, чтобы они не развратились из-за отсутствия войсковой дисциплины, а лучше оставить город и жить по обычаю в степи. Согласившись с этим советом, царь выводит своих воинов в лагерь. Быстро подходит с войском Агиш и присоединяется к брату; немного спустя они неожиданно нападают на ничего не подозревавшего царя Мухаммед-Гирея, пировавшего со своим 25-летним сыном Батыр-Султаном⁷²⁰, убивают его, разбивают большую часть его войска, а остальных обращают в бегство; преследуя их, они рубят и гонят их за Танаис до самой Тавриды. Затем они осаждают город Перекоп, который, как я сказал, находится при входе в Херсонес. Испробовав все средства и не видя возможности ни взять его штурмом, ни заставить сдаться, они снимают осаду и возвращаются домой. Таким образом, при их содействии царь астраханский вторично овладел своим царством, а царство Таврида с падением храбрейшего и удачливейшего царя Мухаммед-Гирея, некоторое время бывшего сильным владыкой, утратило свое могущество. После убийства Мухаммед-Гирея брат его, Садах-Гирей, с помощью императора турок, которому он тогда служил, занял перекопский престол⁷²¹. Преданный турецким обычаям, Садах-Гирей вопреки нравам татар очень редко появлялся на людях и не показывался своим подданным. Поэтому он был изгнан татарами, которые не могли стерпеть такого нарушения обычая их государем; на его месте поставили племянника, сына его брата⁷²².

⁷²⁰ Батыр-Гирей являлся сыном хана Менгли-Гирея (1466–74; 1475–76; 1478–1514) и братом Мухаммед-Гирея; в правление Мухаммед-Гирея (1514–23) он был калгой-соправителем.

⁷²¹ После Мухаммед-Гирея в Крыму правил Газы-Гирей (1523–24), и лишь потом престол занял Саадат-Гирей (1524–32).

⁷²² После Саадат-Гирея в Крыму правили его родные братья Ислам-Гирей (1532) и Сахиб-Гирей (1532–51).

Попав в плен к племяннику, Садах-Гирей униженно просил, чтобы тот не подвергал его жестокой казни, а воздержался от пролития его крови, сжалился над его старостью и позволил ему провести остаток жизни в какой-нибудь крепости частным лицом, отказавшимся от всякого управления государством в пользу племянника и удержав одно только имя царское. Эти просьбы его были исполнены.

Титулы у татар примерно такие. Хан, как сказано выше, – царь, султан – сын царя, бей – герцог, мурза – сын герцога, олбоуд – знатный или советник, олбоадулу – сын знатного, сеид – верховный жрец, частный же человек – кси. Из должностных лиц второе по цене достоинство имеет улан. У татарских царей есть 4 советника, к которым в важных делах они прибегают прежде всего. Первый из них называется ширни, второй – барни, третий – гаргни, четвертый – ципцан.

О татарах довольно...».

А.М.КУРБСКИЙ О ЗАВОЕВАНИИ КАЗАНИ В 1552 г.

В середине 40-х годов XVI в. наступил кардинальный перелом в казанско-московских отношениях. В 1545 г. Иван IV начал широкомасштабную войну с целью захвата Казанского государства. А в марте 1549 г. скоропостижно скончался казанский хан Сафа-Гирей, и в это же время боярская дума официально поддержала агрессивные устремления Ивана IV.

Иван Грозный несколько раз организовывал походы на Казань, но, плохо подготовленные, они оказались неудачными (хотя русские летописи ссылались на плохую погоду – «мокроту великую», татарские источники, например, сочинение Шарифа Хаджитархани «Победа Казанского государства», опровергают это утверждение).

Одним из серьезных достижений военно-стратегического плана завоевания Казанского ханства было сооружение на его земле, всего в 30 км от самой Казани, Свяжской крепости как сильного опорного пункта в наступательной операции. Свяжск стал не только сильнейшим для того времени опорным пунктом для русской армии, но и своего рода военно-политическим центром Горной стороны, т.е. доброй трети Казанского ханства на западе. Оторванность Горной стороны лишала Казанское ханство значительных экономических и людских ресурсов.

Построение Свяжска явилось поворотным моментом в истории московско-казанских отношений перед завоеванием Казани. В Москву было организовано посольство «от всея горние стороны, от князей и от мурз и сотных князей и десятых, и чувашей и черемисы и казаков, чтобы государь⁷²³ гнев свой отдал, а велел бы у Свяжского города быти». Тогда же была произведена перепись населения Горной стороны: было учтено 40 000 «луков гораздых стрельцов, кроме мала и стара». В Москве стала разрабатываться программа полного подчинения ханства. В результате дипломатической деятельности князя П.Тургенева удалось удержать от вступления

⁷²³ Т.е. Иван IV.

в казанско-крымско-ногайскую коалицию видного ногайского мирзу Исмаила, обладавшего в Ногайской Орде авторитетом и большими военно-экономическими ресурсами. В это же время в Казани разразился серьезный политический кризис – часть казанских феодалов, «видев государево великое жалование, а свое изнеможение», перебегает в Свияжск; глава же казанского правительства и начальник гарнизона крымский татарин Кучак покидает Казань (он был пойман русскими в устье Вятки и отправлен в Москву, где его публично казнили).

Рассчитывая добиться возвращения Горной стороны, новое казанское правительство во главе с Худай-Кулом и Нурали Ширином идет на крайние меры: оно соглашается отдать Москве младенца Утямыш-Гирея с его матерью Сююмбике и приглашает на казанский престол касимовского хана Шах-Али – сторонника Москвы (это явилось третьим по счету правлением Шах-Али в Казанском ханстве: 1) 1519 – 1521 гг.; 2) 1546 г.; 3) 1551 – 1552 гг.). Но вскоре Шах-Али вызвал недовольство казанцев тем, что хотел открыть ворота города предполагаемому московскому наместнику, и был смещен.

Казанская знать вступила в переговоры с ногайцами и вызвала к себе в ханы астраханского царевича Едигера. Видя, что Казань не согласна «добровольно» подчиниться власти Москвы, Иван IV во главе 150-тысячной армии организует новый поход на столицу ханства.

23 августа 1552 г. началась осада Казани, а 2 октября город был взят (подробную информацию о «казанской войне» и «казанском взятии» можно почерпнуть из работы Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV – XVI вв. – Казань, 1995). Управлять Казанью был поставлен московский наместник Горбатый-Шуйский.

Однако казанцы и все население Казанского ханства, включая марийцев, чувашей, мордву, удмуртов, башкир, не прекратило борьбу за свою независимость. Почти сразу же после отъезда Ивана Грозного в Москву на территории ханства вспыхнули восстания (подробнее см.: Вахит Имамов. Запрятанная история татар: Национально-освободительная борьба татарского народа в XVI – XVIII веках за создание независимого государства. – Наб.Челны, 1994).

Далее приводится отрывок из сочинения активного участника «казанского взятия» князя Андрея Михайловича Курбского (1528 – 1583) «История о великом князе московском». Род князей Курбских считал себя не уступающим по знатности великим московским князьям. Среда, в которой воспитывался А.М.Курбский, – потомки ярославских удельных владетелей, – стояла в оппозиции к московскому государю, стремившемуся к укреплению самодержавной власти. Андрей Курбский начал обычную в то время военную карьеру с 1549 г. в походах против Крымского и Казанского ханств. В 1564 г. он бежал в Литву, где им и была написана «История...». Это произведение, как и переписка Курбского с Иваном Грозным, – ценнейшее историко-литературное произведение XVI в. Курбского нельзя назвать беспристрастным автором, он часто противоречит себе, бывает необъективен. Однако для нас его «История...» является одним из очень немногих памятников, где глазами очевидца дается описание ханской Казани и событий октября 1552 г.

Источник цитируется по изданию: Курбский А.М. История о великом князе московском (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»)/Издание Императорской археографической комиссии.— СПб.: Типография М.А.Александрова, 1913.

«... И абие, за помощью Божию, соппротив сопостатов возмогоша воинство и грозного Измаильтескаго языка, от негож некогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и спустошена была; и не против единого царя ополчашеся, но абие против трех великих и сильных, сиречь, соппротив Перекопского⁷²⁴ царя, и Казанского, и соппротив княжат Ногаиских⁷²⁵. И за благодатию и помощью Христа Бога нашего, абие от того времени, всем трем возражаше нахождение, частыми преодолеными преодолеваху и преславными победами украшахуся, о нихже по ряду писати сия краткая повесть не вместит; но вкратце рекиши: по толику спустошению Русские земли бе от них. Не по толику, но множайше пределы христианские расширишася за малые лета: идеже были прежде, в пустошенных краях Руских, зимовища Татарские⁷²⁶, тамо грады и места сооружишася; и не токмо кони Руских сынов во Азии с текущих рек напишася, с Танаиса и Куалы и з прочих, но и грады тамо поставишася.

Видев же таковыя неизреченны Божия щедроты, так вскоре бываемыя, и сам царь⁷²⁷, возревновав ревностию, начал против врагов сам ополчатися, своею главою, и собирати себе воинство множайшее и храбрейшее, не хотяше покою наслажаться, в прекрасных полах, затворся, пребывати, яко есть нынешним западным царем обычаи (все целыя нощи истреляти, над карты сидяще и над прочими бесовскими бреднями); но подвигся многожды сам, не щадячи здравия своего, на соппротивнаго и горшаго своего супостата, царя Казанского, единова в лютую зиму; аще и не взял места оного главнаго, сиречь Казани града, и со тщетою немалою атоиде, но всяко не сокрушилось ему сердце и воинство его храброе, укрепляющу Богу оными советники его. И размотрив тамо положения места, паки по лете едином или дву, град тамо превеликий, зело прекрасен, абие поставити повелел на реце Свяиге, от Волги за четверть мили, а от великого Казанского места аки миль пять⁷²⁸. Так близу приблизился.

И того же лета выправя дела великие стенобитные⁷²⁹ рекою Волгою, а сам сухим путем хотяще абие поити. И прииде ему весть, иже царь Перекопский с великими силами на него идет, возбраняюще хождение ему на Казань⁷³⁰; он же, аще и войско

⁷²⁴ Речь идет о хане Крымского государства.

⁷²⁵ В Ногайской Орде не правили Чингизиды, и поэтому правители этого татарского государства не назывались на Руси царями.

⁷²⁶ Здесь Курбский следует идеологическому штампу, согласно которому Крым и Поволжье являлись «исконно русскими землями» еще со времен Рюрика.

⁷²⁷ Иван IV Грозный (1530 – 1584).

⁷²⁸ Свяязск, как сильный опорный пункт в наступательных операциях русской армии, был построен в кратчайший срок – всего за 28 дней (город был заложен 24 мая 1551 г.).

⁷²⁹ Дело – пушка, пищаль.

⁷³⁰ Видя неоднократные попытки русского царя в конце 40 – начале 50-х годов завоевать Казань, вооруженные силы Крыма и некоторых ногайских мирз атаковали Московию, желая остудить ее агрессивные устремления в Среднем Поволжье. – См. об этом, например, записи немца Генриха Штадена.

великое прежде, града поставления ради, послал, тако же и при делах множество воинов, но обаче, того ради, на Казань хождение на мало время отложил. И еще, аки бе з большую частью воиска, иде сопровтив предреченнаго оного врага Христова, и сам стал на Оке реке, ожидающе его ко сражению брани, во едином месте; а другие воиска разложил по другим градом, яже лежат при тои же реце, и выведыватися повелел о нем, бо не ведомо еще было, на которое место итти мел. Он же егда услышал: великий князь стоит с воиском против его, готов над надежду его (бо певне споведался, иже уже на Казань пошел), тогда возвратился и облег место великое, мурованное, Тулу, аки во штинадесяти милех от места Коломны, идеже царь христианский лежал с воиском, ждуще его; а нас тогда послал со другими о нем выведыватися, и земли от взгонов бронити; и было с нами тогда воиска аки пятнадцать тысящеи. Мы ж, приплывась через великую Оку реку со многим потщанием, того дня зело скоро устремишася, и приехаша аки 30 миль, и положишася к нощи на едином потоце, близу стражи царя Перекопского, от града же Тулы за пол-⁷³¹ мили, под нимже сам царь стояше. Стража же Татарская утече ко царю, и поведает ему о множестве воиска христианского, и мняще, иже сам князь великий прииде со всем своим воиском; и тое нощи царь Татарский от града утече, аки миль 8, в поле дикое, за 3 реки препроводившеся, и дела некоторые и кули потопил, и порогов и верблюдов отбеже, и воиско в войне оставил (бо 3 дни хотяще воевати, а 2 же дни точию под градом стоял, а против третьяго дня побежал).

На утро ж мы, воставши рано, поидохом ко граду и положихомся с воиском, идеже шатры его стояли. Воиска ж Татарского аки третьина, або вяще, остала была в загонех, и шли ко граду, надеящеся царя их стояща. Егда ж размотриша и уведаша о нас, ополчишася противу нас. Мы ж абие сровишеся с ними, и пребывала битва аки на пол 2 години⁷³², потом помог Бог нам, христианом, над бусурмань, и толико избиша их, яко зело мало осталось их, едва весть в орду возвратилась. На тои то битве и сам аз тяшкие раны на телеси отнесох, яко на главе, так и на других составех.

Егда же возвратихомся ко цареви нашему, со пресветлым одолением, он же тогда повелел опочивати оному утружденному воиску аки 8 дни. И по осми днях, сам поиде с воинством х Казани, на место великое, глаголемое Муром, еже лежит от поля уже х краине, х Казанским пределом, и оттуду, через поле дикое, аки месяц шел ко оному предреченному новому граду, поставленному на Свяиге, идеже воинство его ждало с великими делы и со многими запасы, яже приплыша Волгою, рекою великою. А нас тогда послал, со тремядесять тысящеи люду, через Резанскую землю и потом через Мещерскую, идеже есть Мордовский язык⁷³³. Потом препроводясь, аки за 3 дни, Мордовские лесы, изидохом на великое дикое поле и идохом от него по правой руце, аки в 5 днях конем ездю; понеже мы заслониша его тем воиском, еже с нами шло, от Заволских Татар (бояшебояся он, да не приидут на него безвестно те княжата Нагаиские); и аки бы по пяти неделях, со голодом и с нуждою многою,

⁷³¹ 1,5 мили.

⁷³² 1,5 часа.

⁷³³ Язык – народ.

доидохом Суры реки великие, на устья Борыша речки, идеже и он в том же дни с воиски великими прииде. И того дни хлеба сухаго наядохомся со многою сладостию и благодарением, ово зело дорогаго купующе, ово позычающе от сродных, и приятель и друзей; бо нам его было не стало аки бы на 9 дни, и Господь Бог препитал нас и воиско, ово рыбами, ово иными зверьми, бо в пустых тех полях зело много в реках рыб.

Егда же преплавишася Суру реку, тогда и Черемиса Горняя, а по их Чуваша зовомыя, язык особливый, начаша встречати по 500 и по 1 000 их, аки бы радующиеся цареву пришествию (понеже в их земле поставлен он предреченный град на Свияге). И от тое реки шли есмь воиском 8 дни, полями дикими и дубравами, негде же и лесами; а сел со живущими зело мало, понеже у них села при великих крепостях ставлены⁷³⁴ и незримы, аще и поблизку ходящим...

Егда же приидохом близу новопоставленного града, воистину зело прекрасного, тогда выехаша во стретение царя гетмани они, яко градский, так которые и з дель приидоше, с немалыми вои, по чину благочинне устроени полки имущи; с ними же конного воиска тысящ аки пятьнадесят изыдоша во стретение, тако ж и пеших множество много; к тому и гуфов⁷³⁵ оных варварских, новопокорившихся царю, немало, аки 4000; их же обитания и села близу града онаго быша (яже, хотяще и не хотяще, покоришася). И бысть там радость не мала о здравию пришествия царева со множества воев, тако же и о победе преже реченной, яже на Крымскаго пса одержажом (бо зело трепетахом о приходе и помощи его Казани), и о поставлению града онаго превеликого. И тамо х тому приехали есмо, воистину, яко в свои дома от того долгова и зело нужнаго пути, понеже привезено нам множество, от домов наших Волгою, мало не каждому, в великих в галиях запасу; тако же и купцов безчисленное множество, с различными живностями и со многими иными товары, приплыша, идеже бяше всего достаток, чего бы душа восхотела (точию нечистоты тамо купить не обрящешь). И опочинув тамо воиско аки 3 дни, начаша великую реку Волгу превозитися; и превезошася все воиско аки за 2 дни.

И на третей же день двинушася в путь, и преидохом 4 мили, аки за 3 дни, бо тамо не мало рек, еже впадают в Волгу; препровождашеся через мосты и гати, которые были пред нами показили⁷³⁶ Казанцы. И на четвертый день изыдохом сопротив града Казанского, на великие, и пространные, и гладкие, зело веселые луги, и положишася все воиско подле реки Волги; а лугов оных до места аки миля зело велика, бо стоит он град и место не на Волзе, но река под ним, Казань реченная, от неяж и наречен. И положение его на великой горе, а наипаче от приходу Волги сице зритца, а от Нагаиские страны, от Камы реки, от реченного Арского поля, равно приити к нему. Опочинувши же аки день един, паки дела некоторые с кораблей выложены, яже пред полки хождаше. На другиий ж день рано, по Божиих литоргиях, воздвижеся воиско от станов, со царем своим, и развивши хоругви христианские, со многим благочинием и устроением полков, поидоша ко граду сопостатов. Град же видехом

⁷³⁴ Т.е. в укромных местах.

⁷³⁵ Т.е. полков.

⁷³⁶ Испортили.

аки пуст стоящ, иже а ни человек, а ни глас человекъ ни един отнюд слышашесе в нем, яко многим неискусным радоватися о сем и глаголати, яко избегоша царь и все воинство в лесы, от страха великого воиска.

Егда ж приидохом близу места Казанского, яже в великой крепости лежит, с востоку от него идет Казань река, а з западу Булак речка, зело тиновата и непроходима, под самое место течет и впадает под угольную вежу в Казань реку; а течет из езера, Кабана глаголемаго, не малого, которое озеро кончится аки полверсты от места; и як преправитися тую нужную речку, тогда между озером и местом⁷³⁷ лежит с Арскаго поля гора зело прикрая⁷³⁸ и ко восхождению нужная. А от тое реки, около места, ров копан, зело глубокий, аж до озерка, реченнаго Поганого, еже лежит подле самую Казань реку; а от Казани реки гора так высока, иже оком возрити прикро; на ней же град стоит и полаты царские и мечиты, зело высокие, мурованные, идеже их умершие царие клалися; числом, памятамыся, 5 их⁷³⁹.

Егда же начаша обступати место оное бусурманское, и воиско христианское повеленно ийти трема полком, через предреченную речку Булак; егда же первые препроводился, направля мостки через нее, предний полк, а тамо обыкли его звати яртаул, в немже бе воиска избраннаго, аки 7000, а над ними стратилаты два, княжа Пронский Юрей и княжа Феодор Львов, с роду княжат Ярославских, юноши зело храбрые, и прииде им итти с нуждою прямо на оную гору, на Арское поле, между места и Кабана, предреченного озера, от врат градцких аки 2 стрельняния лучных; другии же великий полк начаша только препроважатися через оную реку по мостом, — царь же Казанский⁷⁴⁰ выпустил воиска конского из места, аки 5000, а пеших до 10 000, на первыи предреченный полк, конные Татаровя с копыи, а пешие со стрелами. И абие удариша посреди полка христианского, аки в полгоры оные, и прерваша его, дондеже поправившася оные стратилатове, бо уже аки со двема тысящами и вяще взошли были на оную гору. И сразишася с ними крепце, и бысть сеча не мала между ими. Потом поспешившася другии стратилаты с пешими нашими ручнычними стрельцы и сопроша бусурманов, яко конных, так и пеших, и гониша их биюще аже до самых врат градских, и околько 10 и живых поимаша. В той же час, вкупе во сражение оное, и стрельбу огненную со града изъявивша, яко со веж высоких⁷⁴¹, так и с стены меские, на воиско христианское стреляюще; но ничто же, за Божиею благодатию, тщеты сотвориша.

И абие в той день обступихом место и град бусурманский полки христианскими и отняхом ото всех стран пути и проезды ко граду: не возмогли они никако же ни из града, ни во град переходити. Тоже стратилатове, а по их⁷⁴² воеводы полков, передовыи

⁷³⁷ Между озером и посадом-городом.

⁷³⁸ Высокая.

⁷³⁹ К настоящему времени четко установлены останки двух казанских ханов – Махмута и Мухаммеда-Эмина; см.: Хузин Ф. Кто похоронен в мавзолеях Казанского кремля? // Аргатак. – 1998. – № 8. – С. 119–131.

⁷⁴⁰ Речь идет о Ядыгере/Едигере – последнем казанском хане (умер в 1565 г.).

⁷⁴¹ С башен, со стрельниц.

⁷⁴² Т.е. по-русски, как на Руси (вспомним, что «История...» писалась Курбским в Литве, куда он бежал в 1564 г., опасаясь опалы за близость к казненным Иваном IV феодалам). Далее «по их» может обозначать и «по-татарски».

полк, который ходит у них за яртаулом, прииде на Арское поле, и еще другии полк, в немже бе царь Шигалеи⁷⁴³, и другие великие стратилатове залегоша тамо пути, яже от Нагаиские страны ко граду лежат.

Мне же тогда, со другим моим товарищем, правый рог, а по их правая рука, поручена была устроить, аще ми и во младых летех сущу, бо еще мне было тогда лет аки 24 от рождения; но всяко, за благодатию Христа моего, приидох к тому достоинству не туне, но по степенем военным взыхох. И было в нашем полку вяще, нежели 12 000, и пеших стрельцов и казаков аки 6000. И повелено нам итить за Казань реку; и прострошася воиско полка нашего аж до Казани реки, яже выше града, а другии конец до мосту, яже по Галицкой дороге⁷⁴⁴, и до тое же реки, яже ниже града; и залегохом пути от всей Луговья Черемисы⁷⁴⁵, яже ко граду лежат. И случилось нам стояти на месте в равнине, на лугу, между великими блаты⁷⁴⁶; граду же с нашей стороны на превеликой горе стоящу, и сего ради зело нам, паче всех, нужно было от огненныя стрельбы со града, а ззади с лесов от частаго наезжания Черемискаго. Другия же полки стаща между Булаком и Казанию, об сю страну от Волги. Сам же царь с вальным гуфом⁷⁴⁷, а бо со множеством воев, стал от Казани, аки за версту, а бо мало больши от града, с приходу своего от Волги, на месте на погористом. И сицевым чином месты и грады бусурманския облегоша. Царь же Казанский затворися во граде, со 30 000 избранных своих воинов⁷⁴⁸ и со всеми карачи⁷⁴⁹ духовными их и мирскими и з двором своим; а другую половину воиска оставил вне града на лесех, такоже и те людие, яже Нагаиский улубии прислал на помощь ему, а было их аки 2000 и колько сот⁷⁵⁰. И по трех днях начаша близу места шанцы⁷⁵¹ ставити. Того бусурманы зело возбраниша, ово биюще со града, ово, вытекающе, вручь секошася, и падаху со обою стран множество люду, но обаче вяще бусурманов, нежели христиан; и сего ради знак Божия милосердия являшася христианом, и дух храбрости нашим прискоряшася.

Егда же добре и крепче заточиша шанцы, и стрелцы с стратилати их закопашася в землю, аки уже безстрашны от стрельбы меские и от вытечек мянешася, тогда привлекоша великие дела, и средние и огненные, близу града и места, имиже вверх стреляют; а памятамись, всех было аки 150 и великих и средних, за всеми шанцами, ото всех стран града и места поставлены; а и мнееишие было по полторы сажени; окроме того были польные многие, около царских шатров. Егда же начаша бити со

⁷⁴³ Чингизид Шах-Али, в разное время являвшийся касимовским и казанским ханом, сторонник Москвы.

⁷⁴⁴ Дорога – даруга: 1. Административно-политическая единица татарского ханства; 2. Проезжая дорога.

⁷⁴⁵ Речь идет о марийцах.

⁷⁴⁶ Между болотами.

⁷⁴⁷ С великим полком.

⁷⁴⁸ В одном из списков «Истории...» имеется дополнение: «... своих воинов со обоим сенатом и со всеми карачи...» (подчеркнуто мною. – Б.Х.).

⁷⁴⁹ Карачи – члены правительства (дивана), советники хана.

⁷⁵⁰ Подробнее см.: Девярых Л. Бек-партизан (О беке Япанче и о борьбе населения Казанского ханства за независимость в середине XVI в.) // Идель. – 1999. – № 5. – С. 44 – 45.

⁷⁵¹ Окопы.

всех стран по стенам града, и уже очистиша стрелбу великую на граде, сиречь не даша им стреляти с великих дел на воиско христианское, точию гаковничныя и ручничныя не могоша отняти, еуже много тщеты делали воиску христианскому в людех и конех.

И еще к тому тогда иную хитрость изобрете царь Казанский против нас. Яковую же? Молю, повеждь ми. Исте таковою. Но слухаи прилежне, раздрочены воине! Ибо уложил он таковою совет со своими, с тем воиском, ижже оставил вне града на лесех, и положил с ними таковое знамение, а по их языку ясак: и егда изнесут на высокую вежу, або иногда на град, на высочайшее месце, хоруггов⁷⁵² их, зело великую бусурманскую, и начнут ею махать, тогда, глаголю,— понеже далоса нам знати,— ударят со всех стран с лесов, зело грозно и прутко, во устроению полков, бусурманы на полки христианские; а от града во все врата вытекали в тот же час на наши шанцы, и так зело жестоце и храбре натекали, яко и вере не подобно. И единова изыдоша сами карачи з двором царевым, а с ними аки 10 000 воиска, на те шанцы, идежа быша дела великие заточены, и так сотвориша сечу злую и жестокою бусурманы на христианя, уже всех наших далеко от дел отогнали были; и, за помощью Божию, приспеша шляхта Муромского повету; бо негде ту близ станы их были, и межи Русскими та шляхта зело храбры и мужественны мужие сущии, стародавныи в родех Руских. Тогда абие взпроша карачеи со всеми силами их, аже принудишася от них подати ты; а они аж до врат меских секоша, биюще их, и не так множество посекоша, яко во вратех подавишася, тесноты ради; множество же и живых поимаше. В тои же час и на другие врата вытекаше, но не так крепце бишася.

И воистину, на всякий день, аки 3 недели, тое беды было, яко и брашна нам оного зело нужнаго не дали приимати многожды. Но сице нам Бог помогал, ово храбре, за помощью Божию, сражахуся с ними, пешие с пешими, от града изходящими, конники же с конники, с леса наезжающими; а к тому и дела великия, яже суть з железными кулями, обращающе от града, стреляюще на те полки бусурманские, яже отовне града, с лесов, наезжали. А горее всех было от их наезжания тем христианским полком, яже стояли на Арском поле, яко и нам, з Галицкие дороги, яже суть от Луговые Черемисы. А которое стояло воиско наше под градом, за Булаком, на которой стране и царь наш стоял, от Волги, те ото внешнего нахождения бусурманского в покою пребывали; точию из града частые вытечки имели, яко же ближайишие стояли под стенами града при делех. А кто бы поведал, яковую нам тщету в людех и в конех делади, которые слуги наши добывали травы, едзяще на кони наши, аки ротмистры, стрегуще с полки своими, не могуще везде обраняти их, злохитроства ради бусурманского и наглаго, внезапнаго, пруткаго их наезжания,— воистино и пишучи, не исписал бы по ряду, колько бито их и поранено.

Видев же царь Казанский, яко уже изнемогло было зело воиско христианское, ноипаче тое, яже близу стен меских, пришанцовався, лежало, ово от частых вытечек и наезжания их с лесов, ово от скудости пищи — бе зело уже драго куповано всякие

⁷⁵² Хоругвь — знак, флаг, знамя.

брашна; воиску, за неиспокоюем, яко рехом, не дано и сухаго хлеба наястися, а ктому мало не все ноши пребывах без сна, храняще дел паче же живота и чести своеи, — егда же, яко рех, уразумел сие яко царь их, так и вне града бусурманские воеводове утрусения воиска нашего, тогда тем сильнее и частеише отовнее наезжали и из града исходили. Царь же наш со всеми сиклиты и стратилаты вниде в совет о сем, и совет в конец добр, благодати ради Божии, произведе: разделить повелел воиско все на двое; аки половину его под градом при делях оставя, частиж не малио здравия своего стрещи повелел, при шатрех своих; а 30 000 конников, устроя и розделив на полки по чину рыцерскому, и поставя над каждым полком по 2, негде и по 3 стратилатов, храбрых, в богатырских вещах свидетельствованных; тако же и пеших, аки пятнадцать тысящеи, изведе стрельцов и казаков, и тако ж разделиша на гуфы по устроениям стратилатьским, поставя надо всеми ими гетмана великого, княжа Суздальского Александра, нареченнаго Горбатого, мужа zelo разумнаго и статечнаго и в военных вещах свидетельствованного. И повелел ждати, закрыв все воиско христианское за горами; егда же изыдут бусурманы с лесов, по обычаю своему, тогда повелено сразитися с ними.

Во утрие же, аки на третии године дня, изыдоша на великое поле, глаголемое Арское, от лесов полки бусурманские, и первые удариша на родмистров, яже на стражах в полцех стояще, коим было заповедано уступитьи им, уклоняющеся, яже до шанцов; они же уповающе, аки боящеся Христиане побегоша, гнаша за нами. Егда же втиснуша их уже в обоз, тогда начаша под шанцами круги водити и герцовати, стреляюще из луков, по подобию частости дождя; овы же, во устроению мнозем, по малу полки грядуще, конные и пешие, аки уже христиан пожрети хотяще. Тогда убо, тогда, глаголю, изыдоша абие гетман с воиском христианским, тако же во устроению мнозем, и приближишася со щтанием ко сражению. Видевше же бусурманы, и рады бы назад к лесу, но не возмогоша, уже бо далеко отъехали от него на поле; но обаче, хотяще и нехотяще, дали битву и крепче сразишася со первыми полки. Егда же надспел великий полк, в немже сам бяше гетман, такоже и пешие полки приближашася, обходяще их, ноипаче от лесу, тогда абие в бегство обратишася все полки их; христианское же воинство гониша за ними, биюще их, и яко на пол-2 мили трупия бусурманского множество лежаше, и к тому аки тысячу живых поимаша. Тогда, за Божиею помощию, таковую пресветлую победу Христиане над бусурманами одержаша.

Егда ж приведоша живых вязней оных ко царю нашему, тогда повелел, пред шанцы выведши, привязати их х колю, да во граде сухих своих молят и напоминают, да подадут Казанское место цареви христианскому; тако же и наши ездяше, напоминали их, обещающе им живот и свободу, яко тем вязнем, так и сущим во граде, от царя нашего. Они же, сих словес выслушав тихо, абие начаша стреляти с стен града, не так по наших, яко по своих, глаголюще: «Лутче, рече, увидим вас мертвых от рук наших бусурманских, нежели бы посекли вас кгауры необрезанные!». И иные словеса отрыгающе хульные, с яростию мноною, яко и всем нам дивитися зряще.

И по сем, аки по трех днех, повелел царь наш итти тому князяти Александру

Суздальскому с тем же войском на засеку, яже были бусурманы сооружили стену, между великими блаты, на горе единой, аки 2 мили от места, идеже паки, по разбежанию оном, собращася множество их, и умыслиша оттуду, аки из града единого выезжаючи, паки ударяти на войско христианское. И к тому еще, ко оному предреченному гетману придано другаго гетмана, а по их великого воеводу, с полки его, именем князя Семена Микулинского, с роду великих княжат Тверских, мужа зело храброго и в богатырских вещах искуснаго; и дано им повеление таково: аще им бы Бог помог оную стену проломити, да идут всем войском аж до Арского города, который лежит от Казани дванадесять миль великих. Егда же приидоша ко оной стене, опрошася бусурманы и начаша бранитися крепце, аки на две години биующеся; потом, за Божиею помощию, одолеша их наши, яко огненною стрельбою, так ручною, и побегоша бусурманы; наши жь гонили их. Егда же препроводишася все войско великое за оную стену, и оттуду цареви нашему с сеунчем послали; а тамо наше воинство об ночь пребыло и обретоша в шатрах и в станех бусурманских не мало корыстеи⁷⁵³; и приидоша, аки за 2 дни, до онаго предреченнаго града Арского и обретоша его пусть покинен, от страха бо избежаша из него все, страха ради, в далечаишие лесы. И плениша тамо в земли оной аки 10 дней, понеже в земле тои поля великие, и зело преизобильные и гобзующе на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможеи зело прекрасны и воистинну удивлению достойны, и села часты; хлеб же всяких такое там множество; воистинну вере ко исповеданию неподобно: аки бы на подобие множества звезд небесных; тако же и скотов различных стад бесчисленныя множества, и корыстеи драгоценных, наипаче от различных зверей, в тои земли бывающих; бо тамо родятся куны дорогие, и белки и протчие зверие ко одеждам и ко ядению потребны; а мало за тем далеи соболеи множество, также же и медов: не вем, где бы под солнцем больше было. И по десятих днех, со бесчисленными корыстями и со множеством плену бусурманских жен и детей, возвратишася к нам здраво, тако же и своих древле заведенных многих от бусурман свободиша от многолетних работы. И бысть тогда в воинстве христианском велия радость и благодарение к Богу воспевали, и так было тanei в войску нашем всякие живности, иже краву куповано за 10 денег Московских, а вола великого за 10 аспр.

Скоро по возвращению онаго войска потом, аки по четырех днях, собралося Черемисы Луговья не мало, и ударили на наши станы задние, в Галицкие дороги, и не мало стад коней наших отграмили. Мы же абие послали в погоню за ними 3 ротмистров, и за ними других посыльные полки во устроению, засады ради; и угонено их в трех, або в четырех милах, и овых избиша, других живых поимаша.

А естли бы писал по ряду, яко тамо под градом на кождыи день деялось, того бы целая книга была. Но вкратце сиче воспомянуги достоит, яко ани на войско христианское чары творили и великую плювию⁷⁵⁴ наводили: яко скоро по obleжанию града, яко солнце начнет восходити, взыдут на град, всем нам зрящим, ово

⁷⁵³ Т.е. добра.

⁷⁵⁴ Т.е. ливень.

пристаревшия их мужи, ово бабы, и начнут вопияти сатанинские словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящися неблагочинне. Тогда абие встанет ветер и сочиняются облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такий дождь, и сухие места в блажь обратятся и мокроты исполнятся; и сие точию было над войском, а по сторонам несть, но точию по естеству аера случишася. Видевше же сие, абие советоваше цареви послати по древо спасенное до Москвы, яже во крест вделано, которые всегда при царском венце лежат. И сбегано, за Божию помощью, зело скоро, водою до Новаграда Нижнего, аки в 3, або 4 дни, Вяцкими, зело скоро плавающими кораблецы, а от Новаграда аж до Москвы прудкошественными подводами. Егда же привезен честный крест, в немже частка вделана спасеннаго древа, на немже Господь наш Иисус Христос плотию страдал за человеки, тогда прозвитеры соборне, со церемониями христианскими, обхождения творяху, и по обычаю церковному освятиша им воды, и силою животворящаго креста абие от того часа ищезоша и без вести быша чары оныя поганские.

И в то же время у них подкопом воду отняли, за 2, або за 3 недели до взятыя; бо ся тамо под вежу великую и под таиники подкопано, откуда они на весь град воду брали, и порохов подставлено, аки 20 бочек великих: башню и вырвало. И к тому у нас вежу, над обычаи великую и высокую, за 2 недели урублено потаемна, за пол-мили от града, и единья нощи близу рва мескаго поставлено и на нея взношено стрельбы 10 дел и 50 гаковниц; и зело великую шкоту в месте и во граде на всяк день чинено с нее; бо до взятыя градскаго побито люду бусурманского военного, кроме жен и дети, близу 10 000 со всех стран, и з дел и на вытечках их, ис тое то вежи. А яко ее ставлено, и яковым обычаем и иные различные стенобитные хитрости творено, сие оставляю, краткости ради и истории, бо широче в летописной Руской книзе⁷⁵⁵ о том писано. Толико о взятии града мало воспомянем, елико можем вспмятати, вкратце опишем. Понеже не токмо Бог разум и дар духа храбрости тогда подавал, но явления некоторые достойным и частая совести мужем, в нощных видениях, изъявил о взятии града бусурманского, к сему подвижущее воинство, яко мною, отомщающе безчисленное и многолетнее разлиния крови христианские, а оставльшихся еще тамо живых избавляюще от многолетние работы.

Егда же, по скончанию 7 недель от облежения града, заповедано нам, еще во дни, утренной зари ждати до востока солнца, и повелено готовлятися со всех стран ка штурму, и дано таково знамение: егда взорвут стену порохи, яже в подкопе; бо было в другой раз подкопано и засажено 48 бочек пороху под стеною мескою; и большую половину войска пешего ко штурму послано; аки же третина войска всего, або мало больши, на полю осташася, паче же стрегуща здравия царева. Мы же, по повеленному, рано к сему уготовавшеся, аки за две години еще до зори, бо аз тогды послан был к низаишим вратом, с верху Казани реки, приступати, а со мною было дванадесять тысящеи войска. Ото всех же 4 стран тако же устроено присылных и храбрых мужей, некоторых и з большими почты. Царь же сие Казанские и сенаты его уведали о сем, и так же на нас уготовались, яко же и мы на них.

⁷⁵⁵ В «Казанской истории».

Пред самым же солнечным восходом, або мало что уже нача солнцу являтися, взорвало подкоп: войско же христианское абие ударело со всех стран на место и град, по повелению цареву. Да свидетельствует кождый о себе; аз же, что пред очима тогда имех и делах, повем истину вкратце. Разрядих войско мое дванадесять тысящей под устроением стратилатов; потекохом ко грацким стенам и к тои великой башни, яже пред враты стояла на горе. Егда же еще быхом подалече от стен, не из единыя ручницы, або стрелюю, на нас стрелено; егда уже близу быхом, тогда первые много огненныи бои на нас пущен с стен и з башен; тогда стрел густость такая, яко частость дожда, тогда камения множество безчисленное, яко и воздуха не видети! Егда же близу стену подбихомся с великою нуждою и бедою, тогда вары кипящими начаша на нас лити и целыми бревны метати. Всяко же Божия помощь помогаше нам тем, еже храбрость и крепость и запамятания смерти дароваше, и воистинну с поощрением сердца и со радостию бишася з бусурманы за православное христианство; и аки бы за полгода отбиша их от окон стрелами и ручницами. А к тому и дела из шанцов наших помогаше нам, стреляюще на них; бо они явственню уже стояще на башне оной великой и на стенах града, не хранящеся, яко прежде, но крепче с нами, и обличне и вручь, бьющесь. И абие могли бы их избити, но много нас ко штурму приидоша, а мало под стены градные приидоша: некоторые возвращающеся, множество лежаще и творящеся побиты и ранены.

За тем Бог поможе нам! Первые брат мои родныи на стену града взыде по лестнице, и другии воины храбрые с ним; а овые, секущесь и колющесь з бусурманы, в окна оные великие башни влезже, а из башни сметавшись во врата великие градные; бусурманы же абие тыл подаша, стены градные оставив, побегоша на великую гору, ко двору цареву, бо бе зело крепок, между полат и мечетеи каменных, оплотом великим обточен. Мы же за ними ко двору цареву, аще и удружденны во зброях, а многие храбрые мужие на телесах раны уже имуще, и зело нас мало осталось бьющихся с ними. А войско наше, яже было оттамо, вне града, яко увидели, иже мы уже во граде, а Татаровя с стен побегоша, все во град ринулося: и лежащая, глаголемыя раненые, воскочиша и творящия сна мертвыя воскресоша. И со всех стран не токмо те, но и с станов, и кашавары, и яже были у конех уставлены, и друзии, яже с куплею приехаша, все збегошася во град, не ратного ради дела, но на корысть многую; бо то место воистинну полно было дражайших корыстеи, златом, и сребром, и камением драгоценным, и собольми кипело и другими великими богатствами. Татаровя же запрошася с нашу страну на цареве дворе, а дольную часть места покинули, елико их могло утещи; а другую сторону, яже с Арского поля, откуда подкоп взорвало, царь Казанский з двором своим уступя, аки в половину места, застановился на Тезицком рве, по нашему на купецком, бьющесь крепче со христианы; бо того места две части, аки на равнине, на горе стоят; а третья часть зело удольна, аки в пропасти; а поперег, аки в половицу места, от стены Булака аж до дольные части места, ров не малы. А место оно не мало, мало что от Виленского мнейше.

И бысть сее предреченныи битвы аки на 4 години и вяцей, памятамись, ото всех

стран добывания на стены и во граде сечно. И як видевше бусурманы, иже христианского воиска мало остается, – мало не все на корысти падоша: мнози, яко глаголют, по 2 крат и по 3 в станы отхождаху с корыстями и паки возвращахуся, храбрии же воины безпрестани быюшесь, – видевше же сие бусурманы, иже утрудисях уже воины храбрые, и начаша крепце налегати, ополчаюшесь на них. Корыстовники же оныя предреченные, егда увидели, что наши по нужде уступают по малу, бранящесь бусурманом, в такое абие бегство вдашася, яко и во врата многие не попали; но множайшие и с корыстями Через стену металисы, а иные и корысти повергоша, только вопиюще: секу! секут! Но, за благодатию Божиею, храбрым сердцем не сокрушили; бо и с нашу сторону зело было тяжко от належания бусурманов: в то время, отненележе во град внидоша и изыдоша, в моем полку 98 храбрых мужей убито, кроме раненых; но обаче, благодати ради Божии, устояхом на нашей стороне сопровтив их неподвижны. Со оныя же предреченныя страны мало что поступиша, яко рекохом, великого ради множества належания их. И даша о себе ведати цареви нашему и всем советником, окрест его в тот час бывшим, яко и самому ему зрящу бегство из града оных предреченных бегунов: и зело ему не токмо лице изменяшесь, но и сердце сокрушися, уповая, иже все воиско уже христианское бусурманы из града изгнаша. Видевше же сицевое, мудрые и искусные сигклитове его повелеша херугов великую христианскую близу врад градцких, нареченных Царских, подвинуть, и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругови поставиша – понеже были нецыи, между сниглицы оными, мужие веку еще отцов наших, состаревшиеся в добродетелях и во всяких искуствах ратных. – Полку же царскому великому, в котором было вяще, нежели 20 000 воинов избранных, абие повелело соити с коней, аки половине; тамо же не токмо детям своим и сродным повелеша, но и сами их половина, спешдши с коней, потокоша во град, на помощь утружденным оным воином.

Егда же приидоша во град внезапно так много воинства свежего, в пресветлые зброи оболченного, абие царь Казанский со всем воинством начаша уступовати назад, обаче броняшесь крепце; наши же по них неотступно крепцеи находяще, секущесь с ними. Егда уже погнаша их аж до мечети, яже близу царева двора стоят, абие изыдоша во сретение наших абазы их, сеиты, молвы, пред великим бискупом их, а по их с великим анарыи, або амирим, имянем Кулшериф-молвою, и сразишась с нашими так крепце, аж до единого избиша их. Царь же со всеми остатными затворился во дворе своем, нача бранитися крепце, аки еще на полторы години быюшесь. Егда же виде, яко не возможе уже помощи себе, тогда на едину сторону отобраща жен и дети своих, в прекрасных и в преиспешренных одеждах, около 10 000, и сташа на единой стране великого предреченного двора царева, уповающе, иж прельстятся воиско христианское на красоту их и живити их будут. Сами же Татаровя со царем их отобращесь во един угол и умыслиша не датися живым в руки, точию бы царя живаго соблюсти; и поидоша от царева двора на дальнюю сторону места к низаишим вратам, идеже аз сопровтив их у царева двора стоях, и не осталось уже было со мною 150 воинов, а их еще было о 10 000; обаче, тесноты ради улицы, бронились есмь им,

отходяще и опирающесея, крепце. Наше же войско великое з горы оные да потиснуша их зело, паче же задний конец Татарского полку, секуще и бьюще; тогда едва с великою нуждою, за Божиею помощию, изыдохом из врат градских. Наши же с великие горы крепце належаще, тиснуша их, нам же об ону страну стоящим, во вратех биющесея, не пушающе их из града; уже бо нам на помощь 2 полка христианские приспеша. Им же так тиснушася неволею, великого ради належаения з горы, иже с вежею высокою равно, яже надо враты быше, полно трупия их лежаше; средним же и задним людем аж по людем своим идуще на град и на вежу. Егда же возведоша царя своего на вежу, тогда начаша вопияти, просяще малого времени на розмову⁷⁵⁶; мы же, мало утишився, послушавше прошения их. Они же абие сице реша, глаголюще: «Поки, речи, а юрт стояше и место главное, идеже престол царев был, потыя ж до смерти броняху же за царя а отечество; а ныне царя вам отдаем здрава: ведете его ко царю своему. А отостаток нас исходим на широкое поле испити с вами последнюю чашу». И отдаша нам царя своего⁷⁵⁷ со единым корачом, што наибольшим их, и со двема имилдеши⁷⁵⁸. Царю их было имя бусурманское Идигер, а князю оному Зениеш. И отдав нам царя здрава, по нас абие стрелами, а мы по их. И не поидоша на нас во врата, но абие поидоша с стены просто Через Казань реку, и хотяше пробитися, прямо против моего стану, на шанцы теми дирами, идеже 6 дел великих стояло.

И абие по них ударено иза всех тех дел. Они же воздвигошася оттуду и поидоша налево вниз, водле Казань реку, берегом, аки 3 перестрелы лучных, и по конец шанец наших; тамо сташа и начаша лехчитися и метати у себя зброи и розувати себя, ко бредению реки, еще бо бе их остал полк, аки 6 000, або мало мнееше. Мы же видевши сие, мало нас нечто добыша себе коней от своих станов за реку, и так, седши на свои кони, устремимася скоро сопровтив их и заступиша им путь, имже хотяху поити. И обретоша еще их не пришедших через реку, и собрашася нас сопровтив их мало что больши 200 коней, бо зело скоро сия случишася, понеже что остало войска сколько, об ону сторону места, при царе было, паче же мало не все во граде уже. Абие жь они, предбредши реку (бо мелка была в том месцу, по их сщастью), зжидатися начаша на самом брегу, ополчающесея, готови суще ко сражению, с различными броньми, паче же мало не все со стрелами, и уже на тетивах луков стрелы имуще. И абие начаша мало от берегу подвигатися, учиня чело не малое, а за ними всем идущим, вкупе, зело густо и долго, аки 2 стреления не малые лучных, по примете. Христианского ж войска множество бесчисленное на стене града, токо же с палат царским зрящим, а помощи нам, стреминны для великия и зело прикрые горы, никако же возмогоша подати.

⁷⁵⁶ На переговоры.

⁷⁵⁷ По всей видимости, казанцы желали сохранить жизнь хана, надеясь, что государственность казанских татар все же будет сохранена (вспомним завоевание Казани в 1487 г. и установление здесь русского протектората). Хан Идигер был увезен в Москву и крещен там Симеоном.

⁷⁵⁸ На полях рукописей написано: «мамичи яже бивают питаеми едином сосцом с царским отrotchатем».

Мы же, отпустя их мало что от броду, бо еще самому концу остатному из реки не явившуся, тогда удариша на них, хотяще их прервати и устроеные полки их разсторгнути. Молюся, да не возмнит мя хто безумна, сам себя хваляща! Правду воистинну глаголю, и дарованна духа храбрости, от Бога данна ми, не таю; к тому и коня зело быстра и добра имех. И всех первые вразихся во весь полк он бусурманский, и памятоя то, иже, секущеся, 3 разы в них конь мой оперся; и в четвертыи раз зело ранен повалился в середине их со мною, и уже от великих ран не памятоя вще. Очхнувшеся уже потом, аки по мале године, видех, аки над мертвецом, плачущим и рыдающим, двема слугом моим надо мною стоящим, и другим двема воином царским. Аз же видех себя обнаженна лежаща, многими ранами учащенна, а живот цел, понеже на мне зброика была праотеческая, зело крепка; паче же благодать Христа моего так благоволила, иже ангелом своим заповедал сохрани ми недостойнаго во всех путех. Последи же, потом уже, уведах, иже те все благородные, ихже уже собралося было аки со 300, яже обещались и устремились были со мною вкупе и на них ударити, да погладили возле полка их, не сразився с ними, – подобно для того, иже предних их некоторых зело поранили, близу себя припустя их, или негли убояшеся толщи ради полку, – возвратився паки, ззади оного бусурманского полку сеци начаша, наезжаючи и топчючи их. Чело же их иде невозбранно, Через широкии луг, к великому блату, идеже конем не возможно; а тамо уже, за блатом, великий лес.

Потом, глаголют, приспел он, мои брат предреченныи, иже первые на стену градскую взыде: аки бы среди оного лугу еще застал их, и в самое чело их зело быстро, всеми уздами распустя коня, вразився в них, так мужественно, так храбро, иже вере неподобно, яко всем свидетельствовати: аки 2 крот проехал посреди их, секуще их и обращающе конем посреде их. Егда же в 3 раз вразился в них, поможе ему некоторым благородным воин, помогающе ему, вкупе бьюще бусурманов, всем же со града зрящим и дивящимся; которые же не ведяще о цареve отданию, мняще царя Казанского между их ездяща. И так его уранили, иже по 5 стрел в ногах ему было, кроме иных вран; но живот сохранен был Божиюю благодатию, понеже збую на себе зело крепку имел. И таково был мужественнаго сердца, егда уже тот конь под ним ураниша так, иже с места не може двигнутися, другаго коня обрел, просто водяща у единаго дворянина царева брата, и испрося его, и забывши, паче же нерадящии так о прелютых своих ранах, угонив паки полк бусурманский, секуще их со другими воины, аж до самого блата. И воистинну имел таковаго брата храбра, и мужественна, и добронравна, и к тому зело разумна, иже во всем воиску христианском не обреташеся храбрииши и лутши, паче его; аще бы обрелся хто, Господи Боже, да таков же бы был! Паче же мне зело был превозлюблен, и воистинну мел бы за него душу свою положить и животом своим здравие его откупити, понеже умре потом, на другое лето, подобно от тех лютых ран.

Сие конец краткого писания о Казанского великого града бусурманского взятию...».

ЛЬВОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ О БОРЬБЕ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В 1553 – 1555 гг.

Так называемая Львовская летопись до начала XX в. была известна только по изданию Н.А.Львова, выпущенному в свет в 1792 г. в Санкт-Петербурге в 5 частях под заглавием: «Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины Царя Иоанна Васильевича. Издал Н.А.». Рукопись Спасо-Евфимиева монастыря, по которой было организовано это издание, была впоследствии утрачена, и до 1903 г. не было известно даже ни одного списка, родственного ей. В 1903 г. А.Е.Пресняков разыскал в Императорской Публичной Библиотеке рукопись, принадлежащую некогда Карлу Эттеру и содержащую летописный свод, тождественный с Львовским. Текст «Эттеровой» рукописи (написан полууставом XVI в.) был столь близок к изданному Н.А.Львовым, что возникло предположение, не есть ли он тот самый, с которого выполнено печатное издание. Однако более тщательное сравнительное изучение этих 2-х текстов заставило ученых признать, что «Эттерова» рукопись – либо копия со Спасо-Евфимиевской, либо обе они восходят к одному общему оригиналу. С другой стороны, выяснилось, что Н.А.Львов допустил в своем издании довольно значительное число отступлений от оригинала, то подменяя язык, то исключая некоторые известия, то заменяя текст рукописи заимствованиями из других источников. Принимая во внимание как это обстоятельство, так и то, что издание Н.А.Львова является библиографической редкостью, Императорская Археографическая Комиссия постановила издать «Эттерову» рукопись в Полном собрании русских летописей (см.: ПСРА.– Т.ХХ. Первая половина: Львовская летопись: Часть первая.– СПб.: Типография М.А.Александрова, 1910; ПСРА.– Т.ХХ. Вторая половина: Львовская летопись: Часть вторая.– СПб.: Типография М.А.Александрова, 1914). Издания 1910 и 1914 гг. были осуществлены под редакцией сотрудника Императорской Археографической Комиссии С.А.Адрианова.

Здесь источник цитируется по изданию⁷⁵⁹: Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.) /Под ред. С.Х.Алишева/АН Татарстана, ИЯЛИ.– Казань, 1993.

«...Тое же зимы (1553 г.) марта 10 день, прислали ис Казани князь Александр Борисович Горбатый, что казанские люди луговые⁷⁶⁰ изменили, ясаков не дали и ясатчиков, которые ясаки на Луговой збирали, Мисюря Лихорева да Ивана Скуратова побили, и прошли на Арское и содиначились вси с одного и стали на высокой горе у засеки; и воеводы посылали на них Ваську Елизарова, а с ним казаков, да Ивана Ершова; и пришли на засеку, и по грехом порознились розными

⁷⁵⁹ См. также: ПСРА.– Т.ХХ.– Ч.2.– С.540–557; История Татарии в документах и материалах.– М., 1937.

⁷⁶⁰ Казанское ханство на западе условно делилось на Горную и Луговую стороны. Луговая сторона – северо-западная часть государства; Горная сторона – юго-западная часть государства.

дорогами стрельцы и казаки, и пришли на них арские и луговые люди да их побили на голову и убили пол 400 стрельцов, да пол 500 казаков. И после того арских людей и побережными и луговые город себе поставили на Меше, а от Казани от города 70 верст, и землю стену насыпали, хотяше тут отсидеться. Тое же зимы, того же месяца 20 день, писал из Свиязского города боярин князь Петр Иванович Шуйский, что приходили на горнюю сторону арские люди и луговые, Зензеит да Сарый богатырь, и князь Петр отпущал на них воеводу Бориса Ивановича Салтыкова да с ним детей боярских да горных людей всех; и Борис на них пришел, а в то время снега были велики, и арские люди и луговые пришли с сторон на ртах да за грех Бориса побили и самого Бориса жива взяли, да 36 сынов боярских убили, да боярских 50 человек, да 170 человек горных людей убили, а живых взяли 200 человек...

Тоя же весны⁷⁶¹ на Вятку послал государь Данила Федорова сына Адашева, а с ним детей боярских, да велел ему с Вятки с вятчаны и с теми детьми боярскими прийти в Каму и стояти по Каме и по Вятке реке и искати над ызменники; а сверху на Волгу государь казаков послал х Данилу, а велел приходити во многие места, еще и бысть над изменники. И Данило с вятчаны стоял по Каме, и по Вятке, и по Волге и побывал на перевозе во многих местах казанских и нагайских людей, а живых в Казань к воеводам прислал во все лето 240 человек.

Того же лета⁷⁶² февраля, в чистой понедельник, приехал к царю государю от воевод от князя Семена Ивановича Микулинского с товарищи Назарей Семенов сын Глебова и говорил от воевод, что послал их царь государь на свое дело на арских людей, и пошли ис Казани, а с ним по государеву наказу пошли воеводы из Свиязского города, в большом полку со князем Семеном воевода Юрья Иванович Кашин, в передовом полку Феодор Иванович Умною Колычев, с теми людьми, которые годовали там, да в сторожевом полку Дмитрий Михайлович Плещеев. И они, призывая бога в помощь, пошли ис Казани Арскою дорогою на высокую гору к засеке, а направо побережных людей по Чювашской дороге и по Нагайской и по Каме и по Меше послали воевати головы, а налево и вперед по тому же послали, и во многие места послали головы воевати и сами идучи на Арской и к Нурме, ина Уржум идучи, воевати и жгли во всех местах. И пришли воеводы на Уржум, от Казани 10 днищ ходу, а направо посылали и на Бережную сторону чювашского дорогою головы и многих людей, и налево многие посылки, и дал бог, многие места воевали. А встречу к ним приходили во многих местах казанские люди, и головы з детьми з боярскими их побивали везде, и побили на боех и в языки их поимали честных людей 6 человек, а в полон взяли робят и женок татарского полону 15 000. И город на Меше сожгли, и людей в нем немногих застав, побили, а иные из него выбежали; и окрестныя тут села все повыжгли и

761 1554 г.

762 1554 г.

людей повыбили, и город до основания разорили. А война их была от Казани и по Каму, а от Волги и за Ошит и за Уржум и на Илит и по Вятские волости, от Казани вверх по Каме пол 300 версту, а от Волги к Вятке поперег 200 верст; а ходили ис Казани 4 недели; а не была война вверх по Волге по Кокшагам и по Руткам. И пришли к воеводам Усеин сеит до Таокмыш шихзьяда да Сарый богатырь и за всю Арскую сторону и побережную побили челом, что им государю дань давати и от Казани неотступным быти и до своего живота, и на том правду дали; и многие люди у воевод били и правду давали, арские и бережные все без выбора.

(В сентябре 1554 г.) прислал к царю и великому князю боярин его и воевода князь Иван Феодорович Мстиславский с товарищи Дмитрия Григорьева сына Плещеева, сказати велели государю, что их государь послал на Луговую сторону на изменников на черемису⁷⁶³, и воеводы пришли в волость в Ошлу, а воеводу Ивана Петровича с товарищи отпустили по государеву наказу в Ветлугу и в Рутки; Иван ходил по многим волостем и воевал, и пришел к ним в Ошлу, дал бог, здорово; и сказал Иван: приходили пешая черемиса на лесу на сторожевой полк на князя Василья Токмакова, и князь Василей, дал бог, их побил на голову; а от больших воевод была война в волостях в Шумурше да в Хозякове да в Ошли да в Мазарах в обоих да в 2 волостях в Оршах; в Малой да в Большой, да в Битше, да в Кушкули, в Сороке, Куншах да в Василюкове Беляке да Мамич Бердеевы волость да Килееву волость да Кикину волость да Кухтуял Кокшах, в Большой да в Малой, а волость Сызал да Дмаши да Момам да Кемерчи да Улыязы; и в тех во всех волостях от воевод война была, и многих людей поимали и побили, и были на Луговой стороне в войне 2 недели, да вышли на Волгу, да х Казани ходили, и назад шли Волгою же и пришли ко государю, дал бог, здорово. Марта 1 день писали царю и великому князю ис Казани боярин Михайло Глинский с товарищы, что луговые люди приходили на Арскую сторону войною, и арские люди, остроги поделав, от них отбились, а с ними в острогах были стрельцы царя и великого князя, ис пищалей побивали многих; а луговые воевали села татарские и пошли на Луговую. Того же месяца прислал из Свиязского города князь Михайло Воротынской с товарищы Федька Баскакова: посылал Федька в головах у горних людей на Луговую сторону воевати; а горних ходило 700 человек на ртах; и пришли безчестно повоевав; людей побили и в полон поимали и животину побили, и пришли, дал бог, здорово.

Месяца октября (1554 г.) прислали ко царю и государю ис Казани боярин и воевода князь Михайло Васильевич Глинской с товарищы Данила Феодорова сына Адашева; посылали что они на изменников на Кобеулону с товарищы князей казанских Еналия Чигасова да Еналия Моматова с товарищы да сотцкого стрелетцкого Офонку Бортенева с стрельцы да Иванка Мохнева в жильцы казанскими и с новокрещены, и божним милосердием, а царя и государя

⁷⁶³ Черемисами русские обычно называли марийцев, но нередко – чувашей и удмуртов.

повелением, побили изменников на голову и живых поимали привели к воеводам живых Кебенка князя, Курманалия князя и Улаа мурзу Данина, Чебака мурзу Базтаргаева и иных многих князей и мурз и казаков и сторных князей; и воеводы их велели всех побити; и арские люди и побережные переимали сами и многих татар, которые не прямили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приводили, да сами резали их и побивали перед воеводами; и побили их тою осенью 1560 именных людей, князя да мурзу да сотного князя да лутчего казака. И государь в Казань к воеводам послал с своим желованием з золотыми и тем татаром, которые прямо служат государю. И арские и побережные люди все укрепилися у государя, и ясаки все сполна поплатили. А луговые сотники Мамич Бердей с товарищы в город не пошли и воруют по старому на Волге, приходя на суды; и государь на них рать свою большую послал...».

Научно-популярное издание

ИЗ ГЛУБИНЫ СТОЛЕТИЙ

Редактор *Г.М.Хасанова*

Переплет художника *Д.Н.Залялетдинова*

Макет иллюстраций художника *Р.Г.Шамсутдинова*

Фотограф *В.Е.Смирнов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Н.Н.Муסיной*

Корректоры *Н.И.Максимова, А.Г.Хамитова*

Лицензия на издательскую деятельность # 04184 от 6 марта 2001 года.

С оригинал-макета подписано в печать 17.11.2004. Формат 70×90^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура «Mysl». Печать офсетная.

Усл.печ.л. 19,89 + вкл. 7,02. Усл.кр.отт. 57,92. Уч.изд. 21,53 + вкл. 6,83.

Тираж 5000 экз. Заказ Э-860.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

Татарстан китап нәшрияты. 420111. Казань, Бауман ур., 19.

<http://tatkniga.ru>
e-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО «Идел-пресс». 420066. Казань, ул. Декабристов, 2.